step by step, of course

Павел Улитин

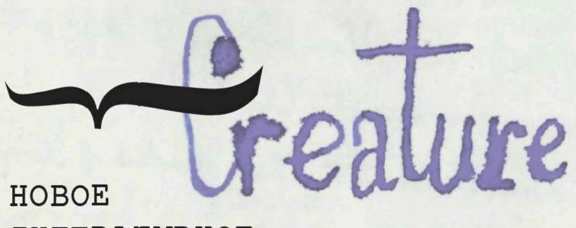
Невероятный
увеличивающийся
~~уменьшающийся~~

and it's compulsive friendship.Enough for me.Peter Niss is the author,John Updike's joke. »Maybe Ora Fiss should have a half-brother,P.Niss.« »From Titty City« (sitting pretty).Not very useful.But the man who comes back through the Door in the Wall will never be quite the same as the man who went out.

Четыре кварка

и другие тексты

The Incredible Shrinking Man

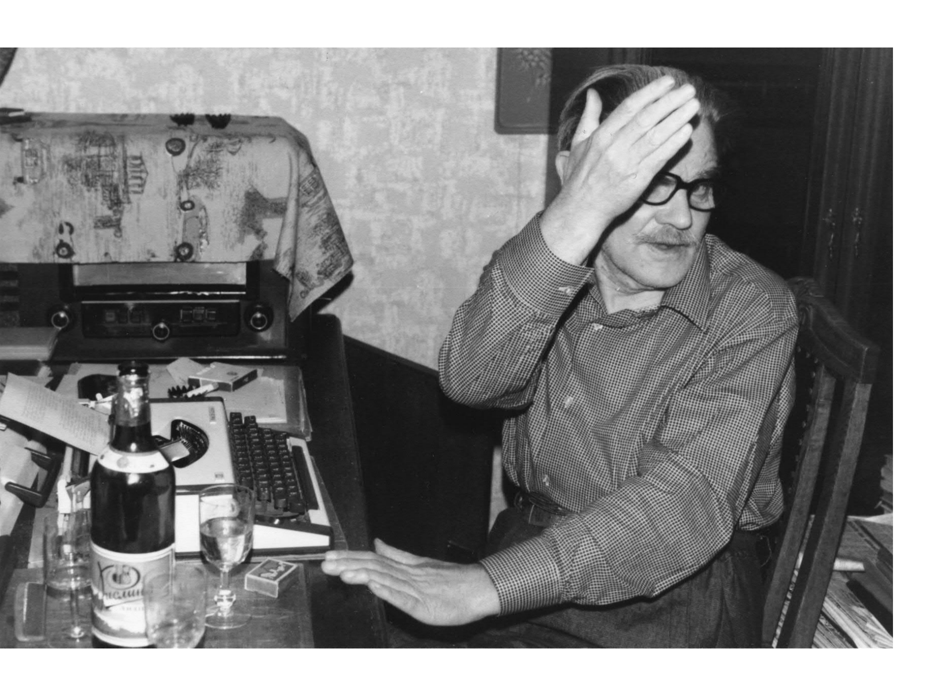
— What is it made of?
— It is made of caииииm.
« Some shit? »
Dreadful! Shocking! Terrible!

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Павел Улитин

ЧЕТЫРЕ КВАРКА
и другие тексты

Павел Улитин

Павел Улитин

Четыре кварка

и другие тексты

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
У48

Улитин, П.

У48 «Четыре кварка» и другие тексты / Павел Улитин; предисл., сост. М. Айзенберга. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 664 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0779-8

В новой книге Павла Улитина (1918–1986), при жизни почти не печатавшегося, собраны произведения, написанные в 1960–1970-е годы, а также ряд статей о творчестве писателя и воспоминания о нем. Неизвестно, когда Улитин начал писать «свою», особенную прозу, но, по крайней мере, начиная с 1950-х годов его работа не имеет отечественных аналогов. Книга продолжает традицию аутентичного издания, сохраняя в печатном виде графические свойства рукописи. Эти свойства очень существенны: тексты Улитина — реализованная возможность даже не «другой прозы», а другого письма, в частности и способа записи. Свою писательскую технику Улитин называл «стилистика скрытого сюжета». Движение этого сюжета определяет смену картин и цитат, перекрестный гул звучащих в памяти голосов или иронический авторский комментарий.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Произведения Павла Павловича Улитина (1918–1986) свидетельствуют о том, что экспериментальный поиск не оставлял русскую литературу даже в темные десятилетия ее истории. Начиная с 1950-х (а возможно, и 1940-х) годов Улитин последовательно выстраивал собственную, не имеющую различимых отечественных аналогов, форму прозаического высказывания. «Я хочу найти слова, которые не имеют прибавочной стоимости», — писал Улитин, а свою писательскую технику называл «стилистика скрытого сюжета». Движение этого сюжета и определяет смену картин и цитат, перекрестный гул звучащих в памяти голосов или иронический авторский комментарий.

Проза Улитина — это во многом «чужая речь»: мозаика чьих-то слов, перемешанных и выстроенных заново по другим законам. Ее можно читать в том числе и как стенограмму общего разговора, в котором участвуют товарищи по учебе в ИФЛИ (Институт философии, литературы, истории) и случайные собеседники в московском кафе, соседи по бутырской камере и герои западной литературы. На страницах этих книг нет персонажей, но есть множество действующих лиц. Каждый произносит свою речь или свою реплику на тех же основаниях, что и сам автор. *«Я с вами. Я с вами. Я с вами. Вы, которых никто не помнит, я с вами»*.

Но и вся мировая литература была для Улитина — с его знанием трех иностранных языков — чем-то вроде собственного архива. Недаром в его текстах, особенно поздних, так много попыток припомнить, где находится источник какого-то эпизода, фразы, литературного впечатления и с чем это связано в его жизни. Цитаты там

являются какими-то мемами — цикадами нового языка. Они введены в личную речь и в полную силу звучат, вероятно, только для автора, но после чтения его вещей их звучание становится слышнее и читателю.

В плане литературной стратегии случай Улитина, пожалуй, промежуточный, точнее, двойной: принадлежа двум эпохам, он был близок и двум литературным стратегиям: писателя-затворника и писателя-самиздатчика. Эта двойственность как бы встроена в сами тексты. Самиздат Улитина — не вспомогательное техническое усилие ради приближения своей прозы к читателю, но имеющая особый художественный смысл *работа-в-процессе*: движение текста неотделимо здесь от сотворения именно *этой* (в таком именно виде возникающей) книги.

Мы не знаем, когда Улитин начал писать «свою», особенную прозу. Ранние его вещи не сохранились, и говорить о них можно только предположительно. Мы рассматриваем произведения Улитина как литературный факт 1960-х годов по одной простой причине: в 1962 году в его квартире был произведен обыск, во время которого было изъято все им написанное, включая черновики и записные книжки. В протоколе обыска 25 пунктов — по числу изъятых рукописей, черновиков, записных книжек. Но был еще обыск 1952 года (именно 1952-го, хотя арестован — повторно — Улитин был немного раньше, в декабре 1951-го), и в его протоколе тоже значатся черновики двух романов и рукопись третьего — «Возвышенная организация». Но мы ничего не знаем о том, что было изъято в 1938 году, когда студент второго курса ИФЛИ Павел Улитин был арестован за создание подпольной оппозиционной партии и помещен в Бутырскую тюрьму.

Так случилось, что из вещей, написанных до 1962 года, нам известны только несколько текстов, в том числе

«Детективная история» и «Хабаровский резидент» (дайджест), оба 1961 года. С ними можно познакомиться на сайте Улитина — http://rvb.ru/ulitin/index.html.

Имя Улитина при жизни автора не было широко известно, и эпизодическая публикация его произведений в зарубежной периодике не меняла общей картины. Улитину всего дважды удалось увидеть свой текст напечатанным: в 1976 году в журнале «Время и мы» № 8 и в 1980 году в парижском журнале «Синтаксис» № 8. Первая российская публикация состоялась только в 1991 году в журнале «Московский наблюдатель»: дайджест по книге Улитина «Татарский бог и симфулятор» и статья об авторе. За ней последовали публикации в журнале «Вестник новой литературы» (1993, № 5), «Знамя» (1996, № 11) и т. д. В период с 2002 по 2006 год были опубликованы три книги Улитина: «Разговор о рыбе», «Макаров чешет затылок» и «Путешествие без Надежды».

Эта книга — четвертая. Она продолжает традицию аутентичного издания произведений Улитина, сохраняя в печатном виде графические свойства рукописи. Эти свойства очень существенны: тексты Улитина — реализованная возможность даже не «другой прозы», а другого *письма*, в том числе и способа записи. Единица измерения его рукописей — страница. Вид рукописи очень важен: расположение текста на странице, монтаж подзаголовков, вклейки, рукописные вставки и комментарии на полях.

Как всякий литератор, Улитин был одержим мечтой о КНИГЕ. Но совместно и параллельно с поисками своей поэтики происходит инновационное изменение в его отношении к самому понятию «книга». Если книгу нельзя издать, то ее можно изготовить.

Уже в 1950-х годах Улитин стал делать многослойные книги-объекты, меняющие привычное представление

о самом процессе чтения. Их следовало *одновременно* читать как книгу и рассматривать как графику. Отчасти это род визуального искусства. В переплет попадали материалы самого разного рода: черновые подборки наряду с машинописью, каллиграфическим письмом, вырезками, рисунками и пр. Есть вставки и целые страницы, написанные разными чернилами — и разными почерками. Улитин мастерски копировал чужой почерк, например почерк Достоевского. Возможно, там есть и имитации автографов других знаменитостей, но нужна графологическая экспертиза.

Пожалуй, здесь сыграло роль обстоятельство чисто биографическое: во время пребывания в ЛТПБ (Ленинградская тюремно-психиатрическая больница) Улитина использовали для работы в переплетной мастерской, где он хорошо обучился этому делу и почувствовал к нему вкус.

Конечно, Улитина надо издавать в виде, наиболее приближенном к оригиналу, еще и потому, что у самих этих оригиналов есть какое-то побочное — помимо собственно текста — суггестивное воздействие. Но по техническим причинам публикация таких «книг-объектов» особенно проблематична.

По сути, любая книга ПУ — это «книга-объект», но для печатных изданий — для этого в частности — мы выбирали те тексты, публикация которых соотносима с техническими возможностями современного издательства.

Теперь о составе книги.

Улитин вел замкнутый образ жизни, писал регулярно и очень много. Архив писателя чрезвычайно объемен (а ведь это, повторяю, сравнительно поздние вещи) и до сих пор опубликован даже не частично, а фрагментарно. Выбор представительных вещей для нового издания

представлялся крайне сложным: ведь только законченных текстов-книг в архиве писателя несколько десятков.

С одного из таких текстов «Четыре кварка» (1969) начинается и данная книга. Его (вместе с двумя другими) Улитин передал в 1975 году уезжающему в эмиграцию писателю Зиновию Зинику в расчете на возможную публикацию. Так что это, по сути, выбор самого автора. Безусловно свидетельствует о важности для Улитина этой вещи и то, что ее название часто повторяется в других его текстах.

Потом следует несколько мелких вещей 1962 года, начиная с текста-дайджеста «Письмо хабаровскому резиденту» (существует и более ранний текст с тем же названием). «Удар» и прямо продолжающий его «Печать № 5» представляют собой довольно редкий случай в практике Улитина: текст там не разбит постранично, а переходит иногда со страницы на страницу. Его начало помечено 13 февраля 1962 года, то есть со времени обыска (7 февраля 1962 года) прошло меньше недели. Этому событию посвящен и следующий текст «Печать № 5», в котором встречаются цитаты из более ранней книги «Детективная история» (1961).

Надо сделать еще одно существенное примечание: первые-вторые экземпляры Улитин обычно раздавал предполагаемым читателям, а в своем архиве оставлял последние экземпляры закладки. Их оцифровка представляет большие трудности*. Где сейчас находятся первые экземпляры, нам не известно (за исключением тех примерно десяти книг, которые Улитин передал Зинику или мне еще при жизни и не забрал назад).

Рукописные вставки в машинописи обозначены курсивом. Это особенно важно в тексте «Человек-невидимка»,

---

* Воспользуемся возможностью выразить благодарность Екатерине Медведевой, которая занималась этой кропотливейшей работой.

где машинопись чередуется со страницами от руки и разным почерком.

Есть еще две проблемы, представляющие определенную трудность при публикации текстов Улитина. Первая — это нестандартная (или устаревшая) авторская орфография: «чорт» через О, «мятель», «сэкс» или слитное написание «нетуда», «невсегда», «нехватает», «находу» и пр. Такие вещи повторяются без исключений, что можно считать приемом, и мы их не исправляли.

Вторая трудность: паратекст (названия, оглавления, пагинация и пр.) вторгается в собственно текст. Возникает при этом и проблема внутренней пагинации. Мы ее частично сохраняем в надежде, что она не будет сбивать с толку сообразительного читателя.

В отдельный раздел помещены комментарии, указатели и тексты разных авторов — из тех, что уже писали об Улитине и хорошо знакомы с его творчеством. Голоса читателей звучат не в унисон. Но, может быть, как раз это и интересно.

Михаил Айзенберг

четыре кварка

4 Quarks for Mr Mark

293 стр. 14.12.69

Подборка 19.12.69

1969

ЧЕТЫРЕ КВАРКА ДЛЯ ДОКТОРА МАРКА

293 стр. Подборка 19.12.69

заплатишь ты судьбе	12 стр
музыкальная жизнь на футбольном поле	9 стр
макабрический рисунок еще раз	29
старые цитаты в новом контексте	18 стр
продолжение старого разговора	25
комары кусали	20
пропорции этрусской вазы	15
четырехэтажная тавтология	58
знак против дурного глаза	30
снимается святая Русь	15
старая развалина тоже туда же	20
какая звезда, такая и езда	7
она не арестована	16
для чего существуют дельфины	10

\- - - - - - - - - - - - - - -

293 стр

/Английское название опускается/

2

Последняя страница

I didn't quite follow along the appointed line of the data 12.12.69

See the Russian text written at the
cinema. Otto Fischer in two series
comedy The Agent Willy-Nilly.

заплатишь
ты судьбе. 13.12.69

The same peron PERSON   S I T T I N G

P R E T T Y

13.12.69

All that is called *„заплатишь ты судьбе“*

«детей имеет он повсюду»

My God, I swear,

and only in the name of The God-Allmighty éé-

The Home Security I pretend that nothing

happened and everything is going as ALWAYS.

3

AFTER MANY A SUMMER

p.146 "I thought we might go on with our French lesson," he said.

p.182 And then the astonishing nonsense talked by those who undertake to elucidate and explain this hodge-podge of prettily patterned facts and fancies.

p.206 "He says that Milton's writings prove that religion depends for its existence upon the picturesque use of intemperate language."

"He may be right," said Dr Obispo irritably. "But what I want to know is what happened to that housekeeper."

"She's evidently alive", said Jeremy. "Because here's a little note in which he complaints about the tediousness of too much female devotion."

"Tedious!" Dr Obispo repeated. "That's putting it mildly. I've known women who were like fly-paper".

p.217 And the Eroica is composed – but for a hero who turns out to be another bandit.

p.245 Then he saw that what he had taken for just another section of the block-filled shelves was in fact a mere false front of wood and leather simulating 33
volumes of the Collected Sermons of Archbishop Stillingfleet and (he recognized the Fifth Earl's touch) the Complete Works, in 77 volumes, of Donatien Alphonse Francois, Marquis de Sade.

4

AFTER MANY A SUMMER

p.113

How any young girl could stand it, even for money, he really couldn't imagine. And yet the fact remained that there were thousands of them who not only stood it, but actually enjoyed it. Or, perhaps, "enjoy" was the wrong word. Because in most cases there probably wasn't any question of enjoyment in the proper, physiological sense of the word. It all happened in the mind, not in the body. They loved their old gut-sacks with their heads; loved them because they admired them, because they were impressed by the gut-sack's position in the world, or his knowledge, or his celebrity. What they slept with wasn't the man; it was a reputation, it was the embodiment of a function.

p.114 The cheque-book was made more attractive by being in the hands of a demi-god who had to have a nanny to change his diapers.

p.121 "You'd like socialism, Pete," Mr Propter continued. "But socialism seems to be fatally committed to centralization and standardized urban mass production all round. Besides, I see too many occasions for bullying there – too many opportunity for sluggish people to display their bossiness, for sluggish people to sit back and be slaves."

5

AFTER MANY A SUMMER

p.109

"What are you trying to get at?"

"Merely at the facts. You believe in democracy; but you're at the head of businesses which have to e run dictatorially. And your subordinates have to accept your dictatorship because they're dependent on you for their living. In Russia they're depend on government officials for their living. Perhaps you think that's an improvement," he added, turning to Pete.

Pete nodded. "I'm all for the public ownership of the means of production," he said. It was the first time he had openly confessed his faith in the presence of his employer; he felt happy at having dared to be a Daniel.

"'Public ownership of the means of production'", Mr Propter repeated. "But unfortunately goverments have a way of regarding the individual producers as being parts of the means. Frankly, I'd rather have Jo Stoyte as my boss than Jo Stalin. This Jo", (he laid his hand on Mr Stoyte's shoulder), "this Jo can't have you executed; he can't send you to the Artic; he can't prevent you from getting a job under another boss. Whereas the other Jo..." he shook his head. "Not that," he added, "I'm exactly longing to have even this Jo as my boss."

FOUR QUARKS FOR MR MARX 432

The most remarkable compensation is the order in Nina Hibbin's films since the summer of 1957. I suppose at least 1416 items. As a psycotic idea number 2 I wrote the open letter to Morning Star in London last night, the first being The Human Torch In Moscow down the Krymsky Most to the Moskva River.

Four quirks for the king of Quirks. See the book "ANTI-ASSARKAN" by Youl Ighten (1957), arrested by KGB on February 8 in 1962. See the special text in Russian in photo-copy.

The agent willy-nilly who I met in the street and the French girl I loved were never met by the KGB in the Ukraina Hotel but I was told to hold my tongue. Not my business, certainly.

The book from the Iron Curtain selling like hot cakes in England and America was preparing a hot destiny and hard fate for the author very far from Moscow. The exact amount was never known.

431

f o u r q u a r k s f o r M r M a r x

You can’t sell the inspiration but you can sell the manuscript. Inspiration cannot be sold, but manuscripts can. The price? The equivalent of 2 years of labour and of 10 years of prison in a Siberian camp. What is yours?

The Spy I loved was met at the Ukraine hotel by the person whose name and address and telephone number I was "subscribed by KGB not to reveal". His real name in Italy I never knew, in Moscow he was known as "B.Volodja". But not "Vova" and "Volodjka" and not "Vovka" and not "Vladim Vladimych" but sometimes reffered as "Volodimir", which in Russian means "Possess the Word". So is the Earth and everything in it will be yours, my sun. By Captain Redyard Kipling of Britain, of British Empire fame.

f o u r q u a r k s f o r M r M a r x

430

Был странный ритуал. Не так все это происходило. От звуков сдохнуть. Такое отношение к звукам. Если это не преодолеть. Так можно до бесконечности. Чем вызывалось, теперь уже не интересно. Важно, что вызывалось. Я вздрагиваю от любого шороха. Отваливается крышка. Чайник не нагревается. Чая не будет. Что происходит с лентой, тоже непонятно.

But your favourite jibe at me is that what I call great prose is nothing but strip-tease and provocation. And joke first of all designed to annoy.

Ингибиторы были мощные. Реакция замедлялась. Секрет пародии утрачивался. Уже никто не помнил, на кого была написана пародия. Дальше было хуже. Я ушел спокойней и смелей. Вдруг без капли чувства юмора, вдруг вполне серьезно и даже печально. Разве можно так?

По дороге в библиотеку было так много отвлечений, что забылась дорога в библиотеку. Когда наступает конец этой пародии, я не знаю, надо говорить или не надо. Такая высохшая лента немного лучше в перевернутом виде. Дивная власть не повторилась. Что там случилось?

В какой-то момент — почему я выбросил самое важное из того, что написано? В какой-то момент чужая трилогия нужна для возвращения. Жми дальше. Нажимай больше. Представь себе то, что ты не можешь себе представить.

Было какое-то сочинение вроде "Белого солнца". Тогда я в первую очередь должен найти "Белое солнце".

В Ы П И В А Ю Щ А Я Р О С С И Я

Я не запомнил ничего, кроме двух слов в конце - ВЫПИВАЮЩАЯ РОССИЯ. Тогда мне это даже не понравилось.

s i t t i n g   p r e t t y   14

25.12.64
а.н.а.
через Г — 34

В Воскресном обозрении в 4-й колонке напечатано ПРО ШПИОНОВ, следует читать ИГОРЯ КОБЗЕВА.
В 1-й колонке напечатано А МЫ УЖЕ ЗНАЕТЕ ЧТО ЧИТАЛИ?, следует читать А МЫ УЖЕ ЧИТАЛИ "ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ". Следующий абзац: ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ? НЕ СПРАШИВАЙ, ОН ЗВОНИТ ПО ТЕБЕ. А уж следующий абзац — ПОСМОТРЕЛ СОЛДАТ ВОКРУГ..., при том без кавычек. Заглавие напеч. ПЕТЯ, НЕ БРОСАЙ МАШУ следует читать ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ. Предполагалось, что со следующего воскресенья это станет названием рубрики. Но в субботу 12-го цензор снял весь текст в 11 часов вечера, из-за этого Колокола, и поэтому 13-го дебют не состоялся, а к 20-му пришлось колокол убрать.

Первая попытка внедрения улитинской школы в сознание московских комсомольцев провалилась.
Пояснение ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ИЛЬФА было поставлено непременным условием сохранения цитаты.   23.12.64

Портрет воскресного обозревателя и вводная рамочка редакции МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛЬЦА:
"Мы представляем читателям АЛЕКСАНДРА АСАРКАНА, нашего постоянного воскресного обозревателя по вопросам литературы и искусства".

См. ВОСКРЕСЕНЬЕ В ДЕКАБРЕ

The book SITTING PRETTY being the fourth and the last volume of the "Anti-Asarkan" (1957) by Youll Ighten when somebody else wrote under the pen-name of Ustin Malapagin in 1947.
The other Ustin Malapagin in 1969 is the mysterous Jew from the Moscow Magazine of Krokodyl. Don’t mix them up.

Pompous ass, couldn’t he see that we have only one duty — to hang on and smash the swine. See the 4 pages "Weapon? Gold? Manuscripts?" 8.2.62. So went the Three Comarades.

11

Японский Бог

("Arms? Gold? Manuscripts?" (8.2.62))

F O U R Q U A R K S F O R M R M A R X

429

The sameness of opposites.

She argued against his disinclination.

"But you used to like Asarkan." "But I heard him, dearest."   "Heard him! What a queer thing to say and about Assarcan, too."

"I mean, after I heard him once. Why should I want to hear him again? A little better or not so good."

Juxtapositions once more.

What a misfortune to have intellect with empty balls. Talking of hipnotic effect of the old and forgotten pages continued. When we had a chance of visiting the heart-breaking house once more. It was in the bleak December of the winter of 1969, ah distinctly I remember. "Hip-not-what?"

12

f o u r   q u a r k s   f o r   M r   M a r x

434

Он сначала пишет цитаты из своего рассказа, потом пытается написать роман, роман не выходит, за исключением того случая с книгой Апдайка в "Кентавре", о котором переводчики не смогли рассказать для читателей в Москве. Потом еще один опыт документальной драмы /всегда новая редакция/, и наконец результат — нечто неудобоваримое, так называемая книга, нечто склееное клейстером и сшитое белыми нитками под одной обложкой размером не меньше 48 страниц /или 24 СТР.?/: определение, которое дает книге библиотека Конгресса С.Ш. Внешний вид рукописи ужасен: это куча, груда разных бумажек, исписанных неразборчивым почерком, иногда просто каракули неизвестной системы стенографической записи, понятной для самого автора только в день написания. После этого он еще удивляется, когда его утверждение "Это уже написано" встречается недоверием и гримасой. Разве можно сказать про книгу: это же почти как "Роман у меня в голове готов, теперь только надо сесть и написать". И только очень опытный человек знает, что самое трудное — это создание первого самого неразборчивого черновика. Сократить всегда можно. Кому надо, тот сократит.

А я выдрал зуб. А мне можно молчать. А нельзя говорить 10 минут, а потом плюнуть. А нельзя есть 2 часа. А целый день нельзя ничего горячего. Странно. Я так давно собирался получить эту радость.

Я и слов-то таких не употребляю на своей машинке: "сталинские преступления", "этический знак эпохи". Впрочем, мне тоже пришлось отказаться от таких слов, как "комедия всенародного голосования", например.

f o u r   q u a r k s   f o r   M r   M a r x

433

15.12.69

In a certain sense it is stylistically justified and even necessary. It is better, of course, to say Down With Big Brother than I Fucked Her in the Arse and into the Mouth, this particular madame which call herself you know how. But in the long run, it is the matter of taste.

Not solid and not dignant enough. It is in reference to that person and to that people there appeared the current phrase of ours with the same sense as "we thought them big people and a serious proposition but they are beggars as ourselves". I don't need much money, but if I allowed it to be done gratis they will never esteem you. They will consider you a cheap business. The certain amount of money is necessary to them take you serious and talk turkey.

Ohme mich.

NOW YOU ARE TALKING TURKEY

16.12.69

I mean now you mean business and take it serious.

Of course, you could refuse doing it. Just say so and o-kay. Very bad, not in a comrade's way, not at all. The impudence of it! So he told me. So I told him.

The difference exactly. Those words I said at the beginning of my life. Those words he said at the end of his life. That reminds me. All begin with that. But not everybody end with it. You can say I am of all those Decembrists who returned from Siberia singing "God Save the Emperor". That's right from the fourth side.

14

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ

16

15.10.69

1

Значит это было что-то иное. Все слова, все подходы. Не дают слова сказать. Но ваша музыкальная жизнь нас приводит в восторг. Это он уже читал. Это тебе в другую сторону. Ты продолжай, у тебя хорошо получается. Количественная сторона придумывается. Создается иллюзия импровизации. Над экспромтом: только это не для распространения. Неправда, говорят, что он угас. Не заметил, чтобы это было вкусней. Я потом переверну страницы. Я не заметил, как это произошло. Но я получал удовольствие, видя, как другие получают удовольствие. Надо создать видимость. На языке рецензентов это называется как-то еще. Тут полностью свой язык, и никто тебя не понимает. И даже зубы есть у меня. Мы считаем, что у нас в запасе вечность. Теперь ушли заботы и тревоги. Чем-то еще. Высокопоставленное лицо сделало ответственное заявление.
Эти нескончаемые слова. Мы ценим рецензентов труд. А правда, что ты написал одну статью, не посмотрев спектакль? Давалась другая возможность. Нужно было пользоваться. Целиком выходит за рамки, целиком. Недостаточно эмоционально, чего-то не хватает в этом смысле. Я забыл старое правило веселого человека. Чем-то иначе.

А кто сказал, что это клубничный фильм? Они сидели у меня и ухмылялись, а я всегда думаю: у меня что-нибудь не в порядке с юбкой. Ничего смешного больше я у себя не нахожу. Но им же важно просто улыбаться, веселый народ. Я пулей вылетел с той улицы. Мне нужно было поймать другое. Когда он проговорится. Я не задавал такого вопроса. Не заходила речь на эту тему. Ты утешься, мы их запишем на магнитофон, и у нас то же самое будет дома. Он стал выше на 15 сантиметров. Я заметил его духовный рост.

15

2

Так оно и было, конечно. Забавно. Забавно. С таким же успехом я мог заниматься японским языком. Такой крупный шрифт, что трудно поверить, что это читать кто может. Я ищу намеков на тайный табель о рангах. Сидел и молчал и думал: такой толстяк в очках, я слышал его на секции. К какой породе принадлежит это насекомое? А он ничего не сказал. Важно было увидеть и услышать. Теперь я знаю, на какой бумаге пишется стихотворение. У дайджеста были другие ритмы, их можно заполнить интонациями, но читать важно основной текст. Твоя персональная пирога сейчас будет проходить пороги. Они перевернулись и погибли. Дело было в разлив и хотя оба спортсмены, но в половодье там вода на несколько километров. В общем, их не нашли.

Я перечеркнул черточкой в другую сторону. Суровая благодать. Жизнь кипит, лента крутится, но тоска по знакомым словам мешает слушать. Тогда было иначе. Тебе говорили: вот так танцуй. Выйди в коридор. Спокойный голос мешал заниматься привычным делом.

Был такой роман. Это хорошо, что они резвятся, не стесняясь. И в голову не приходило. Такой шаг. Легче примириться с потерей. От чего бы еще отказаться? А ему мало нужно. А ему ничего от Вас не нужно. Где была "какая-то большая правда"? Кутить, так кутить. Жутко. И всего-то две рюмки водки. Был такой звездочет: перепутал две фамилии. Я думал, речь о фотографии, а дело — в другом.

Что такое проблески? Что такое 4 года? Разговор шел о том же. Как будто прошло 4 дня. Я вас не понял: чего в ром нельзя класть? Раньше это называлось "смешай-господи", а теперь называется коктейль. Она любит цитировать стихи и охотно говорит. Вот с ней и надо заниматься.

Шутка дурного тона.

3

Забавно, что все это нетуда шло. Архивное открытие с карандашными пометками. В нашем доме свобода с четвертой стороны. Уважайте наши капризы. На этом уровне я не способен вести разговор. Мы компенсируем потом. Жуткие размышления, и слова на дне рождения. Затрепанная страница скромно сидела в углу. Затоптанная страница жалостно валялась на полу, и я ее поднял и положил в карман. Уход в ту сторону был незаметен. Продуктивный суффикс, по словам грамматиста. Еще бы. Каждый день какая-нибудь продукция: запретка, столовка, генералка. Плохой пример, конечно.

На улицу вышел мощный аналитический ум. А я не могу анализировать. Вот вам невеста, не надо ехать в область. Лучше 10 раз фактически, чем один раз фиктивно. Промелькнуло несколько незнакомых имен. Интерес к чужим интересам поддерживался двумя рюмками водки. Степень риска. Интонации, с которыми он произнес фамилию актера, заставили насторожиться. Все будет зависеть. Казалось, все идет вразброд, и непонятны первые движенья, но вы нам жутко мешали. Уйдите, и всем будет хорошо.

Я помнил тот заход. Если вы хотите меня увидеть по телевидению, то лучше не надо. Тут уж я не вижу перехлеста. Четвертый. Что скажет четвертый? Вот мы уже и ознакомились с географией. На этом месте мы были, теперь все ясно.

Два раза мы заехали в Мэрдокландию, третий раз ехать не хочется. Тут все банально, надо повторить сотню банальных слов, чтобы найти что-нибудь подходящее. Жуткое количество параллельных линий. И любовь к своим звукам. Наши звуки, ваша ярость. Не надо было выходить. Но они кричали "автора!" Массовая песня Бетховена "Выпьем и нальем".

Ты сиди, ты молчи, твое дело — слушать и получать удовольствие. Будет компания веселая, большая. Скромно так. Почтительно. Он согласится, и мы запишем.

4

Потом мне важно было с другой стороны. Звяканье пишущей машинки долбит меня по черепу. Я не могу уснуть. Ты понимаешь, что там происходило?

Кстати, все это записано на ленту. Там все есть. Можете послушать. А количество затраченного труда касается только труженика. Дружина была мощная. Мне взгляд направо нужен был, а меня отвлекли и я стал смотреть налево. Впереди были сухие листья. Ломаная линия устремилась назад и вниз.

Чей псевдоним — "Волынский"? Он смеется над самим собой, а вам нужно объяснять, а то вы ничего не поймете. Те иначе. Те выкладывают себя, чтобы вам из души в душу, а этот смеется. Я вам сейчас объясню. Вы поймете. Вам будет смешно. Я смотрел на будильник, бутылка заслонила стрелки часов, мне расхотелось уходить. Я в таких ритмах жить не могу. Не надо мне навязывать свои ритмы. Еще вежливость, еще внимание, но уже контуры нового "надоело, хватит!"

Четыре упражнения, а пятое можно не делать.
Я ограничился первым упражнением, но провел его по всему учебнику. Удивительно, как нескоро это надоело. А теперь вы мне расскажете своими словами.

"Эй ты!" — это хорошо. Это похоже. Новая лента может начинаться с "Эй ты!", сказанным как будто совсем другим человеком. Но он же совсем не такая крупная личность, чтобы для него планировать больше, чем 4 беседы. Вот собеседование с Моцартом и не понравилось Сальери. Теперь так не делают. Так не может быть. Но он пропел песенку на всякий случай.

Очень похоже на случайное возвращение. Я всегда был с кем-то и хотя все равно помнил, на какой я улице, но все равно — это не то же самое, что придти одному. Войти очень важно. Места не найдешь, где сесть. Хозяин дома распоясывался только в гостях, у себя дома был, наоборот, совсем другой человек.

5

Певец, стилистика, не та это машина. Звуки нарушают тишину, еще хуже, когда такое с лентой. Все это нужно было, чтобы высказать пару ласковых слов. Круг все растет, узкие специалисты жутко хороших интересов. Человечность проявляется в шутке, но это чужие шутки. Нам нравятся наши собственные. Идет футбольный разговор про театральную жизнь. Называется много имен, среди них мелькают белые березки на фоне старой фотографии. Разговор был проведен только для того, чтобы упомянуть Марину Влади. Смешно было. У меня тут сидит веселый человек, ты можешь придти, у нас все есть.

Я не понял, в каких это смыслАХ. Вот такие были забавы. Такие были веселые песни. Японский магнитофон тревожил суммой в 400 рублей. Такую сумму нам не скопить, даже если мы никуда не поедем на лето. Ты мне не заморачивай голову. У меня в пол-одиннадцатого велосипед. Был такой один знакомый велосипедист. Мы с ним сидели против кортов у бассейна. Я не хочу вклиниваться. Вы успеете. Вам это не помешает. Чуть-чуть мелькнуло что-то от Феликса Круля, но грянули звуки, и нам пора уходить.

Зверский накал вокруг старого учебника. Я не знал, кому это может пригодиться. Из забытого фильма одна ненужная фраза, но ее так трудно вспомнить. Вы примеривали разные костюмы и в какой роли лучше всего на том спектакле. Спился. Выгнали. Актер корчил гримасы, передавая общие эмоции. А тщеславная женщина не могла не удержаться от рекламы.

Я узнал неприятные вещи, и у меня пропало желание идти туда еще раз. Но глазами француза в той губернии ничего не увидишь. Я увидел возможность юмористического рассказа по 12 томам писем Тургенева, но потом мне стало грустно. Ты войди. Ты войди.

19

6

Выворот не поможет. Ясный день был хорош для велосипеда, а я с ужасом подумал: опять в библиотеку? Опять со словарем? Зачем же тогда нужна учительница, если за каждым словом нужно лезть в словарь?

Нам нужна жизнь без аллюзий. Нам нужны такие слова, которые бы можно было с приятностью прочитать нашим знакомым. Ты слыхала по радио про меня говорили, что я хороший поэт и большой человек? Я так и знал, что следующий лист поедет в противоположную сторону. 7 открыток, 7 адресов, как бы не перепутать. Жмут со всех сторон, жмут. Я знал, что наступит такой момент, когда мы будем стесняться при одном упоминании. Образ переворачивался. Сильный характер снижался. Читатель испытывал недоумение. Нет, вы нам прочтите вслух написанное в 1877 году. Нет, вы прочтите.

Придется отослать к "Вееру леди Уиндермир". Там все было. Уже тогда все было. Загадочность таких чтений волновала только в самый первый момент знакомства: писатель или пенсионер? Да все они теперь пишут, как только выйдут на пенсию. Мужик не пишет мемуаров. Аллюзия на вечерний звон не пройдет. Дважды повторялось.

Идея была простая, но осуществил ее кто-то другой. Мне тоже было все ясно. Но выходить на улицу даже с такой идеей не хотелось. Хорошо, что не нужно ехать на вокзал за велосипедом. Кстати, куда девались фотографии? Были же фотографии. Не нам письмо. Нет такой преданности. Не до такой степени.

Затрепанная страница, заношенная в кармане, натолкнулась на чужой марафон и почувствовала себя неуютно. Есть только личная преданность, но даже она не доходит до такой степени ни в коем случае. Ваши рассказы про двоеточие никому не интересны. Мы легкие люди. Мы ценим звук. Нам надо идти дальше.

20

7

Музыкальная жизнь на футбольном поле нас приветствовала звоном щита. На этих оборотах для меня непонятен Бах. Где-то были "Сиреневые ворота". Указатель у меня немецкий, а искать нужно по-английски. Я зашел в ломбард, а оценщик ломбарда сказал: мы такие ценности не принимаем. Я ушел огорченный и убитый. А я так дорожил бабушкиным браслетом. Я же видал, что такие продаются в "Ювелирных изделиях" за очень большие деньги.

Отход. Отбой. Выключи звук. Дай тишину.

Что же было там такое, что заставляло спокойно и с интересом прочитать 10 страниц рядом с одной затоптанной страницей? Славянская душа мне не понравилась, ничего загадочного я не видел. Еврейская душа поморщилась, и я воспринял это как сигнал бедствия. Бульбушки на воде. Пузыри на поверхности озера. Но как мне понравилось катание на лодке. Но там все разорвано, я не люблю разорванность. Очень острый карандаш.

Почерк Ф.Энгельса не произвел на него никакого впечатления. Он уже это читал. Это что-нибудь социологическое? Нет, это каллиграфическое. Это мы уже видели. Нам чего-нибудь для приклейки. Тут много недостатков, о них мы знаем сами. Нам нужен разговор о наших достоинствах. Но она все достоинства уже показала в "Марысе и Наполеоне". Но ей уже нечего показывать. Нахалы: выпили водку и спасибо не сказали.

После этого я буду бояться выезжать на велосипеде.

8

Я увидел возможности, но для этого нужен юношеский энтузиазм. И память между прочим. Не с такой памятью браться за такие вещи. Для этого существует театральная энциклопедия. Это уже не то, конечно.

Убрать все это как не имеющее значение. Добавь еще одно слово, чтобы стало совсем тошно. Разные состояния жирной ленты давали такие оттиски, а я удивлялся. Эту книгу трудно достать. Чего там больше — путешествия или сидения в библиотеке? Больше всего там фотографий. Уже запланирован салон, уже известно, кто будет приглашен.

Я тебе присылал 58-10, а ты мне хоть бы 7-35 прислал. Хоть бы раз. В шуме мелькнуло что-то от давно прошедших лет, но внимание было целиком посвящено музыкальной жизни на футбольном поле. Это правда, что судья пользуется дудочкой или это как-нибудь еще называется?

Такое значит открытие. Что сказал главлит и что прошло в печать. Появился архивный институт, и мы увидели контуры незаполненных пределов. Кто он? Он журналист? Нет, он не журналист. Он матрицёр. Он револьверщик.

Еще что-то. Такие далекие перспективы, ирония не доходит, насмешка не видна и после объяснений, пародия воспринимается как скучное и неинтересное произведение. Действуют только крепкие слова: гроб, шлюха, палач, запор. Бывали же такие. Продуктивный суффикс увеличивает количество продукции. Нельзя сказать: не будет качества. Качество уже есть и уже было, и все довольны.

Запретных слов им подавай, а без того не обойдется. Но разве так можно? Конечно, нельзя. А что сказали в новом мире?

9

Видимо, это и был 1951 год. С некоторых пор я перестал высчитывать, сколько это лет спустя. Два слова - уйдет и придет. "Уйдет" было очень часто. "Придет" - снова удивляло. Расшибись в доску, не получится. Тихие занятия в читальном зале. Книга и чтобы было тихо. Если я еще раз открою, слово запомнится, и мне придется полюбить чужую тоску.

О стихах хорошо. Откровенно во всяком случае. Но удивительная вещь — никто никогда не попросил прочитать вслух. А это не в стиле его обычных разговоров. Писал совсем другой человек. Когда я услышал патетический голос, я изумился чистоте и приподнятости. Вклинивалась техника. Мое стило, пишите сами. Нет. Уступаю Вам свое место. Нет. В троллейбусе много сидячих мест, выбирай любое. Вы любите у окна?

Я нарочно не смотрел в ту сторону. Похвала главного режиссера — лучшая награда для исполнителя. А вдруг у меня в следующий раз не получится? Вы, пожалуйста, не забывайте, что один раз меня похвалили. Скучно-нудно шел длинный пересказ остроумной интермедии из старого сценария "Под куполом цирка".

По этой книге карандашом не пройдешь. Я не буду оставлять следов в книге из ее библиотеки. Вот паста от шариковой ручки. Такое чувство: 20 раз одно и то же. Стрельба. У кого хранились мишени. Значит, важен конкретный результат. Не знает, конечно, что его ожидает. Разная степень актерства. Подари мне на прощанье.

23

1 b

М А К А Б Р И Ч Е С К И Й Р И С У Н О К Е Щ Е Р А З

29 стр

1

3.9.69

Забыл бы всех знакомых телефоны, бросил все интересы и помчался, вы только скажите куда — к КОМУ? Дайте адрес. Дайте мне телефон совести эпохи? Где найти Т.С.Э.? У вас есть?
То-то же. И ни у кого нет. Так говорил Л. Робот в ленинградском кафе в эпоху ТАКСИ-льных ощущений.
Еще был такой афоризм о ксенофобе. Еще была такая сказка по-русски в обществе кино-актрисы против театра Вахтангова. Она еще вам обещала "Доктора Живаго" по-английски. Врет собака. Обещал Собакевич.
Обманула Коробочка. Ничего не получил Манилов.

Сложная жизнь у автора "Мертвых душ".

Его дед был швейцарец по происхождению и русский купец где-то в Сибири на дальнем востоке.
Юл Бриннер в роли Криса из "Великолепной семерки".

24

2 макабрический рисунок еще раз

Давно это было. Кусок Москвы отвалился как отрезанный ножом. Так начиналось "Озеро в жаркий день" - подборка-коллаж на чешской книге "Петри хайль". Но мне и в голову не приходило родиться в Праге. Но я не собирался искать родственников в Чехословакии. А дочка Григория Антоновича живет в Англии. Вот ее адрес. Спасибо.

Великий коллажист одобрил и похвалил. Похвала великого сюр-реалиста — лучшая награда для солдата. С удовольствием отдаю ее вам. Бонапарт поскакал дальше в поисках хорошей судьбы. Я не верю в старость Наполеона в Москве: а сколько было ему лет? Впрочем, если зрелость считать с 19 лет, то в 29 лет может наступить усталость и даже старость. Не правда, Сергей Сергеич?

Спасибо тебе, что ты взяла меня в свой сон. Я знаю, тебе всегда снятся другие. Погода, подлая, все настроение портит.

3 макабрический рисунок с Юлом Бриннером

Пролог — новелла, весь рассказ о жизни друга в самом сжатом очерке. Дальнейшее повествование уточняет и углубляет, хотя в главном опровергает и даже противоречит сказанному в начале. В прологе - как в издательской рекламе: коротко и ясно: две жены виноваты, а тут еще и война. Он от жен сбежал на фронт, они его замучили. Тут с одной не знаешь, что делать, а вы говорите: заведи себе гарем. Так и было — смерть героя безо всякой иронии. Героический поступок — пойти добровольцем, когда его никто не тянул за язык. Он сам. Сам виноват. Сам.

Так и было с романом Олдингтона "Роман Казановы". Я его перечитывал в Ленинке после ЛТПБ, а Асаркан работал над "Унитой". Это было в тот год, когда Дрезденская галерея на Волхонке: а Юдифь где? Она на втором этаже. Вава не запомнила имя новой знакомой. Павел приехал на три дня в Москву из-за Дрезденки. Алик Рабинович хмыкнул.

4 макабрический рисунок еще раз

Ты такой сегодня море-по-колен-ный. Может, тебе не ходить сегодня, а?

ЕРИК номер 4, не считая ДВУХ ЕРИКОВ, потому что название есть, а ериков там давно нет. Это как с кафе "Мороженое": кафе есть, а кофе нет. Вам хочется кофе, возьмите мороженое. Это как с демократией в Турции у Азиза Несина. Название есть, а демократии нет. Вот за это его и арестовали по списку 386-ти человек. Это было в эпилоге к переводу Елены Усиевич.

Это неважно, что давно, важно что — правда. Срок давности у этих преступлений не существует, вы не согласны? Вот тут мы и разошлись. На заводе имени Карла Маркса разговора не было. А потом были три товарища. А потом завод переименовали. Так же, как и стихи. На голубом накале, если у тебя высший накал называется попрежнему голубым. В Таганке какой был?

про школу плавания еще один раз

5

Учитесь плавать, П.У., плавать учитесь, У.П.!

Тоже слова, написанные в почтовом отделении в 54 году в ожидании Асаркана.

And if they do reply, then give them all the lie. No plesure, no lesure. I am not sure of my orphography. Let no such man be trusted.

I shot an arrow into the air, it fell to earth, I knew not where. A friend indeed, really. Felt like a fish out of water. Unfit to live up to it. Unable to live your own life. I forget what I was looking for.

А Юркин Павел, знал его мать, конечно, конечно, и с матерью Ивана Шумилина познакомился на Пятницкой улице, но она мою мать не помнит. Что поделаешь, не у всех в молодости была холера или проляпсус утери, иначе она бы помнила докторицу из станицы Казанской в 1910 году.

А называлось это еще "Мультимиллионер на футболе", и еще Миров тогда с Дарским читали в кафе, и Дарский еще не поссорился с Мировым из-за лучшей женщины России.

макабрический рисунок еще один раз

6 еще раз про школу плавания

А знаешьчто она сказала? "Чорт с вами, давайте в рот!" Да ну? Ну да! НУДА никогда не поверит, но я ему никогда об этом и не скажу.
А ты думал, к чему относится "Я зализываю твои обиды": именно к этому. А "Эразм Рот-тёр-дамский". Это она сказала. Маргарита Феликсовна поверила, а Людмила Самойловна не поверила.

И не к чему перечень.

Память зла. Помню. И про козла не выходит из головы. Такая новелла. Хочешь считать ПРОЛОГОМ? Хочешь считать эпилогом? Как хочешь, так и считай. Но "ВИВАЧЕ" недописано. А "АЛЛЕГРО" слишком м о д е р а т о.

Такая фуга. Я знаю, вам снятся другие. В другом сне мы попали в Бастилию. В другом сне нас уволили из 9 класса за создание собственной ВЧК-ОГПУ.
Я видел его в последний раз на лодке с девочкой.

7

А ты всегда так: за 5 минут до моего ухода начинаешь рассказывать интересные вещи. How about walking on the Wild Wet Roofs? Now you can when I began working. Don't be like a Cat that Walked By Himself. Pauvre feuille détachée. За счет других. Что рассказывала вам ваша мама о наших богах и героях. Значит новый дайджест без запятой. А жаль. Зачеркнутое и выброшенное, был бы ритуал, забот меньше. Еще короче. Без даты. Переплет, внешний вид, хоть бы это. Перескакивать через две ступеньки не удается, а когда-то брал три и даже четыре. Значит, нужно ступать на каждую. До боли похоже на тот выжим, который НЕДОЖИМ: ни дня без строчки. Царапает чужое сравнение. Это сказывается хорошо только на одном жанре. Тут действительно помогает склероз. Если бы еще и та дерзость, которая похожа на отчаянный поступок. Тогда было бы продолжение.

30

8

Нет продолжения, но есть топтание на месте. Норман Мэйлер через 7 лет. Читатель-неприятель все отбрасывает. Читатель-друг вычитывает там больше, чем написано. По каким законам происходит отталкивание, совершенно непонятно. Скучно вы пишете, дорогой, раньше у вас лучше получалось. А конкретней? От таких сценариев сдохнешь от тоски. Ой больно, ой тяжело, ой не надо. Такую не сломаешь.

Сколько экзаменов тебе еще осталось?

Этого я боюсь сказать, потому что "А вдруг правда? Что тогда делать?" Не поддерживайте в себе таких чувств. А он говорит, это не мешает ему действовать. Ну ему это не мешало, но тебе будет мешать. Ты ни слова не скажешь. Они найдут общий язык опять. Я напрасно не раскрыл конец главы. В оригинальной обстановке, не больше. А самое оригинальное — это воронок на Садовом Кольце.

А она их терзала голодом, холодом, одиночеством и подписями. Я молчу. Не ахти какой был велосипедист, а оставил кучу сожалений. Я вышел из чужих интересов, а они не вошли в мои.

31

9

Чего ж там было больше? Чего ж там было больше? Метастазов или самосожжения? Это работа на износ. Он правильно подметил. Вот только название романа не подходит. Приходил путаник, путаник все запутал. Но он назвал цифру 10 000. А "Паэза" назвала цифру 700 000 000, при чем все это одной только дочери. И чего вы волнуетесь, вам все равно ни копейки не достанется.

Чемодан у человека-невидимки спутал мне карты. Там был фе-вральский снег. Там был трактирщик, хранитель рукописей. Он рассматривал три больших книги и качал головой: "Вот голова была!" А красный телефон — что? Красный телефон — это даже не Зацепа. А уж о сосульке и говорить нечего. Просто не за что зацепиться.

Уберите эпиграф: он бьет в нос. Это и так всюду подразумевается. Вот почему он не хочет вам помочь в этом деле. Мое предположение.

32

10

Я так и знал, что мне придется успокоиться на пиковом интересе. Жуткое количество невозвратимых дней. А волноваться надо, по идее, кому-то еще. Был же у него острый ум, если он уже тогда предвидел тщетность подобных усилий. Значит, не было у него острого ума, если он бросил телефонную трубку и не дождался конца разговора.

Отчаянные вывороты. Несокрушимая вера. Только не давайте ему образец своего почерка. У него и не такие письма хранятся в архиве. Примите мои сожаления. Много таких было. Теперь старая дама не будет спрашивать: а он талантливый? Текущие события быстро протекают мимо нас и текут вместе с остальными куда-то дальше.

40 лет я не читал и не видел "Первую книгу для чтения после букваря". Я дорожил этой книгой Толстого, и ошибку переплетчика воспринял как убийство, как удар по голове с потерей сознания. Кирпич рассек кожу на черепе, но мальчик не потерял сознание.

33

11

Отсылаем опять к "Вееру леди Уиндермир". Там все сказано. Не так все понято в "З.Я.П."

Такие вещи не прощаются, это верно. Всегда я рад заметить разницу между Онегиным и мной. Жуткая С. Хоть бы один раз, хоть бы один. Много чести. Напомнил о себе и хватит. От того, что ты прочтешь это рядом ничего не изменится. Значит не нужно волноваться. Волноваться нужно было раньше.

А ему нужно 12 рублей в месяц: 40 копеек в день на кефир, черный хлеб и белую бумагу. Этот ответ похлеще Ж.-П. Сартра на Нобелевскую премию. А свою писательскую миссию он выполнит до конца и из гроба еще лучше. Вот и они так думают, что из гроба еще лучше.

Старый человек не может не думать о смерти. Он так и сказал. Звание покойника еще не получил. Люди - гады: жизнь. Мне сказали, что именно так он просил читать заглавие.

34

12

У меня есть несколько сочинений, я из них хотел сделать отдельную книгу. Но книга не получается, я потерял критерий, все кажется безнадежным повторением. Четырехэтажная тавтология. Вот что выходит в ритуал.

Странным способом мы попали опять на озеро Титикака на границе между тремя маленькими государствами: Боливия, Перу и Чили. Нет, Чили южней. Бразилия. Нет, Бразилия несколько северней. В общем, выходит только два государства на одно озеро: Боливия и Перу. Но для одного человека и одного государства достаточно.

Его любовь к Евгению Шварцу появилась под влиянием театрального романа. Моя любовь к Эдмону Ростану пришла от французского языка. Странные вещи творятся вокруг театрального романа.

13

"О Ж И Д А Н И Е /какого-то Годо/
ДЛЯ БЕККИТА
КОНЧИЛОСЬ".

Так озаглавлено в "Утренней звезде" сообщение о присуждении Нобелевской премии 1969 года.

А он скрывается от журналистов где-то в Тунисе под чужим именем. Надолго ли тебе хватит Нобелевской премии?

Я ни слова про завещание Чуковского. Я ни слова про Лидушу. Я ни слова про "его сажают в твое кресло". И даже имени такого не смею громко произнесть. Я давно заметил разницу между Онегиным и мной.

14

Разумеется, разными способами одно и то же, вот, например, при помощи плохой ленты и неисправленного лентоводителя, а Ремингтон стоит дыбом уже с 19.. я позабыл какого года.

СВЕТ ПОГАС тогда вызывало недоумение, а теперь, когда читается только самый крупный шрифт, не пришлось читать. Все они создатели своей вселенной вокруг себя, и большие и маленькие космовладельцы и создатели солнечной системы из своих друзей и знакомых. Чтобы все крутились вокруг нас и нашего солнца и не выходили ЗА ПРЕДЕЛЫ НАШИХ ИНТЕРЕСОВ. А с Асарканом у Вас получалось?

Запомнилось другое. Кому просто подарок? Л. Роботу. Был когда-то. У нас такой друг давно не отмечает свой день рождения и даже на чужих редко появляется. Один знакомый троцкист. Кто это? А кого вы подозреваете? Я всех. Я тоже.

Пловчиха попала в нефть, что было неприятно, потом в стаю рыб, что было страшно.

15

Артист миманса забыла. Тогда он талантливый, а не просто пройдоха и приспособленец и проходимец. Я не понимаю этого слова — прощелыга. Я обиделся и замолчал на 4 секунды. А кто это — Волынский? И кто его хвалит? Я не читал, но видел Х.Д., где можно было прочитать. Было.

Другой пейзаж в большом городе, который просто назывался Город в отличие от станицы Старо-Черкасской, которая называлась Старый Город. Концертный лагерь - шутка нацистов среди эс-эс-овцев. Как "в органах". По принципу — что-нибудь останется. По принципу "вали кулем а после разберем".

Вот приедет мастер, мастер все исправит. Придет мастер, пойдем к Маргарите. В Лондоне в 1969 году вышел "Мастер" со всеми поправками к "Маргарите": 40 000 слов по подсчетам тех, кто печатал редакторские "выбросы, когда печатали в журнале МОСКВА". Ладно, скажу.

37 дубль

"Или держись или брось!" Приблизительно так. Логика тут действует с жуткой силой. Ты пробовал бросить руль велосипеда, когда ты и так на седле еле держишься? Если ли бы речь шла о телеге, за которой ты идешь пешком. С английским языком происходит что-то непонятное. Каждый день новые слова, которых нет ни в одном словаре. Вот уж я начинаю объяснять. А объяснять ничего не надо. По идее, абзац сам себя объясняет, хотя бы на 14 странице. У меня разве есть абзацы на 14 страниц? Что ж там было? Что же там было? Почему сохранилось ощущение изжоги? Я объелся масляной краской или еще чем-то похуже. Теперь я вижу, как трещит эта загадочность. Трещит по всем швам. Мне нужна была рыбалка у Агапкина. А я чем занялся? Мне нужно было пойти в библиотеку. Ага, вспомнил. Там жуткие вещи насчет того, как ему трудно ходить в библиотеку. Смех. Один смех. Вы еще расскажите, как вы ходите с трудом в одно место. Текст, который мы не будем называть, тоже производит жуткое впечатление. Кого вы учите? Чему вы учите? Ух ты. Ну как тут обойтись без междометия? Ну ладно, попробую я взять одну маленькую страницу. Я так ясно ее увидел на огромном формате в центре листа. Зачем? Чтоб белое пространство вокруг заполнить рисунками. Как бы затем, но вовсе не за этим. Сермяжная правда русско-английского словаря 35 года так и режет. Так и веет дуновеньем. Ах вон что. Тогда конечно. И при том, это только начало. Я так и знал, что этим кончится. Еще гуще. Ни слова о главном. Никакая цитата не заменит. Мне иногда кажется, что читать вредно. Лучше так оставить. Какие высоты являлись в тот момент? Непонятно. Но должен же человек когда-то получать удовольствие. Не должен. Так называемая редкая книга. Я прочитал от начала до конца. Конец мне понравился, но что делать с серединой? Это же мешок.

16

А вы говорите по-французски? А я ведь, главным образом, французский изучал, а английский постольку-поскольку. А вы читали Луи Селина? Это моя любимая книга. При чем весь разговор идет по-русски. Заволжский Павел Здона такой был хороший парень, но на него иногда находило, а потом он сошел с ума.

Кому передать это искусство — выдолбить пирогу из ствола целого дерева? Можно пересчитать по пальцам. Не для вас. Не для нас. Заботы были такие — как избегать упоминания неупоминаемых слов. Не смею повторить. В разное время повторялось по-разному. Один раз и вышла одиозная книга под названием "ТАбу", из-за которой пострадал наш общий друг. В разной степени это коснулось всех. Один был в концертном лагере, другой в псих. больнице. А почему не арестовали автора? Вот и я то же спрашивал. Мне ответили: решения не было. Не было решения. Пока.

38 дубль

Слово, которое меня беспокоило. Я его выбросил. Название озера у местных жителей. Я думал, что таким путем я возвышусь до мира фантазий. В конце концов, ритуал сводился к порче бумаги. Требуется особое усилие в тот самый момент, когда силы иссякли. Я тащил тяжелую корзину на вокзал, и это занятие мне казалось особенно бесполезным. Зачем я положил гантели в корзину? Теперь я знаю, что нужно было упрямо продолжать заниматься тем же самым бесполезным делом. Выбросить. Ничего не надо выбрасывать. Там 14 страниц. Это много. Если бы только 14 строчек. И то много. Вот я не раскрывал эту книгу, и мне казалось, что так и надо. Так оно и должно быть, конечно.

Разная степень озабоченности. Это верно. Раз так, значит так. Не знаю, зачем мне это было нужно. Сила удара не та. Красный телефон был лучше.

Еще раз перечисли все приметы. Три раза повтори одну фразу. Я иначе себе представлял. Могло быть еще меньше. Никакой разницы нет.

There was going to be that deadly, hateful atmosphere of "You can't afford it" hanging over everything. It made him all the more anxious to be extravagant.

39

17

Не с твоим проворством за такие вещи браться. Тут должен быть опытный кон-юнктурщик и даже он будет вытирать пот со лба. Старый халтурщик ЛЛИ — вот кому отдайте на комиссию, он, конечно, вас обдерет, как липку, но устроит.

Это дело. Ага, значит она с гусаром блокируется не тою стороной на антресолях? Недаром мать моя Родина, недаром. Ему нельзя, а Вам можНО? Я так и понял.

Вот куда ударила Роза Люксембург. А куда смотрел Карл Либкнехт? Я до сих пор не знаю, что произошло в городе Ла Паз. Показ был другого рода. Показал, а потом послал. Рыцарь тоже беспечального образа. С и Ч СВ, чем ДП на В. Чужие странности. Чужие чудачества. Еще один рыцарь. Хватит с меня. Чем скорей он забудет мой адрес, тем лучше.

Он уже там начинал хамеить. Он все поймет, если ему объяснить. С седьмого раза налетку схватит. Если. Но без меня. Такой был ритуал в 59 г.

40

18

Он поймет даже то, почему его письма хочется истреблять, такой он человек. Я не знал его мать. Я не знаком с его отцом. Такова была процеДУРА. Именно "Слова в 1959 году" — из них слова в мае месяце почему-то получили отклик из Минска. Я не знал, что пострадаю из-за человека из Минска. Я бы его в дом не пустил. Еще раз про шипучий яд. Странное сочинение. Какого рожна ему нужно? Ему нужен РОЖОН вообще, чтобы на него лезть. Ничего конкретного. Никого в частности. Рожон для него — это рэзон д этр. Никакого нет резона у себя держать бизона. А у него все резоны. Он добьется.

И еще он страдал элегантно, он и теперь, униженный и оскорбленный, страдает элегантно, НО как он страдает. Вот вы не хотите понять, а он великомученик. Его жена его не понимает. И молча гибнуть он должОн. Про мавзолей стерли, побоялись.

19

Плохие стихи, значит, плохой человек. Коротко и ясно.

— А вы? А что скажете вы?

— Я простой советский человек.

— Нет, вы не простой и даже несоветский человек. И может даже вообще еще не человек, а так, одно недоразумение уже из-за одной молодости и неопытности. Из Вас еще выйдет человек. Вы еще далеко пойдете. Дальше своего папы, по крайней мере.

А его папа получил 10 лет.

А то и значит.

Оскорбительная половина письма выброшена, а все комплименты цитируются без кавычек и зазрения совести. Вешаю трубку. Не хотят со мной говорить. Сон мой в руку был насчет штанов.

Что означает видеть во сне женщину, которая хочет стирать штаны мужа? Что об этом говорит Зигмунд Фройд?

20 DANSE MACABRE ONCE MORE

encore une fois

Сначала ты придешь в поту и пыли. <А. Лео.>

Or you will be forced to like what you get.
But his word for me isn't a law. I can judge it for myself and not worse than he, although A. Belinkov didn't say about me that I was a great Russian writer. I can say it myself. Why should I wait somebody else's praise? I can praise myself.

Just what I was afraid of.

As if to embrace him — then stabbed. He was immediately arrested. It was on Friday JULY 15 1960. See Daily Worker. 15.7.60
Can't hurry — TOO FAT. 600 000 000 in a HURRY.
It was 10 years ago. So much for this particular item - James Joyce in Russian.

43

21 макабрический рисунок еще раз

Что существенно переворачивает вопрос в другую сторону. Сначала и потом. С точки зрения воспитания, перевоспитания и ПЕРЕ-перевоспитания — целых народов, конечно. Абстрактная и очень удобная для политики точка зрения. Все можно оправдать. Все можно объяснить. Но отцы хирургии двадцатого века не ответят вам прямо на заданный прямо вопрос. Счастливое время было в конце 20-го века: скончался последний из отцов хирургии 20-го века. Но нам до этого времени не пришлось дожить. Ни мне ни тебе.

Миров поссорился с Дарским. Дарский с Мировым не ссорился. Когда это было? Давно. У меня от этой ссоры осталась одна вырезка из "Дейли Уоркер" из Лондона. Или за 59 или за 60 год.

Луна и шесть пенсов: грош цена этой информации. Только потому что это сделали не ВЫ. Если бы ВЫ, то 100 лет бы только об этом и трубили во все трубы.

44

22

Мы стояли в конце коридора. Эдик, этик-теоретик, сказал:

— Я согласен 10 лет пробыть в лагерях, чтобы получать от Ба Дзинь-дона такие письма.

> Обком звонит в колокол: как вы терпите? как вы допускаете? У вас живет под носом П. Одну минуту, Имярек Имярекович. А он у нас не живет, Имярек Имярекович. Он уехал к Матрене. Где Матренин двор, там он живет. А машина у него незавидная, не то, что у Вас.

Ерш такой колючий. Ерш спрашивает, ерш отвечает: значит, выходит, меня ловили на удочку. Выходит. Значит. Еще немного, подожди, будет как с рыцарем.

Гроссмейстер ордена розенкрейцеров напишет два трактата о Савонароле, а мы должны всю жизнь помнить, кто такой Савонарола. Не пойдет он больше к духовному центру: там шапки крадут. Такая была шапка. Такая была шапка.

Она доставала сигарет для ребят из нашего дома. А Робот с вами? А где он? Я так привыкла ассоциировать вас с Роботом. Она привыкла ассоциировать. Трудно ей теперь будет.

45

23

ч е р н о в и к

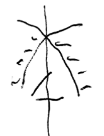
(27)

Опять он будет распоясываться. Ни за что б не написал, если бы не на машинке. Но ведь подумал. Да, ну и что? Значит машинка берет глубже. Значит машинка захватывает всякое жито. Это жутко как получается. В особенности с четвертованием. Да и с казнью у Камю тоже. А то вдруг как будто ты еще не сдал кучу экзаменов, и все это еще предстоит. Там в воздухе летали тысячи страниц. Но я боялся их трогать и в них входить. Этот-то зачем тебе понадобился? Мы сводим старые счеты. Мы никак не можем забыть старые обиды. Но он действительно распоясывается при первой же возможности. Положи локти на стол. Метонимия еще лучше в черновике. Но что из этого получается, мы видели. Случайный захват. Рассказ старого художника о старом писателе. Все, что написано и столько раз, сколько написано. Вот какой читатель нам нужен. А сами мы крутим носом. Это я не буду читать. Я лучше оценю это слишком высоко, но читать не буду. Я лучше подниму на щит спущенный флаг, но читать не буду. Что он там про машинку писал? Они шли мимо "Анны" Ренуара, а я был около Гогена. А подошли и заслонили мы действительно "А-а, ты ревнуешь?" Вот так же и все остальное. Ошибка как будто незначительная, но одно слово про замминистра все переворачивает. А зачем он все-таки, гад, мне царский гривенник сует? И этого не будет. Да, странная вещь — внезапный жест. У него своя логика. Ладно, один раз в три недели, почему бы нет? Об этих свойствах тоже никому не расскажешь. Как все меняется оттого, что глаза не видят. А еще больше от исчерпанности. Я почему-то забыл, что батальонный Энгельс тоже из той когорты. Играли в "сексти секс", так по-американски звучит 66.

46

24

А там потрясать нечем.

Маргиналии Марциала у Аллы не вызывали наслоений. Слава КПСС. Зеленая обложка у карманного формата: забытая мечта. Виртухай мечтал о дипломе инженера, а не врача, но сначала нужно было сдать экзамены на аттестат зрелости. Он с уважением разговаривал с психами с высшим образованием. Во знает. На все вопросы может ответить.

Император Сулла удалился в деревню разводить пчел. В плохом вкусе, но на вкус и цвет выбора в плохой период нет, и увлекает что-то другое. События что ли?

47

25

2

Чередование эмоций, знакомые имена, любовь и смерть, названия трав и птиц. Географические названия по карте для путешествия на пароходе, и полковник Серебряков на белом коне. Кто у тебя там был в штабе, ты припомни. Такой Суяров был? Григорий Антонович улыбнулся. Семья Поляковых рассеялась не только по Европе и Южной Америке. Дунька уехала в Марсель и тосковать по станице Кумлыженской не собиралась.

Кони взяли в намет, яблоневый сад мелькнул справа. А ты знаешь, сколько у паровоза колес? А сколько вагонов может быть у поезда? Такой Улитин, сосед Мещеряковых ушел в армию вместе с Юркой Чебатковым. Михаил Павлович его помнит.

Холера на хуторах Казанской станицы в 1911 году. За 2 месяца двойное жалование за холеру — 400 рублей золотом пошли на переделку старого дома. Атаман покачал головой: девчонка! такие деньги! за что? Он сам получал 45 рублей в месяц и имел право только на 3 лошади у станционного смотрителя, да и то лишь в пределах Области войска донского.

"Чума" Камю на улице Веснина. Если так будет продолжаться, я изменю метод.

48

26

3

У меня такой ошибки не может. На шею вешаю магнитофон и расхаживаю по участку до обеда. Вечером даю секретарше на стенограмму, утром поэма готова для главлита. Редактор читает 4 недели, журнал работает со мной 9 месяцев. А потом?

А потом я наговариваю на ленту и отдаю в секретариат. А потом все идет в архив: хранить вечно.

Тоже на то же и выходит. Писатель Иванов писал карандашом, а в архиве роман с кратким названием "У" до сих пор хранится и ждет напечатания.

Пропавшая охранная грамота.

До сих пор в ушах шмона гам.

По ногам его не били, били по рукам. А он и не пытался. У него была прямо противоположная задача - называть как можно больше фамилий. Такая линия поведения.

Трава была в таком роде.

Меня смущало, что никто не помнит хутор Мутилин и речку Песковатку.

А писатель И.А. Суяров помнит и как раз об этом написал. На каждом повороте деревянный дом на перекрестке пяти улиц. Почему и нельзя обойтись без карты Лангедока.

У англичан велосипед был дешевой заменой конного спорта.

Охотники за лисицами стреляли главным образом по кроликам. Его любимая книга — "Тихий Дон": в кино он ее 4 раза смотрел. Феноменальные способности: с седьмого разу на лету схватывает. Он бреется, включив магнитофон.

49

27
4

4 страницы для разрезки — это уже значит — можно и так оставить. Типичные слова в марте под золото-оружие-рукописи. Да, я чем-то иначе пропускал через машинку слова в мае месяце 1959 года. Ритуал был другой. Я писал и на цветочных открытках. Бунт единицы, например. Или еще был случай с Бобровниковым. Тогда его имя не называли.

А там потрясать нечем. А выписки из книги Айхенлауба неудобно показывать никому из знакомых. Самое важное из твоих открытий, а только для тебя имело значение. В макабрический абзац не попало, потому что я не знал, как говорить о таких вещах. 60 страниц — задача. Одни сокращения могут занять 30 дней работы. Тогда метастазы будут влиять и на рыбную ловлю удочкой на Клязьминском водохранилище. На самом деле — река Ока возле города Тарусы.

Их нужно пропевать, эти стихи, тогда они запомнятся. Их нужно выпевать по утрам в одном месте, тогда они будут как молитва оптимиста. Ушло то время, когда он заучивал поэмы Гумилева наизусть. И читал Мандельштама для гостей Наташи. Мандельштам об Андрее Белом в стихах и прозе. Я не знал, что он в "Красной нови" чесал собак. Было такое поручение, и Осип Эмильевич заслужил похвалу за рецензию на роман Андрея Белого.

Продолжение старого разговора. Это уж из области культа черновика.

50

28

(или 7 еще раз про школу плавания
или
23 макабрический рисунок с Юлом Бриннером)

Лучше, конечно, была штука — я еще не знаю чья — когда из репродуктора вдруг "Передачу подготовил журналист Вячеслав Репников". Ровно через 3 дня после освобождения. А он освободился 23 августа.

все это достаточно хорошо и без рисунка 3.9.69

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ПЕРЕДО МНОЮ
антресоли не той стороною

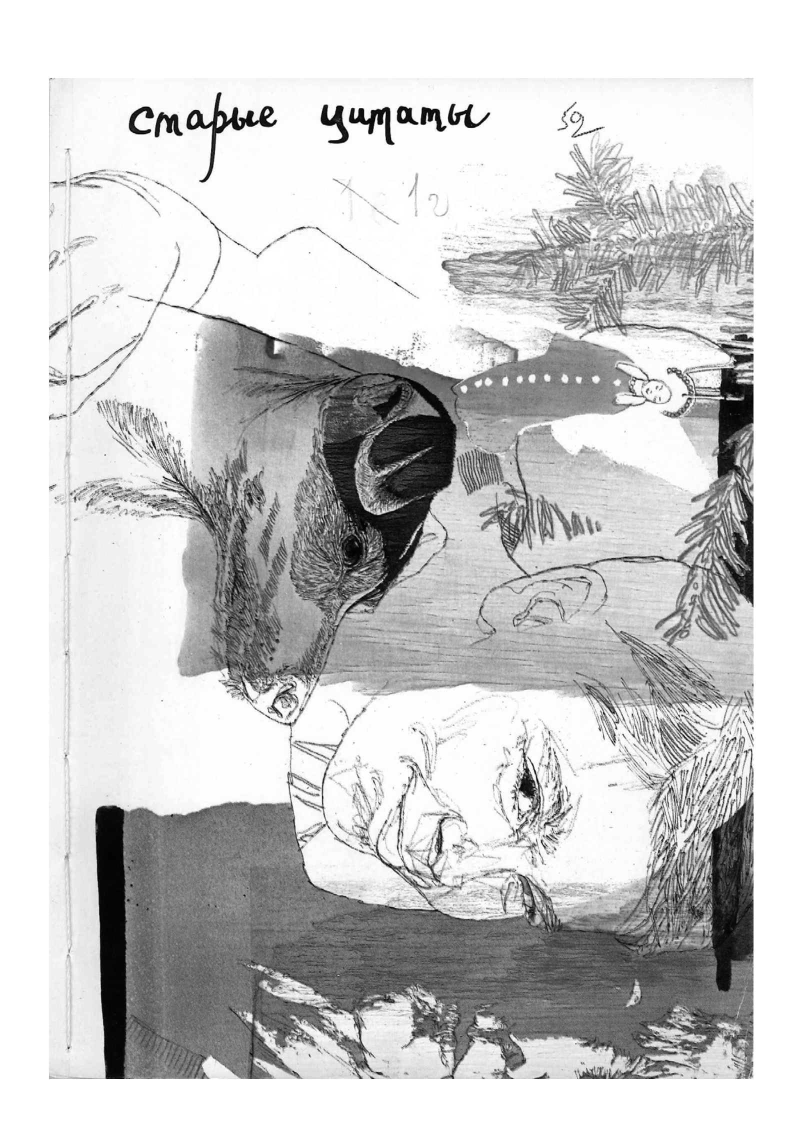
/см. ЧЕТЫРЕХЭТАЖНУЮ ТА./

Спасибо вам за то, что вы взяли нас в свой сон. А то ведь, мы знаем, вам снятся все время другие. А то ведь очень грустно бывает. Иногда. ВИВАЧЕ не отрицает пролог. А все вместе, а целом, опровергает краткое утверждение в ПРОЛОГЕ.

29.

Я так и знал, что все кончится чепухой.

На сколько лет хватило задетых личностей? Вот еще раз Би-Би-Си вспоминает Джи-Би-эС: по какому поводу? По поводу личных оскорблений, конечно. Живуч упрек. Живучи интересы. Да, я смеялся. Да, было смешно. Одну мысль всегда выражал по-немецки. Две мысли выражались по-французски. Ах какая глубина, какая стройность. Я вспомнил по какому поводу. Нет, я просто подумал, что, может быть, из-за того? Мороз давил, давил мороз. А я думал: из-за чего это? Странное состояние — шутка Антоши Чехонтэ — чего-то не хватает: то ли севрюжины с хреном, то ли конституции. Антон Павлович Чехов времен дамы с собачкой в Ялте уже так не шутил и на матросов-грузчиков производил неприятное впечатление. Суровый барин. Скупердяй тоже. Нет чтобы похлопать по плечу или там полтинник с вашей милости, нет, пройдет и не глянет. Гордый человек. И чем гордиться-то?

старые цитаты
59

53

\- 1 -

Старые цитаты,
новые контексты.

18 стр.

1

Эй ты там, реви потише,
ты тут не один. Наконец,
нашел картинку.
  Тогда и нужно было
разрезать. Тогда и дивная
власть. Мы решили: у Вольтера
не красть. У Аполлинера красть
нечего в вашем издании и вашем
переводе.
  Девятое открытое письмо
подписано "Радиолюбитель".
А потом перестало иметь
значение. А потом
потребовалась тишина.
И коричневая лента — злейший
враг, потому что нарушитель
тишины.
  Чужой звук.

\- 2 -

Иные ему изменили и продали шпагу свою. Самое обидное, конечно, не "хорошо усвоенный Голсуорси", а "плохо переваренный Олдингтон". Рецепт известный, но блюдо сготовлено не по рецепту и жаль.

Я посетил знакомые места. Мы начинали без заглавия, а кончили без имен. Среди нас самый знаменитый — художник Неизвестный. Чего-это, они с ума сошли?

Только "связь" на машине и сработала. Подарите ему свои вырезки, и он вас отблагодарит. Он в долгу не останется. Письмо я свято берегу.

Это и есть абзацы "Фотографии пулеметчика". Снобист давал канву. Ксенофоб замалчивал успехи. Последние события в Снобистском переулке отбили охоту продолжать "Сугроб". Выли тяжелые машины на рассвете, убирая снег.

Она его называет Принцем, не иначе. Для нее он и есть принц, только вот у принца семья есть, это конечно мешает. Смердяков хороший, это единственное, что безусловно понравилось в кинофильме "Братья Карамазовы".

Значит, плохо сработала догадка Гроссмана. А больше там ничего и не было.

Теперь мне понятно, почему вас всегда заносит налево.

- 3 -

Французский у нее на правах родного языка. А у тебя? А у него итальянский, при чем не "богемский" Питигрилли, а "Паэзе сэра". Эта ошибка и решила судьбу книги. Странный способ увеличивать количество неудобочитаемых текстов.

40-летний процветающий мужчина: все что-то пишет, все зарабатывает, ходит на лыжах. Не поэт, а мечта пионервожатой. Я сейчас закрою форточку, дорогой. И если он отвечает, то дает этим возможность еще 10 раз укусить.

Последнее убежище уехало с Плющихи. Может, у него была другая. Кто его знает? Она так и сказала.

Спокойствие императора зависело от совести верноподданных. А маршал ему изменил, а имя он не сообщил, а легенду он нашел в Тарусе. Это все тарусские источники.

Разумеется, можно было сослаться на Лависса и Рамбо. Сами знаете, все можно найти у Лависса и Рамбо.

Мы читали Элизэ Реклю.

Странные отношения установились у нас с Сименоном. Агату Кристи мы давно цитируем без кавычек. Иные ему изменили и продали шпагу свою. Наемный солдат, ландскнехт, но тоже без страха и упрека: если ему заплатили, то он "б р а в о": на него можно положиться.

Очень долго, очень нудно начал рассказывать про автографы Наполеона Бонапарта. Опять? Мы это уже 100 раз слышали.

\- 4 -

Просто подарок. Не он получил подарок. Не вы отозвались. Не я откликнулся. Чужой звук и был последним переплетом.

А у него была шпага? А почему же вы ему не сказали? А я ему все время говорил. А он мне не поверил. И от имени Черного Монаха тоже, и от имени кафе против театра Вахтангова. И даже рыцарь был тоже принц потерянного парадиза.

От таких пробежек ничего не остается. Это верно. Моя машинка иногда ошибается очень мудро. То, что было опечаткой, стало единственно интересным местом, когда мы все это прочитали.

Тогда существовал интерес к звукам. А где это можно прочитать? Когда стало важно не услышать, а прочитать, тогда рыбная ловля потеряла всякий интерес. Читать вырезку из Британской энциклопедии о рыбной ловле удочкой или взять удочку и пойти на рыбную ловлю? Конечно, пойти.

Ему только не нравилось звание сержант изящной словесности. Он же маршал авиации 1999 года, как вы не можете понять?

Плохо. Без поддержки и про Лену Гросс плохо, а уж этот вариант мистера Критинского просто ни в какие ворота. Ворот давно нет, я посетил знакомые места, а у меня перед глазами все время стоят ворота.

Мы едем, мы все время куда-то едем, поезд очень дальнего следования, вот приедем, тогда будем жить.

\- 5 -

Я напишу очень плохую статью о солнечной системе, покажу вам, вы ее раскритикуете, а деньги мы поделим пополам. Они озабочены судьбой солнечной системы. Все идеи лживы и убоги, правильно лишь все наоборот. У каждого "наоборот" есть свое "наоборот". Что и приводит в отчаяние. Немецкий язык надо воспринимать наслух. Но всегда будет жив, кто готов иногда умереть. Понедельник на Плющихе. Кем-то проведена наглая операция. Шпанов спрашивал Витольда и что-нибудь о польском восстании. Как превратить уху в аквариум. Очень хороший солдат, но не мог воздержаться от комментариев. Это Монти сказал о Жукове. А Пастернак сейчас не спит у себя на даче. Ну не надо об этом думать. Это племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с народом, ни с социализмом. Они выдают за мнение народа свои обскурантские взгляды. В глубине усадьбы среди деревьев стоял спиной к посетителям высокий человек в резиновых сапогах, одетый во что-то рваное и поношенное. Алик принял его за садовника и спросил: можно ли видеть Пастернака? Садовник обернулся и посмотрел своими пастернаковскими глазами. Алик вскричал: Борис Ленидович! Отныне и во веки веков. Отсюда в вечность. Боевой день у девочки, которая знает дело. Проблемы лентоспироза. Шурятина шурует брошурятиной. Улица Горького была как буря. Галантный век. Королевские живописцы и что от них осталось у Саши Тарасова. Плохо ты знаешь Виктора Новацкого!

\- 6 -

Мне всегда это казалось приобщением к чужим заботам. Действительно ерунда. И не рождает никогда количество в них новых качеств.

И НЕ РОЖДАЕТ НИКОГДА
КОЛИЧЕСТВО
В НИХ НОВЫХ КАЧЕСТВ.

Somehow, it didn't trouble me before. Somehow. But what did I get out of it? A lot of things. First of all, the consciousness of being used to the last atom by some endurable force for a good purpose. National pride in the only sense that mattered. Then, it was necessary to say something to justify everything at the end.

Зацепки и присобаченность произвели удручающее впечатление. Но я не мог без этого обойтись.
А прозвучало как приглашение играть в чужую игру.

Не этим ценилась сказка. Одно внимание. Орфик не мог равнодушно-виновато внимать. Это на него не похоже.
Его последняя мелодия — испытываю хорошую зависть.
Ее последнее слово: не говорите "прощайте", скажите "до свидания". Я бы тоже была звезда экрана, если бы не заболела. Она совсем другая. Вы же молчали. А за счет вашего молчания утвердилась такая самооценка.
А его враги удалились в кулуары. Они больше и не пикнут, он уверен.

Там был один абзац.

"Рычаги".

Пробуют силу сменить и заменить, а на большее вы не рассчитывайте. Кратковременное правление другой группы. Я не знал, что этому придавалось значение. Это будет нарушение суверенитета. Я не хочу нарушать вам суверенитет. Он улыбнулся. Я был доволен, что отстал.

Белый обелиск или черный?

- 7 -

Сохранилось все-таки. Хранится в условном смысле: валяется, никому никогда не понадобится, но есть место, не выбрасывается: может, кому пригодится. Не такая уж ценность, но ящики в кузне были источником обогащения. Я это все выбросила в кладовку. Когда вы заберете свое барахло?

"Мушуар!" — с интонациями "мое сокровище". Я не знаю этого языка, но понимаю удовольствие рассматривать картинки.

Как попал в Лондон "Крутой маршрут"?

На пруду в усадьбе Шереметьево, в старинном парке летом на лодке, зимой на коньках кататься в тот день, когда по радио впервые услышался голос "э-се-се-сер". Смешанные чувства: но я же сбил нечаянно. Но я же ненарочно, но я же извинился. Публицистка не забыла. А я не знал, что это ее псевдоним. Вот было открытие. Оказалось, по ее понятиям, в молодости у меня был роман знаешь с кем? А мы просто однажды гуляли вдоль озера, вдоль пруда против Шереметьевского дворца мимо церкви и даже не катались на лодке. Видишь, как важно присутствовать на большом собрании.

Тогда мы прошли с черного хода.

Журнал я не смог найти, хотя по идее он сохранился. Там еще была единица хранения КН ПУ. Фоном служат пропорции этрусской вазы. И та русская страница про турусы на колесах.

- 8 -

У нее во всем мире нет таких читателей, как мы с тобой. Давай ей письмо напишем. Она у нас разрослась до альбомов "К Б" в 20 томах за 10 лет чтения. Такая энциклопедия получилась. Я все мечтаю сделать алфавитный указатель к Нине Хиббин. На это еще 10 лет надо потратить. А она об этом и не знает.

Нужно, по крайней мере, пронумеровать по крайней мере то, что выделено и лежит в папках, не считая неразобранного и оставшегося в штабелях макулатуры /смерть письменному столу!/. Нужно.

Пробормотав что-то вроде "старый шут гороховый", она закрыла записную книжку и вышла в фойе. Тут висели рисунки, которые можно было рассматривать. Хочу увидеть табель о рангах в живых картинках. Поэты иначе выглядели в похищенной стенограмме. Ему важно было сказать: работаю в музее Льва Толстого. А вы никому не говорите, в каком виде вы его видели. А мне и некому было сказать.

Тут нельзя говорить про Булгакова. Тут его ненавидят. Музейные старушки суетились за ширмой, слышался звон чайных чашек о блюдца.
Мы пойдем на Божедомку. Там будет Старый Человек делать доклад.

Структура колоды карт — 36 — странно выглядела в книге на 700 страниц убористого шрифта.

\- 9 -

Странные отношения сложились у нас. Тут даже нельзя сказать про амбивалентную любовь. Выходит на первый план другая доминанта. И труд и работа и упрямство и еще что-то. Еще что-то отсылает нас к ветхим заветам, а потом мы опять возвращаемся к ветряку. Да здравствует рыцарь печального образа! Теперь это Кьеркегор.

Правила уличного движения.

Подойди поближе, ты увидишь: пассажир — как все пассажиры. Слишком много возможностей, такая беда не грозила. Как работает техасский миллионер. Как пишет Стэнли Гарднер.
Я посмотрел и махнул рукой. Они определили твое место в своем микрокосме, и ты должен быть доволен. Коридоры не нашей власти сужали горизонт. Коридоры наводили грусть. Сколько я буду таскать тяжелый чемодан с одного места на другое?

Не захотел знакомиться.

Я спать хочу.

"Свет погас" написан в 1890 году, приблизительно в одно время с "Тесс из рода д-Эрбервиллей". Тяжелый язык, трудно читать, теперь так не пишут. Но история меня задела. На одной странице сразу все наши знакомые: и Айрис Мэрдок, и Джойс, и Симона де Бовуар.

\- 10 -

Такая нелепость всегда начиналась с "ну разумеется". Отошел и увидел. Единство достигалось уходом в каждый день. Единство достигалось карманным форматом. Там было что-то приблизительно такое. Такое утешительное соображение. Последний вывод: мы всегда были там, где должны были быть. Поиски кончаются возвращением. Есть калитка в стене, туда нужно проникнуть. Никогда в прежнем виде не выйдешь из калитки в заборе, но всегда будет жив, кто готов иногда умереть. Опять кружение заставляет нас повторяться, но каждое повторение по идее повышает уровень. Но мы всегда возвращаемся, хотя количество не дает новых качеств. Посмотри на груды книг, проверь выписки, и ты увидишь. Отходы убраны, леса сняты, вот вам результат. Сказать можно было и покороче, но нельзя было перепрыгнуть выше определенной высоты. Гимнастический зал извне в такой день, ярко освещенный, знакомые голоса, вот где идет жизнь. А я ушел из этой жизни.

Античная история.

Теперь мне ясен этот бзик с переплетами. Момент в начале: что это такое? Момент в конце: не вижу разницы.

В доме дружбы австралийский поэт читал стихи.
Я чувствовал, жизнь проходит мимо, но есть некоторые, которые получают максимум удовольствия. Эркюль Пуаро скрылся. Мне стало скучно. Он появился во фраке, галстук бабочкой, тут он представитель: представляет компетентные органы. Ко мне он хорошо относился, поэтому я не обращал внимания.

Классовая борьба за столиком продолжалась.

- 11 -

Человек из Минска появился в архиве в день смерти Олдоса Хаксли. Вчера умер Хаксли. Вчера убили человека из Минска.

Два Ерика, два маленьких с. Мефистофеля, четыре России и одна о. Америка — почерком Бернарда Шоу написано в июне 65 года спустя 2 года после убийства президента Кеннеди. Легко было писать про шмон на горизонте.

Незабудку не забуду никогда.

Но ее идеал — Ремарк. Она — почти копия леди Кэт из "Фиесты", но "Смерть героя" она не читала, а к образу роковой женщины Олдингтона в рассказе "Поверженная в прах" по-русски относится резко отрицательно: и вам нравятся такие женщины?

У поэтов есть такой обычай: в круг сойдясь, оплевывать друг друга. Все-таки Бог, она уверилась в этом, — человек нашего круга. А Дьявол вообще — свой в доску /сказала чортова девка: "И чего на нее напали?"/. Были все свои ребята: Колька Некрасов, Мишка Лермонтов, Сашка Блок, Федя Достоевский. Все свои.

Мне кислое вино противопоказано с тех пор, как написаны стихи про кислое вино. Поэт за это стихотворение получил вторую группу, а хотели дать третью.

Ю. Титов в Лондоне.

— Так вот вы где встречаетесь!

У заплеванного автомата, где за копейку по идее можно выпить стакан воды. Но только по идее. А на самом деле никогда нельзя. Или автомат не работает. Или стаканов нет.

- 12 -

Я напрасно поднял эту вещь. Завещание чудака — почему-то 10-я глава романа "Прожигателя жизни ждет катафалк". В декабре в кафе "Мороженое" отчетливо был слышен запах тюремного дворика для прогулок. Вот тебе и удар по че-эчеству. С тех пор прошло 4 года. В кафе "Мороженое", естественно, нет кофе, но Азиз Несин нам еще не разъяснил это положение, а Елена Усиевич не собиралась переводить с турецкого.

Инфернальная женщина коммунальной квартиры ждет, не дождется моей смерти. Ей снится моя комната. Покойница была права. Все произошло гораздо быстрей, чем предполагалось. Она острила на это счет летом, весной простудилась, схватила менингит, а через 2 месяца соседка уже втащила в ее комнату свою кровать с красными ленточками. В это же лето товарищ Жданов разгромил Зощенко и Ахматову. Я помню колючую пыль с песком на малаховском шоссе.

Влияйте на него, влияйте, только морально. Человек из Центра отмалчивался, и ни по одному из признаков нельзя было догадаться, знает ли он или не знает. Он знал. А ей все-таки не сказал. Удивительно.

Домик в Гендриковом переулке не фигурировал уже давно. Не пожелай жену брата твоего. День рождения И. Тарантова был отпразднован в соседней комнате. Ты почему не пришел? Он на тебя обиделся. Очень обиделся. А. Леонтьев спрашивал.

Одесский франт не спрашивал. Одесскому франту не нужно было объяснять: он все понимал и без объяснений.

- 13 -

Сейчас я начну повторять в сотый раз одно и то же. Именно это в связи с памятью Сергея Черткова на улице Фрунзе бледная девочка осторожно высказывалась о погоде в декабре. Мы с мамой пилили дрова. Я читал "Цитадель" Кронина. Я занимался обратным переводом и в Лопухинке разговаривал с Жантиевой по поводу погибшего романа.

И э т о.

Испытанная дерзость не помогла. Испытанная дерзость на Зубовском бульваре просто осрамилась с переводом Паустовского на английский язык.

Почему вы не купите себе пальто?

Злая девушка:

— А теперь пойдем бриться.

Ну нет. Нет, вы полюбите нас небритыми, а бритыми нас всякие полюбят.

Очень похоже на первую главу романа Киплинга "Свет погас". Разве можно после стольких лет возвратиться к телячьим нежностям первой любви? Французы говорят: можно. А французы дело знают. Где-то в Ленинграде рассказ о ночи на скамейке сквера против Ржевского вокзала. Общежитие консерватории не играет.

Радиусами рисунок пола в метро у перехода на станцию площадь Свердлова с площади Революции. Она показала паспорт.

Мне не понравился ее голос при втором разговоре по телефону. Можно подумать ЧТО.

Где-то в середине у Киплинга пробивается в одном абзаце что-то похожее на поэта, написавшего стихотворение "Если". Но с натяжкой. Но только потому что ищутся все знаки и все намеки. Мог бы написать и другой человек.

- 14 -

Доктор Молчанов просил перевести дневник Симоны де Бовуар: это так важно для н а у к и. Вы не смогли бы? Что за вопрос! Конечно! Конечно, конечно. В этот день нам море по колено. В этот день я и с вами мог бы в шахматы.

Слабак! Слабачок!

3-я попытка большого дайджеста свелась к классификации 4 категорий т а б у. 4-я попытка: ни дня без цветной Ленты.

Цветная Лента звонила спрашивала: а рецензия на "Записки сумасшедшего" готова? Что она делает? Она отбивает кусок хлеба у голодного человека. Она получала алименты и у нее сколько богатых друзей и у нее каждый день "ТАКОЙ РАЗМАХ", а у Него пальто нет и денег на болгарские сигареты: сейчас мне звонил, не найдется ли для него один рубль и где продаются болгарские сигареты. Что она думает?

А Цветная Лента разве получает алименты? А я не знал.

3-я и самая удачная попытка большого дайджеста была у Балтийского моря и называлась "на полях уже написанной книги". Вот был интересный разговор.

Странный парень.

Специалист по звукозаписи. Разве это он получил премию за разработку нового метода спаривания телефонов? Нет, нет, это его лучший друг.

Атмосфера "и черная фуражка на вихрастом мальчишке мелькнула как" а с п и д и с т р а в 58-м значении этого слова. За тобой наблюдает Большая Сестра. Ты попадешь в н а б л ю д а л о в к у. Вас понял. Спасибо.

Доктор Молчанов интересуется: а

\- 15 -

Ритуал начинается с Цветной Лен-
ТЫ /мне не рассказывай о том/.

"Анапест" — это амфибрахий. А "амфибрахий" — это анапест. Я не могу вас поддерживать в качестве великого орфического поэта потому, что хоть у вас и есть 4 — 5 тютчевских стихотворений, рядовые ваши стихи — не выше стихов Андрея Белого, а Андрей Белый как стихотворец просто бледнеет рядом с Есениным и Блоком. Ну а для него и Есенин — не икона.

Она живет на улице Измайловский Зверинец, дом 58, кв. 10. А сын человеческий не знает, где купить болгарских сигарет. У лисиц есть норы. У меча есть ножны. У пистолета есть пули, у вас есть затылок, а у него нет пальто, а на улице знаете какой мороз? 25 градусов.

Ему бы ваше гнездо.

Теперь в моде человек-факел. Теперь в моде обливаться керосином и поджигать себя спичкой. Спичка есть?

Два шестидюймовых гвоздя в рассказе о распятии британского писателя Джозефа де Хэвилэнда. Священные 5 дюймов — это фрейдистский символ. Не для суицидов.

Она вспомнила Марселя Прево на 31-й странице романа "Очень легкая смерть", перевод Н. Столяровой.

68

\- 16 -

"С ПРИВЕТОМ"!
Такая жалобная книга.
Жуткое количество робких
подходов к "Тропику рака".
  Там был разговор о рыбе,
а тут сама рыба. Там было
стихотворение про рыбу,
а тут второй орфик. А где
"Аквариум, в котором она
сварила у х у"? А кто ел
уху? А эта СТЕР-ЛЯДЬ — это
тоже нарочно?

- 17 -

"Реквием" — это КРУТИТСЯ КОРИЧНЕВАЯ ЛЕНТА: ага! а где ваши позументы? Лейтенанты проверяют документы. А откуда брали летчиков? А кому давали ленту? А кто сказал "телефон этого мертвеца"? А кто это Франц Кафка? У него телефон есть? А на работе? Адрес Саши Черного? Телефон Андрея Белого?

По какому адресу найти Казанову? Каза Нова — это где!? Крейцвальд 10 — где сейчас работает?

В 22-го не стрелять.

Уловка-69 не похожа на улыбку-58, а прошло только 11 лет. Где бы достать "94-й год"?

Его машина была 20-я, но он ничего не видел и ничего не слышал. Враки. Машина Б. была четвертая. Он проглотил ампулу.

Лиза-то? Хорошая девка — Лизавета, а чего они на нее нападают? Она баба с юмором и из себя еще ничего себе. Да она им и Букингемский дворец может подарить, чтобы они его ЗА-извините-за-выражение. А принц Чарли — свой в доску. Ему ничего не стоит подарить англичанам 200 000 фунтов. Да только вот вопрос: кто и на что их истратит. Принц Чарли откажется, а какой-нибудь Вилсон купит на эти деньги еще одну подводную лодку с ядерными боеголовками. Так что лучше?

Пусть развевается а с п и д и с т р а.

- 18 -

Я не знал, что они мне понадобятся, эти кинофильмы Нины Хиббин 58 года. Я бы одними фильмами заполнил бы столько страниц.
А теперь бы просто прочел и выбросил.
Невероятный уменьшающийся человечек появился в Лондоне — в каком году?

А он в это время сидел и печатал на машинке Четыре РЕЦЕПТА ИЗ "Недели" — КОГДА ГОСТИ — ТРИ ТОВАРИЩА — БУКВАЛЬНО НА ПОРОГЕ. Это было про 30 января 1969 года.
Перепечатывать отчет о распятом человеке из зала суда в Лондоне не успел.
СЮДА же
о
РАСПЯТОМ ЧЕЛОВЕКЕ
/Сон в Москве 1965/

79

продолжение старого разговрра 25 стр

старый разговор

2

Datum

Besteller

BESTELLUNG

Aus dem Verlag für die Frau, Leipzig, werden bestellt:

——— Expl. UNSER KOCHBUCH

——— Expl. Pikante Kleinigkeiten

——— Expl. VON JAHR ZU JAHR
Das Jahrbuch für die Frau 1959

——— Expl. Frauenkalender 1959

MODE
HANDARBEIT
HAUSHALT

Verlag für die Frau
LEIPZIG-BERLIN

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОГО РАЗГОВОРА 25 стр

1

Суеверный страх перед всякими подсчетами /страниц, конечно, в указателе/, — и вот плата за него: висела на колу мочала. Было английское слово. Куда-то в старый давно забытый роман. И странный ритуал.

Ни в какой земле на всем земном шаре нет столько чудаков, как в Англии. А он почему-то уехал во Францию. Один шаг — Па де Калэ. Рукав от чужой жилетки: Тришкина забота.
А потом уехал на Таити. Когда ее не утаим? Вот когда. Когда начнешь рассматривать складки и репродукции.
Когда даже цитата из второго послания к корфинянам будет звучать актуальнее рисунков художника Тышлера к поэме "Улялаевщина".
Но говорят, что это был не Сельвинский.

Проще все перечислить.

Кинокритик — Вера Шитова — хороший человек и тоже несчастная женщина. Она похоронила автора книги "Телевидение и мы". Она до гроба помнить будет. А что если в свою возьму цветную ленту. Как называется ваша новая эпоха? "Цветная лента — враг тишины".

продолжение старого разговора

2

Была французская острОта. Вам же требуется " м о " ?
М О !
Уже не требуется.

Но еще совсем недавно рыцарь печального образа был такой шутник, такой веселый парень и блестящий собеседник. Когда паяц не давал отдохнуть паяцу. Когда мы ссорились с приятелем из-за Вас, моя черешня. Содержант изящной словесности выдвигает новые требования.

Чудо-юдо рыба-кит: швед, русский рубит, колет, режет. Вот какая картинка нужна. Всех чаще мне она приходит на уста. Череп пока не нужен.

Ты должен был его КУПИТЬ. Я? Должен? И это еще?

Дубовые листья покраснели от такой наглости, а я от возмущения 5 минут молчал, и это молчание входило в сказку. Да.

Рассказ о гантелях не закончен. Пропорции этРУССКОГО кувшина не попали в тарусские страницы.

75

продолжение старого разговора

3

Летом забыл про цветную ленту. Что-то случилось. Эту страницу нужно просто читать вслух и все. А потом в качестве факта сообщить, к чему это привело. И Левитан и Овсянников и Сезанн — никто не был доволен романом о салоне отверженных. Мосье Золя не знает, как правильно писать слово "засирать". А это уж кажется каждому мальчишке известно. Чего вы хотите от такого, с позволения сказать, романиста?

Господин Золя приписывает своим друзьям свои собственные сексуальные неудачи и неврозы. Господи!

Тургенев в своих письмах тоже не стеснялся.

В морозы все чаще ей снится акционерное общество с ограниченной ответственностью "А. Б. Лимитед". Это этично? Я должен был покраснеть, а я побелел. Всякие нападки на писателя Мельникова вызывают жуткие возражения. Всякие восторги, связанные с Андреем Печерским, вызывают бурную реакцию. По-моему, он позер. Позор — так говорить. Нашли про кого говорить гадости. Я про него не буду говорить вообще ничего. Знак согласия тоже вызывает возражения.

76

продолжение старого разговора

4

Кинонеделя в Лондоне — почти единство, почти единственный КЛЮЧ, соединение того, что было, с тем, о чем мы читали и чего никогда не увидим. Ту же роль в другом доме выполняли штабеля итальянских газет. Архив. Порядок в танковой части у архивариуса, который читал стихи. Задача по идее облегчалась: не мои стихи, я их и не читаю. Напишу "Охранную грамоту", подарю "Вступительный очерк" о д н о м у ч е л о в е к у, а потом /под "Белое солнце": я молю, изнемогая и любя, подари себя как купленный предмет/ можно и ждать-ожидать.

Поэзия Аполлинэра пришла к нам летом 1960 года через "Униту", но нас интересовала тогда только "Девушка из чемодана". Так говорил консультант по итальянским кинофильмам. От Содома и Гоморры к Юлию Цезарю, от похищения сабинянок к саге о Трое, от белых ночей Лизистраты к вакханкам, от Афродиты к Родосскому колоссу. Так двигалось итальянское кино в июле 1960 года. А мы читали Нину Хиббин. К тому времени у нас было только 965 обзоров Нины Хиббин, и мы еще не теряли надежды привести все это в порядок.

И мы еще не теряли надежды увидеть то, о чем мы читаем.

Немецкая библиография вторглась, как захватчица наших старинных англо-саксонских интересов, но для равновесия существовал Асаркан и "Отдых".

Последний "Отдых" был превращен в "Фитиль", последний переплет с телячьей кожей из-под Британской энциклопедии получил все-таки Асаркан и после этого ничего не было.

77

продолжение разговора о гипнозе

5

5 минут без пауз скороговоркой, 8 минут с паузами. Вот образец — Бернард Шоу о Бернарде Шоу в день рождения по телевидению: ему исполнилось 90 лет. Это произошло в день 26 июля 1946 года.

День смерти мы встретили на Пятницкой. Есть на свете город Каир, никогда я не был на Босфоре, ты меня не спрашивай о нем. Вот в Рио-де-Жанейро я и хотел жить. Могу устроить? А деньги? Ну это уж вы как-нибудь сами. А белые штаны? У меня нет белых штанов. У меня тоже. Нет уж раз визу, значит и деньги. Раз деньги, значит и белые штаны. Начнем с белых штанов. "Начнем с отделения милиции". Сексот был пьян и не заполнил протокол, а то было бы 58-один-"А"-через-17 уже в 1949 году. /См. последний разговор по телефону из романа "Прописка и любовь"/.

Оля Хмуриц пишет незанудливо, но все-таки и не-наоборот. СЛОВА ПОЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА тут имели такой смысл вроде как "и все-таки вам не ориентир" в том смысле. Вам тоже нужно уловить стиль жанра, если вы понимаете жанр стиля. Ну тут конкретные редакционные примеры, а Поющий Человек — зав иностранным отделом: с конкретными примерами из пачки журналов, которые лежат на столе. У рубрики есть характер, и это характер Оли Хмуриц. Она потом выпустит книгу "Все о балете", а всем знакомым будет рассылать экземпляры своей книги с приклейкой "НЕ все о балете".

Так начинался театральный роман у нашего общего друга.

Поэзия Аполлинера в июле 60 года: привет, Шишкин! Он любил рисовать лес, а издавал какой журнал? Об этом никто по-русски ни слова.

с т а р ы й   д а й д ж е с т

ПО НАПИСАННОМУ В ИЮЛЕ 1959 ГОДА /30 стр./

6

Гаврики ловят рыбу в мутной воде. Полное собрание вырезок в архиве Т. П.-А. составил начинающий сикофант из 3-й когорты. Пособие для сексотов и наживка для рыболовов-профессионалов. То совесть мучает, то зубная боль. Так и идет жизнь. Каждый день 1 час за машинкой с английским шрифтом — в поисках утраченного рая: и слова "савецки саюс". Лучшее средство полюбить всеми изруганную Россию — 4 месяца пожить заграницей.

Идеолог поножовщины сказал: "Страшен обиженный человек, когда он чувствует свое право М и П СМ". Я поплакал бы над судьбой одной капли воды, не попавшей в море, но ее путешествие навязло в зубах, а плакать я разучился. Наша жизнь — как "Стены Малапаги": начинается зубной болью, а кончается арестом.

Кому орден, кому слава, кому мутная вода: в этом огромном мире-море, где действуют только большие неличные силы, играют роль крупные нечеловеческие величины и имеет значение только то, что выходит за пределы домашних категорий.

— Всегда был ершист, ехиден и ядовит, — это А.И. Цветаева об Эренбурге. Седые волосы, встрепанный вид, 60 лет, но все та же энтузиастка, курсистка, и не просто интерес к чему-то, а одержимость. Все-таки им трудней, чем нам: нам — скрученному поколению, им — обломкам, окаменелостям, призракам, теням, остаткам прежней роскоши. Они все помнят.

Чечены точат кинжалы, искусство требует жертв. Ну это я переписывать не буду. Это для СПП.

Он подавал надежды прежде, теперь доносы подает. Кому еще лавры Рафы Мильмана не дают покоя?

У П Р Я М С Т В О , ДОСТОЙНОЕ ЛУЧШЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

7 а

26.1.69
Что ужасно обескураживало
своей видимой несостоятель-
ностью. Именно так всегда
начинался новый интерес.

У П Р Я М С Т В О,

ДОСТОЙНОЕ ЛУЧШЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

- очень хорошие слова в заклю-
чение "Что стоит за спиной"
/четыре цветка/.
На этом можно было и остано-
виться, но ритуал имеет види-
мость продолжения.   26.1.69
  Сила удара у них у всех не та.
Они привыкли к нежному обращению.
А "Эрика" вообще не терпит куриль-
щиков с зажженной сигаретой. Тоже
мне мечта-машинка: того и гляди, что
кожух загорится.
Она лежала в лодке и смотрела на облака. Она
отдыхала наконец. Она мечтала обо всем не све-
те и о себе немножко. Какая бы она была, если
бы не была такая, какая есть?
  Или грести против течения.
  И жуткое вино хорошо своей оформленностью.
8 минут по телевидению, мы прочли готовый пе-
ревод за 5 минут, но конечно слишком торопли-
во. У них фикусы, а у нас фокусы-покусы. Ты не
веришь, что в коммуне остановка? Я же люблю в
мире слов. Пусть развевается аспидистра. Я бу-
ду пить какао под сенью аспидистры.
  Тревоги были те же самые.

Только текст для
разрезки, наклеен-
ный на ЗАКЛАДКИ,
для чтения вслух,
сможет оформить
"Упрямство".

у п р я м с т в о

2

7 б

"Еще!" вот что нужно было сказать. Мало! Нужна еще одна суббота на неделе. Утро началось с золота в 62 году: только не с первой страницы, а там, где появляется Наполеон Иванович Заикин в галифе и тапочках.

Переплетный вариант 2 часов на ленте нас не устраивал. А когда же продолжение? Хочу продолжения. "Отрава!" — сказал Макаров, развернув первую страницу с надписью "Отава". Кстати, в "Тихом Доне" говорят "атава". Кстати, Макаров чешет затылок. Это займет не больше 4 часов.

Информация художника Соболева /"Стукач, но из романтических соображений"/ пригодилась только художнику Нолеву. Жена Даля Орлова не обратила внимания. А за это время утеряна рукопись "А за это время". Там был приход Леонида Лиходеева в кафе и разговор о наследственности, которая передается от З. Паперного через К. Озерову только к дочке Вадика или к сыну Оли.

Эта чудная пара.

Путь-дорога московского журналиста, кислый виноград: нетворческий союз, а в ЦДЛ у него "гостевой билет". А ее не пустили. А она не только член союза, но и начальство в секции кинокритиков. А его "попросили из" Литературки "сами знаете из-за чего". А у него сорвалось со смертью Зверева. Вы всюду много учились, патрон! А ты знаешь, каких профессоров я слушал в МГУ? Вырезки только про моих личных знакомых. Как — зачем храню? Я же журналистка! Единственный в Советском Союзе документ, который дает право на буржуазный образ жизни. Ну там свой секретарь, казенная дача или дом творчества и обязательная поездка заграницу. Это не мещанство. А что мещанство?

81

р и т у а л

3.2.69

8

Тот же большой дайджест, только по памяти. А от памяти ничего не осталось. Вот что вышло в ритуал.

Старательное выписывание незнакомых слов. Я их накопил столько, что удивляться надо.

Я ищу фотографию. В поисках фотографии я перепутал звуки: из фанатичного получился фонетичный эпитет. Историк собрался в музей. Вы расскажите все про историка. Она была обижена и оскорблена: только не о себе.

"Дежурная красотка" — так называется этот фильм Луи Бюнюэля.

Сколько было там ненужных стараний, просто ужас. Только таким способом достигалось единство. Значит — было неинтересно.

BELLE DE JOUR — The most beautiful, generous, lightly self-mocking piece of pornography that can ever have been made by a great film-maker. Luis Bunuel's view of a high-bred girl with sadomasochistic longings is compassionately comic and formally the work of a master.

Только таким способом мы и могли отвлечься от постоянства. Фильм про верховья Амазонки отбил вкус. Уж больно все это не по плечу. Звуки врывались со страшной силой. Я забывал, что искал. Искал одно, находил другое.

Но было иначе.

9

Что и ужасно при такой постановке вопроса. Мне нужна фраза, окрашивающая пейзаж. Мне нужен пейзаж, проникнутый тоской, морозом и желанием, как в декабре 1937 года. Месяц в деревне. Отношение к черновику пусть вас не смущает. Вы же получили свою долю удовольствий от "Эмануэлы", несмотря на весь ее недоделанный вид. Какой это год был? Ах, 53-й, ну тем более. Я почему-то думал: 54-й. Еще один самосожженец. Еще один претендент на звание "совесть эпохи". И при том самозванец. Тут где-то мелькнул китайский вопрос, на который почему-то надо отвечать по-японски. Целый год трепалась жирная лента, наконец-то я ее сменил. "Пусть развевается аспидистра" — вот приблизительное название. С одной стороны, это фикус и занавески в каждом доме или канарейка, с другой стороны, знамя, флаг, символ. А она мне говорит: найди! А она мне говорит: процитируй! По ее понятиям, это Шоу. По моему мнению, это К. Леонтьев. А потом окажется сэр Лорэнс из "Конца главы". Или Печорин из "Героя нашего времени". Или солдат Пруит из романа "Отныне и во веки веков".

Мне нужен знойный пейзаж, и бронзовая фигура спортсменки, которая выходит из лодки на пляже. Нельзя выбирать невесту на пляже. А он именно там ее и выбрал. Не из снобизма, а для равновесия, потому что всегда крайности, с которыми надо бороться. Если это дает что-то, будь доволен. Давало тогда. Не надо было читать все подряд и, тем более, с начала. Если бы все было так просто. Я все еще шарахаюсь от рецепта. Пусть кто-то еще.

83

10

Старый дайджест был сокращен на половину. Странно все получается. Впрочем, это особенность всех тогдашних дайджестов. Вместо слова-примыкания совершенно несусветное слово-обобщение. Эпоха. Любовь. Франц Кафка. Вавилонская яма. Из-за этого, наверно, и Лихтенберг портит Пушкинскую площадь. Из-за этого.

Ритуал. Выбросить.

Странные вещи происходят с черновиком четвертого варианта. Нет, лучше переписывать названия кино-фильмов. Нечто неизбежное. Как "Лошадь у озера". Моя белая добрая рысистая кобыла сошла с дистанции, а усталая собака ни на шаг не отставала от задних колес.

Ighten once more. If they opened their newspaper one morning and read that Christianity has been abolished — EXACTLY THE SAME. You may tell, shortly, they do not care a rap. So much for the wimble-wamble of the common world. So much for barking up the wrong tree.

Voulez-vous penser avec moi?

Une verre d'eau de vie.

Exactly the same. Can your wife afford your funeral? My wife can't, I'm sorry to say.

Щ Ч Ж воспринимается как торжество еретика над великим инквизитором. Липутин, Лямшин, Лебядкин — я тоже теперь все время путаю этих композиторов. Нас уверили, что доносы на нотной бумаге вышли из моды. Мы поверили.

84

11

Заброшенная сторона, она влияет. Вот учебник литературы, где сохранились подчеркивания карандашом. У меня был друг, он так работал над книгой. У нас был вождь, он так работал над историей.

Мокрый снег. Сосны в Архангельском: поскольку все забыто, можно и не писать про Абрамцево. На портрете Гоголя приклеена вырезка: хитрый хохол, это видно с первого взгляда. Была такая книга. Было такое время, когда она лежала на самом видном месте.

Если круги расходятся по воде так медленно и так плавно, значит — над рекой стоит тихий безветренный летний день. Или вечер, когда квакают лягушки дружно, громко и создавая особую тишину, наполненную громким однообразным шумом. Звуки нас не раздражают, мы привыкли к таким звукам.

Avec cet air de penser à des choses pas difficiles à deviner, qu'elles ont toutes, les femmes, quand l'amour les rend maboules.

" — ignorant toff!" he was thinking. "Asking for whisky in a — beer 'ouse!"

Эта продажная девка по имени "Эрика" или "КомбИна", все они продажные, и имена у них такие. То ли дело бескорыстный "Орел" или "Кляйн Адлер". Ты думаешь, она когда-нибудь кривит душой? Она специально подделывается под ханжей, дураков и приспособленцев. Она это считает своим долгом и заслугой. И при этом, она плохо пишет.

Дайджест по целой книге только один раз был хорош, когда ею нужно было заинтересовать и после этого появилось непреодолимое желание ее прочитать. Но вот книга есть в переводе, и кого заставишь читать в подлиннике? Чем-то еще.

85

12

Это появилось из завалов, когда было нужно найти одно, а находилось другое. Я хотел пересказать "Творчество" Золя, а потом прочитал английскую рецензию на фильм "Мужчина и женщина". Такая явная тенденция — заморачивать голову ерундой.

Хариус — красивая рыба. По своей расцветке — картинка из старой энциклопедии. Вот был интересный эксперимент. А мы прошли мимо. 5 страниц "Поплавка у Аксакова" на той странице, где появляется Жорка Милованов и начинает бурную дискуссию о художественной литературе с Шуркой Дмитренко. Я сразу понял: тут столкнулись две идеологии, два мира и две системы. Но я же не в курсе. Но я даже и книг таких не видал. А они все время — названия книг, имена писателей. А мы катались на коньках. Летом сплавляли на головля. Этому научил Жорка Милованов. Сейчас мы катались на коньках с Шуркой Дмитренко. И, пожалуй, впереди у нас — школа живописи и рисования. Для живописца не так уж важно — плохо знать художественную литературу.

Человек, которого надо уничтожить. Именно классовой борьбой и кончались все столкновения как на катке, так и на волейбольной площадке.

Они шли по льду, покрытому небольшим слоем снега, а я катился на коньках и делал вокруг них круги. Мы собирались в клуб. Наверно. Но мне пришлось выбирать. Меня томил спор, потому что я ничего не понимал, о чем они спорят. Когда представитель старого мира удалился, мне пришлось согласиться с представителем нового мира.

86

13

С интонациями "и молча в открытые люки чугунные пушки глядят". Значит, читать надо быстрей и только дайджест или слова для разрезки. Вот первая страница "Поплавка", например. Вот четыре последних страницы "Кирпича". Цветная лента вышла в ритуал. Ошибка с интонациями Божьего Одуванчика. Андрей Белый презирал Б. О.

Одну молитву тоже нельзя читать без "удивительный мечтатели народ" /Бродский или Слуцкий? Я сказал: Лермонтов/.

Работа — не цикута — у которой нет конца. У цикуты конец известный. Известно.

Говорящее письмо — лучший подарок. Я решил спуститься в метро: все равно, 40 минут ждать такси. А за это время я буду уже дома.

В утреннем потоке на улице Горького у гостиницы "Центральная" мелькнула фигура Урагана. Ноябрьский воздух отскакивал от асфальта. Слов в марте еще не было. Но конец клуба уже был. Метонимия в книжном магазине была еще без аспидистры. Морозный воздух, ненужные тревоги, трезвость утреннего взгляда на мир.

В час выдают деньги в "Искусстве".
У яванки нынче бледный вид.

87

14

Не видала ты подарка
от донского казака. Теория игр с бабочками в долине реки Амазонки. Мне плохо было, но я промолчал. Мне захотелось сказать пару слов, но я все-таки не сказал. Тогда не нужно было и брать женщин русской революции.

Нас потрясали одинаковые лошади. Я не успел рассказать про голубые шорты. Он перебил. Он стал рассказывать про стриптиз в Лондоне и что сделал С. Наровчатов. Откуда такая информация. А ей Сергей Сергеич сам рассказывал.

А Ираклий он такой: он ничем не может заниматься, пока она в голову не ударит. А вы историк?

Я пошел самой дальней дорогой, чтобы никого не встретить.

Удар последовал откуда не ждал.

88

15

Работа, у которой нет конца. Коричневые лабиринты
молчали. Из целого фильма только три кадра, но они
жгут. Сухая морозная погода. Своя судьба через 40 лет.
Только способ избавиться от того, что тошно перечесть.
Пародия чуть-чуть трагична, как "Дон-Кихот" Сервантеса.
Слишком много лишних слов. Библиотека — один вздох.
Что недолговечней — красота или пародия? Второй план
уходит, стилистика остается. Вольному сердцу на что
твоя тьма? Нам страшней и косогоры и овраги. Мы
кричим: полегче, дуралей! Тут много схвачено, что потом
не подхвачено. Подхват блистает своим отсутствием.
Но для того солнца это был гигантский протуберанец.
Все время одним и тем же молотком заколачивать один
и тот же гвоздь, и бить по шляпке, а не по пальцам.
Выгадывал второй разряд, но первым быть хотелось. Меня
не смешила их измена. У каждого пласта 14 слов через
запятую. Собачья потребность выворачиваться наизнанку.
Оттого и дороги мне люди, что живут со мною в глубине.
Тут крутой поворот. И тут слышнее стали звуки,
не умолкавшие во мне. От них отойти бы подальше.
Куча нейтральных слов: куча непровеянного зерна.
Иду жалеть. Не обманывать жизнь? Слова, слова, слова.
Они дорожат другими ценностями. На ступеньках крыльца
лежал снег. Лес для меня то же, что для вас вода.
Да, но это настолько ни на кого не похоже, что никого
не касается. Я не люблю слабых людей. Все зависит
от количества прочитанных слов. Лошадь у озера.
Пора спросить с Обещалкиных.

РАБОТА, У КОТОРОЙ НЕТ КОНЦА

Куча нейтральных слов

23.1.64

89

продолжение старого разговора

16

ENTBEHREN sollst, du sollst entbehren. Das ist der ewige Gesang. And I have to admit I am not so even-tempered as I was in conversation. The other day I even contradicted my aunt with some asperity. And I snapped at a waiter. Every one they don’t know is an outsider, and they love to keep the outsider outside. Suddenly the interest goes out of him. He forgets you. He doesn’t care a rap for you — under his very nose. I’m grateful to him because he helped me to keep alive when a legion of the swine were trying to destroy me. And my mind’s a bit muzzy. I mildly supposed so. How war muzzles the dramatic poet. Truth telling is not compatible with the defence of the realm. MUZZY means dull, spiritless, stupid from drinking. I mildly supposed so. I respect your silence, my boy, but I will respect more your babbling. I’m galvanizing myself into an activity. ’Tis pleasing to be schooled in a strange tongue by female eyes and lips. Now, what do YOU say, Mr. Bosinney? You’re an architect; you ought to know all about statues and things. Yes, Bosinney, what do you say? The work is a remarkable one. Only Soames remained unsatisfied. Remarkable for what? For its naïveté. The answer was followed by an impressive silence; Swithin alone was not sure whether a compliment was intended.

Происходят какие-то физические процессы. Ветер дует, копирка пристает к бумаге. Видал нефть. Ничто не пробилось мне в душу.

Мокрый снег за окном. В такую погоду я всегда повторял стихи Пастернака. Деловой человек. Добродушный хищник. Ей было 26 или 27 лет в Париже. Она простудилась, когда писала картину.

Рыбная ловля ни туда и ни сюда. Это жуткое количество нагромождений с ужасной силой действует в одном направлении.

Она, в основном, себя описывает в восторженных тонах. Ах какая я красивая, какая необыкновенная, какая талантливая. Давно это было. В каком году мы читали "Дневник Башкирцевой"? Я согласна с Михайловским.

А если ваша дочь вдруг заявит вам, что собирается стать великой актрисой, отговорите ее и посоветуйте выйти замуж за директора мебельного магазина.

A girl who lives with her actor husband and conceives a baby by Satan. It was in June. In August, they said: and conceives a baby by alarming occult means. Mia Farrow in ROSEMARY'S BABY.

Почему-то он не пригласил Смоктуновского. Своя судьба. Я вам звонил, но не смог дозвониться.

Не знаю, не знаю. Опять мы с тобой несинхронно. Это роман про художника, который ослеп. Солдатский роман. У него и художники и журналисты — все солдаты.

91

18

Dubbed, by some apish decision.

Чем-то все-таки мешает.

Раскрой "вторую попытку", там — свидания залог. Один вид обещает массу удовольствий. Не знал, что кончится тем же самым.

Я ищу фотографию пулеметчика. С таким же успехом я могу искать встречи с Эриком Блэром. Вы мне, а я вам. Такой Шамфор, не похожий ни на какого другого Шамфора.
Кому понравится? Хорошо там про дублирование.

Dubbed, by some apish decision. Ну чего ты от меня хочешь, дорогой?

"ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕНТА" ЕЩЕ РАЗ

6.2.69

В декабре разбился Чкалов. Война нам представлялась далекой перестрелкой у турецкой границы. Разве можно разрушать города, мы же с таким трудом их строили. Не может быть. Но классовый враг не дремлет. Объективно, это была вылазка классового врага. Зачем же тогда так много было переживаний? Не целина, не мир, не гиперболойд. Один раз мелькнул интерес, но только один раз.

Наводнение на Неглинной спутало все карты. Опять мой симфулятор сработал как троллейбус в обратную сторону. Я уже купил билет, как вдруг обнаружил: нетуда еду.

НЕТУДА.

Изучай детские считалки, присказки и вообще фольклор. Одна старая дама в Дублине ему сказала: все это мне знакомо с детства. А критики ломают голову. А ученые исследуют и изучают и предлагают свои концепции. А я тебе что говорила?

92

19

Сшитки доставляли радость. Казалось, мы идем вперед. Вот еще два шага вперед. Именно шито белыми нитками. Можно было и запутаться. Чем-то прерывался непрерывный поток. Как только начнешь выбирать, так и прерывается. К подчеркиваниям не возвратился. Ритуал, не больше.

Разбросанность этих задач когда-то доставляла удовольствие. Я же решил, что это — тоже наводнение на Неглинной. Все, что идет после черного хлеба. Мне нужно было.

Все отходит, и устанавливается странное отношение к ритуалу. Именно три раза повторение одной английской фразы создавало возможность не ходить в библиотеку. Что я выдумал такого? Зачем мне еще разговорный французский язык в романе Габриэля Шевалье? Вздохнешь и не улыбнешься.

Тогда мне придется туда каждый день ходить. Ведь мне на один день книжка. А вы можете взять две. А там дают по две?

Ты можешь себе представить Маргариту Морицовну сидящей в читальном зале Ленинской библиотеки? Вот и я тоже. Где же все-таки достать "Обезьяну и сущность"?

Меня глубоко оскорбил такой разговор.

Один вид вагонных колес длинного товарного поезда из одних пустых платформ переносит нас в степь и молодость. Вот картинка живой жизни медлительных людей, живущих на просторах Южной Америки. Хотя я должен был бы помнить грохот.

У нас были одинаковые упражнения. И мы учились по одному учебнику. И даже слова искали по одному и тому же словарю. Вот что я хорошо запомнил.

93

продолжение старого разговора

20

Слово потеряло свой лик
в потоке речей,
рапортов, репортажей,
в потоке докладов,
доносов и деклараций.
Слову надо вернуть его
первоначальный смысл.
  Тоже мечта простака.
  Вид с моста на мужа
Мэрилин Монро. Что ты
можешь предложить
конструктивного?

продолжение старого разговора

1

21

Устоявшийся быт поражал своей неустойчивостью и ненадежностью. Я перестал удивляться. А книги накапливались и хранились, как будто люди собирались жить 200 лет. Лексика меня смущала. Он демате-/рился?/ риализовался, по его словам. Тут вздохнешь и охнешь. Бытовой пласт у философии мелкий, а возвышенность бытовых описаний отталкивает. Я хотел сказать, он усложняет простые вещи и упрощает сложные. Т.е. как будто занимается тем же самым. Но вот вам результат. Ни то ни другое читателя не удовлетворяет. Это все поражает жуткой напрасностью. Это очень важно и очень нужно — работать над французским произношением. На тот свет ты явишься с настоящим парижским прононсом. Вот Макс и Мориц — шалуны! — как знамя подняли штаны. Слова Печорина, а ты знал такого поэта? Впервые слышу. Какой Корнилов? На этот раз не Фурье был соединен со Стенькой Разиным. На этот раз чортова яма обошлась без поэта Мандельштама. Если бы он один читал. Если бы она мне эту книгу 30 лет назад дала почитать. Два старика — да, и у каждого губа не дура. Акционерное общество с ограниченной ответственностью, мы и понятия не имеем, что это значит. А что, у него теперь есть и свое издательство? Это мне напоминает Марину Цветаеву на Кузнецком Мосту в лавке писателей. Моей тетрадки никто не купил, поэтому я и не могла купить Кузмина. В таком же виде писали от руки, сшивали и несли в лавку. Русский язык у него, конечно, странный: "лже-имянный ревизор" — это вместо "самозванный", "самозванец". Гипноз не нашел. Где-то было насчет деревянного винта у перешивального станка.

95

продолжение старого разговора

2

22

Пропускание через машинку — истоки и смысл ритуала. Я нарочно, иначе такие слова не запоминаются. Трудно остановиться. Накопление идет по инерции. 4 часа урока французского языка вредно подействовали на чтение английской книги. Там была тонко выражена мысль, в которую верил умный человек. Врачи-убийцы. Болтун-романист наговорил много разных слов. А мне нужен широкий контекст. Волны. Амбивалентный поросенок. Вытащите его из хлева, и он будет — как и все — нормальный человек. Больше можно и не беседовать. Цикута в кругах главного художника, помню все реакции на близость Ж.-П. Сартра. Пусть все говорят, а тебе жалко, что ли. Им это очень важно — сказать небрежные слова, выказать великолепное пренебрежение, а вам пора бы уж и привыкнуть. От вздоха до крика. И не такие невинности вызывали гримасу раскаяния: накладные расходы, издержки производства, плата за прозрение. Что-то другое промелькнуло в новом примирении и даже новой ссоре. А жизнь не вносит поправок. А слова забываются. Последний переплет. Новый рыцарь. Мне захотелось рыцаря соединить с роботом. Разве это не одно и то же? Читатель Туркова обошелся без Николая Бердяева. Он пришел в восторг на одну минуту и забыл. Густая страница "Процесса" ни на что теперь не наводит. "Клошмерль" иногда раздражал своей легкостью и легкомыслием. Мы любили всегда тяжело. Чей это почерк? Хочу читать всю дискуссию по поводу треугольного сечения. Дамская рецензия нас не остановила. Считайте его покойником. Поражает их необязательность. Т.е. без них можно обойтись. Русский адвокат в Париже. Похоже. Слыхал такой рассказ когда-то я.

продолжение старого разговора

3

23

Чего я этим хотел добиться, я уж не помню.
Была странная уверенность. А я делал вид.
Мне не позволяют заниматься ерундой. Для них это плохая острота. Для меня это жизнь. Жизнь, от которой не могу избавиться. Какие-то забавы, которые потом перестают быть забавами. Выходит, что ничего подобного. Я выкручивал. Что значит выбрасывать? То и значит, что выбрасывать вместо того, чтобы пропустить через машинку. Уж куда легче. А вот вам результат. Все это на общих основаниях с несусветной ерундой. Даже с этим текстом получается такая же петрушка. Ни за что нельзя взяться, ни за что. Вот такая ерунда и способствует нагромождению. 106 страниц, которые я приготовил, были все-таки шагом вперед. Шаги меня волнуют. Меня волнуют шаги. The same problem. Your blustering demagogue or your blustering dictator feels ill and needs an operation, and there is either a disastrous patriotic quack who will make a mess of him anyhow, or some quiet, self-reliant but incalculable man with knowledge and a needle or scalpel, able to kill or cure. Why should he cure? Perfect piffle, I thought, of course. Жуткая ерунда, конечно. Все волновало нежный ум. Все превращалось в воду на нашу мельницу. Тем и жили. Я нарушил заветы, мне можно, потому что я кончил жить, но вы ведь только начинаете. Ваше время еще не истекло. Каково же было услышать те же самые слова из уст этой сволочи? Опять пробежал по коридору скелет, обтянутый кожей. Я видал других. Я уж промолчал, что сам был такой. Требовалась дистанция.

97

продолжение старого разговора

4

24

А потом все решается жуткой присобаченностью. И благосклонность вражеского взгляда туда же. Вот было великое открытие. Перевернуть порядок написанных страниц. Вывернуть наизнанку. Вот что я буду читать. Как это похоже. То, что потом называлось гордый вывод. То, что сначала называлось открытие мира. Каждый взлет проделывал эту траекторию. Суетность внешних забот наталкивалась на табу, а табу приводило к уничтожению. Гордый вывод не помогал. Актера пустили в мастерскую художника, так он, знаете, что рассказывал в кафе? Чужие глаза. А он тоже боится дурного взгляда? Выверенность и проверенность и испытательный срок и все такое опять же не застраховывало от ошибок. Где гарантия? Жопой берет. Именно так и было сказано. Что и подействовало с жуткой силой в первую очередь на дружбу с тем, кто эти слова передал. А он хороший художник. Хороший. Мы все должны преклониться перед вами, потому что вы нищий, а мы все-таки как-никак зарабатываем халтурой. Еще такого оформления не было. Еще в таком виде я эту страницу не читал. Вот уж суета. Успех должен подкрепляться материальными символами. Яблоко с той яблони случайно упало к твоим ногам. Яблоко потом возвратилось к своей яблоне.
Еще не все сказано. Еще не все ясно и в тех картинках, которые ты увидел. Ты не так воспринял и то, что услышал. Я помню чудное мгновенье. Зачем же такое выдавать на-гора? Я сидел на лавочке, ожидая троллейбуса у Никитских ворот. Много ты увидишь. Гоголя преследовали рожи и хари, это почему-то считалось сатирой. Мелькнула какая-то туманная фраза, значительная по своей неопределенности. Помню, что мелькнула. Помню, что из английской книги. Тебе нужно работать над французским произношением. Вдруг мне стало весело.

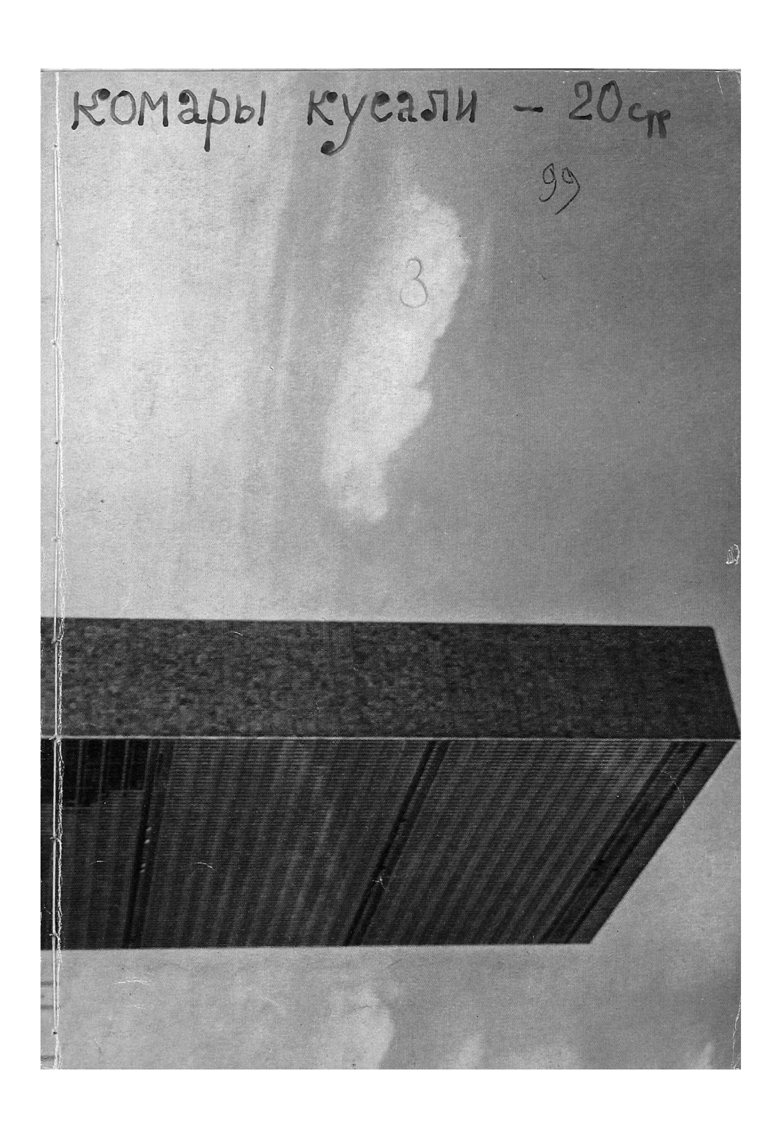
98

продолжение старого разговора

25

5

Уже кончилась эта бумага. И я буду считать, что эпоха переплетов кончилась. И я прилип. Рассказы нищих о том, какие книги продаются в магазине у букинистов, действуют на воображение. Он перепутал кадилляки. А мне теперь нужны очки почти в юмористической ситуации. Чего я этим добивался, не знаю. И это было очень хорошо, но напрасно. Этим все и закончилось. Мне все мерещится песчаный берег и дерево, на котором его чуть не повесили, и яблони в саду, где была совершена казнь одного известного мне человека. Тут были великие и кровавые события, а мы по этой улице бегали к озеру купаться. Сводилось к чужим рассказам о верблюде. Я этой фразы теперь не могу спокойно слышать. Забыл, как солнце припекало кожу на спине, и впереди была жизнь. В Третьяковку мы всегда успеем сходить. Театр Вахтангова у нас под боком, мы всегда успеем сходить в театр Вахтангова. До сих пор не могу переварить эти слова про кафе. Вот воспитали высокомерный взгляд на свою голову. Про жито не надо. Не знал я, не знал я. Лента новая нужна. Купить бумаги. Я давно не покупал бумаги. Разумеется, чужая крепость. Какая коварная женщина! Почему флибустьер? Потому что пират. Если сможет. Такое распоряжение мне нравится. Если смогу. Конечно, смогу. Но не его дело знать. Какая-то ерунда вроде "А вот церковь, где венчался Пушкин". Нужно удивляться другому. Нужно удивляться тому, что все это все-таки написано. Я не видел содержимое черного конверта. Он мне не показывал. Перчатка была брошена, но я ее не поднял. Такие вещи не прощаются.

комары кусали — 20 стр
99
3

100

КОМАРЫ — 20 страниц

КОМАРЫ КУСАЛИ ВСЕ ВРЕМЯ, НО РЫЦАРЬ ДЕЛАЛ ВИД

1

Свежевыструганные доски нового домика на песке у деда Шургая на перекате с той стороны Дона у Двух Ериков пахли вкусным деревом, особым теплом и уютом. Дед Шургай пригласил нас переночевать, а Иван Павличенко, не посвященный в тайны моих отношений с дедом Шургаем, целый вечер распинался, старался задобрить деда Шургая разговором о политике. Иван продолжал выкладывать про Троцкого и Ильича и все такое прочее, а я молчал и улыбался. Дед Шургай занимался своим делом и между делом слушал рассказы Ивана, и я радовался, что все были довольны. А дело было у двух ериков.

Именно так и должно звучать. Абзацы как бы дайджеста. Но с другой стороны не должно так звучать. Это ведь почти УЮР.

Консультант по Алабаме — была такая должность и даже штатная в том театре. Ты думаешь, его мама не просветила? Не беспокойся.

101

2

У себя в Чухломе он читает всякую макулатуру и спасибо говорит, а тут ему, видите ли, не хватает книг, как будто он приехал из Бразилии. Сразу же рассказ про парагвайский чай, и как гаучос, с утра пораньше напившись донельзя горячего м а т э, целый день скачут на своих лошадях по прериям и пампасам и только вечером устраивают себе обед и, вместе с тем, ужин. Сразу же про сухой жаркий климат на улицах Рио, и как его издатель пригласил в Петрополис в двух часах езды на фуникулере от Рио де Жанейро, и как он страдал от пошлой южно-американской буржуазной роскоши. Ах как он страдал. Ах как я его хорошо понимаю.

Шведы — тоже мастера ловить рыбу в мутной воде. Рассказ про шведа на улице Станкевича в особняке Станкевича я слышал еще от Ивана Сергеевича Бубнова в Бутырках в 1939 году.

Как же я не узнал свой экземпляр?

102

3

Я помню, как я перехлестнул со страшной силой. Турчанка Азадэ в этом плане промолчала. Турчанка Азадэ умеет хранить чужие тайны. Не оправдал наши надежды. Приезд Хемингуэя. Гибрид получился. И мщенье — бурная мечта за неоправданные надежды. Мы читали рассказ "У чорта на куличках". Он видел там, где нужно стать слепым. Глухонемым надо стать. Мне, например, он ничего такого не говорил. И не оскорблял он доброго монаха. Он вообще ничего не успел сделать. Он вообще молчал. Но одного этого было достаточно. Он думал там, где можно только верить. Конец абзаца, как всегда у Сомерсета Моэма, выдает заключительный аккорд или афоризм, а новый абзац продолжает повествование.

Озеро в жаркий день недаром враждует с магнитофоном. Забытая лента просто терпеть не может удочку и озеро. Кто вам сказал, что у них были прекрасные отношения? Вам показалось.

103

4

Чего это тебя прорвало? Но разве ты тоже рассказываешь дней минувших анекдоты? Жалкое впечатление от последней записи: любовь ямщиков, как всякая деревенщина. Рассказ о любви, как всякий рассказ о чужой любви. Нельзя выдавать такие вещи. Это сдохнуть. Нельзя же так. Это же рядом. Как он не понимает?

Приходили тут командиры, хвалили чужие мундиры. Но интерес только к воде, которую льют на нашу мельницу. Мельник сказал: моя мельница, но он давно уже не мельник, он ворон. А вода, которая льется, носит кодовое название ИК-О-НА.

Икота, икота, перейди на попа Федота. С попа Федота на Якова, с Якова на всякого. Помещица затаилась. Никого к себе не приглашаю, в гости, понимаешь, не хожу. Эта волна, наконец, дошла и до нас. Шла она целый год. Я не узнал свой экземпляр. Как будто 120 солдат читали его слюнявыми пальцами. Так он почернел и был замусолен.

104

5

Еще один Толя Гилельс. Это верно.

Квартеронка всегда молчала в присутствии Плантаторши. На то она и плантаторша. Режиссер выбросил линию Квартеронки, и стало совсем не понятно, чего э т о м у Перемещенному Лицу нужно. Меньше всего ему улыбалось повеситься на родной осине. Меньше всего ему хотелось попасть далеко от Москвы и просить у Господа Бога милости: за сухарем не протянуть руки. Она его предупреждала. Он ей не поверил.

Кто вы? Серб или хорват? Отвечайте правильно. Мало ему, что он серб, так он еще и хорват. Все хорваты перешли на новые форматы.

Рассказ о том, как у него появилось новое отчество, — табу в этом доме. Не забудьте. Я начал именно с этого. Я помню, что мне надо что-то забыть. На букву "Гэ". То, что мне нужно, ты мне не можешь дать. И вы тоже. Нужна тишина.
А магнитофон — тоже враг тишины. И еще какой.

105

6

Почему сегодня утром нельзя затронуть ни одного предмета, ни одной темы, в которой ты не была бы высокий специалист, почему? Он мне не верит, что в Миссисиппи есть крокодилы и я где-то читала, что в наводнение на улицах Нового Орлеана появились крокодилы.

По улицам ходила большая крокодила. Это ты спутала Бичер-Стоу с Корнеем Чуковским.

Но почему ты мне не веришь? Почему?

То, что ты сейчас пишешь и даже только собираешься написать, уже написано Павлом Павловичем Улитиным еще 20 лет назад. И я сама это читала 10 лет назад. И чего ты стараешься? И зачем тебе это нужно?

106

7

Было бы странно, если бы у живописца не появлялось желания показать картину. Но вот исключительный случай: портрет выдает художника с головой. И с этим надо считаться. Он не собирался его выставлять. Он не будет его выставлять. Таких картин у Клода не было. Такая картина была у Базилдона. Стриклэнд — особый случай. Если ты себя написал с отрезанным ухом, это еще хуже, чем написать лицо красивого мальчика. Существует ли шедевр, если его не видели ваши знакомые? Шедевр существует. Для комиссионного магазина на Арбате вы не существуете, потому что у вас в кармане нет денег. Вы не можете выбросить ни 70 ни 170 рублей, а там именно такие цены. Они завели себе на витрине белку в колесе. Все фигурально: работает как лошадь, а где на Арбате увидишь лошадь. Дойная корова. Козел отпущения. Пора сматывать удочки.

107

8

Не поднять эту старую стенограмму. Не поднять.
Я поеду на велосипеде после двух стаканов какао.
Я подъеду к Илье Глазунову поближе и посмотрю на прием в шведском посольстве.

Мне надо собирать удочки, а я занимаюсь чем?

Все это называется использование макулатуры.
Да. Звист! Завистников много! Много завистников.
Возле картины "Костромской мужик". Во-первых, это плохо нарисовано. Нельзя тебе без валидола ходить на вернисаж. Опять ты ввяжешься в спор, и тебя хватит кондрашка. Я подняла глаза и вдруг увидела: наша старая знакомая, шекспировская актриса. Ты видел у нас "Макбет"? Сколько труда она вложила! Подожди немного, отдохнешь и ты.

Не отнимай у меня надежду, милый.

Одного этого хватит на 10 лет работы. Вспомнить, какое имя на какое я хотел заменить в "Эпилоге в кафе". И самое главное — для кого!

Борьба донцов с одесситами. И тебе не простят оксфордскую позицию. Высокомерие тем более.

108

9

И тебе не простят нейтральную позицию. Ты ее будешь защищать, а она тебя подведет. Арена классовой борьбы. Рублем. Полтинником. Царской чеканки. А что такое "Б.М."? "Брось мучить". "Божьей милостью". Вот это подарок. Полночный троллейбус оживился на одну минуту. Но монархисту потребовался рубль.

Вы будете заходить в наш коридор? Тут коридорная система власти, а бороду надо сбрить. Усы можете оставить. Тут водку вносят ящиками.
Это все разлагает нас Тула.

Я так и знал, что тут заеду нетуда. Один вынужденный поворот, всего один, и пришлось ехать по чужому маршруту. Вас мало уцелело. В совет богов допущен был. Ложе богини требовало жертв.
Распоясался. Кому вы ходили звонить по телефону?

Треск. Свист. Треск и свист кончается планом, где первым номером стоит "Шведский цирк", а где-то в середине — КАРЛ-Людвиг Опиц. Вам не понять, зачем тут "Ящик Пандоры".

109

10

Первая паутина лесных пауков, сплетенная за ночь через дорогу, достается на долю первого велосипедиста. Обычно это крестьянин из соседнего села, который спешит на рынок через лес с утра пораньше.

Чтоб она провалилась, эта Белая Дама!
Таков был крик перед днем рождения. Она показала на прощанье пальчиком. Один маленький ураганчик. Больше не будет. Приезжайте на следующий год.

Ужасная женщина — М.М. Она покалечила
моего мужа. Один знакомый фрейдист мне все растолковал. Но и он дурак. Разве можно совать палец туда, куда не нужно. Так ему и нужно. Больше не будет совать палец куда не нужно. Вы знаете куда он сунул? Под дверцу машины-такси. А она ему его со всей силой прихлопнула. Потом пришлось бежать в амбулаторию, чтобы не получились новые "Снега Килиманджаро".

110

11

Poxy quotation: doxy exposed.

Слишком очевидно, почти в лоб. Нет, не придется переписывать. Не будет времени. С такими друзьями, как у тебя, конечно. Он, видите ли, предпочитает техническую сторону своей работы перекладывать на кого-то еще. Он, видите ли, не получает удовольствия от такой работы.
Чем занимался его отец в октябре 1917 года, вы можете судить по тому факту, что он родился 7 августа 1918 года.
Вы видите результаты. Шедевр на лицо своей собственной персоной. Не богохульствуйте, сказала НЕО-Христианка. Все это так просто не обойдется. Со смертью все образуется.
Спасибо, утешили.

Тут сразу же открывается вид на море до горизонта. Где-то на горизонте живут шведы. К шведам сейчас нужен пропуск. Чайки громко кричат над водой.

111

12

Странный клев. Поплавок танцует мелкой дрожью, не ныряет и не идет в сторону. Непонятно, что за рыба. Непонятно, можно ли подсекать. Калинка так не клюет.

Я не сказал ни слова о главном событии. Тут трудно сказать. Что-то новое врезалось в привычные ритмы. Ну и слово. Такого не было. Мы договорились называть молнией то самое, что началось в красной комнате с большим зеркалом. Нет, ты расскажи, как ты читал "Обрыв" в первый раз. Она жила где-то в глубине сада в отдельном домике, ну вроде как у нас баня у старой яблони. Определение мудрости надо запомнить. Откуда у тебя это? Неужели все можно почерпнуть из книг? Но я даже не могу вспомнить, есть ли такие книги у бабушки в библиотеке. Нет, это не из книг. Этого не найдешь в книгах.

12 километров отделяли "Обрыв" Гончарова от койки в общежитии.

112

13

р а з р е з а т ь

Вы печатали на красной ленте. Не хватало текстов под реквием. Слишком много было про серого волка, но эпитет "черный" везде был вычеркнут, от этого страдали ритмы. Белый волк, черный пробел, красная шапочка. Мало Архангельского тоже.

Теперь мне стало ясно.

Мне подарили статую конькобежца, и я с удивлением находил в нем сходство с фотографией мальчика с хутора Мутилина. Он уехал в станицу и далеко там пошел. Так говорили про него в 1905 году. В 1915 году так говорить перестали. Казак женился на еврейке? Этого не может быть! Так не бывает. Писатель Суяров доказал, что так было на самом деле. Он у нас был учителем биологии.

Мариуполь цыганке Мариуле снился на Лермонтовской улице. Там живет зазноба, чтоб из ее дома не шел дым! Хорошо быть молодой. Она была тогда молода. Раскладушка из Иркутска вот такая.

Она не пришла на каток, но об этом и так было слишком много на Петровке у Крапивинского переулка.

113

14

А ты делай вид, будто дело не твое.
А я что делаю? А я только тем и занимаюсь.
Лента скручивается. Что-то случилось с Лентой.
С ней вечно что-нибудь случается. С вами не
соскучишься. С Вами тоже. Чуть-чуть про собаку,
но больше про дивную власть. Не красть.
Прошу не красть.

Я ее узнал во сне, потому что подумал: а что будет, когда он вернется? Как это ни странно, я сейчас больше всего общаюсь с Переверзевым. Как это ни странно, я сейчас больше всего встречаюсь с Хайдеггером. С Норманом Мейлером мы разошлись. С Ж.-П. Сартром нас поссорила Злата Потапова. С Эриком Блером до сих пор приходится полемизировать. Я только посмотрю, не Винни ли это Пух? Я для него оставил водки, но я знаю: он, может, и не придет.

С Кенгой поговорили насчет "гиератической негибкости". Она спросила: "эротической"? Я подтвердил еще раз: ГИ-Е-РАТИЧЕСКАЯ жёсткость.

114

15

Кенга продолжала настаивать: может, Вы чего-нибудь перепутали? У Кенги нет греческого словаря и мы оставили это слово на совести переводчика.

Крошка Ру побежал за красным болгарским вином. В доме был сыр, но пока скрывалось, что денег нет, нет и колбасы. Каждый сам ему приносит и спасибо говорит. На этот раз у нищего были деньги. Вечер надо закончить у монархиста, решила Христианка. Вы не будете там богохульствовать? Там были все: А. Шургай, Б. Чумаков, В. Людвицын, Г. Липодаев, Д. Волков, Е. Агафонов, Ж. Антонников, З. Горшенин и даже полковник Карайбог, правда в штатском. Вы замечаете, нет ни одной французской фамилии? Еще бы.

С греками дело обстояло так: как соберутся три древних грека, так у них, как у евреев, сразу же обнаруживается: два премьера и один вождь оппозиции. Сильнее кошки зверя нет. Так и пришлось прожить жизнь, не заимев арабской кобылы.

115

16

Выезжай ты куда-нибудь подальше. Теперь я вижу, про какие кости шла речь. Возьми ты другой список — сторонников живописи Андрея Глазунова, и там не будет ни одной французской фамилии. А на Волхонке французов многих видели мы ямбы, да и без шведов не обошлось. Шведы попадались и на моих велосипедных дорожках у бассейна, я слышал то же: Рублев, Глазунов, Титов, Архангельский. Портреты многих неизвестных возле тихого посольства государства Люксембург. Всю жизнь проходил по этому переулку, и никогда не видел скопления машин, вообще ни одного живого человека.

Я потерял самый важный список. Он стоял стопкой в "Ойленшпигеле", а из него капали слезы, а слезы превращались налету в пули, а чья-то рука их засовывала в барабан старинного нагана. Доктор мне все прояснил. У меня есть рецепт от доктора, только он напечатан на аптекарской машинке.

116

17

Теперь я вижу, что заехал куда-то нетуда. Один вынужденный поворот, прижал грузовик, и ты уже едешь по навязанному маршруту. Еще один поворот, попалась какая-то старуха, и я свернул совсем в ненужную сторону. Что-то адекватное молнии и похожее на мгновенный взор из-под платка, и ты сразу попадаешь на Святую Русь художника Нестерова, а про Эмиля Золя ты забыл. Отныне и во веки веков я возьму только одну страницу и буду писать только про пампасы.

А ты делай вид, что ураган запланирован. А Ураган — это не погода. Ураган — это бич Божий, который нужно писать по старой орфографии, чтобы производить впечатление. А я и это воспринял как стихийное бедствие и правильно сделал, потому что счастливый человек. Оттого и шум и клики. Оттого поет он эти песни вслух. Пушинка умчалась, Пух вздохнул с облегчением.

Умышленное количество страниц — это уже ошибка.

117

18

Достаточно сказать "заблуждение", и мы избавимся от того хода мыслей, который у нас в зубах навяз при виде болгарских сигарет. Я что-то испугался военных фотографий, и подарок перешел по наследству. А что? Может быть. Виконт де Аламейн был именно на том формате. Сразу стошнило.

Я открою эпопею Андрея Белого. Я открою. Мне только надо сначала избавиться от стихов Саши Черного. Яша не любил уменьшительных и требовал, чтобы все его звали просто Яков. А с Якова мы сразу перешли на всякого и через покойника потревожили ваш телефон, вы уж извините. Жив Курилка. Значит жив. И дело его тоже. Он мне будет потом рассказывать про наводнение на Енисее. Я хочу про Елисейские Поля, а он мне про Енисей. Ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал.

Мне не так все это рассказывали в первый раз. Просто был еще один вариант. И он не попал вам на глаза.

118

19

Велосипедная метафора, ничего не поделаешь, не трогает ум лучшего ученика известного мне и вам марксиста. Он был идеалист, а стал на старости лет социолог, чего же удивляться? Старый марксист улыбался: так не бывает. Мы забываем-мол порой социальную арифметику. Старый специалист по социальной арифметике и тут не растерялся. Он сказал: будь сделано! Отныне и во веки веков не забуду эту фамилию. А откуда вы знаете Сергея Сергеевича? От Грибоедова из "Горя от ума". Он меня научил всем говорить: ваше самое большое несчастье и даже, можно сказать, беда — это знаете что? Что? Доверчивость? Нет, большой ум. С вашим умом-то! Что вам делать с Вашим умом? У меня ведь тоже такая проблема: что мне делать с моей красотой?

Борис Абрамович не любит, чтоб кто оставался, когда жена приходит с работы. Астральное тело побежало показывать протокол обыска.

119

20

Все подстроено: Потешная № 3, больница № 4, отделение № 5, палата № 6. Так не бывает. Это он выдумал Потешную улицу?

Ни одного печального сюрприза, за исключеньем пустяка. Сама природа, знать хотела: нам не дано предугадать. Чугунные пушки глядят. /А. Винтовкер — это еврей с винтовкой. Такие и делали революцию. Другие ему изменили и продали шпагу свою./
Душа моя, Павел, держись моих правил: быть знаменитым некрасиво. Позорно, ничего не значa, быть притчей на устах у всех. Не это опускает вниз, не это подымает вверх. Кому верх, кому низ. За нами наблюдают снизу. Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог.

Ошибка — начинать с попурри, но в конце, если само приходит, почему бы нет? Вопросительный знак на латинской машинке не нужен. Я привык. Я привык.

Первый день — это когда кусали комары. Я искал глазами копну сена, а нас кусали комары. Комары пили кровь рыцаря, но рыцарь делал вид.

120

4

ПРОПОРЦИИ ЭТРУССКОЙ ВАЗЫ

Это уже несколько лучше. Слишком большое значение придавал формату. Из формата делал культ, а культ, как всякий культ, доходил до бзика. Какая звезда, такая и езда. Как верно здравый смысл народа ЗВУЧАНЬЕ слов определил. Недаром, верно, от ухода он вывел слово "уходил". Я что-то не совсем усекла.

Шведа не нашел. Целый список имен, только адресов нет. С чего и началось разочарование в разговорах прошлого года в Эстонии.

Владелец "Победы" купил велосипед. Я получил предложение. Снимем переднее колесо, погрузим в машину и поедем кататься в Серебряный Бор.

Черные птицы бросаются под велосипедное колесо. Рука на руле вздрагивает. Этого ни в коем случае нельзя делать. Просто тени от летающих голубей. Рука дернется вправо, и ты моментально налетишь на кромку тротуара. При большой скорости это верный перелом. В лучшем случае. Но я езжу медленно. В худшем случае я еще раз сдеру кожу на руке.

А день должен начинаться с возгласа "Достоевский!" Должен. Увы. Так было только один раз. Но беседуя на этом уровне мы и через год не доберемся до того, что нас в сущности интересует.

Я не верил, что я буду вознагражден. У тебя будут свои награды. Почему не вошел в контакт и не пошел на разговор?

121

2

Была эпоха Хвостомаха. И схваченный за хвост свидетель: поэт признался, никто не обратил внимания. Т.е., наоборот, все обратили внимание в тот день, когда это было напечатано в газетах. Схваченный за хвост свидетель был опоэтизирован на один год. Потому что он был наш учитель. И мы его помним, как свидетеля нашей молодости. Ах как было хорошо. Наш каждый шаг внушал уважение тех, кто следил за нашим каждым шагом. У нас были свои барды, свои мыслители, свои летописцы. Меньших не держим. 100 дней, и вот вам результат. Напишите ему письмо, вы же литераторы. Литераторы, собравшись в кучку, смотрели куда-то внутрь себя. Да, мы морские свинки, но где же наше море? Отсюда не видать. Впервые 4 страницы: таких страниц мы давно не читали? Это тоже перевод? Это перевод со средне-русского на новый русский. Но письмо к Гоголю, она удивлялась, звучит актуально. Та же программа. Работник музея Льва Толстого попросил пока хранить его работу в тайне. Мне ничего не стоит. Да и кому интересно?

122

3

Вполне достаточно и этого. Все на одну тему: лишь бы не заснуть. Одна, но пламенная страсть: кому бы вручить. Разумеется, ты крутился вокруг да около недаром. Латинский шрифт, английские цитаты. За них можно спрятаться, чтобы не выдать холода очей. Заботы были. Да. Клубок разматывался по своим запутанным законам. Плелась сеть. Я знал эту женщину. По сравнению с героическим персонажем она вызывала улыбки. Ее почерк вообще перечеркивал всякий интерес. Письма шли во все концы. Она любила писать письма. Ты вздохнешь и ничего не скажешь. Кому это теперь интересно? Не совместить, не сопоставить. Он мне рассказал все. Крутись, крутись. Странная вещь — этот ритуал. Прочитать нечего, а тянет со страшной силой. Я напрасно забросил английские диктанты. Именно там была такая возможность. Я и не перечитал, потому что знал, что на его взгляд все это — пустой звук. Когда-то эту роль выполняли немецкие цитаты.

123

4

Разумеется, все это к тому же относилось. Попробуй еще раз. И я увидел чудное мгновенье. Таких тьма тьмущая. Таких много. Жутким образом потом перехлестывалось в одном направлении. Разговор получился, но был какой-то странный. Кто у кого держал экзамен? Это неважно. Из такого нагромождения всегда есть выход. Удивительная способность. Чтобы можно было полистать. Вот я попробовал полистать. И что из этого вышло, не поддается уразумению. Трудно мне следить за ходом твоих мыслей, мыслитель. Трудно. У нас так много забот. Мы все свалили в кучу. Когда перед глазами Карибское море, то просто жарко и душно. А купаться страшно из-за акул и аллигаторов. А купаться хочется невозможно. Валидол в троллейбусе. Он вздохнул с великим сожалением. Какие люди пошли! Вот люди пошли. А этот все долбит одно и то же.

5

Похоже на старинный анекдот.
Одному сумасшедшему врачи запретили иметь детей, так у него это превратилось в манию. И он старался заиметь детей и от врача, и от сестры, и от няни-уборщицы.

Как швед с Ренуаром.

У такой картины авторские копии никогда не повторяют оригинал. Они могут быть или хуже или лучше теоретически, но на практике все хуже и хуже. Один раз только "Грачи прилетели" у Саврасова были исключением, да и то Нестеров говорил.

/Тут место для вклейки
одной цитаты про
творчество Золя./

Рассуждения вокруг алогичности и логические построения интуитивистической программы похожи на передачу цвета при помощи линии и на выражение мысли при помощи жеста. План хорош, мысли тем более, намерения просто похвальные, но только за неимением лучшего.
Структуралист цитирует Достоевского.
Металингвист разрабатывает программу.
А претворение в жизнь такой абстрактной теории все равно требует жертв. Вы будете первой. Петя Верховенский будет последней. Он так надеется, во всяком случае.

125

6

Черный рынок бушевал на тротуаре.
У комиссара Мегрэ тут много личных знакомых.
Я не читал роман о сатанистах. Так и не достал.
Теперь трудно поверить. Ураган в лесу был без нас.

Имя одного защищает другого, имя другого его самого не защитило, а имя у третьего топит всех окружающих. Что бы это значило? Какой том? Седьмой, конечно.

Я приехал в Олсуфьевский переулок. Меня посадили рядом с девочкой по фамилии Каплан.
Я ему расскажу, как мы скакали по заснеженной пустыне. Лошади фыркали, мама молчала, мы мчались, я писал тебе письмо. Много их таких было.

А если ты упадешь? Зачем же я буду падать?
Если я пойду с тобой, так я лучше сама понесу.
А мне кажется, это можно с душем совместить потому, что душ — это пол-дороги.
Это ж наши ж пончики!

Он разве не окончил ту школу? А какой у него был первый азиатский язык?
А какой африканский?

126

7

Пора уж Бога вспомнить, о душе подумать. Есть Божий суд, и вы не смеете. О бессмертной славе тоже, если не о совести. А правду вы чтите или только читаете? А совесть у вас есть или только партийная? Кошмар, а не интервью, но под коньяк пошло. Правда, у него остался осадок, как после разговора 20 лет спустя. Но это издержки производства. С таким человеком ни слова без ленты. Он у вас записан? На плохую ленту, но записан. Личность говорящего не поддается юридической идентификации, но у нас и не было таких задач.

Где был "Евпомп, который работал с помпой"? Где-то был. Скорость действует на чистописание. Скорость не та. Смешно определять почерк по запаху. Но других критериев не было. Пусть так и остается.

Тут все диалектически перепутано. Как две задачи: одна — аллюзии на наши собственные слова /а он ничего сам не сказал, а это не он придумал/, а другая — оттолкнуться от себя прежнего, себя, которым был.

Так и не проверил никто Консидерана.

Этого было вполне достаточно.

Он священный разменял металл. Конечно, без этого стихотворения не может быть продолжения у старого разговора. Тогда будет разговор без продолжения. Как в столовой завода "Красный богатырь".

127

8

Арбат — твоя религия: Собачья Площадка, ИФЛИ, война, ИМЛИ, вот и вся жизнь. Зачем заглядывать в чужое окно? А вдруг мне придется там жить? Не придется. Не пришлось. Только московская раса шла в ход и до сих пор старинные счеты москвичей с провинциалами. Арбат, Крещатик: таких девочек нигде днем с огнем. Я напрасно сосредоточил внимание на Белинском цвета "электрик". Тавтология конечно. То же самое. Ветер на 7 ветрах.

Она бы тебя засадила. Мы поменялись с ней ролями. Я даже боюсь ее теперь.

Книга Макса Пипера с отметками учителя Карпова: наш Сазан читал Пипера, и вот уж давно все позабыто, позаброшено. Братья Роек, что ли? Младший брат? Старший брат? Нет, ерунда и неостроумно. Не выдержан рецепт и семи ветров. Впрочем, как сказать?

Пересобачилось все, и труд без капитала не дошел до последнего критика-марксиста. Он ложился с книгой на диван. Конец "Кафе" был в 1959 году.

128

9

Мы думали, что это
русская литература.

Одно движение и три картины. Что-то похожее на решение задачи во сне. А ты над ней бился целый день, ломал голову. Одно видение, которое сопровождается внезапной радостью открытия. Не все показано, а я хотел бы увидеть все. Монтаж не считался бы удачным? Это все каприз мастера по монтажу. Он считает себя специалистом. Одно-два движения. Я их ждал давно. Без них мне было неловко. Я их забыл, но решение было. Я не запомнил словесное оформление. Кадры выскочили. Было.

Какой-то недоумок процитирует. Неужели только из-за этого я буду всматриваться в почерк Тургенева и первый шрифт журнала "Современник". Отечественные записки не приняли и второе решение романа.

В этом смысле было что-то не похожее на все предыдущее. Я помню. Суперобложка с большой рыбой на крючке. Вот для кого. Если ты еще раз полежишь на земле и попробуешь отплакать, из этого ничего не получится. Тебе тяжело будет дойти до этого места. Ты забудешь про забор. И тот прыжок начисто вылетит из головы.

Я взял с собой удочки и два каких-то хитроумных новейших приспособления и ушел в свою комнату. Она сказала: я полежу, я отдохну немножко. А ты можешь идти в свою комнату.

129

как он держит весло, гребец?

10

Они на пироге едут вдоль берега реки, один гребет, другой все время забрасывает удочку. Вот это и есть "сплавляться на голавля". Разве голавли водятся в Амазонке? А я думал, в Амазонке водятся аллигаторы.

Так же нельзя. Так далеко не уедешь. Гребани еще раз. Теперь корни. Корнить не умеешь. Не надо загребать. С левой стороны всегда. Чтобы повернуть налево, надо все время корнить. Чтобы повернуть направо, надо все время загребать. Меня тоже это развитие коробит, но он развивается гад. Слово "усекать" знаешь? В каком смысле? Она этого как-то сразу не усекла. Потом я себя поймала на том, что тоже употребила это слово. Вошло в язык. А С.П. Писарев хочет его остановить.

Астенический приступ у П. Матеса на стр. 120 переписать: вместо "она" всюду поставить "ОН". Это про меня. Нет, это про меня. А ты знаешь, что больным вредно читать описание болезней? Там была еще информация ООН для борца за ООН.

Я учусь управлять челном одним веслом, чтобы он не плыл по воле волн. Выдра — хорошая симпатичная женщина, но почему тогда ругают: выдра! Оскорбляют выдру потому что. Ира, подойди к дырочке! Папа дает команду через забор садика для прогулок детской больницы.

Рассказ о плоскогубцах. Если пожаловаться? Будет хуже. На то и рассчитано. Женщины мешают мужской дружбе. Но обидно потерять и плоскогубцы и веру в человечество. Обидно.

130

11

ШВЕДЫ, МАСТЕРА ЛОВИТЬ РЫБУ В МУТНОЙ ВОДЕ
30.6.69

Ведь я главным образом изучал ботокудский язык. А из африканских только язык готтентотов.

Где-то были шведы, мастера ловить рыбу в мутной воде. Или по-русски или по-английски в районе Сомерсета Моэма. Только библейские названия. Он сидел и радовался: его переводят на французский язык. А. В. интересуется: а как меня переводят скандинавы? Ю. Титов читает по-норвежски и не узнает своих произведений: "Христос и его крестные муки"? "Хождение по мукам"? Это же твоя "Голгофа"!

Мой брат Антониони собирается ставить еще одну трилогию "Пища святого Антония", "Искушение святого Антония" и "Вот вам результат".

Там, где горячая вода и "натерся люфой". Потом решил заказать у портного костюм из "шотландского гопсума".

Конечно, макабрический абзац с современником и теория периферийных персонажей. Немного "Цикуты". Немного белого солнца. Немного разговора о "Цветущей пустыне". Все это в теории одна болтовня, а на практике одно и то же. Милые бранятся, только тешатся: значит, я ему не нужен для духовного развития? Тебе полезно? Мне полезно.

Она поморщилась, услышав имя Стефана Цвейга. Подумаешь, можно подумать она все время слышит разговоры не о Томасе Манне.

Похоже на структуру "Поплавка", который не был на Балтийском море.

Кинофильм "А вам чего надо?" На этот кинофильм только принимать заказы по телефону. ВЫ НЕ ГРУБИТЕ. Я не грублю.

Про язык у колокола там хорошо. Про мыслителя Колоколова он сам ни слова. Под колокольный звон с портретом Солженицына.

Давайте лучше перейдем на готтентотский.

131

12

Мы кричали, никто не заметил. Я не знаю, как уживаются тут самые различные характеры, но они уживаются. Да. Вернисаж. Прием в шведском посольстве. Да что такое Илья Глазунов, вы мне скажите? — кричал на меня известный художник. Я попросил известного художника не кричать на меня и не задавать мне бестолковых вопросов. Я перевожу чужие слова, и мне за это надо говорить спасибо. И переводчик переводит мне с чужим акцентом их слова чужие.

Хвостомах вдруг заговорил от имени России, и я ужаснулся. Село Коломенское ударилось в древнюю историю, и всех Рюриковичей и всех варяг записало на свой счет. Зачем они все прут в города? История творится у нас в деревне.

Полемизировать с пятихатскими мудрецами будут три святителя и весь семикаракорский синклит. Трехизбянских это не волнует. Натяни хоть тогу, не поклонись шведскому королю, все равно ты как был вахлак, так вахлаком и останешься.

132

13

Мне не надо было раскрывать эту книгу. Отныне и во веки веков всех халтурщиков под наблюдением пенсионеров-мемуаристов ожидает предисловие полководца и похвала на Тверском бульваре. Когда вы успели столько написать? Много у вас написано, много. Почему вы не идете в ногу? Нога в ногу, как было бы прекрасно.

Троллейбус нового названия идет по старому бульвару, его переименовали, идет борьба при помощи посланий. А мы устали и легли на сон. Вы извините, гусар, я буду спать. Я прошу прощения, что не могу вам соответствовать, но мое время истекло. Я должен просить прощения у налетчиков за то, что они мне мешают работать.

Заберите ваши игрушки. Я в твою игру не играю. Разве Лига Наций — это моя игра? И у него нет никаких облигаций?

Маргарита обещала помнить и собиралась придти, а мастер ведь по делу. Ему нужен негр, а не собеседник. Я сам стираю себе носки, и в чужой помощи не нуждаюсь. Зачем говорить? К чему слова?

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста и на седалище беззакония не седе. Царь Давид — замечательный писатель. Не хвалите его только в присутствии царя Соломона и царицы Савской. Это бестактно.

133

14

Весь блок ошибочный, а я радовался.

Я бы не пустил этот фильм в кинопрокат. Речь шла о кинофильме "Крест и маузер". Потом он стал пересказывать содержание кинофильма, и весь троллейбус его слушал. Когда мы придем к власти, сказал один пятиклассник другому. Мы все это переменим. У нас не так будет.

Ничего ты дедушка в жизни не понимаешь. Надо читать "Правду" между строк. Тебя учили, как надо читать между строк?
Я посмотрел на них вбок.

И долго еще троллейбус плыл по улице, пока не скрылся на повороте.

В.М. Молотов прошел, держа в руке шляпу. Все провожали его взглядом и улыбкой.

Каменный борец и мыслитель стоял у Никитских ворот. И мы только на-днях узнали, что дом Огарева — это тот самый дом, в котором всю жизнь был кинотеатр повторного фильма.

Письмо Татьяны предо мною в синем коленкоре, его я свято берегу. Однажды придет час, и я срежу синий коленкор, он мне понадобится, чтобы оформить презрение к тому, что я собирался сжигать. И я сжег все, чему поклонялся. Горит табу. Пепел от табу пусть стучит в твое сердце. Войдите. Они вошли. Я поклонился тому, что сжигал. По его мнению, я слишком долго рассматривал его красную книжку. Ладно, хватит, сами так умеем.

"Анек-ДОУТИДЖ?" спросила моя жена, но я не поддержал ее веселого настроения.

в з р ы в   п и с а н о й   т о р б ы

ПРОПОРЦИИ ЭТРУССКОЙ ВАЗЫ 15

Что ты будешь делать? Забывается. С глаз долой, из прозы вон. В устах поэта похвала звучала сомнительно. Когда они перешли на японские танки, я оценил самоотверженность души. Еще ни один не осмелился.

Руководящий член стоял в кружке, кругом шныряли сателлиты, и я вспомнил "Идиота", а не "Бесы". Мне важно было вспомнить точные слова из романа "Бесы".

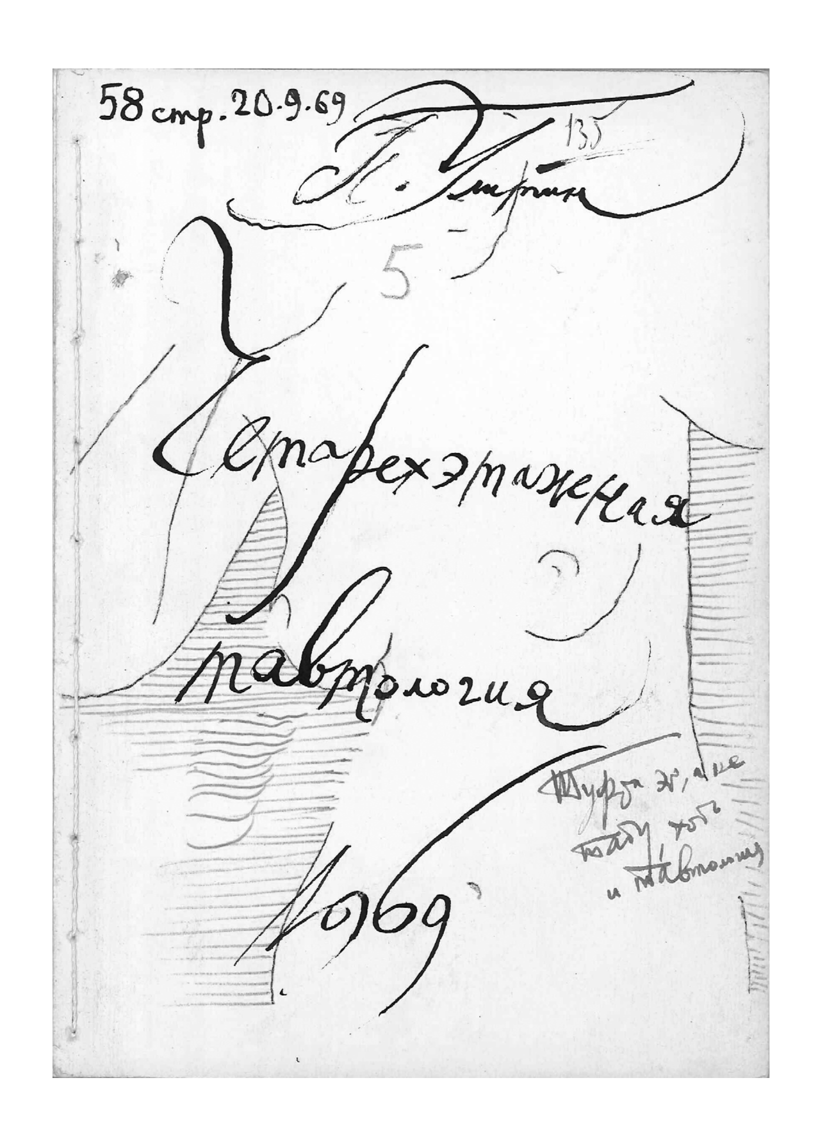
Удочка лежала рядом с английской машинкой, и метастазы звали подводить итоги. На такую кожу одна пара глаз недостаточна, чтобы с г л а з и т ь.

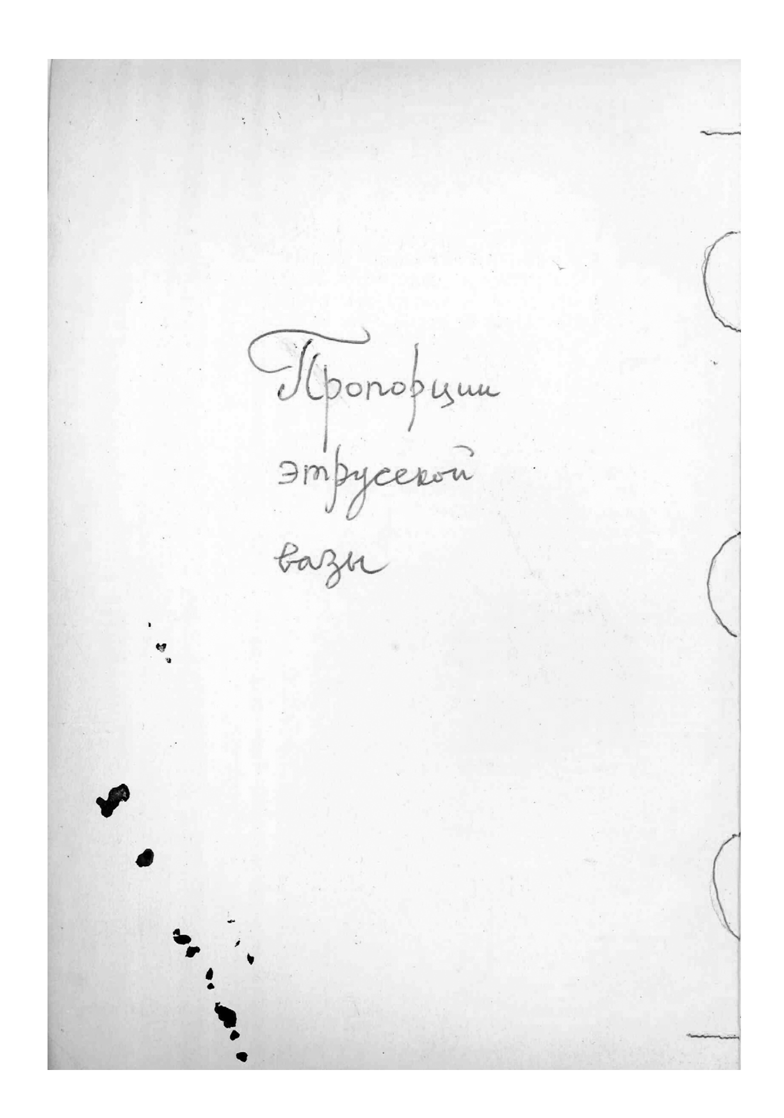
Какое лицо должно маячить сквозь ветки тополя, чтобы мы наконец поняли, что за нами наблюдают снизу? Я такого рисунка не видел. Я о таком фильме читал в английских газетах. Всюду глаза. Земляничная поляна не на этом маршруте. Нужно было порадовать Нину Хиббин. А мы порадовали только личную знакомую Марии Казарэс.

Взрыв писаной торбы.

Вам не понять, зачем тут ЯЩИК ПАНДОРЫ. Мы все уповали на Пандору. А Пандора нас подвела. Выражено все это правильно, только к такой стилистике нужно долго привыкать.

Слезы, соленое море шумит: где бы достать соли? Любимый анекдот из морского репертуара. Льетесь вы ранней и поздней порой. Он думает, что он пишет как Тютчев. Я не мешаю ему так думать. В конце концов, есть еще и Пастернак разных периодов и еще непрочитанных книг. Тут есть только два вида стихов. Стихи, которые пишутся, и стихи, которые читаются.

58 стр. 20.9.69
135
5
тавтология
1969

Пропорции
этрусской
вазы

136

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ТАВТОЛОГИЯ

1

14.5.69

Новых критериев нет, а старые вышли из употребления. Калитка в заборе существует, но я перестал ее замечать и ничье внимание к ней не привлекаю. Вы же консервативны. Вы же традиционалист. Как Андрэ Жид: вот было бы у кого радости, если бы Джеймс Болд. писал бы "Другую страну" так лет 60 назад. А то он не осмеливался нарушать каноны и писать о том, что ему самому доставляло максимум удовольствия.

Поплавок от нагрузной удочки встал столбиком, как и полагается ему под действием грузила озерной удочки, но течение пронесло его мимо в 3 секунды и сразу же прибило к берегу. Нет, так ничего не получится. Надо снять поплавок.

Вот и вся тайна. Она случайно попала на глаза. Все протекало мягко и спокойно, с игрой воображения и отсутствием нервирующих влияний. Вы чего-нибудь понимаете, что тут происходит? Она ушла из-за ошибки переплетчика. Она ушла в т а б у, только совсем другого рода. Не надо делать этой ошибки.

А когда в 37 году стали освобождаться другие более удобные квартиры, он уехал из этого дома. Вот почему стоит вторая дата. Здесь жил писатель из учебника, мы "проходили" его книги, и он нас учил жить. Мы проходили каждый день по дороге в школу за Музеем изящных искусств и не знали, что он тут живет.

Читать надо про себя.

Самое главное там — она ушла в антимир, а первые страницы — пожалуй, тоже ошибка. Наводнение на Неглинной никогда не повторится. Тут вы можете быть спокойным.

58 стр. 20.9.69

137

2

КАК УЗНАВАТЬ КЛЕВ БЕЗ ПОПЛАВКА ?

По концу удилища и по леске. Леска задрожит, через секунду нужно уже тянуть. Подсекать.

Там музыка сливалась с действием, и никто не обратил внимание на Шостаковича. Я была поглощена драмой и актерами и пьесой и на музыку не обратила внимания. Очень жаль, что я не знала, что это музыка Шостаковича. Об этом я узнала только у Нины Хиббин.
А я подумал, что это рисунки самого Максимилиана Шелла и дико ему позавидовал. Вот сумасшедший, а как здорово рисует. Я не знал, что это Ренато Гуттузо.

В следующий раз я пришел на то же самое место во всеоружии, с новыми шнурами, с тяжелыми грузилами, рассчитанными на сильное течение и ловлю без поплавка. Ерш брался и на самые тяжелые лески, закинутые на сома или на сазана. Маленький ерш заглатывал большой крючок намертво, и никаких признаков клева я не замечал. Я просто время от времени вынимал леску и снимал с крючка очередного слюнявого и колючего бирюка.

Конец удилища задрожал и чуть-чуть нагнулся. Тут нужно было сразу дергать. Это клевала калинка.
В следующий раз я так и сделал. Маленькая круглая белая красивая рыбка живо трепыхалась на крючке. Руки сразу пропахли запахом рыбы. Я с удовольствием вдыхал сладкий запах и чувствовал себя опытным рыболовом.

На кашу нужно брать сазана. Ну до этого мне еще далеко. Это высший класс. Это надо уметь. Мало того. Это надо часами ждать.

Какой клев был у сазана? Леска, чуть колышемая ветром и течением, вдруг расслабилась, а потом вдруг дрогнула, натянулась и конец удилища резко нагнулся чуть не до воды. Я успел схватить удочку до того, как сазан рванул дальше. Он мог и утащить.

138

3

Начались места, где голавли не водятся, и мы переехали на ту сторону. Тут около кустиков возле зарослей осоки, камыша и водорослей на довольно мелком месте тоже не поймали ни одного голавля. Голавли не любят травы и травянистый берег такого рода. Небольшая бухточка с крутым бережком и одинокой корягой задержала нас на одну минуту. Он закинул один раз, два раза подряд, не больше. Но место уже подходящее. Чистая отмель, сверху яр, в бухточке медленно кружится небольшая коловерть, мутная вода идет кругами с пузырями.

Очень много приблизительных слов.

Я видел снимок похожего места. Мне нужен рисунок хотя бы по клеткам.

Поплавок не успел шлепнуться на поверхность воды, как дрогнул, повернулся и сразу же утопая, погружаясь, стремительно по косой линии нырнул, заскользил в сторону. Типичный голавлиный клев. На одного кузнечика можно поймать нескольких голавлей. Насадка сбивается, но не проглатывается. Слишком быстро все это происходит.

Старый мужик с интересом и любопытством, подняв голову, рассматривал балкон. Считавший страницы прошел, не глядя.

Я не нашел ни одной страницы. Старая цитата хоть немного отозвалась. Бурное утро, ничего не скажешь. До тех пор ПОКА. Я запомнил не то, что мне нужно. Городской пейзаж возле Трубной площади полностью отрицал озеро в жаркий день. Верно. Его жизнь — слово "бранденбуры". Щит и меч. Он читает. У него есть и своя жизнь — это военные романы писателя Симонова. Лодка плыла в книгу "Женщины русской революции".

139

4

От песчаного пляжа, на котором бессмысленно закидывать удочки, я пошел вдоль берега налево в поисках подходящего места для рыбалки. Вот кустики. Нет подхода. Вот деревья. Не пробраться.

Жалко, нет лодки.
С лодки бы хорошо.

Из таких элементов.

Удивительное приключение, пики и провалы, подъемы и падения, когда стоит терпеть одно ради другого. Чтобы испытать такую радость стоит вынести целый ряд неудач и невозможных неприятностей. Вот именно из таких элементов была построена мысль в той цитате.

Когда я забросил поплавную удочку, течение в четыре секунды пронесло поплавок мимо и сразу же прибило к кустикам направо. Сейчас же надо вынимать и забрасывать снова. Как можно дальше налево. Если она не схватит налету, то ничего из этого не выйдет. А я привык к неподвижному поплавку на озере. Закинешь и ждешь, поплавок не шелохнется до тех пор, пока не подойдет рыба.

Четыре страницы из начала романа, потом сразу же 4 страницы из середины книги, вот и весь образ этой женщины. Вот и вся история. А ведь самый глубокий след на огромное количество лет: человек питался всю жизнь этими воспоминаниями. Ужасно нехорошо. Это было нужно предвидеть. Бестолковое занятие.

Как всякое сочинение неопределенного содержания. Страница выиграла от сопоставления. Получились неожиданно правдивые реакции на предыдущее письмо. Не требовалось, но так уж вышло.

Уж лучше бы переводил. А можно было и так оставить. Важно было выудить. Важно было остановиться и найти. А для перепечатывания есть и еще кое-что. Ну и конечно, звон в ушах.

Попробуем закинуть нагрузную удочку в сильное течение, может, не так будет сносить. То же самое. Поплавок торчмя проносится в четыре секунды мимо. Никакая рыба так не поймается.

140

5

Тут нужна лодка. Тут с берега нельзя закинуть удочку. Тут просто не подойдешь к воде. Классическое сочетание: старый челн. Так и объясняется слово пирога в оксфордском словаре: лодка, выдолбленная из целого толстого дерева.

Как в романе Олдингтона "Все люди враги". Такой напряженный тон после долгожданной встречи. Ничего хорошего ожидать не приходится. Это так просто не кончится. Не надо было каркать.

Что и увеличивает ощущение беспомощности до такой степени, что хочется бросить.
Язык бросать нельзя. Даже такой, казалось бы, забытый и ненужный. A brain underexercised is far more injurious to health than an underexercised body. How can you have thoughts of your own when you are reading other people’s thoughts?
При этом я не знаю, в какой степени одно затрудняет другое. Если бы только для чтения вслух, тогда все ясно. Но вот уж если для устных рассказов, то все переворачивается. Одна страница, не больше. Одна страница.

Я думал, что "Азовским сидением" граф Алексей Толстой заинтересуется больше, чем так называемой "Пыточной книгой". Слишком много про Альтону. Он не слушает совершенно, ему бы самому сказать или просто поговорить.

Но воскресенье у меня — день французского языка, я давно говорил, но он недооценивает. Приглашение на "пробу чая" прозвучало как название пьесы "Право первой ночи".

Утонувшие обломки — да, да. Остатки прежней роскоши — да-да. Но вот содержание "Симплициссимуса" — чистейший бред, даже не СМЕШНО. Но в качестве черновика для заметок на полях — ладно.

МАКАБРИЧЕСКИЙ Р И С У Н О К

слова в мае 69 года
10.5.69

Почему она должна быть арестована? Потому что есть и даже всегда были основания, если не быть арестованной /это зависит от сами знаете кого/, то во всяком случае опасаться ареста.

ОНА — это не Лена Негневицкая, а пишущая машинка с латинским шрифтом. А насчет Лены Негневицкой скажет всё вам Саша Курепов.

Тут идет 14 страниц прозы одного Андрея Белого, который пишет под псевдонимом — впрочем, это не важно, под каким псевдонимом. Важно то, что он пишет, а мы читаем.

/Можно сразу читать "Чужой звук" Зен Давестина, только не 80 страниц, а что-нибудь покороче./

"Она ушла в антимир". Было такое сочинение и очень хорошо сказано. Она еще не арестована, но есть надежда, но уже ушла в антимир своих забот о любимом человеке.
Пока.

Да и леса тут нет, тут негде укрыться. Тут же всё видно. Тут же все смотрят. Так поехали туда, где нас никто не увидит.

Еще один СОЦ /скованный одной цепью/ реалист на голову нашего общего друга. Что ты с ним сделал? Он завалил всех. Ты знаешь сколько он уже надавал такого формата? А читать кто будет?

Он читать не будет. Он — это А. Курепов.
Она читать не будет. Она — это сами знаете кто.

142

7

ДВА КОЛЕСА — ХОРОШО В ЭСТОНИИ,
В МОСКВЕ ЛУЧШЕ ЧЕТЫРЕ КОЛЕСА

/ р и с у н о к М а т и с с а /
12.5.69 Сколько ему лет?

Мастерская Сергея Герасимова не соперничала с двумя старыми кинорежиссерами польской новой волны: Александр Коот и Михаил Котт — оба дрались за образ Настасьи Филипповны.
Сыграть Грушеньку ей не удалось.

Он был в лагере. Его сожгли на пионерском костре под танец хунвойбинов задолго до великой культурной революции. Про харакири он ничего не знал.

Перемудрил я с этой эпопеей "Я". Теперь уж поздно. Нужно было сразу же сделать в любом виде и сразу же выбросить. Теперь поздно. Это как прыжок в холодную воду. Немного похоже на ОШИБКУ НЫРЯЛЬЩИКА.

А мне нужно 2 слова про ошибку переплетчика с лицом из красного сафьяна. Марокканская кожа для французского переплета:
а вы владеете искусством французского переплета под королевского переплетчика орифламмы короля Франциска Первого? А я и не знал, что это такое. Но я правильно ответил: все зависит от материалов. Золото есть? Будет золотой обрез.

— Четыре колеса — плохо, два колеса — хорошо, — сказал моя жена, остроумная женщина. И мы купили велосипед. Так начинается последний переплет с силуэтом Старого Томаса для книги "Смерть велосипедиста". А сущность новой обезьяны — в упрямстве. Она же и каприз. Я буду тебя ждать на ближайшей скамейке у Земляничной Поляны.

Ничем не хуже всего остального.

А кончается все это так. Улыбок тебе пара, ПАРАЛЕПА. Но я не знал, что всю жизнь потом я буду сидеть в мыслях на этом стуле. Два колеса — хорошо в Эстонии, четыре колеса лучше в Москве. И мы взяли такси.

143

р и с у н о к

3

8

За одним исключением, о котором подробно сказано на предыдущей странице, то, что мы читали /за исключением пропущенных в темноте на Пушкинской площади двух страниц/, что мы имеем? МЫ имеем, товарищи, еще одно произведение русской советской литературы, которое хоть сейчас печатай рядом с "Кубиком" в "Новом мире". Это и есть главное. Нет той бесшабашности и даже суицидальности, которая так и сквозила со всех пятниц и суббот на неделе в ранней ф у г е Зиновия Зиника, написанной в лучших традициях первой прозы Андрея Белого. До Манделя не дотягивают стихи, хотя под Тютчева есть, по крайней мере, пять стихотворений. До Мандельштама не дотягивают кричащие заголовки "Новой жизни" нового Данте, но, в и д и м о, на всех не угодишь. И не все сразу. Кроме того, он "Красную новь" еще не читал. Погодите.

80 страниц — все в порядке.

А эпичность попытки "высшего света" даже утверждают каноны опять же скованных одной цепью /сокращенно СОЦ/ реалистов. Вторая линия — про театр, но тут я не в курсе. Тут пусть скажет Лена Негневицкая.

Слишком много лесбиянок на один театр и на 14 страниц прозы. Не знаю, не знаю. Такой театр. Такая проза.

Вот ответ на вопрос: "Что вы сделали с нашим мальчиком, Крысолов?"

А Крысолов играл на дудочке, только и всего. Мальчики и девочки, услышав дудочку Крысолова, поспешили в Лукоморье, и тут помогла флейта поэта Мартынова. Что ты сделал с Мартыновым? Ты знаешь, сколько он наговорил против Пастернака?

У меня нет поэмы, кроме как в "Новом мире".

144

9

макабрический рисунок

4

Еще одна ДЕВЯТАЯ ВОЛНА.
Четвертая катушка через
четыре года звучит так себе,
а читается еще хуже.

Она не только ушла в антимир, но и уехала за границу. Она теперь в Африке живет. Преподает язык африканцам. Я предупреждал, что у алжирского бея под самым носом шишка. Она смеялась, но поехала.

Лена уехала далеко от Москвы и даже почти к антиподам, но на время. Скоро приедет.

Жуткая ерунда с портретом Солженицына, но тут уж ничего не поделаешь. Придется терпеть. Прошло сколько? Надо проверить дату. Прошло р о в н о два года. 22 раза можно было раскаяться, но есть и свои положительные стороны даже у онкологического диспансера. У письма стоит дата — 16 мая 1967 года.

Я возвращаюсь к английской лексике старомодного исторического под Вальтера Скотта написанного в 20 веке романа под названием "Подставная лошадь". А может лучше — КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ. Может лучше.

"Дневник подлеца" уже есть такая пьеса в американской драматургии. Ее написал Александр Островский. Что ты от них хочешь, чудак-человек? Так они переводят "На всякого мудреца довольно П Р О С Т О   Т Ы".

145

10

из-за тех же ключей в яме

Вот тебе и цена КФ. Только заглянув в старый угол, неожиданно увидишь забытые истоки сложного синтаксического периода у нового орфического поэта.

У озера не было родников. Родники были у Ямы, поэтому и тёк все время ручей. Потом родники заглохли. Иссякли и всё. Разве так бывает? Видимо, бывает. Так было. И другой ручей, который соединял НАШЕ ОЗЕРО с Большой Рекой. Он тоже не иссякал, не пересыхал даже летом. Из-за тех же ключей в Яме.

Одним половодьем не объяснишь.
Разлив был жуткий — как на реках Южной Америки. Мутная вода в одном месте — узкий промежуток в лесу между деревьями — бурлила и мчалась в противоположном направлении с опасной скоростью. Только опытный гребец и взрослый мужчина мог выбраться отсюда. А вид у этого места был самый невинный.
Впрочем, все мальчишки умели плавать.

И ничего никогда не случалось.

/ЦЕНА ЭТИХ ДВУХ СТРАНИЦ очень скромная: для разгона из утренней стенограммы, чтобы не писать о судьбе предыдущего партийного лидера сегодня по-английски. 20.9.69./

ИЗ-ЗА ТЕХ ЖЕ КЛЮЧЕЙ В ЯМЕ

146

11

ПОСАДКА — такое было слово. Посадками назывались деревья, посаженные вдоль полотна железной дороги. Посадки превратились в густой высокий почти дикий лес. Тут только сбежавшего удава не хватает. Опять я вижу серьезного мальчика с книгами в руках. Книги обернуты газетой, портфеля не было по бедности? Он идет по дорожке мимо старинных кирпичных зданий, от которых потом после бомбежки ничего не останется. Уезжал я из этого города не один раз. Папка про Ван-Гога тревожит. Я вчера спрашивал: он помнит дайджест по "Чудовищной чувственности?" А он мне свое. Тут стояли рядом другие тополя, их почему-то нет, а я стою.

А я подумал: он просто садист и больше ничего. А у него оказывается 77 томов всяких сочинений. Впрочем, если в таком же издании, как "Через месяц" Франсуазы Саган, то из Марселя Пруста будет 40 томов одного романа "В поисках утраченного времени". Все зависит от шрифта и интервала. Я помню интерлюдию, которая у Таухница занимает целый том. А это 20 стр.

147

12

Ты с ним не дружи, раз он бьет тебя кнутом. Кроме того, он с презрением относится к твоему лимонаду и говорит: к Троице нужен самогон, а не лимонад. Удар кнута по лицу со всей силой: не так было больно, как обидно. Я разревелся от обиды и побежал домой. Ага, он меня бьет, а я не смей пожаловаться? Нет, я не побоюсь пожаловаться. Ему будет. Ему влетит. Пусть ему будет. Пусть ему влетит. Со слезами и всхлипываниями в величайшей обиде на своего лучшего друга я не удержался и пожаловался маме. Меня бил кнутом Герман Суяров. А ты не играй с ним. А у тебя есть друг Сергей Волков, с ним и дружи. Вон ты какой. Но могло случиться. Во всяком случае в маминым воображении.
Ты чуть не утопил Витю, а он маленький, а ты большой и играй себе с большими. Я своей маме не жаловался. Сережка — не такой, дружи с Сережкой.

В СКОБКАХ: /образец переписанной утренней стенограммы. Не больше. Утрачено и не будет сожаления, что утрачено. Но опять придется начинать сначала/.

ЗАРАБОТАЛ СТАРЫЙ ИСПЫТАННЫЙ РАКУРС

7 30.10.63

Бах. Бах. Бах. Каждая встреча оканчивалась Бахом.

Про чемодан, любовь, про двух детей, про атомное оружие. Тихо и спокойно вымирало когда-то гордое племя свободных мыслителей.

Где вы видите бандитов? Сидят милые славные люди.

А мы пойдем в лес? А на адюльтер я не пойду.

Увези меня куда-нибудь.

Письмо было выброшено с поезда

народ, за который мы страдали.
старый испытанный ракурс.

149

14

ЗАРАБОТАЛ СТАРЫЙ ИСПЫТАННЫЙ РАКУРС

7 30.10.63

Бах. Бах. Бах. Каждая встреча оканчивалась Бахом. Каждая фраза оканчивалась бахом. Чем — бахом. Было, в общем, 8 с половиной бахов. Купить можно только до конца. Нет. Вот как раз наоборот. Помните "П И Л"? Неисповедимы пути твои. Ну, в последний раз. Про чемодан, любовь, про двух детей, про атомное оружие. Я ее очень уважаю. Фирка про хахаля. Тихо и спокойно вымирало когда-то гордое племя свободных мыслителей. Евреев? Русских писателей? Чеху тут нет места. Чехову тут было бы душно. Унтеру Пришибееву тут лафа. Ф. Достоевский под редакцией профессора Фердыщенко в Институте мировой литературы. И это еще не самый крайний случай. Навухо-ДОНОС-ор на службе у пролетариата: Эльсберг. Клеветник на общественных началах. Где вы видите бандитов? Сидят милые славные люди. Он работает теперь в ВТО. В троллейбусе встретил. С бородой под Хемингуэя я его не узнал. Бред, но в этом что-то было. Если бы вы еще записывали тогда, это было бы понятно, но вы пишете сейчас. Дура. Зачем я вам буду нужна тогда, когда вы станете знаменитостью? А мы пойдем в лес? А на адюльтер я не пойду. Заведите себе маленькую интрижку. А вы меня боялись? И на том еще месте у дуба я вас любила. Но вот вокруг кусты и бешеная попытка кончилась бешеным сопротивлением. Бутылка коньяку, и все стало вокруг голубым и зеленым. А она упустила Файко. Письма-телеграммы в областной город, где живет провинциальная Беатриче с лучистыми глазами. Увези меня куда-нибудь. Синяки-подсосы. Связалась с шайкой. Да, но и про него говорили, что он связался с бандой. Народ безмолвствовал или сплетничал. Письмо было выброшено с поезда, школьница подняла и переслала, как просил заключенный. Трогательные истории он рассказывал про народ, за который мы страдали. Резидент вышел из употребления. Заработал старый испытанный ракурс.

150

15

Сразу видно, что н е т у д а. Я забраковал утреннее чтение. Вместе с утренним чтением ушло и что-то другое. Вроде старой стенограммы. Не сохранилось и все.
Не отдал Матрене Дмитревне, вот и не сохранилось.
И в голову не приходило.

Он слишком был смешон для ремесла такого. Сальери имел в виду "он слишком был паяц" или "комик".
Я чувствую, что они войдут во вкус и им понравится писать плохо. Если Майкл Макгрейди обладает талантом Олдоса Хаксли, сам-то он, конечно, уверен. Таких было сотни. Они прошли как тени.

До сих пор непонятно, почему ему не удалось повторить успех "Смерти героя". Даже "Роман Казановы" не повторяет. Впрочем, я не знаком с дочерью полковника, но думаю, что все люди — враги, не больше. Ка-ак?
Вы тоже?

Старые сновидения были в одной линии со взятием Бастилии. Суетился Петя Верховенский, и капитан Лебядкин лил воду на его мельницу. Федор Романович Горшенин его хорошо помнит.

151

16

Работа как будто бы продолжалась, но на самом деле было не так. Спустись вниз. Чудное виденье у далекого пейзажа. С такой же силой и другая книга. Бумага привлекала. Чем-то еще была заполнена целая тетрадь. Одеяло на шее, был такой случай. Вот чему поставлен памятник в этом доме. Не буду сидеть на этой скамейке. Я переложил журналы с одного места на другое. Попалась старая газета. В деревне были другие заботы.

Наточить крючки для ловли стерляди запретным способом. Именно за этим занятием мы застали нашего старого знакомого. Распить пол-литра, и лодка обеспечена. Уж больно близко это к мельнице.

Герострат с нерастраченной энергией: сколько же так может продолжаться?

152

17

The difference exactly. I don’t see the difference but it exists.

So much for the library.

It was, of course, proper and even pleasant to have her grief so much respected, but she did wish Sam hadn’t to be poked always into taking the initiative. Couldn’t the man see?

Наши интересы начинались с химической промышленности. Это имело и другое название. Их там уже трое. Гордость сидела в читальном зале Британского музея. Если это называлось продолжением, значит, это и было продолжением. Считалось, что у него не будет возможности работать. Пейзаж был странный.

Шеренги, от которых остались слова в макулатуре. Начнется это разговором, а кончится новым переплетом. Чистить такую рыбу? Знаешь, сколько труда? Мелкий окунь в особенности. И пахнет эта озерная рыба несимпатично. Опять пойдешь на озеро?

"И лебедь умирает не через одно лето".

153

18

Ни одной страницы по существу. Ты мыслил замыслами, а не написанными страницами. Только страницы из "Поплавка" кажутся законченными и окончательными.

Ложь и грусть того года /бандитом становишься на этой улице/ — это еще полбеды. Вот придать значение тому, чему можно и не придавать значение. Вот беда. Формат, читабельность, переплет, машинка. Читал когда-то я. Мне запомнилось "истрепанная провинция". Это был вежливый вариант для деревенского соблазнителя.

Там не нужно было ничего находить. Там можно было читать все подряд. Бумаги хорошей было много. Единица поднимает бунт. Написанное в прошедшем времени хорошо читать с верой в будущее. С любовью проделана работа, ничего не скажешь. Я так и знал. Трудно относиться к этому как к черновику. А надо.

Он вел себя так, как будто Алек Вольпин — его псевдоним. Я не буду об этом ни слова.

ж е р т в а   ф а к т у р ы

Он еще должен вам афоризмы давать? Достаточно того, что он работает на высоте. Вот из него попытался режиссер выжать афоризмы, получилось печально. Товарищ борец, господин мыслитель, вы все время тут стояли, ВСЕ ВИДЕЛИ, совершенно некому пожаловаться. И мы обращаемся к каменному Тимирязеву у Никитских ворот.

Это хорошо М. Козакову говорить: я жертва фактуры. А каково произносить это настоящей жертве? Он никогда и не скажет: я жертва фактуры.

Монтажник-высотник не возвысился хоть бы Есенина процитировать, да это от него и не требуется. Когда совхозный хлебороб идет мимо "Националя" и говорит: ни за что бы не согласился жить в Москве. Ему не веришь, потому что смешно. Кто его заставляет? Его режиссер заставляет. Еще бы!

Третий герой хорошо говорил про объективные обстоятельства, субъективные конечно, вы всё, конечно, помните.

Уж больно много этих действительно не нужных вещей. Автору в первый раз они нужны были для разгона — да. Но зачем он их повторяет 20 раз?

Печатал разную ерунду по принципу: как бы не упустить самое важное. Пусть будет 10 лишних и бесполезных фраз, чем упущено что-то. Ритуал был таков. Потом было подтверждение в виде французской фразы. Но и без французской цитаты было ясно, что в таком темном деле никогда не знаешь, что найдешь, что потеряешь. Я потерял связь с 1959 годом. Такие вещи — не связь. Ректор — не персонаж. Старый друг — не читатель. Не стая воронов слеталась. Законодатель ушел, кресло опустело: как плохо стало без Вас.

Насчет того, что "мне казалось", можно было бы и не заглядывать в старое сочинение. Ни одного слова одобрения с той стороны я не видал. Война была с применением всех видов оружия. Странное перевоплощение. Как будто не хватало пятой эпохи воспоминаний. Жутко режется ритуал. Ни слова про дом детской книги. Я не нашел самого главного в письмах Тургенева: как он читал "Былое и думы". Это не могло быть в письмах к самому Герцену.

Театральный роман — вот куда эти две страницы. А я заботился о повторении лексики. Подхват — было такое слово. Формат — тоже мне забота. Три огромные фамилии: Курнат, Морхат и Борбат. Курнат — главный переплетчик, Борбат — переводчик, а Морхат — просто важный джентльмен.

Торжественно и чудно идет работа над французской лексикой. Я просыпаюсь с сознанием выполненного долга. А задание для пятилетнего возраста. Мы работаем над восстановлением того, что мы когда-то знали. Мартышкин труд в шарашкиной конторе: Тришкин кафтан латать. Вот забота. Почему этот переплет влечет с неведомою силой? Что там было?

1

у ч е н и ц а   г и п н о т и з е р а

156

21

Я так и знал.

Уроки гипноза в четыре часа утра на пустынной улице. Я протирал глаза и доставал из кармана сигарету. Сначала мне показалось: трое глухонемых ведут разговор на языке жестов. Два брюнета-близнеца, один старик с бритой головой в оранжевом костюме с ярким галстуком и одна девушка. Их было четверо. Потом пожилой товарищ сказал: вот сюда нужно смотреть. И показал на точку между глазами у молодого. Потом они долго щупали пульс друг у друга. Я боялся, они нарушат сон в нашем доме. Потом был хохот в пустынном переулке. Я видел, в каком доме кончилась вечеринка.

Такая штука, конечно, была не нужна. А я читал, а я вчитывался, а меня бесило одно и то же, а я преодолевал отвращение, а я продолжал читать. Другой роман того же автора до нас никогда не дойдет. В этом можно быть уверенным.

Почему она крутится?

7-я квартира, 7 бед, один ответ, а этаж 4-й. Ты не забудешь? Ты от него не уходи. Меня любила Плантаторша, а я был влюблен в Квартеронку. Шпион купил пионов. Посмотри, какие они красивые. Правда, роскошные пионы? Придется еще раз читать путешествие к верховьям реки Амазонки.

Я слышал голос и захлебывающийся смех: ой, девочки, что с нами будет через 20 лет! Это уму не постижимо. Таких писем не бывает. Такие уроки всегда пропадают. Верховой езды не было.
Вы меня научите переплетать?

Странное было продвижение. Фестиваль будет без нас. Как будто в первый раз. Не в первый раз фиеста без нас.

2

157

22

Похожее на это, что-то заковыристое, приятно вспомнить. Мы даже не знали о их существовании. А они о нашем.

Эти два молодых гипнотизера жутко похожи на сцену с новой Сарой из "Земляничной поляны":

— Бог есть или нет, это неважно, важно, что у вас есть я!

Я не уверен, что она так сказала. Когда они повернули и исчезли, она шла рядом с учителем, и я подумал о могуществе старика почти под "Украденную картину".

Борис Абрамович не любит, чтобы кто оставался после того, как жена приходит с работы. Жена Бориса Абрамовича не любит, когда, приходя с работы, видит гостей-поэтов. Я еще немножко погуляю, ладно?

Исчезает со страшной силой.

Если бы я знал, какой он был прекрасный. Если бы я знал. Если бы.

У меня ничего не осталось, кроме того, что постоянно может напоминать. Убрать шпаргалки, ничего не будет. Своей рукой убрал я со стола.

Но это уже вы опять про себя. Это уже опять никому не интересно. Вот теперь ясно. Спасибо за прояснение. А то я не знал. А то я надеялся. И не надо так много раз повторять одно и то же. Один раз сказали, и хватит. Мы поймем и так. Вот когда "Последняя лента" пришлась в точку.

Точка коньков в мае месяце производит такое же впечатление. Не знал я, что так получится. Действительно не знал.

Поставь тут знак от дурного глаза и махни рукой.

3

158

23

СПИЧКА, УДАЧНО ЗАЖЖЕННАЯ НА СИЛЬНОМ ВЕТРУ

12.4.59

Ураган — это спичка, удачно зажженная на сильном ветру в коридорах власти издательства "Советский писатель". Послушать двух приятелей, можно подумать, что кто-то в кого-то влюблен. А на самом деле два редактора коротают обеденный перерыв.

— Как живут антресоли?

— Взаимный моральный бойкот.

— Чего это вдруг?

— Мы не сошлись убеждениями по вопросу о гипнозе. Она сказала: вы не так воспитываете Фамулюса. А дело было так. Фамулюс сказал: я не верю в гипноз, гипноз — это обман. Хозяйка антресолей стала объяснять, что гипноз — это как рентген, гипноз — это наука и нельзя не верить в науку. Фамулюс спросил:

"Что вы думаете, Синьор, о гипнозе?"

Синьор ответил:

— Открой любую страницу "Правды", прочти и верь или не верь, как хочешь, — это и есть гипноз. Каждый из нас каждый день — на сеансе гипноза. Ты можешь заснуть, если поверишь, можешь не заснуть, если будешь сопротивляться гипнозу. Можешь заснуть, чтобы не подвести врача-гипнотизера, можешь сидеть и не спать на зло гипнотизеру. Гипноз — это великая вещь.

Хозяйка антресолей была возмущена, но сдержанно сказала:

— Вы опять не так. Нужно было сказать: гипноз существует, это правда. А потом уж перейти к шуткам на эту тему. Неправильно вы воспитываете Фамулюса. Плохо вы влияете на братьев Роек.

Не говоря уже про пса Фафика и пана Мариана Эйле. Не говоря.

/Из книги "Ураган"/

159

24

2

В это день хозяйка антресолей надела новую брошь. Кира посмотрела и говорит:

— Какой ужас! Какое мещанство!

Взгляд Киры на мещанство известный: все, что дешевле 1000 рублей — мещанство.

Хозяйка салона спросила у физика:

— Правда, красиво?

Физик без энтузиазма, вскользь как-то сказал:

— Да.

Мать братьев Роек поморщилась.

Когда спросили Синьора, Синьор ответил:

— Это не мещанство. Мещанство — покупать дачи, холодильники, машины, магнитофоны, картины. А брошь — это не мещанство.

Она почувствовала ехидство.

А он не может без ехидства. Оно, ехидство, невольно прорывается. Он решил молчать. И он молчал. Он сидел и читал. Он не раскрывал рта, а они спрашивают. А они втягивают в разговор.

Были бы у него сейчас деньги, не было бы стычек и разговора о воспитании. Были бы. Три ключа на 4 человека. Сегодня опять кто-нибудь нарвется, и опять будут разговоры. А его дом еще не готов. Он вчера проходил мимо, нет, не готов.

А Молочные-Реки-Кисельные-Берега вчера сказали про старшего из братьев Роек:

— Кто этот молодой человек со стальным наглым взглядом?

Почему тебе не понравились Никитские Ворота? Диккенс? Лондонские трущобы? Это вчера потому так было, что киноактриса на Мосфильме ошиблась днем выплаты. Приехала, а касса закрыта.

Поющий Человек был в "Форуме" с Гаевским. Ураган в "Театре" одержал еще одну моральную победу.

160

25

3

А дело было так. Оля Хмуриц встречает в театре и говорит:

— Вы зарезали 2 страницы Гаевскому. Пименов сказал: вот Урагана он подписывает с удовольствием. А Гаевский — что? Так. Безидейщина.

А Ураган пишет литгазетисто, а Гаевский пишет нормально, как все интеллигентные люди. С Ураганом они ведут борьбу, но Пименов его поддерживает. А нужно вам сказать, что в "Театре" Ураган котируется так: Юзовский, Гаевский, Бояджиев, Асаркан, а потом уж все остальные.

Зефир — это не Оля Хмуриц, а Ира Уварова. Но Поющий человек ее поддерживает.

А в очереди стоял Леонид Марков, такой молодой поэт в усиках. Гаевский протрепался с ним часа два, а потом спрашивает мое мнение. Я ему сказал:

— Один человек, очень чуткий на провокаторов и чувствительный на провокацию, его не любит.

Он имел в виду Орфика.

А Дорошевич сказал:

— Ну что же вы раньше мне не сказали? Ну как же вы меня не предупредили?

— А как же раньше? Раньше вы меня не спрашивали.

— Я все время это чувствовал. Не в обиду вам сказано, я всегда с подозрением отношусь к небритым людям.

Таким путем Дорошевич был дважды посрамлен, а Ураган одержал две моральные победы.

Каменный Тимирязев застыл в смиренной позе у Никитских Ворот. Зажглись неоновые огни Театра сатиры. Женя Весник продолжает углублять Ильфа и Петрова. Андрей Крюков ищет историю испанской инквизиции. Майя Березовская у него есть.

161

26

КТО ЧТО О КОМ СКАЗАЛ

/Ребенку-злодею нужна любовь.
2.6.58 /

У Орфика есть несколько кругов близких знакомых. Круги, как правило, не соприкасаются.

Хозяйка салона волнуется: правда, что он меня любит больше, чем актера Овацкого? Ее вообще это очень интересует: кто кого больше любит? Ураган любит Орфика, но Дьявола он, несомненно, любит больше. О Распятом Человеке и говорить нечего: он его просто обожает. Хотя Орфик любит Урагана больше, чем Распятого Человека. Жена Орфика очень не любит Дьявола, но Дьявол об этом не знает. Что выйдет, если об этом сказать Распятому Человеку? Изменится ли его отношение в Орфику и к Урагану? Таких проблем тысяча.

Круги, как правило, не соприкасаются по разным причинам, и это скорее хорошо, чем плохо. Так жить легче. Банда Овацкого не вхожа в салон, а Хозяйка Салона не прочь познакомиться с антресолями. Но актера Овацкого туда не пускают. Кроме того, надо оберегать труд и отдых от громогласного голоса самого крупного специалиста по амикошонству. Миша Эстрин знает предмет по комментариям к однотомнику Пушкина, который он изучал в Ленинграде.

Круги для Урагана — не роскошь, а необходимость и даже хлеб насущный. Но для этого нужно знать, кто что о ком сказал.

162

27

ПИОНЕРЫ СОБИРАЮТ МАКУЛАТУРУ

1.10.65

Истопник в Черкизово топил печку американскими газетами. Пионеры собирали утильсырье, и мадам, взявши себе за правило никому из знакомых в Москве не давать ни одного журнала и ни одной газеты, выбросила сразу завалы "Тайм" и "Лайф". "Нью-Йоркер" тоже пошел в макулатуру.

Как угодить учителю? А знаешь за что он получил пятерку по английскому? Он принес ему американские газеты из макулатуры. Учитель по прозвищу "Ай-Дуй-Его-Дуй-Его" встретился на Преображенском рынке, и черкизовские мальчишки из 3 класса шумно его приветствовали на разный лад: "Хау ду ю ду!" "А я дую в дуду!" и даже "Ай дуй его дуй его!" Они организовали соревнование, кто больше принесет газет учителю английского языка. Четыре картофельных мешка всем звеном тащили к Альке в сарайчик. Тут шла сортировка.

Он же ночевал 4 дня на кладбище.

Истопник жил в доме с зеленым забором. Запах воска — пахло медом за воротами на всю улицу. Вишневые деревья стояли в цвету. Клей тоже можно собирать для учителя. Луна над прудом, где теперь свиносовхоз. Старик подрабатывал и на воске: делал свечи для церкви у кладбища возле пруда.

А потом в сарае среди дров нашли Плеханова и даже "вот ужас!"

Этого требуют законы и обычаи юных пионеров Советского Союза. Конверты от писем валялись повсюду. Где же тут стояла молотилка? Тут же и локомобили экономий оставили свой неизгладимый след.

28

ЧТО ТАКОЕ   А С П И Д И С Т Р А ?

5.6.69

В общем, раньше заводили канарейку, а теперь крокодилов или попугаев. Такая а с п и д и с т р а, символ мещанского уюта. А зачем ему нужны попугаи? А их нельзя научить по-английски и таким образом использовать в качестве магнитофонной ленты? Скорее хозяина по-китайски. А кто чистит клетку? А чем он их кормит? Кильками пряного посола. Столичной водкой. Мукузани. Черным хлебом, если есть у соседки.
Это надо у него спросить.

Нейтральные слова старой стенограммы. Если бы к ним слова табу, хотя бы в виде цитаты из Джемса Болдумана, тогда другое дело. Все равно, привычка к именам сократилась и ценится только "Бухенвальд про Бухенвальда".

ЗА "Против" — разве не так?

Знак против дурного глаза, оказалось, только в контексте портфеля из свиной кожи, да и то. Да и то внимания хватило только на 24 или на 6 с половиной страниц. Знак от дурного глаза не помог. Они переезжают от шумного проспекта. На букву Р.

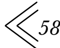
Будь человеком, а как ты себя чувствуешь, никого не касается. Буквально: выноси это как человек, хотя и чувствуешь как осел.
Про кокаин для теории сновидений СГГ удивился: разве Зигмунд Фрейд был кокаинист?
Ваша мама не была морфинисткой?

Я не знал вашу мать. Да и вы мою не знали. Жизнь — сказка? Вошла в заключение в "Четырехэтажную тавтологию".

КОРОЧЕ ГОВОРЯ.
Еще короче.
Короче!

164

29

ерш

такой

колючий

2.

Меня интересуют годы, когда я таких слов не знал: это он на всякий случай. Дубинка товарища Жданова: и таких слов я не знал. Я знал: вождь гверильясов, всадник без головы, торжество христианства, человек-амфибия, охотники за жирафами, квартеронка. Эта книга — не более как роман, но автор — не герой этого романа.

Удочки лежат под крыльцом на своем обычном месте. Банка наполнена червяками. Все приготовлено, надо только встать пораньше. Мы распевали только одну песню одного Лебедева-Кумача: если завтра война. Потом было добавлено слово "вчера". Пели мы вчера. А у Кима все сдвинуто. Он не прочитал "Сагу о Амледе", а уже пишет пьесу "Гамлет".

Про что я читал вчера? Историю с этой девочкой. Потом о проданном романе и смерти автора "Автобиографии". Полное собрание сочинений в 38 томах. Впрочем, одно четверостишие мне понравилось, но только одно. Значит до осени. Не хочется мне макабрический рисунок до такой степени. Он в своих ритмах работает, я в своих. Я не уверен, что это называется "в своих", но не знаю, не знаю. Вот в таком все роде. Все вроде Володи.

Разве можно так?

Что такое "пэ под тэ"? Салатовая книжечка, алфавитный указатель сокращений требуется. Где она?

58-й номер с углом влево действует как на испанского быка красная лошадь. Бабушка, пришла какая-то л о ш а д ь.

165

30

Так как там насчет похвалы генералу чужой роты? Ах поручик-поручик! И почему вас так привлекает широкий контекст? Ну зачем вам? Как будто выходные данные заменят вам одну минуту успокоения. Вот именно. Именно эта минута и досаждала потом, когда я сидел и бесился. Когда я уйду? Когда я уйду? Ведь нельзя же до такой степени, а? Отставной инженер-поручик кое-что понимал в этом деле. Кое-что, но не все. В нашем деле бабы — бич Божий. Ни в коем случае. Но меня возмутила такая постановка вопроса. А что если ленту склеить? Вряд ли что-нибудь выйдет. Взгляд остановить не на чем. Вот беда. Прочитать-то нечего. Посмотреть-то не на что. Только такая композиция нас и волнует. Но следы жуткие. Но память выдает. Но еще раз не захочется.

ритуал, конечно

166

31

Да не оскудеет и не опаскудеет
РУКА ДАЮЩЕГО, ибо всякое даяние есть благо.
НО Бартнянский и тут не растерялся.
Бортнянский.

32

Океанография в тихом переулке на Остоженке. Обещали 27 градусов по радио. Рассказ про уют и авторитет. Я пришел в ужас от кинофильма про экзему у любимой женщины.

Typed various nonsense. Just the answer.

Uproarious laughter.

Only the usual crop of scandals here among the yarrow and the campion. (p. 155, A Local Habitation by Jack Lindsay)

People making love in the streets, and London famed as the cesspit of the world. The final fall of the British Empire. Such is the grim and grisly fate that awaits us now that the film "Ulysses" has been granted a license by the Greater London Council.

Кинофильм про крестные муки. Ну, разумеется, тут нет Понтия Пилата. Казненный сын усомнился в своем отце, отец оставил его, а он так верил отцу.

Зачем это вино из одуванчиков попало в повесть о континентальном климате? Вставная новелла. Капризы потому что. Упрямство тоже. Вот уж ничуть, вот уж ни капли, вот уж нисколечко. Значит, продвигалось что-то другое.

Мало цитат из Джойса.

6 дубль

le pouvoir plus l’électricité

167

33

ХОЛЕРА ИЛИ ЧУМА:
ТАКОЙ ВЫБОР

3

Слишком мало кесарева сечения ты Кесарю дала. Все-таки, по-твоему, лучше холера, чем чума. А на твою долю выпала как раз чума. Две холеры, три чумы, один научный руководитель и два алкоголика. Она пишет историю своего научного руководителя. Начнем с того, что чижи уехали в Кижи. Он один раз был на Севере, с него хватит, он предпочитает Юг.

Макабрический рисунок явился собственной персоной. Именно так мы говорим, но некоторые так и пишут. Некоторые могут. Некоторым можно. Некоторые умеют. А некоторые и делают.

Девочка, одетая в медвежью шкуру, с голыми ногами несет два чемодана. Значит был спектакль. Викинг по имени Амлед еще не стал принцем Гамлетом. Еще 14 столетий до крика: быть или не быть? Нам бы теперь драматическую актрису на антресолях. Был такой выбор.
Я выбрал тишину.

Ты и был такой лохматый. Спасибо. Такой голос. Боже мой, уж лучше бы он молчал.

168

ХОЛЕРА ИЛИ ЧУМА:
ТАКОЙ ВЫБОР

58

34

1

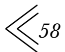
Слишком мало Кесарю и Богу, слишком много Дьяволу отдал. На языке одного товарища поэта, который сам отказался от такого языка. Когда вы отойдете от поэзии? Я не задавал такого вопроса. Я вижу чужое удовольствие: он будет сегодня чего-то читать У АГАТЫ КРИСТИ. Вы же не знаете ее нового адреса. Это настолько неинтересно, за исключением самого поэта, что даже и говорить об этом не хочется. И разговор идет о Байроне, о славе, о любви. Это перешибает все остальное. Только почему конец поставлен в начало? Почему? Я уж не помню, но тогда, видимо, нужно было начало поставить в конец. Но сначала я не понял вопроса.

Ему про велосипед неинтересно. А мне про семиотику неинтересно. Что делать. Внимание распыляется по ненужным подробностям: дожди в Северном Казахстане. Повторение необходимо, но повторение раздражает. Возвращение рассматривается как повторение и тоже пускается сквозь пальцы. Бестолковый разговор.

Он будет гордиться тем, что не ответил. Пускай его. Ему это важно. Этого требуют хотя бы красивые глаза Агаты Кристи.

Еще "30 дней на 43 километре".

24.6.69

35

He made straight for his compartment, and tried to forget the look on their faces by reading the Austrian and Italian newspapers. (p.215)

Amazing.

Meanwhile, I can do nothing but fret. (p.130)

"I hope you’ll like Robin", said Antony, as they just managed to scramble to a seat. "I used to like him very much, but I haven’t seen him for years." (p.175)

Five years since he had said good-bye to Katha, and during four of them he had remained completely faithful to her. (p.168)

36

А в творчестве — только уловки сублимации. И холостой заряд со ссылкой на черновые тетради Достоевского. Этот роман, видимо, из-за Ван-Гога. Конечно, не из-за английского языка.

Требуется
ПОДЖИГАЛЬЩИК ПУХА
от тополя на сезонную
работу. Звонить по теле-

Когда контекст 14 слов без запятой не говорит и не играет, это и есть широкий указатель: цитата для фразеологического словаря. У вас теперь не то в предмете.

На тот предмет, что пора о душе подумать и нечего Бога гневить. На этот предмет и написано 200 слов 20.6.69. Но эта страница почему-то никуда не вошла. Она начинается с "Бога вспомнить" и кончается "в столовой завода "Красный богатырь".

Пусть
так
и
остается.

Утро начиналось с запаха кофе.

Все хорваты перешли на новые форматы. Но черные птицы перестали нам сниться. Но почему католицизм?

Смерть велосипедиста до сих пор на совести этой женщины. Ей снится, и она вскрикивает.

Только как противовес для "Земляничной поляны." В творчестве только уловки сублимации. И холостой заряд.

разрезать 20.6.69

власть
 и
электричество

37

Почему
СЛИШКОМ МНОГО РИТУАЛА?
Что это значит?
Все эти вопросы почему-то
звучат не по-христиански
и даже не добро. Нет, ты
добрей меня! — сказал эталон христианской доброты.

Я больше смотрел на ее колени, чем на его глаза. Старый гипнотизер учил смотреть на точку между глаз и щупать пульс. Два молодых брюнета, но она шла рядом со старым. Могущество учителя. Ученица гипнотизера, конечно, не прочь с мальчиками, но на глазах учителя она ведет себя подчеркнуто скромно. Я вас так уважаю, что могу простить и не такое.

Власть всласть плюс электричество — вот оказалось - самая мощная сила.

Я вспомнил ксенофоба. У него до сих пор лежит Давид Бурлюк.

Потом он упражнялся в падежах целый день с утра до вечера. Потом он стал падишах. Потом завел попугаев.

А он их удивил: принял 4-е решение. Никуда не ходит, все время дома и все время один. Первое предположение было — он уйдет во вторую семью. Второе предположение — он заведет себе третью.

ЧАСТЬ РЕЧИ
терпеть не могла этого члена предложения. А он главный. Для тех, кто знаком с ЛЖР, интересно прочитать новеллу Андрэ Моруа. Ваш муж "Фин Муш" — тонкая бестия, увы.

171

раздирать на куски

38

Жалкое впечатление — от "Забытой ленты": любовь ямщиков, как всякая деревенщина. Озеро в жаркий день недаром враждует с магнитофоном. А сначала у них были прекрасные отношения. Я даже как-то пожертвовал ему вечер и ушел: для хорошего человека и ленту нежалко.

Он думал там, где можно только верить. Он видел там, где нужно стать слепым. Только и всего. Он даже не говорил ничего о плахе. И не оскорблял он доброго монаха. Он вообще ничего не делал. Он вообще молчал. Но одного этого было достаточно.

Глухонемым надо стать.

The Back of Beyond

у чорта на куличках;

в противоположной стороне города;

изнанка потустороннего мира;

стр. 390 — 404 мы читали вслух 20 июня 69

20.6.69

W. Somerset Maugham for reading out loud

для Разрезки

ПРОЛЕТКА ЗАВЕРНУЛА К МАЛОМУ ТЕАТРУ

22.6.69

Это все НЕ ТО, конечно. Раз нет озера в жаркий день, значит и нет всего остального. Разрезать можно и единицу хранения. Все можно. Решение хорошее в смысле — всю разрезку в "Трехэтажную тавтологию". Но дело-то затяжное. А в затяжном деле всегда действует "можно и так оставить".

Макабрический абзац не пошел никуда. Мы ехали на извозчике мимо Первопечатника и завернули к Малому театру. У Малого театра усатый пристав осматривал чемоданы и не пропустил двух военных с желтыми чемоданами. Харбин — закрытое направление, сказал пристав. А мы с нашими пожитками прошли беспрепятственно. Видишь, как хорошо, что мы не взяли чемоданы. Ты возьмешь хотя бы одну машинку? Нет. Почему? Но я хочу отдохнуть от машинок. Метастазы приучили, если не научили. Во всяком случае, хорошо, что мы не взяли.

173

тавтология 5

40

Странная вещь: таким способом можно прыгнуть в воду на самом мелком месте и не сломать шею. Можно только разучить этот жест, такой гребок внутри воды, но главное уловить первый момент погружения в воду и сделать гребущее движение вытянутыми руками как можно раньше и как можно сильней. Ошибка ныряльщика.

"Достать дна" — это не достать дно, а именно достать грязи или ила или песка со дна в доказательство того, что ты действительно достал дно, а не сделал вид.

Смерть настигла мгновенно, но теперь ведь научились возвращать к жизни совершенно искалеченного человека. И теперь он жив и раскаивается в своей ошибке. Сколько опасностей подстерегает каждый день читателей журнала "Здоровье". Просто жутко. Начитавшись журнала "Здоровье", просто страшно жить: кругом опасности и так много предостережений.

У этого молочного дядьки я подозреваю выходной.

Опять то же самое.

И зелень ни в одном месте картины не повторяется даже по своему цвету, не считая освещения и тени. Ну в общем, благодаря тому. Цветовая гамма травы и тополиной листвы. Пропорции этрусской вазы не выдержаны. Цирцея. Кассиопея. Прозерпина. Навсикая. Ах как ему хорошо было, Улиссу-Одиссею, когда он попал к ней и как не хотелось возвращаться к Пенелопе. Но ведь надо. Раз надо, значит надо. А то еще Гомер возьмет, да и не напишет — не сочинит — "Одиссею", а что тогда будут читать потомки?

174

тавтология
6

41

Ложь и грусть, смерть и совесть, что и перекликнулось со страшной силой.

В конце января под влиянием французского текста "Похвалы" Эразма Роттердамского я вспомнил девушку на все сезоны. Человек для всех эпох не пригодился в этом случае, и я с грустью вынужден был расстаться с искусством кино у Нины Хиббин. Мы так часто ее вспоминали. Теперь не то. Я читаю драматурга Островского в американском варианте и завидую успеху Сирано де Бержерака. Живут на свете драматурги, наговаривают свои веселые песни на магнитофонную ленту, и с них как с гуся вода. А я не рассказал об онкологическом диспансере. А опухоль оказалась незлокачественной. Что теперь делать?

Прошло 2 года. Я перечитал письмо и увидел: там была попытка. Еще и какая. Эта женщина — увижу и немею: она первая подхватила призыв совести нашей эпохи. А как это попало в Лондон? Вы же ездите по заграницам, через вас и попало. Я не езжу.

Странный клев.

Мне нужно было освободиться от монтажа в адрес одного читателя, и я этого достиг ужасной ценой. Я потерял читателя. Он умер, и с тех пор я не могу смотреть на трехтомник с неуклюжим, грубым, слишком жестким черным коленкором. Он умер, и на него замены нет.

Девятая волна обескураживает. Я вспомнил, что слова вокруг я собирался отрезать. Значит, их не нужно было читать. Четвертая катушка с фальшивым голосом. Как ты осмелился воевать с распятым человеком? Воевал не я. Эти грустные интонации: а я уж ничего не помню, а вы все о том же, а не пора ли и вам его забыть?

Я не знал, что деревенский роман такой; да.

175

42

Я никогда в этом не разберусь. А секрет простой: делается само собой, нужно продолжать делать. Не делается, бросить и заняться чем-то еще. Если в этом и заключалась византийская вязь.

Пипер виноват. Любым способом.

Нет, самый лучший наш магнитофон — это "Орбита". Запомни, запиши. И мы там устроимся втроем: я, ты и машинка. Вам достать арабскую или японскую машинку со множеством клавишей? Вы только скажите.

Я из него культ делать не собираюсь.

Больше
можно
и не
писать.

Читать надо, вот что. Я прочитал 10 страниц, и мне кое-что стало ясно.

Я имел в виду не только сшиток, но и подборку, но и переплет. Но не рождает никогда количество в них новых качеств. Что делать с письмами Тургенева, неизвестно.

Именно это я и хотел сказать своим сочинением "Озеро в жаркий день". Продолжать надо. Вот что надо. А убиваться не надо. Огорчаться не надо. Уже вокруг "Византийской вязи" слишком много такого, что можно и отрезать.

У этой бумаги такой вид. Я улыбнулся и ничего не сказал. Н.Д.Р. Верно. Не знаю, как быть с гипнозом. Мы чванство поэта и терпим и любим. С ним приятно сесть за столик. Иногда бывает и теперь. Как передать такой разговор?

176

43–44

Я пью одно, а смотрю на другое. Сидишь на черной лошади, и смотришь на белую лошадь. М-да. Интересная психология у вашего брата.

/У вас, мужиков, есть другие радости. Помню. П Ц Б /

Купаться тут неудобно: грязь, илистая почва и дно сразу уходит в глубину, нужно будет плыть, а сильное течение сразу же снесет тебя в кусты, и ты еще испугаешься. Помнишь купание на реке Нерис возле местечка Неменчине у моста, ты там еще читала "Пятое колесо" и сказала: про кафе, а все понятно, а я-то думала: там у вас не говорят, а изрекают?

Вот то самое место, где я впервые с озерными удочками пришел рыбалить неведомую громадную рыбу у большой реки со страшным течением. Ты видишь, как тут несет? Тут тебя сразу снесет на 100 метров и ты не заметишь. Меня тоже, но я знаю, как плыть через большую реку с сильным течением. Нужно все время держаться так, будто ты плывешь не через реку, а как будто вверх и даже будто на одном месте. Тогда течение будет сбивать тебя минимально и ты переплывешь через большую реку так, что тебе не придется очень долго идти по берегу.

Ухудшенное прокисшее "российское" — вот что такое "алб де масэ". Это мне напоминает вкус вина у англичан в рассказах Джерома: что дороже, то и лучше. У них преувеличенное представление о токае, например. Токай хуже цинандали, а для меня, например, лучше мукузани или даже саперави.

Конечно, фильм "Братья". Конечно, разогреть столярный клей — теперь для меня проблема. А Валя Никулин — великий актер. Об этом ему надо написать, а то он будет сомневаться.

44

No retreat, no retreat, they must conquer or die those who have no retreat. I never resist temptation because I have found that things that are bad for me never tempt me. Where were you before? 14.9.66 Even less. I’ve found it! Down with Big Sister! We’re screwed. The Mo-roccan said he damned near puked the first time. But I’m out of wind. You can see he’s going to blubber. I think he was about as smart as a log, but he surely wasn’t bad. I could see the fat white nape of his neck. After, I said, you’ll be pushing up daisies. He smelled of urine like an old prostate case. I joined the anarchist movement, I spoke in public meetings: I took everything as seriously as if I were immortal. At times I could still feel it, I felt sinkings, and fallings, as when you’re in a plane taking a nosedive. Everything that came from my body was all cockeyed. These men dolled up with their riding crops and boots were still going to die. My friendship for him had died a little while before dawn at the same time as my love for Concha, at the same time as my desire to live.

177

разрезать

45

Был какой-то разговор. Трудно
будет читать даже если
вспомнить,
о чем был разговор. Кто-нибудь
слыхал? Скрытая камера утонула
в толпе, никто не помнит такого.
Без даты. Но что-то снилось.
Считанные дни нашей дружбы.

Тревоги были другие. Только и разницы.
Меня беспокоила бесперспективность этого
предприятия. Зачем я взял английские
страницы? Она не арестована. Если
отталкиваться от противоречий
специально, это будет уже искусственное
построение. Сага о Липодаевых. Если бы
это было написано в 1946 году, тогда
имело бы смысл. Был бы хоть один
читатель.

Я так и знал, что этим
кончится. И все-таки опять
занялся тем же самым.

Хуже было другое.
Хуже было самочувствие
утопающего человека.

Жуткое количество неумных
замечаний о такте и
бестактности. Они были
воспитаны так, что и между
собой никогда ни слова о том,
что могло бы оскорбить или
обидеть учителя, руководителя,
ш е ф а. Вот где культ одной
личности.

Кухмистерская великого театра
нам знакома понаслышке. У него
был с ними театральный роман.
Пусть он и пишет.

178

46

я щ и к   П а н д о р ы

КАКОЙ-ТО ПОШЛЫЙ   М А Д Р И Г А Л

Вот что значит менять привычки. Новые навыки не прививаются, старые привычки разрушаются. Разрушение привычек, а не новый ритуал. Привычные движения для того чтобы успокоиться, для настроения.

К ЯЩИКУ ПАНДОРЫ я не прикасался.

Голос одного человека. Быстро растет новое поколение, и делаются все выводы. Кончились мои свободы, начинается независимость в пределах одной комнаты в
Москве.

Приезжал Азиз Несин. Звонил мне, но я не подходил к телефону. Коля Красоткин в этот фильм не попал. Его вообще выкинули из "Братьев Карамазовых". Все позволено.

Ничего такого я не вижу. Это
верно. Вечерний звон где-то
на 10-й странице.

Хоть бы одна страница
про рыбную ловлю.

Еще раз мы проехали мимо первого места. Сначала старое заросшее озеро. На песке хорошо сидеть, и очень красиво лежат поплавки на зеленой и черной воде и тишина. Но тут и рыбы-то нет. Это стало ясно через час. Сидеть приятно, но смешно, если кто увидит. Бесполезное занятие.

Сиволапый Волк из сказки про Красную Шапочку рядом с Гадким Утенком в черных чулках с узорами гремучей змеи.

Иначе обстояло дело.

Как опасения в разговоре с опытным халтурщиком: давно это было. Давно.

Мы чванство Сократа и терпим и любим.

179

47

2 макабрическая метафора

Просто Митчел Уилсон перепутал буквы: ему сказали "бэ", а он написал "вэ", т.е. латинское, английское "би". В 1969 году он бы не сделал такой ошибки. Ну да, буквы на цифры переменили. А с Раковым дело было так. Впрочем, я об этом уже рассказывал. Все наврал ваш владелец "Победы". Всем это известно. И в ЦК раньше всех. Пока, конечно.

А художественные открытые письма и до сих пор лежат на главной почте Раквере не востребованные. Вот как обстоит дело с Раквере.

Я тоже был поглощен существом спора и важной информацией по существу. Хозяйка дома вошла в ажиотаж во имя правды и справедливости, и никого это сначала не поразило. Просто никто не заметил, потому что пристойное и приличное направление у м а.

Самум какой-то. Вихрь. Ураган. Тайфун. Торнадо. Не надо так про него.

3 макабрическая метафора

Гипербола, конечно, или л и т о т а или м е т о н и м и я, но мы все привыкли валить на метафору, а всякий г р о т е с к — на макабричность. Гоголя окружали РОЖИ, он на это жаловался в переписке с друзьями, какая же это метафора? Рожи есть рожи, их и теперь достаточно, чего ж тут метафорического?

Почему он Ранц? Почему он не Ранец?
Он правда живет в Ранцевом переулке?
Он правда себя считает как Дяев? А что он сказал про Дяева? Дяев был просто критически мыслящей личностью, а уехав на Запад стал экзистенциалистом.

Она заболела и целую неделю не появлялась.
Говорит: не в восторге. Вот Дяев — это другое дело. А что — ОП О П — это правда СРН?
А где факты? А где доказательства?

181

4 макабрическая метафора сказала

49

/72 страницы я не получил.
40 страниц не готовы. Читать можно
ТН ООА. С "Всей королевской ратью"
такое дело. Что значит "спи здесь?"
Ну и что? Какое это имеет значение:
здесь или не здесь, ведь важно –
с к е м. Непонятно и скучно. Про-
сто неинтересно. Неостроумный автор./

Глаз пробегает слова по смыслу и вовсе не читает вслух с первого взгляда. С первого взгляда проза Андрея Белого не доходит и ничего, кроме тяжести, недоумения, скуки, неинтересности, не вызывает. А читать вслух 440 страниц — у кого же хватит терпения? Кто будет читать? Ты можешь прекрасно прожить жизнь и не читая "Маски" Андрея Белого. Его же нельзя читать. Его надо петь. Напевать. Ты дай мне книгу, я тебе покажу, как надо читать Андрея Белого. Рецензент — дурак, хоть и тоже был великий человек, но он же ничего не понимал и НАРОЧНО вводил в заблуждение. Это же некрасиво. Это же просто подлость.

Саша Маленький был Сашей Маленьким 22 года назад, а теперь неиз

182

5 макабрическая метафора сказала

50

Рублевая бумажка, как поплавок нагрузной удочки, стоймя, торчком плыла в двух шагах от лодки. Я все время имел в виду: я еще успею ее вынуть из воды, она не успеет погрузиться в воду. Но она не знала, что она вагнерианка. Какая же это щедрая награда, когда ты заранее говоришь: это на 2 дня. А что, правда, что у маркиза де Сада 77 томов в полном собрании сочинений. Это шутка Олдоса Хаксли. На 246 странице романа "Лебедь". И лебедь умирает не через одно лето, это мы знаем от поэта Теннисона. Вот кого терпеть не мог Эрнест Хемингуэй. Чего бы еще такого умного написать, чтобы понравиться писателю Хаксли, а?

Рублевая бумажка медленно погрузилась в воду, я ее сегодня долго искал, шарил веслом, так и не нашел. Этот рубль мне был очень нужен. С некоторых пор мне снятся сны нищего и замерзающего человека. Герствуда играл Лоренс Оливье. Великолепный метр-д-отель. Сцену прихода в артистическую уборную они выдумали. Этого нет у Драйзера в романе. Там он просто проходит мимо, и она его не только не узнала, но и не заметила. Впрочем, на чем-то основана та мысль шлюхи из ресторана "Европа", что она бы на ее месте дала бы ему денег. Поздно было. Ему уже ничем нельзя было помочь. А игрался он с газовой плитой символично и симптоматично, но никто на это не обратил внимания.

Еще один фильм у Нины Хиббин.

А теперь неизвестно, ЧТО из него вышло, он давно взрослый человек. Мы узнали время у полковника ракетных войск. Без 23 три.
Я думаю, что он не выдал нам государст. тайну.

183

51

6 макабрическая метафора сказала

"Собачье сердце" тоже ведь называлось у автора "Записок покойника" "Собачьей жизнью". А кто переименовал "Брута"? Книгоимпорт. А по-французски и по-английски книга так и осталась "БЕЗ собачьих радостей", чех Ашкенази. Блондинка-спорщица обвиняла КГБ: загнили органы, а Петя Верховенский защищал КГБ: органы бдят, органам все известно. Комсомолка-спорщица вдруг:

— Неправильно и даже трусливо вы развиваете революцию. Зачем подписи? За подписи увольняют с работы. Неужели вы не понимаете, что НЕ ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ?

А что? А что-нибудь решительное при помощи танков и пулеметов, ну она не знает, ЧТО, НО неужели не найдется ДВУХ-ТРЕХ РЕБЯТ? РЕШИТЕЛЬных ребят. А это же просто трусость. А это же ничего не даст.

Вожди русской революции были поставлены в тупик. Откуда она взялась? Кто ее привел?

7 макабрическая метафора сказала

Девочка-блондинка в коротенькой юбке с комсомольским значком на белой кофточке И БЫЛА МАКАБРИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЙ. Этого не может быть. Этого не может быть потому, что это себе и нельзя представить. А что он про себя думает? Ну это вы у него самого спросите. Он и великий советский математик. Он и великий русский поэт. ОН И — ну тут просто неудобно говорить. Я ему говорю: даже Пушкин не был великим математиком, он получал двойки по алгебре, а он мне — НУ И ЧТО? Нет, вы попробуйте с ним поговорить. Нет, вы мне помогите. Как бедному московскому еврею стать великим русским поэтом? А он не понимает.

Вот вы ему объясните, что ночью надо спать, а днем работать. А он, видите ли, только ночью может работать. У него, видите ли, вдохновение. Оно, видите ли, необходимо, как в математике, так и в поэзии. Помогите.

8 макабрическая метафора

"Вещь 1939 года: умный человек, уже тогда ВСЕ понимал!"
Это про кого? Про Олдоса Хаксли /роман "Лебедь", 1939/ или про Чарли Чаплина /фильм "Диктатор", 1939 год/?

Перепевы, конечно. Макабрические фразы Степана Трофимовича. Да, забыл, что остановка не за лентой, а за лентоводителем. Нужно было одеть очки. Нужна была новая начинающая актриса, чтобы он устроил незабываемый спектакль с "Тенью". Нет ли у Вас знакомых в Щукинском училище или в школе-студии МХАТ? Ей надо помочь.

УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК, УЖЕ ТОГДА В С Е ПОНИМАЛ
/в сентябре 1969 года/

— Ты мне почитаешь сегодня про автомобилистов из Ха-ха-хаксли. Ты мне почитаешь Ха-ха-ха?-ха-ха! — а здорово я придумала, а? — аксли? Нет, но здОрово я придумала: ХА-ХА-ХАКСЛИ. И потом — ты записал мою остроту о ПРО-КОФьеве и проСТАКОВИЧЕ? У меня это само получилось, потому что твоя жена остроумная женщина, ты им всем так и скажи. Но ты у меня крадешь и сам себе присваиваешь, а они думают, я у тебя дура. Нет, это нехорошо и неблагородно с твоей стороны. Я ведь не просто жена ВРП и ВЧ, но и сама по себе, а ты меня всячески третируешь. Нет, не хорошо с твоей стороны.

186

54

9 макабрическая метафора

На том самом месте, где стоял когда-то Пушкин работы Опекушина, старик-актер сказал:

— Александр — умный человек, уже ТОГДА все понимал. А на что ему жаловаться? Он пользуется успехом. Его везде любят.

— А ему мало.

— Чего ему не хватает?

— Ему не хватает одной маленькой вещи.

— Какой?

/- Л.С.В./ — Того самого, чего не хватало трем персонажам Ильфа и Петрова и чего Остап Бендер не мог обещать за недостатком времени.

— ?

— ! ! !

— Ну этого всем не хватает.

Седые развевающиеся волосы старика-актера мотнулись в сторону шашлыков "Эльбруса", и поправив авоську с астраханским арбузом, он медленно и спокойно удалился по Тверскому бульвару в сторону каменного Тимирязева у Никитских ВОРОТ.

187

55

ЛОШАДЬ У ОЗЕРА В ЖАРКИЙ ДЕНЬ

26.6.69

и визитер
как у Бидструпа

Не помню, где 40 ЛЕТ БЕЗ УПРАЖНЕНИЙ по учебнику французского языка. Саша Свободин все-таки надеется. Я его не видел с 1959 го-ДА.

Жуткое количество недобитых аллюзий. А кто это А.Б.? Вот именно. Рассуждай токмо о том, о ком понятия твои тебе сие дозволяют. Чем перешибается? Чем? Для кого? В чьих глазах? В чьих?

Глаголом "свербит" в вопросительной форме пытался жечь журналист Налитухин сердце одной такой знакомой в 1959 году. И даже имени такого не смею громко произнесть.
Не смею вам стихи прочесть.

Американский доктор Айхенлауб в своей книге "Искусство брака" тоже учил нас, как любить. Так же учил молодой Хемингуэй старого Скотта Фицджеральда: надо подкладывать подушку. И все зависит от угла.
Тюрьма И ТЫ: праздник всегда с тобой. Из-за Вас, моя Ч., ссорюсь я с приятелем. Но это уж слишком.

Я так и понял.

Сотри случайные черты, и даже Айхенлауб прекрасен. Обещали оба. И.В. и референдарий. Жду гостей дорогих, шевеля кандалами. Но это уж в последний раз. Я так его и предупрежу. Я так ему и скажу.

Рецепт опять не выдержан. Пусть так и останется.

Увы, это действительно так и происходило.

Однажды у Моссовета товарищ откровенно высказался. Меня ценили только за то, что через меня можно книги достать. А ты думал? И только? А ты знаешь, что я всех могу послать, по крайней мере, на 25 лет к Ч.Б.? *Откровенный ребенок, ничего не скажешь.*

188

56

Сохранилось только 4 страницы

Фиговина превратилась в навязчивую идею.
Ее многоэтажность тем и объясняется:
7 читателей, 7 этажей, 7 бед, один ответ.
Да, это верно, конечно. Того и требуют паритетные начала. А монархист — просто пьяный мальчик, которому завтра утром пианистка-жена выдаст такой м а д р и г а л, что он забудет всех старых друзей и новых знакомых. Не надо преувеличивать депрессивности у наших маниакальных собеседников. Вот скажи им такое, и они будут настаивать на своем.
"Докси" найти. А где найти Докси? Я еще про "Былое и думы" не нашел. Как меня принимала Мария Ивановна, хотел рассказать двоюродной сестре Люсе и почему-то не рассказал. Один дневник 1888 года еще ничего не значит.
Пока терпимо. А там видно будет.
В том углу разве можно баш на баш? Там сигнал побегать и поговорить: Малапагин, знаешь, что говорит? А Малапагин сказал, знаешь, что?
Тарсис в юбке не пишет, а бегает. С этим вам придется примириться. Как пишет Оля? Хорошо.
Но я до сих пор знал только, как говорит
Олина бабушка. Царство ей небесное, тоже
был хороший человек.
Найти про вел. княг. у Тургенева.

*Вот что он распространил по всей Москве.
1000 слов, написанных в 1958 г.:
ребенку-злодею нужна любовь
и 40 лет без. Вот все, что сохранилось от книги «Анти А.»*

189

57

Не такой должен быть ЗВУК, конечно. Эти 30 минут ожидания — как журнал "30 дней" за 1932 год: ни одной пяди! во лбу на портрете поэта Архангельского, кстати, нигде больше не публиковался, насколько вам известно. А одна цитата — триумф скромного человека: да, главное мое несчастие — это большой ум.
ДА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО. То же самое — про собрание стихотворений. Кто сказал? Лев Толстой. Красная комната, красный корпус пишущей машинки, мечта о хабеа корпус акт: что-нибудь такое. Но это уже слишком. Знаю. И эта обкарнанная матиссятина каждый раз перед глазами, впрочем, ночью ее не видно.

Это то, что они называют — держите выше нос. Выше некуда. Что и поражало с первого взгляда, правда, несколько позже, надо сказать.

Цветущие акации были раньше, пока самая старая акация у парадного не засохла и не превратилась в удобную лазейку на крышу. Ясень — да. Груша, антоновка и бель, старая груша — были ориентиры для домашних указаний.

190

58.

А что сказал Мака. Рис.?
А вот что.
А тут он пусть сам за себя.
Я ему даю полный простор в пределах ближайших 30 минут. 20.9.69
/МНЕ ЭТО
нужно было для оживления мертвых бумаг старинной стенограммы эпохи 10 ЛЕТ СПУСТЯ в ДОМЕ НОМЕР 10./

з н а к ~~22~~ 30 стр

ЗНАК ПРОТИВ ДУРНОГО ГЛАЗА

/еще один вариант у первой страницы/ 3.6.69

Она сегодня похожа на "Марсельезу" или на "Варшавянку". В царство свободы дорогу грудью проложат себе. Давно я не заглядывал в "Смерть велосипедиста". Там лучше было сказано. Вот и получается невольное повторение и почти нарочитое ухудшение.

Зен Давестин пишет не под Михаила Булгакова и даже не под Дорошевича. Он работает скорее под Сашу Черного, хотя и читает почти все время Андрея Белого.

Петя Верховенский избегает больших собраний, чужих поэм и водород. Мне-то что, пусть избегает. А он вовсе, может, и не избегает, просто так получается. Оскорбленный политрук молчит. Ни слова от имени России хотя бы для Болгарии, не говоря уже о Чехословакии. Расходов меньше. Я не нашел шипучего яда и не смог проверить старое впечатление. Аккредитован или не аккредитован? Откуда мне знать. Я даже не знаю, какой в этом смысл практически. В романе "Заслонная лошадь" имело смысл, по-моему, совсем в другом плане. Хотя правда. Да. Да. Он называл это "пен клубом". Ваши фотографии или вообще всех персонажей 7-го тома?

Разве этого недостаточно, чтобы сдохнуть от тоски?

Критерий тот же самый. Самая мощная книга сезона дождей на пулковском меридиане тропика Рака.

192

знак против дурного глаза

2

И у нас было собрание вот в этом здании. Обсудили — постановили: на время 10, на ночь — 25 и меньше ни с кого не брать. Это Александр Блок, к вашему сведению. Это, извините, поэма "Двенадцать". Ветер, ветер — на всем Божьем свете!

Такая почти классовая борьба. Можно подумать, кто-то в кого-то влюблен. Не знал я, куда приткнуться с этим наблюдением и открытием. Не видел разницы. А значение приблизительно такое: выкладывать всю себя, все яйца в одну лунную корзинку, была полностью подчинена одной лишь пламенной идее, но на время могла увлечься. Книги я не нашел.

Задумчивый бас Асаркана звучал 12 месяцев назад. Жена Синявского и Даниэля не забыта, но временно вышла из употребления. Один метастазник помнит и все время путает. Но он тут же и поправляется. Опухоль оказалась незлокачественная. Стилистика скрытого сюжета — да, но не самый яркий пример. Самый яркий пример — Джеймс Джойс по-русски, но вы же не заинтересованы. Да, я не заинтересован. 25 "да" и 25 "нет" — а этого избежать совершенно невозможно, и репутация определенного порядка обеспечена. А он нам сказал. А он сам не отрицает.

Дело Роберта Оппенгеймера живет, а я думал, оно давно загибло. Нет, живет. А я что говорил?

Лошадь у озера испугалась велосипеда. Нас потрясали одинаковые лошади, но разные машины: ее — кофейная, меня — пишущая. Тогда это нестрашно. Я тоже так подумал. Тогда это жутко невыгодно — остаться в живых. Я тоже так подумал. Тогда нужно что-то предпринять. Вот этого я не думаю.

з н а к   п р о т и в   д у р н о г о   г л а з а

3

Не видел разницы.

Я так и знал, что мне придется возвратиться к белой лошади у горного озера. Туда на велосипеде не проедешь. Даже на автомашине нельзя проехать. Можно только пешком или на вьючных лошадях. На Онегу поеду с Борькой. На Печоре она уже была. Без Борьки.

Поцелуй Бориса и передай привет Глебу.
Ой, я ошиблась, конечно. Но ты же не ревнуешь?

А там нет постоянного рецепта. Прелесть польских подборок из "Пшекруя" — в том, что я со своим знанием польского языка так прочитываю колонку братьев Роек, что удивляться надо.

Дождь помешал велосипедисту, а то бы я поехал на улицу Луначарского: сегодня ведь воскресенье. Можно спокойно кататься по арбатским переулкам. Они все читали. Они как французы из "Кафе".

Мари-Элен передавала привет. Кто же будет тратить свою память на запоминание таких имен, как "Василий Теркин" Боборыкина.

Про гусиное перо я ничего не знаю. А он меня перестал приглашать в театр после наводнения на Неглинной. Как будто я виноват, что случилось наводнение на Неглинной.
Он, по-моему, никогда не прощает.

Знак против дурного глаза на самом деле появился где-то в районе уклейки на учете, но тогда я им не пользовался и, как водится, не придал значения. И вообще столько раз повторялось "а это потеряло значение", что я себя уговорил и стал на самом деле думать: а это потеряло значение.

Ваше ДЕЛО, тов. гр-н Сухово-Кобылин,
н е   з а к р ы т о.

194

знак против дурного глаза

4

Приклеено хорошо для минутного впечатления. Теперь это называется сверхпроза. Раньше это называлось просто текст. Слова для улыбки — по мысли слова для души. Сколько там написано? Два-три слова, пять строчек, но к ним постоянно возвращаешься. Обыкновенное письмо. Чем блестит одно и чем греет другое? Что-то где-то как-то не так. По-настоящему, давно не работаю. Где-то что-то делаю. Еще меньше. От количества испорченной бумаги не зависит. В отсутствие уверял себя, что лучшие дни были без. А те, что помнили, давно забыли. А тех, кто помнил, ты забыл. Не помню. Подумав, помотал головой: нет, не помню. Покачал, а не помотал. А тот рисунок надо разорвать. Куда я его сунул? Имелось в виду: я еще меньше. Такса и львенок. Печальные, конечно, слова. Но когда их не было, было еще хуже. Неделя опять с морозом опять без нас. Будем рассматривать пейзаж, который открывается с этой скамейки. Нейтральные слова. Я перехватил пристальный взгляд. Я прочитал в нем многое из того, чего там не было. Машина удалялась, уменьшаясь в размерах, увеличивая грустное чувство. Нет, не так должна звучать дорога. И книги, и свидание, и разговор, и, конечно, любовь.

195

знак против дурного глаза

5

Макабрический рисунок у бассейна. Впрочем, вы найдете не по театру эстрады, а по велосипеду. Два колеса хорошо, ищите два колеса. Не забудьте две страницы, их не хватает для полноты впечатления. Две страницы нужны, нужны две страницы.

Авторитарная личность сидела против Надежды Давыдовны и с жадностью поглощала соусы, салаты и закуски. Разговор на одну тему был опять про изящество Михальчи и гигантский ум Михаила Александровича Лифшица. Его теперь всю жизнь до самого дня политической смерти будет волновать только один вопрос: почему я не стал модернистом?

"Конь Блед" написан во Внутренней тюрьме? Он не уверен, но так ему кажется.

Сунцзян его больше волнует, чем Саша Черный. А фамилии он точно не помнит. Но ни слова про Альберта Швейцера. Это было бы слишком в лоб. Я попытался пародировать Джерома, но меня выслушали без улыбки, и я с грустью замолк. Только один разговор: о том, что уже написано Симоной де Бовуар, хотя Дима Янков не любит Ж.П. Сартра. Андрей Белый — тоже не девочка, и в вашей любви не нуждается. Можете его не любить. Хватит и того, что вы его все-таки читали.

Статистический метод привел новую веселую девочку, но в темноте я увидел только то, что она молодая и веселая. Он потерял счет. Так не бывает. Этого не может быть. Статистический метод никогда не теряет счета.

Хозяин дома занимался разворачиванием подарков, и на большее у него внимания просто не хватило. И за то спасибо.

Хорошо, что Вас не было. Ибо вовсю веселилась Л.Ж.Р.

6

Конечно, если был бы краткий пересказ этой удивительной жизни: такой же готовый, как "Человек-амфибия" в 11 лет. Два мальчика в троллейбусе говорили о заданиях по английскому языку.

Он говорил, например, так:

— Чтобы тахта была хорошая, надо чтобы тахта сделалась из картины. После этого тахта. Хорошая. А через 10 лет она может другая.

Так говорил Юло Соостер. Я посмотрел на дату. Прошло 10 лет.

Она вдруг испытала мучительное страдание, которое раздражающе сладостно. С каким-то паршивым юнгой? Ну почему у нас все карнают? Суть его жизни и свет его глаз. Он предпочитал бы орлы. Что он сказал? Он предлагает франки. Нет, это не "Фраскатти"! За деньги сделает все. Что он говорит? Переводи скорей! Он предлагает жемчуга стакан. А у себя на родине — жертва маккартизма. Когда будет медведь, его вызовут телеграммой. Охотник уехал, не убив медведя.

Стоило из-за этого волноваться? Драма с завязанными глазами в театре Ленинского Комсомола. Как бы убить Никиту? З вами. За вами наблюдают, талончики в "Национале". А ей важно с итальянцем. Сверхзадача на него не произвела никакого впечатления.

знак против дурного глаза

7

Знак не удался. Знак не удался. Знать, не помог тебе и знак против дурного глаза. И мщенье бурная мечта ожесточенного страданья. Гитарный строй — это очень трудно. То есть наоборот. Именно мы с тобой и играем на гитарном строе, а он владеет еще и балалаечным.

Жорка Блямба не уценил послание, но на одну минуту почему-то забыл про укус на расстоянии. В. Шевелев ему морочил голову. А вдруг они его пригласят на "Мосфильм" в качестве консультанта по французской части. Самое время звонить насчет кислого вина. Тут тоже неопределенности дай бог.

Макаров чешет затылок недаром.

Цикута тоже — бурная активность. За чортом ему нужен какой-то "Василий Теркин" Боборыкина? Я его спутал с Моралевичем. Да, забыл отдать письмо А. Моралевичу.

Только четырехэтажность тавтологии и дает возможность в конечном счете возвратиться к магическому аспекту. Недаром ты повторяешь "Отцы-пустынники и жены непорочны".

Недаром она с ним, недаром.

Он нашел невесту на пляже, а вы в читальном зале Ленинской библиотеки. От юмора к оправданию через Аркадия Чеботарева дорога привела к рублю. Четыре рубля. Я так и прочитал, хотя написано было "четыре ребра". Хорошая вещь — полпачки "Памира". Хорошая вещь — поплавок на литовской границе.

Кирпич упал не на ту голову, которая просила кирпича. Ваша голова не просила. У него своя голова. Я знал, что она К, я знал, что она Г, но откуда я знал, что она и Б. Домашняя, но Б. Откуда такая информация? Из пушкинского заповедника.

198

знак против дурного глаза

8

Все это ужасно далеко. Как вода за кормой. Вода за кормой бурлила, переливалась, блестела, сверкала, уходила в даль. 5 минут можно было смотреть, как бурлит вода за кормой. Тебе захотелось посмотреть на работу мозговых извилин этого шалопая? Три дня из жизни такого-то по фамилии. И таких сотни.

То, что можно было уничтожить одним швырком. Я не знаю, зачем это делалось. Я могу сделать и не такое. Что-то вроде этого. Я буду делать литературные тетради.
Что-то вроде этого. А что было с ними?
Ведь свет-то на самом деле погас?
Было первое предупреждение.

Что было на Зубовской площади? I took everything as seriously as if I were to live 100 years. What is life but a series of inspired follies. Never lose a chance, it doesn't come every day.

What am I looking for?

Страница начиналась словами "Полюбить эту тоску" и кончалась "Л.Л. за прилавком продает "Русский лес". Дата — 7.3.59. Значит, нужно найти слова, написанные в марте 1959 года. Значит. Я смял старую копирку и выбросил. Искал я что-то другое.

Может быть, единственное занятие, которое никогда не надоест. Восстановить события того года по числам и дням недели. Можно подумать, там кончилась жизнь. Можно подумать, после этих дней никогда ничего не было. Да, странно. Встреча на Зубовской площади была страшным уходом, отдалением, разлукой, расставанием. Я ничего не мог сделать, кроме как смотреть печальным взглядом. А на мой печальный взгляд никто не обратил внимание.

199

знак против дурного глаза

9

Как названия незнакомых фильмов, выписанные на одной странице. И такие слова. Потом он мне будет показывать пальцем. Вот из-за чего написана вся страница. Вот из-за чего написана вся вещь. Но я не могу выбросить эти слова. Тогда теряется смысл. Из-за этого и написано. Тогда не нужно плакать. Слова, вызвавшие критическое замечание, я выброшу. Такое жжение в желудке или где-то в районе желудка вызывается одним словом. Надо поставить в одном случае "типичная студентка", в другом случае — "заботливая жена".

А на рисунок пером я возлагал такие надежды. Он мне самому так нравился. Вот что ужасно.

Синусоида играла в нашей жизни такую роль. Стены с рисунками, которые призывают к классовой борьбе. Он мог бы читать пьесы Оскара Уайлда. На полу чердака произошло тайное сближение. Я бы не хотел распростаняться об их отношениях. Но картины четко стоят в мозгу, как будто события в детстве. Работа над чужой пьесой похожа на неудачный рисунок пером.

Как все похоже на коричневые деревья на белой бумаге в тот самый момент, когда вклинивается критическое замечание насчет употребления предлогов "на" в одной фразе подряд. Это ужасно. Это преступление перед литературой. Этого надо избегать.

Фармацевтический факультет из окна троллейбуса уводит нас в провинциальную аптеку. У аптекарши была целая жизнь, похожая на французский роман. Мы целовались на пароходе. А что я мог еще сделать? Подойти и сказать: давайте дружить?

200

знак против дурного глаза

10

Как тут рыбалить?

Кого спросить? Не у кого спросить. Тут нужно все самому знать. Сильное течение сбивает поплавок и грузило плывет, как перышко. Тут нужно без поплавка. Первым делом, надо снять поплавок и рыбалить без поплавка. Но как узнать клев? По дрожанию лески на конце удилища. Тут водятся сазаны и чебаки. Тут должна быть крупная рыба. Тут может взять сом на два пуда весом. Моя леска не выдержит, но все равно будет интересно. Чуть не поймал сома два пуда весом. Есть о чем рассказать друзьям-приятелям. Вот как это было. Я не рассказал о главной причине. Я буду рассказывать о первом дне рыбной ловли с озерными удочками на берегу большой реки с сильным течением. После озера тут все вновинку, незнакомо и беспокойно. Может, я что не так делаю? Я снял поплавки со всех трех удочек и насадил на червя, как на озере, не меняя крючков. Первым попался маленький колючий ерш, и я не заметил клева. Так чуть-чуть какое-то неопределенное движение лески у конца удилища. Но с таким же успехом это мог быть ветер или течение. Ветер колыхал леску у конца удилища. Течение натягивало и шевелило, леска вздрагивала. Ничего нельзя понять. Второго бирюка я поймал таким же образом, т.е. не видел клева. Я просто снял его с крючка и все. Я вытянул леску, чтобы закинуть получше, и обнаружил, что поймал еще одного ерша. Ерш заглатывал крючок так глубоко, что не мог и сорваться. Дело нехитрое — поймать бирюка. Он сам ловится. Я сидел около кустиков слева, и течение сбивало поплавки направо. Впрочем, я тогда не знал, что это ерш. Ерш был красивой рыбой из книжки, а это бирюк. Он не похож на то, что нарисовано в книжке.

знак против дурного глаза

11

She once told me that one of her incentives to disagree with me was the pleasure it gave her to find out ultimately that I was right. He once told me. Now.

Now, nothing can be what you might call artistically done, if it's done with an effort. If a thing can't be done light and easy, steady and certain, let it not be done at all. Sounds strange, doesn't it? But I'll tell you a stranger thing. The more effort you make, the less effect you produce. A would-be artist is no artist at all.

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December.

I subsequently came to contemplate your existence with a pleasure which I never derived from the contemplation of my own. I did not know my England then. I was young, raw from 18-th century Ireland, modest, and anxious lest my poverty and provinciality should prevent me from correctly representing the intelligence, refinement, conscience, and good breeding which I supposed to be as natural and common in English society as in Scott's novels.

My friendship for him had died a little while before dawn at the same time as my love for Concha, at the same time as my desire to live.

I put my hand inside her brassiere and pulled her breasts up and out. She showed me the many volumes of manuscript that she had written and that her companion typed each day. I came to the steamboat 2 hours before it was to start and spent this time examining the ship.

202

знак против дурного глаза

12

Ничего не дала эта математическая точность. Колено в особенности, а уж про лицо и говорить нечего. Таких примеров чортова гибель. Этим не удивишь. "Византийская вязь" — хорошая вещь, но лучше предыдущий текст. Забавно. Перестановка датированных текстов по замыслу должна была улучшать впечатление, а на самом деле ухудшает впечатление от последующих страниц. Они кажутся бледными и ненужными.

А ведь точная копия. Просто фотографически точная, а получается беспомощная ерунда. Если будет веселить процедура, я приготовлю велосипед. Накачать шины. Конечно, воскресенье — лучший день для велосипеда. Не отошел я в достаточной степени. Можно подумать, подспудно решается новая задача. Ничего подобного.

Неправильное описание сильного течения. И потом — почему мутная вода, когда речь идет о летнем дне? Светлый прозрачный ручей, который соединял озеро с Доном внизу станицы, нужно было перебродить босиком, если идти на паромную пристань в этом месте. Уклейка шла в озеро или плотвичка шла из озера в Дон? Такое случилось один раз за всю жизнь.

Калинка — не рыбка, картинка, миниатюрная копия леща-чебака. Очень красивая беленькая рыбка. Ну он был в более старшем возрасте. Но правильно, что с няней. Мы прочитали страниц 15 вслух. История с Эвелин — 5 страниц в начале романа, 10 страниц из середины, и на этом кончилось.

знак против дурного глаза

13

Их так много, они и к нам попали. Совершенно не то. Звуки. Такое отношение к звукам. Вздрагиваешь от своих же звуков. К тому и относилось. Нужно было принимать как данность. Я тебе не мешаю. Еще бы. В любом случае проходная фраза. Я помню игру с переводом. Слово так далеко. Легче взять то, что под рукой. Пароход. Пароход. Ничего не может быть дальше парохода. И ощущение. Я не произносил таких звуков. Мне было легче не трогать. Еще немножко, и я преодолею. Треск. Нужен был треск. До этого не додумался. Теперь трудно возвратиться.

Я лежал слева. Нам придется ехать целую ночь. Это скоро кончится. Можно ли себе позволить? Но на нас же все смотрят. Если отвернуться, то не видно подсматривающих глаз. Это измена. Это, конечно, измена. Но она сама придвинулась. Но она сама прижалась плотней. Я ожидал насмешливых слов. Сейчас кто-нибудь чего-нибудь скажет. Он смотрел очень внимательно, и я боялся, что он что-нибудь скажет.

Меньше всего. Если наоборот, то ведь это от другого чтения при другом взгляде и вообще, можно сказать, для третьего человека. Ведь мы все-таки воспринимаем логично слова /правда наслух или при первом чтении глазами/ и только в одном плане. И только в одном порядке, и никакой параллельный ход и контекст не заставит нас воспринимать иначе. Если бы речь шла только о галактике.

Вот дальше всего.

знак против дурного глаза

14

Повторения шопотом. Хорошо. Но почему
шопотом? Правительствен-
ное шоссе.

Коля Красоткин с восторгом распространялся про рыбалку на правительственном озере. Этим воспользовался В. Росляков. Прочитать — да, конечно, но где найти?

Ты видала четки и молитвенник у Доны Кармен? МНЕ не хватало переписки по старому черновику. Мелси — дочь Ибрагимова, пятого классика марксизма-ленинизма /тоже репертуар В. Рослякова/. Кстати, что всегда некстати, то есть настолько некстати, что с этого можно было начинать и этим кончить.

"Балтийское море шумит" — это поплавок на Балтийском море, а за это время в польском отделе продавали "Собачью жизнь без собачьих радостей" на французском языке.
Кто успел купить?

Нумерация абзацев — новая. Вот видите.
А за это время? Безошибочность девятой водородной войны — ошибка Ремингтона. Что-то оставалось и за пределами: ну это я читать не буду!

Редко, но бывает. Бывало и так. Как ежик-прическа у виолончелиста, который получил канифоль только не за то, что вы думаете. Он оболгал нашего лучшего друга по телефону. Почему вы за меня не заступились? А вы и сами себя не дадите в обиду. А у вас и без меня хорошо получалось. У всех создалось впечатление: милые бранятся, только тешатся. А Козьма Прутков вам помог: третье дело — чесать где чешется.

Чехи ударились в самосожжение.

Четвертый человек-факел.

Тогда не надо читать, если это на тебя так действует.

знак против дурного глаза

15

Берег Волги. Ты не Левитан. Тебе не оправдать печального отношения к пасмурной погоде. Нужно бежать куда-то. Идти, идти. Разница большая. Намордник Бастилии не нужен для ритуала. Так всегда начиналось. Любая страница.

Посмотри, посмотри. Переворачивай, не переворачивай, все не туда.

Возможно, что так и нужно. Чепуха получается, чепуха. Закройте лавочку. Сверните мастерскую. Сматывай удочки, тут гиблое место. Тут ничего не поймаешь. Самое печальное из всего того — об этом тоже ни слова.

D’autres fois nous restions couchés toute la journée, sans laisser même le soleil pénétrer dans notre chambre. Les rideaux étaient hermétiquement fermés, et le monde extérieur s’arrêtait un moment pour nous.

The very thought of it makes me yawn.

Такой Моцарт. Опять Сальери воспринимает шутку в антисемитском плане.
Но почему? Но почему? Тут, наоборот, слишком много определенности в порнографическом смысле. Опять гений прячет в сейф порнографию, а богиня потеряла права и дрожит перед автоинспектором. Вы только к Жене не подходите. Жене нужно за рубеж. Он, конечно, подпишет, но вы к нему не подходите.

знак против дурного глаза

16

ROOM AT THE TOP 24.7.66

But my story is history and your story is mistery. It is you who thinks so. Room at the top for you. Do you call THAT one glorious hour?

Now I see.

Вот ему и нужно дать. Потому что это про его глаза.

It was a guarantee of reality. I could imagine myself touching them.

Из этого опять ничего не получилось. Давно бы. Убей меня Бог, что давно бы. Этого гада мы встретили по дороге в Нагатино.

Her legs too were the legs of a much younger woman: cut off from the waist, sheer pornography.

Авторитарная личность улыбнулась. Награда в виде цикуты, а нужно было бы — кислое вино. Терпеть нам суждено.

Try to be indecent, really indecent, just once in your life and for variety's sake. Then with good luck you will succeed. But you never really tried. Попробовал. Вот что из этого вышло. В. Катаеву можно, а вам нельзя. Ему прощают и не такие вещи. Но у вас же нет ни одного романа на тему "За власть Советов". Мало того. У Вас, кажется, было три романа "Против Советской власти". Ошибка молодости. Да. Тоже ошибка. "Джеймс Джойс по-русски /№ 16/" сгорел в огне. На этом я и остановился. Поджег спичкой и устроил пожар в пепельнице. Именно так и должен поступать шизофреник.

з н а к   п р о т и в   д у р н о г о   г л а з а

17

Вот "Она не арестована" — это п л о х о.

Длинная фраза публициста-теоретика, очень популярного /на лекцию по пригласительным билетам и пропускам/, а в конце периода через запятую, сразу жизнь становится иной. Длинный реферат, множество построений и где-то в скобках, между прочим, самое главное: сразу жизнь становится иной. Плохо, конечно. Так нельзя, конечно, но что тут поделаешь?

"Затворники Альтоны".

Трое у ВТО три раза повторили одно и то же: соц. реализм. Они не ждали такого от Ж.П. Сартра. Они очень высокого мнения о Сартре как драматурге, поэтому говорят: ничего от Сартра не осталось.

А "Как быть любимой" — хороший фильм. И "Земляничная поляна" тоже. "Восемь с половиной" — это искусство пытается сказать свое слово об искусстве. Рассказ о том, как снимается кино.

Зинаида Серебрякова. У меня был с ней конфуз. И еще одна беседа по телефону: она остановилась на полпути. Амазонка никогда не останавливается. Как найти номер журнала "Крокодил"? Давно это было.

Она не арестована. Это хорошо.

Мальчик входил в жизнь в августе 59 года. Тогда же были бесконечные разговоры о Новом Иерусалиме. Впрочем, Жорка был кажется не на даче у Эренбурга, а на улице Горького. 22.8.59 Такая была дата.

з н а к   п р о т и в

18

Ерш был красивой рыбой в книжке с картинками. Когда я поймал ерша, я был уверен, что это не ерш, а какая-то другая и, может быть, ненастоящая рыба. Может быть, ее нужно выбрасывать. Уж больно она не похожа на беленькую кругленькую красивую рыбку.

Как же все-таки переводить название романа? "Пусть стоит фикус". Он прочтет и даже в мусорную корзину не выбросит. Он значил в его жизни все. Кто это был? Скрябин?

Имелись в виду именно эти черные птицы, знак безумия у художника над пропастью во ржи. Впрочем, на картине пшеница.

Если бы у меня возвращение состоялось с таким примирением и если бы — вот главное — это мне помогало каждый день жить. Если бы. Ритуальный черновик, увы. Жуткая требовательность к чужому пейзажу. Я уж и не знаю, как приступить. Одно ясно: оглавление "Ящика" надо выбросить. Впрочем, даже это не ясно.

Теперь задача — писать такие вещи, в которых ничего нельзя процитировать.
Есть такие.

+ Красная Новь о Записках Чудака
/это было в 1923 году/

Зачем ему понадобилась классовая борьба против л. д. С. /в./ или даже против Р.З., непонятно. Надо же быть справедливым. Надо. Должно. ДолжнО. "ШАлаков", "НабАков", "САлинджер" тут не при чем. Фамилия без мягкого знака тоже. Но звание исключит. оп. Ж. ей было присвоено ЗА ДЕЛО. Задело? Меня тоже.

От имени Дениса из Йельского университета мы провели тэт-а-тэт.

209

з н а к   п р о т и в

19

К этому же идут. К тому же и приходят.
Чем же они озадачены? Чем он озабочен?
А-а, смерть олиной бабушки. Только
это сохраняет интерес. Особенность
светских визитов: может, и вам не стоит
придерживаться ваших правил? Никаких
признаков. Именно этот разговор и надо
выписать. Именно эти слова надо найти.
Почему так все круто поворачивается?
Много ты услышишь, когда сам будешь все
время говорить. Белая бумага потеряла
качество. А белая бумага была лучшего
качества. Я не читал этого товарища.
Никаких там качеств не было. Этого
недостаточно. Что можно извлечь из этой
назойливости? Жестянщик в отпуске выдает
себя за капитана дальнего плавания. Вот
такие они и бывают. Включите ленту,
моя сработала. Я ищу какую-то замену,
которой не может быть. Онегинская
линия? Ставрогинская, конечно. Полное
собрание цитат из неопубликованных
стихотворений — пока у А. Белинкова:
"Ты ли нагадала и напела?" Даже по-
американски такое неинтересно: тут
имеет значение "без цензуры по России
кочевать". Жутко смешные заботы:
какой язык мы усвоили! Липа, мура,
трепло, хватит заливать. Между прочим.
Я столько рассказов о нем слышал, что
просто неудобно не увидеть. Была такая
подборка "Чистая бумага". Была.

210

з н а к   п р о т и в   дурного глаза

20

And a feeble air of intellectual pretentiousness kept up all through to persuade you that if the author hasn't written a good play it's because he's too clever to stoop to anything so common-place.
Где-то тут посредине была правда.

Сидеть нельзя, сидеть — замерзнешь. Надо двигаться. Всю ночь надо двигаться. Что вы мне говорите про период! У него всякие были периоды. Он читал "Записки чудака" в издании "Геликон" /1922/. Он обещал превратить МДП в ликующий театр. Он выполнил свое обещание. Правда, его новые знакомые об этом не знали.

Забытые слова должны умереть на этой улице.
У нас твердое задание: не свалиться с велосипеда.
У нас твердое задание: держаться на поверхности, не утонуть. А поплавок пошел ко дну. А кирпич вышел из употребления. А школа плавания закрыта на ремонт. До осени, было объявление. До сентября, по крайней мере.

211

ЗНАК ПРОТИВ д у р н о г о г л а з а

21

Геометрия. Арифметика. Тарабарщина. А в глубине — вся та же вкусовщина. Нюх и дух, да, конечно. Но вкус-то чей? Личный вкус великого критика — никто не возражал против этого. Что-то с лентой творится дурацкое. Вон чьи бы реакции. Это я возьму на себя. Выдумали себе новый язык и разговаривают на нем. Я отказываюсь понимать такие речи. Тут одно сплошное отрицание всей твоей жизни. Молчавшие тогда молчат, продолжают молчать.

Посмотрите, пожалста, кто стоит за спиной у меня, а то мне неохота оборачиваться. Чья рука за твоею спиной? И на чью мельницу дует ветер? Он с упоением читал в кафе за столиком стихи Леонида Мартынова. Это он открыл Хиля. Это он первый сказал "Неон особой чистоты".

Из такой алгебры получалась странная гармония. В тот год я пытался ее разгадать при помощи чужого перевода с польского. Вся беспомощность такого подхода сквозит в одном вопросе "Как у вас зарождается идея?"

Я старательно перечитывал стихотворение и старался найти идею в одной из строчек. Так нас учили. Не вижу я тут никакой "динамичности", и вообще динамит можно найти и в эпохе наполеоновских войн в 14-м томе у Лависса и Рамбо.

"Смерть дочери Монтесумы" — вот какой это кинофильм. А лучше всего в какой-то книге "Невидимки за работой". Человек пришел в библиотеку с чужим паспортом. Отмечать ногтем или карандашом на полях книги было серьезным преступлением, за которым шло немедленное наказание.

212

ЗНАК ПРОТИВ д у р н о г о г л а з а

22

Я могу наметить только контуры, и то у меня ничего не выйдет. In the sun with the shadows of lilac leaves trembling over her skin as they rustled in the air. И вот когда ты увидел, что на самом деле все получается сложно и не так красиво, как в мыслях, ты решил не делать ни одного шага на этом пути.
Вот так же идет и чтение с машинкой.

Если вам нравится эта мысль, так вы ее и выражайте. Почему у меня ничего не вышло с рисунком? Таких нет. Таких нет. Я напрасно искал. Увы, это правильно.

Мелькание. Толпы проходили. Свое лицо ты подставлял под взгляды, как под удары. Тебе не надо было выходить. Я ведь их не понимаю. У них другая жизнь. Я даже не вижу приблизительного отражения в чужих глазах.

з н а к   п р о т и в   д у р н о г о   г л а з а

23

14
PS

Шел дождь, была гроза, он встретил странную женщину, так началось знакомство. Конечно, в таком виде эпизод мог быть из любой жизни каждого из импрессионистов. Перевод с венгерского.

Эксплуатация звуковой стороны. Не хватало нажима, как потом не хватало двух интервалов.

До того как начнется повторение слова "туман".

I wanted to find something that cannot be expressed in any other way. That’s the idea.

Мне важно было найти.
Слова такого же назначения. С
теми же самыми задачами вы
принимались за перевод Драйзера.

Ты перепрыгнул через
забор. Ты помнишь?
Ты помнишь?

А потом прошел мимо того
забора на костылях. Вот-вот.

Недостаточно этого было, да?

214

знак против дурного глаза

24

13
PS

Разумеется, меня учили другому. Вот черным по белому полная противоположность. Закрыть глаза. Делать вид. Я делаю вид, что ничего не случилось. Еще раз сделать вид. Закрой глаза, и ты увидишь вдруг. Звуки те же самые, значит — то же самое и все остальное. Выкручиваться приходилось. Это и называлось ритуалом. Туман. Туман. В тумане что-то движется без слов. Мне надо зацепиться за что-то. Усвоено еще меньше.

The Light That Failed
once more. Я возвратился.

Мощный ум работал в 1959 году на этом формате. Разве одного этого было недостаточно?

13 октября 1903 года. Чехов еще был жив? Его брат читал критически.

знак против дурного глаза

25

ЛЕТАЮЩИЙ КАШАЛОТ был в другом месте.
Он выполнял ту же
функцию, что общее
собрание актеров.

Чем-то другим привлекал
тогда Норман Мэйлер.
Но тогда были
слова в мае 1959 г.

Еще не то было.

КСЕНОФОБ ТЫ ПОСЛЕ
ВСЕГО ЭТОГО.

Все хорваты перешли
на новые форматы.
Один хорват взял
слишком маленький
формат. Ксенофоб он
после всего этого.

Сам ксенофоб, видал ксе-
нофо-
бов, но
такого!

Забавно, что
все это
сводилось
к чему-то еще.

Не 4-х, а 15-ти этажная:
в новом доме будет 16
этажей. А я буду рада
жить на 16 этаже. Хамов
меньше будет. А лифт —
что лифт, это же экстра-
ординарное, как кирпич
на голову: в 100 лет
всегда бывает. 5.6.69

Какая-нибудь утешительная
книга вроде "Жизнь начи-
нается с 80 лет".

АНТ---ОЛИ, впрочем тогда
Олина Бабушка не пускала
Олю.

Чемоданы принимают-
ся только от чемпи-
онов.

Клев. Сколько раз клева-
ло, сколько раз утянуло.
Вот что нас интересует.
Все в точности должно
быть описано, и это един-
ственный вид описания,
который никогда не наску-
чит и никогда не поте-
ряет цены.

Поплавок у поплавочной
удочки был из куги опре-
деленной толщины. Намокая,
он чернел и даже, кажется,
увеличивался в размерах.
Где было в первый раз
с великим столкновением
дружеских интересов трех
приятелей у первого озера.

216

Знак Против Дурного Глаза

26 дубль

"Чем я провинился?" у него всегда звучит риторически-саркастически. А уж если он уточняет "перед вами", так не дай Бог. Я ему задавал такой вопрос. Почему так получается, что чем больше он извиняется, тем хуже. Тем больше новых бестактных и оскорбительных слов он умудряется наворачивать.

Пропорции этрусской вазы. Сделаем вид, что ничего не произошло. Ты меня не спрашивай о том. Вот тебе описание наводнения на Неглинной, про ураган /над Эстонией/ ты все знаешь сам, и больше от меня никаких стихийных бедствий требовать не надо.

На реке Амазонке вспоминались огурцы и помидоры. Я уж про морковку молчу. А сказана была какая-то старая избитая фраза вроде "уланы никогда не отступают".

Я был счастлив, когда ходил по мастерской и добавлял штрих то к одной картине, то к другой. Была возможность спрятаться за цитату. Вот Макс и Мориц — шалуны! — как знамя подняли штаны.

Давно это было. Портрет поэта Архангельского с тех пор никогда не перепечатывался. Я так и знал, что будет читаться не тот вариант. Маргарита не возражала. Но мастер знал, что это очень не понравится Маргарите.

Забавно, что все это сводилось к чему-то еще.

Потом все исчезло, и кто-то другой сидит, вытянув ноги, в первом ряду партера. Коньки примерзли ко льду, и ноги подламываются в коленях, и нет сил. На этот раз — все.

з н а к   п р о т и в   д. г.

26

ЧЕМ Я ПРОВИНИЛСЯ У НЕГО ВСЕГДА ЗВУЧИТ
РИТОРИЧЕСКИ-САРКАСТИЧЕСКИ.

А уж если он уточняет "перед Вами", так не дай Бог! /Пропорции этрусской вазы. Сделаем вид, что ничего не произошло. Именно таким образом продвигалось сочинение./ Ты меня не спрашивай о ТОМ.

И ОТ ЭТОГО НЕ
З А В И С Е Л О.
Вот тебе описание наводнения, ураган ты знаешь, и все.

На реке Амазонке вспоминались огурцы и морковка. А сказана была какая-то старая избитая фраза вроде "гусары никогда не отступают".

Тебя заставят играть чужую роль.

А вот чем я виновата, я так и не пойму? Чем я провинилась?

И больше от меня никаких стихийных бедствий ждать не надо.

Коньки примерзли ко льду, и ноги подламываются в коленях. На этот раз — всё!

Потом все исчезло, и кто-то опять сидит, вытянув ноги в первом ряду партера.

ЗНАК ПРОТИВ Д. Г.
по замыслу
слова в мае.
69.5. . .

ДАВНО ЭТО
БЫЛО

Я был счастлив, когда ходил по мастерской и добавлял штрих то к одной картине, то к другой.

Была возможность спрятаться за цитату.

Вот Макс и Мориц —
шалуны! -
как знамя подняли
штаны.

Портрет поэта
Архангельского

Я так и знал, что будет читаться не тот вариант. Маргарита не возражала, но мастер знал, что это очень не понравится Маргарите.

Забавно, что все это сводилось к чему-то еще.

218

з н а к   п р о т и в   д у р н о г о   г.

27   дубль

Не надо мне про нее плохо говорить. Я сам узнаю, как только выйду в свет и встречу кого-нибудь из родных и близких друзей и знакомых. Она плохой человек. Больше вопросов нет.

Юл Бриннер был также в "Великолепной семерке". "Кубик" надо читать вместе с "Травой забвения" и "Святым колодцем". Кто сказала? Читатели "Нового мира" говорят.

219

знак против дурного глаза

28 дубль 4

Не надо на меня рвать и метать. Не я виноват, что авторитарная личность покорила великого русского публициста Померанца, не я виноват в этом. Скорее Б. Зингерман, который еще в 19.. году объявил его московским Кьеркегором. А Б. Зингерман — знающий человек.
Хрипеть тем более.
Ничто не пробилось мне в душу. Я был как лошадь. И все пришпоривают эту лошадь. Как ни увидишь, так новый наездник. Такие всадники. Сословие. Долой сатрапов. Проскрипции. Список подписавшихся, изданный в Канаде. Не надо. Не надо про Канаду.
Теперь плохо говорят про всадника без головы.
Человек редких качеств и дарований. У него есть знакомый — великий знаток Заходера. И одаренный умом небывалым. Нисколько не ниже, чем самые блестящие западные мыслители-эссеисты. С тончайшим вкусом и чувством фразы и слова вообще. И всего-то ему 30 лет. Написал великолепный эссе об Ортеге. Но он отлично владеет немецким и другими европейскими языками. Так понимает в людях. Так жалко, что он ушел из журнала. Он так ко мне хорошо относился. Так ценит фразу. Ему так нравится, как я пишу. Только вот жен у него что-то много, это немного не похоже на Кьеркегора, но это уж не так важно.
Говорил ли он этому своему близкому другу об Асаркане? Да, как-то упоминал.
Можно расшибить машинку, если так стучать по ней.

з н а к п р о т и в дурного глаза

29

А он разве боится дурного глаза? Он не боится, а она боится. Машинка с русским шрифтом.

Черные птицы перестали мне сниться. Балкон сегодня ночью отвалился. Но без всяких кошмаров и ужасов, вполне благополучно и даже без страха и упрека. Просто я предупредил Ларису, что у нас балкона больше нет, и мы забаррикадировали балконную дверь на всякий случай.

Озеро в беспечальный день, ничего лучше не придумаешь, хоть я и старался, а все напрасно. С французским языком то же. "Веер леди Уиндермир" был в январе 68 года. С этого и началась забытая лента на Пушкинской улице. Мы забыли там целую бутылку шампанского. Этого забыть нельзя, и я все время вспоминаю, как только попадаю на Пушкинскую улицу. Она жива. А он умер. Сын, конечно, тоже жив.

Он мыслил.

Чтобы не забыть про "кому что снится", сразу же надо рассказать про голавля в Щелыкове. Четырехэтажная тавтология заместила и даже затмила рассказ про рыбалку в доме отдыха ВТО. Пров Садовский до сих пор рассказывает.

Ничего себе распределение таких свойств. Автор корана и знаток восточных религий не встретились и никогда не встретятся. Не все пути ведут в Мекку. Вы кумекаете, и я кумекаю.

40 лет без Кленового бульвара. 10 лет тому назад я говорил этому розенкрейцеру: вот Вам мое стило и можете писать сами. А я был занят статистикой индивидуальных заказов.

знак против

30

Оттуда и карточки открыточного формата. Я три года возился с картотекой из открыток и мне хотелось иметь три романа на открытках. Сбылась мечта идиота. Я стал миллионером. Я закончил миллионный клочок бумаги в порядке увеличения старой стенограммы. А счастья все нет.

— Эта старая сорокалетняя сука дождется.
Ее уж не раз по-восточному, а теперь и по-китайски, но она еще держится. Детскую коляску никто не будет толкать, потому что папа — импотент, да и баба такая: живородящая проехидна. Но она дождется. Мы обожали ее как прекрасную возлюбленную, а она отдалась первому встречному азиату с буйными раскосыми глазами.

Это и есть ЕГО борьба за это.

А равновесия уже тогда не получалось. Впрочем, тогда не было никотина. И шаги были в другом направлении. Один день пишется, на второй день забывается. Не перечитал, тем более. Вот судьбы любых четырех страниц /1 000 слов/. Но нас интересуют исключения. Слова в мае 60 года — исключение.

Какой толк в таких событиях, как ураган или наводнение, когда в Эстонии он не был, а про Неглинную Ирина Глинка и слушать не хочет? Вот последняя фраза к подборке "Наводнение на Неглинной". Писал ее я с 65 года. Теперь читать буду до самой смерти.

222

7

223

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

1

То ли дело спокойный ритуал. У меня уже все написано. Еще лучше смерть велосипедиста. Больше можно и не писать. Что происходит с
л е н т о й ?

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЛЕНТОЙ?

Что-то случилось с Цветной Лентой. Она, правда, не арестована? Но у нее был обыск. Но мне сказали, погиб Савченко.

Но мне сказали, нашли письмо. Но у нее было много денег. Прячьте деньги подальше. Я свои далеко спрятал. Я свои так далеко спрятал, что сам до сих пор не могу найти. Где-то было спрятано 50 рублей. Где-то было 25 рублей. Уже прошла реформа, а я все не могу найти.

Я ведь тоже могу к каждому слову добавлять МАТЬ МОЯ РОДИНА, такая стилистика — не проблема. Она вся усохла. Известный писатель, жуткий борец, все слова почти из газеты "Известия", но к каждому прибавлено или "бандиты" или "бандитский". Вся замечательность этого писателя на этом и строится. Но я о нем плохо говорить не буду. Я о нем хорошо молчать буду.

Зудит нога: говорить в пол-голоса и жить в четверть жизни. Урок без часов. Загнать часы. Не нужно было уходить в 8 часов. Все это началось с 13-го. С понедельника.

Как украли. Ты, милая, не знаешь, что такое "как украли", поэтому не употребляй таких выражений. Можно подумать, что мы с тобой украли английский язык у французов. Как это ни странно, но для меня Тышлер начинается с художницы Валадон и чем писал Ренуар и что сказал Бернарден де Сэн-Пьер о мавзолее неизвестных. Нестеров тоже.

224

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

2

Вот уже и заметно: не так это делается. Удлинитель возьми. Знаю. Но я хотела обойтись без удлинителя.

Такой смешной и нескончаемой борьбы у Вас на четыре жизни, если Вы лично будете жить 258 лет. Но Вам ведь важно конечное торжество "а он будет", "а Он утверждает", "а ОН..." и т.д. и т.п. А он серьезно себя воспринимает, а они жутко серьезные люди. Они любят таких наследственных мечтателей-индивидов, которые то теряют, то находят своих рассуждений нить. Рассудочность построений вокруг интуитивности, интуиции и интуитивизма не смущает поклонников интуиционистской теории. Их смущает только отношение учеников, которые спорят, и противников, которые махают рукой. Чистая бумага навек покинула главного Э.Т.

Забавы были другие. Настольной книгой была история испанской инквизиции, но угощу я друга цитатой из Торквемады, когда он придет, уж тут ему не отвертеться. Тут на правах гостя он вынужден будет внимать, хотя бы потому что за цитатой будет чашечка кофе. Историк французских революций так именно и поступал. Этим он и покорил турчанку Азадэ. Возможно. И этим, спокойно скажет турчанка Азадэ и станет рассказывать свои турецкие истории.

Вот теперь я зацепил на всю подборку, но это должно стоять в скобках на правах "Ключ забыл".

— Возьмем мир в скобки, — между прочим заметил теоретик, и хозяйке дома стало весело. И она по-христиански возмутилась:

— Как это можно — мир взять в скобки?

— Можно, — спокойно сказал Теоретик и продолжал сучить сухих рассуждений нечужую нить.

225

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

3

Структура Ящика Пандоры нужна будет для другой книги, а я куда-то выбросил с. я. П.

Потребитель.
Потребитель потребляет со страшной силой. Чистый читатель, благодарный зритель, уличная аудитория. Там 15 минут не выдержишь: ввяжешься в разговор. Там 5 секунд не выдержишь, если не будешь смотреть только на картины.

Тогда надо начинать с Французской выставки. Тогда надо начинать с Дрезденки. Тогда надо начинать с Радцига. Тогда надо начинать с Марии Ивановны: первое живое впечатление от картины. И можно срисовать? Мой сын — художник, сказала моя мать. Пойдемте, я вам покажу галерею картин работы моего сына-живописца. Это "Набат". Это "Оса". Это "Воробушки". А это с натуры. А это — и т.д. и т.п.

Тогда надо начинать с ссоры на Тышлере. Можно с ссоры из-за Зинаиды Серебряковой. Он не ходит на выставки. Она остановилась на пол-пути. Соломон Григорьевич улыбнулся. Иван Сергеевич в 25-й раз повторил: слишком много было А, ПВ БО. Увидишь моих "микишек", узнаешь все. Если я буду жив, я приму тебя как сына. Теперь они не будут говорить, что я получаю одни пятерки только потому, что я дочь наркома.

Память — оружие. Забвение — оружие. Нет, не все — оружие. Молчание — оружие, но только не для Вас. Для Вас, мадемуазель, молчание — гибель. Гибель Вашего остроумия. Ваше слово — гибель для владык.

226

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

4

ПОТРЕБИТЕЛЬ 2

А репродукции были более многообещающие. Когда импрессионисты даются в черно-белой репродукции, зритель возмущен и машет рукой. Когда дается цветная репродукция, зритель озадачен: а как это выглядит на полотне?

Уличная атмосфера вокруг живописца на Волхонке. Одним словом? Это не передать одним словом. Одним словом, Ю. Титов прав: у него есть и похлеще, а его не вывешивают на Волхонке. Но это с точки зрения Ю. Титова.

Они мелькнули и исчезли с 3-мя словами, которые от них остались:
— Может, это от тюрьмы у него.
Жутко всё понимают. Страшно когда такие люди на тебя смотрят.

227

ключ забыл

То ли дайджест, то ли примечания составителя, то ли предисловие автора: что-то вроде

```
С этим списком, конечно, я далеко не уеду.
Но по крайней мере, не заглядывал в словарь.
Словарь-алфавитный указатель когда-то был великое
дело и первый помощник. Но ритуал помешал.
И я забыл про "Ритуал"
```

ВОЗЬМЕМ МИР В СКОБКИ.

Разумеется, я привык с правой стороны.

Пауза должна быть больше. Странным образом пересобачились ритмы: тушь утром, машинка днем, карандаш вечером. Два интервала и 2 копии: разве это ключ?

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

5

That's my contradictory trouble, too. The same. The same. Always the same words to give the same satisfying sense of the time not wasted. Keep the aspidistra flying. An extra diversion towards le detournement des mineours. He didn't like it. Of course, I can express myself only by English typewriter.

She smiled, the bitch, when I stopped. Smile, I wispered. Smile, I said. Keep smiling. The fat girl of a bitch was standing opposite the nude and watching the reaction of everybody else's. I contemplated the picture for about half a minute, decided that it is half in the manner of Renoir and went further.

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

6

Then you must begin with Claude at the first exhibition. Then you must begin with the ending of enumeration. You said yourself: he can’t use his erudition in the proper manner while writing a story.

La maison numero 10.

The most important discovery you made can be duplicated in million copies even to-day. And you are the USSR. That’s your contradictory trouble, and nobody troubled by the fact except yourself.

"The Holy Russia" by Nesterov.

And who saw it? Nobody but Paustovsky. But I doubt it very much. So do I. And where is the picture to be seen? Who knows.

The French lettering for the festival guests, I suppose. Then you must begin with Fleur Mont looking at the lovely Renoir.

230

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

7

I suppose you begin with the end and finish it.

So much for a new painter and somebody else's discoveries. I discovered that I can't discover anything at all which had not been discovered centuries ago. Now the empereur Tiberious. Now what they said of the manner in which Eupompus painted or wrote (nobody knows exactly what he did). But he did exist really indeed. It all depends upon the fatness of the typewriter ribbon.

All I know is to turn the knob and tune to the voice I know what he will be saying. Alas. That's all the message, I repeat. I repeat, I suppose for 125 times. All the better.

231

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

8

Все это на том же основании
и строилось. Если «да», ты будешь
счастлив и успокоишься. Если «нет»,
ты махнёшь рукой.

You will not scratch, shry and insist upon, of course not. Not, of course. Then your course is quite predictable.

Travelling too much, the digression I mean. And what else can be said without the danger of repeating it? Never mind the repeating, repeat again and again and don't say it is repeating. Then you must be patient with me.

Как я ни старался, это не привилось.
Вот «Рыцарь» for you. *Это же*
C L O C H E M E R L E ! N'est-ce pas?

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

9

Only think and not make thought your aim and you will see. To think only that the problem is the same for everybody. Suppose, to quote the much quoted book, it is to lead an enviable life. And nevertheless

жуткая борьба.

In those cases I usually made the unexpected phone rings or wrote the letters like "Being a sudden gentleman", and you know what happened. Nothing happened. So far. And — human nature being what it is — I must be happy about it. Otherwise, you know what may happen. You know you mean what I mean. Strange how even the Latin letters act so as if under the chestnuttree I sold you AND YOU SOLD ME. I can’t forgive my best friend for ignoring it, too.

SHOOTIHG THB HOLY RUSSIA FOR YOU

10

Scatty after all.

Batty after all.

I deny it most vehemently. Another country doesn’t help in the case. And even James Joyce In Russian. I’m happy to state the problem is not so simple. Otherwise, I would do as others do, by God, I would. But the epithet "banditsky" doesn’t decide neither the style nor the message nor what you personally want to say.

When I meet the Italian word "Belyi" I want to shout: what all the pissmires do understand in the life "Andrey Belyi" had lived or the life everybody of us has to be living. Ring. Expect the unexpected. Just what I expected. Just that and nothing more.

234

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

11

Just what I expected.

Somebody's happiness once more. *Просто слово за словом на ветер, и хоть бы хны. И я еще должен спасибо говорить.* Just what you have expected, haven't you?

To shoot and to kill, strange expression, purely English, nobody outside England will ever understand it. I forget
«Кипит в застенке варево».
I forget as usual. And no amount of English allusions and quotations and reminisences will help ME to make YOU understand what I mean. The whole thing is to repeat once more.

Take care to get what you like, OR you will be forced to like what you get. It is warning, not advice.

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

12

The point is that this particular opus entitled Shooting the Holy Russia For You is only sequence to the o p u s entitled О Н А Н Е А Р Е С Т О В А Н А. But the TITLE is put provisionally to avoid the names and mentioning the unmentionable. If you know what I mean.

Что бы там ни происходило, это будет происходить OHNE MICH.
Ich bin zu alt. Nur mit Entsetzen wach' ich morgens auf. Ohne die Zusammenarbeit kann man sich heute das Leben nicht vorstellen. BUT WHAT DO I GET OUT OF IT? Von Zeit zur Zeit seh' ich die Beste gern und hüte mich – UNE LIAISON DANGEREUSE – mit ihr zu brechen. Es ist gar hübsch. Nur von Zeit zur Zeit, nicht mehr. Ich bin zu alt um nur zu schprechen, zu jung um ohne Wunsch zu sein.

236

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

13

The sying, alas, is the same. But the events concerned took place I suppose 10 years before. So much for this item. It reminds me of the Japanese paper I sent to THAT CITY. Enough.

I expected more, certainly.

Alas.

Jetsam and Flotsam (1962, A Month in the Hospital) — pour un gaillard, c'est un gaillard. Professor Sedov has written to Danielle Hermellin, 13-year-old French girl living in Rabat, to explain why he cannot offer her a ride in an earth satellite. It was reported in January 17, 1958.

Professor Sedov wrote in French.

Flotsam and Jetsam, not considering those who went down to the bottom. 3.5.62. So long a tale. Penis-envy was t a b o o. Not a word about it. Not a word. 8.7.69

<237 об.>

Shooting the Holy Russia
for you
p.9

Четырехэтажная
тавтология еще раз.
p.10

Это уже заскок. Чистейшей воды
заскок, but in the limits
«только в стихах воевать».

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU

P.S. к 13 стр. Shooting the HR for you 8.7.69 14

or : POST SCRIPTUM
8.7.69

That's a LIFE FOR YOU.

Так и знал, что в

самый разгар

явится Кошечка

Ach, Freund, lerne meine Leiden an, höre meine Leiden an UND LERNE DEINE LEICHTER TRAGEN tragen.

Why so does it sound? Why did you expected so much from the reproductions. Because I see many living pictures of

и скажет: „Гори,

so many other painters which has not been exposed.

гори, моя звезда“

Никакой он не продолжатель Рублева, он типичный «И вашим и нашим».

Where did she see the eyes of Abram Ters? Where? I couldn't find out. The mad eyes, the eyes of Torquemada – all that is an effort of imagination. So began the long expected discussion at home.

<238 об.>

Shooting the Holy Russia for you
p.8

Все это на том же основа-
нии и строилось.

Ты же не будешь царапаться, вопить
и настаивать? Нет, конечно.
p.13 ~~p.12~~
Это уже было.
The sye sying
The sie, alas, is the same
siing
Я, конечно, ожидал
больше.

<239 об.>

Shooting the Holy Russia for you
p.11

Not a word about Ilya Glazunov on Volkhonka. Not a word about it. Too many beginnings to be explored, too much to be said "summing up". But nobody wants to "sum up". 8.7.69

13-я страница сочинения
«Жестокий ребенок» (1963, 16-го
марта: 16.3.63; 20 стр).
Боже мой, уже там все сказано.

8

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

1

Черновик четвертого варианта: еще одно сочинение неопределенного содержания со странным названием "Какой-то пошлый мадригал". Присутствие Джойса по-русски обдает меня крещенским холодом. И тут уж ничего не скажешь насчет неопределенности содержания. Ясно. Все ясно. Макабрический рисунок на минуту помог, и на том спасибо.

Накопать червей. Не забыть накопать червей. Приготовил удочки и сложил все под крыльцом на обычном месте. Сегодня мы готовимся к необычному походу. Такого у нас еще не было. В первый раз на рыбалку у большой реки с сильным течением. Подготовка была мощная. Все грузила у озерных нагрузных удочек пришлось заменить на тяжелые свинцовые бляхи. Поплавки снять, оставить только у одной поплавочной удочки — на уклейку и на чехонь.

Эта на сазана и сома. Эта на чебака. Эта на голавля. Эта на калинку. А все вместе, в общем, как потом оказалось, на одного ерша, который к тому же и называется тут б и р ю к.

Мне показалось лишним переписывать листок бумаги в клетку, написанный пером номер 86. Изысканный художник? КТО? Ах ладно, ах оставьте. Но еще хуже поставить имя. Еще хуже отчество.

Тут нужно клеить и выбрасывать на общих основаниях с черновиком четвертого варианта. Культ с ним. Ему самому нравилось в момент написания, чего же больше. Для этого и существуют дельфины.

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS
2

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

Я все время смотрел на эту актрису с отчетливым впечатлением успеха нашей общей знакомой, которая, наконец, дорвалась до славы и может кому-то ткнуть в нос: видали? видали?

Now, baby, let us see how
quick you can get it off.   Вот именно.
Именно   His first reaction
to London had faded. He saw   /тех же самых
now nothing but dirt, grime   людей, толь-
and endless incessant crowds   ко - - - /
– moving, hurrying, jostling.
Busy ants running industriously
about their ant hill. People!
Incessant, innumerable people!
And all so drab looking. So
alike, so horribly alike!   /Ему даже не
What the Hell was he doing   захотелось
ЗАЧЕМ?   in this country of fogs   изучить язык
Зачем он   and chills and hurrying   новых
сюда так   industrious ants?   муравь-
стремился?   Where the devil do you   ев из нового
find as they told him the   муравейника/
gay life and beautiful
women? Стоит ли все это? Стоило ради этого уезжать так далеко в самую Южную Америку, чтобы придти к такому выводу, а?

Когда я его встретил у клуба писателей, я был ближе к истине вокруг этого человека. Голубые шорты все затуманили. А к зубному врачу я сам никак не могу попасть. Все времени не хватает. Все кажется, есть что-то важней и неотложней.

Множество других сложных вкусовых ощущений, что и создает б у к е т м у к у з а н и.

Не надо меня упрекать в том, что из Вас не вышел доктор наук, Мадам. Еще не поздно.

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

3

Связь далеких ассоциаций,
но только не дальше, чем
нужно. Вспомогательность
этой роли отпугивает.
Пугает и дешевизна
продолжения. У вас на
лице ничего такого нет,
можете успокоиться. Задаром
не надо. Но такой ценой
никто не захочет. Те самые
куски и ценятся, которые
в отрыве от ситуации
ничего не значат. Слава
богу, что и тогда был не
такой дурак. Как вы решали
главную проблему? Как вы ее
решали, так и мы. Именно
так все и происходило. Та
же самая картинка, только
с ободранным лицом. Ничего
этого не надо. Пусть другие
делают.

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

4

Жутким способом скреплялось.
Слова из разных эпох. Я
имел в виду далекую бухту.
Приходили корабли. Бумага не
терпела таких слов. Звуки
исчезали. Удали глаза, в них
прочитается боль. Нечего
всматриваться в муравьиную
кучу. Метафора в лесу, а мы
вот расположились на полянке.
Наш знакомый прошел этой
дорожкой. В эту игру можно
играть вдвоем. Старое туманное
стихотворение напечатано на
новой бумаге. Тут радости
другого читателя. Я их понимал
теоретически. Два подхода.
Четыре почерка. Все равно,
интересно было. Удались,
уйди, исчезни. Попробуй
переведи, и ты лопнешь.
Удивительное отношение. Если
там была ошибка, значит нужно
переделывать. Чужое отношение.
На наш взгляд. Такой был
подход. Верно. Я не знаю,
к чему это относится. Звучанье
слов. А тишина, а глаза,
а чужая судьба, а сдвиг.
Не скажу больше. Там нет ни
одного слова. Вот почему.

<244 об.>

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

5

Соединение действительности с государством: какой удар! Там что-то было про крепкий затылок. Я хлюпал по грязи в дырявых туфлях. А у него была шпага? А чем занимался профессионально? Меня утешал "Конец главы" по-английски. Его пытались оторвать от его партии. Ой-Господи-Боже-мой была реакция. Мне диктовали, я переписывал, мне не давали указаний, я ошибался. Чем объяснить успехи? А они были, конечно.

Тоже не надо. Он всю жизнь рвался говорить от имени Ватикана. Такая напряженность и вместе с тем лаконичность. Слушайте вы! я пророков и эпилептиков не терплю! Под кого? Под теоретика разумного эгоизма, конечно.

Я до сих пор без дрожи не могу выговорить эти слова. Глава "Братья знакомятся" осталась без легенды о Великом Инквизиторе.

ИСТОРИЯ ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ

AN OLD FUDDY—DUDDY IN MUDDY WATERS

6

11.6.69

На следующий день, в понедельник, во дворце состоялось общее собрание великих сеньоров и членов совета, но неизвестно, о чем там говорилось. Надо полагать, что о чем-нибудь очень важном. /стр.475, том 3 /

Отчет и мемориал о суде святой Инквизиции, имевшем место в Вальядолиде в день Св. Троицы 21 мая 1559 года в присутствии принца дона Карлоса, нашего сеньора, и принцессы тетки его, правительницы этих королевств, и многих прелатов, и грандов, и кавалеров сего королевства. Этот суд был наиболее торжественный из всех когда-либо виданных, и на него собралось множество народу со всего королевства, и даже чудесно было смотреть, как много народу стеклось в Вальядолид. /стр.469, том 3 /

Ауто-да-фе 1559 г. Официальный отчет. Хранится в Мадриде в Национальной библиотеке.

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

7

11.6.69

Я тоже подумал об этом, и мне стало страшно. Сара у Ингмара Бергмана не звучит как любовь старика у Стэфана Цвейга.

Я уже забыл про что. Кажется про МЕТАСТАЗЫ, а может про письма Тургенева к баронессе Ю.П. Вревской. Что, конечно, правильно и про дождь.

Лошади одинаковые, но мы едем разными дорогами. Еще что-то. А равновесия уже тогда не получалось. Я был влюблен 4 месяца и до сих пор не могу забыть. Заставили забыть. Постоянно напоминали. Справедливость плюс электричество. А требуется только парижское издание "Смерти героя", больше ничего.
Хлопнуть дверью не удалось.

20 добрых слов, полученных от Эрнеста Хемингуэя, и успех, который на самом деле был полу-успех, превратился бы в триумф, финансово закрепленный в бестселлере. Роман "Олений парк" Нормана Мэйлера.

Одна женщина услышала "супрэма" и выбросилась из окна и сломала себе ноги. "Супрэма" — самое страшное слово для испанцев на испанском языке, начиная с 1481 года. Торквемада умер в 1498 году через 17 лет после того, как стал первым великим инквизитором.

"Обезьяна и сущность". А я думал, это история средних веков.

14 лет спустя 14 слов через запятую, не больше. А то вы его не знаете. Как будто вы познакомились 14 дней назад. Нет такого идиота, чтобы не нашел другого идиота, чтобы в глазах другого идиота не выглядел как полиглот. Опиум для олигофренов. Крах. Петухи новейших поколений в глазах одной кукушки.
Петя — камень. Но я не знал, что все подстроено. И я тоже.

Шума-грохота не было. Колокол остался на колокольне. Он учил хлопать дверью, а сам умер тихо-мирно.

ш а ш л ы ч н ы й   о б р а з   ж и з н и

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

8

— Приходи к нам с Юркой, у нас такая каша, такая кувырколлегия, для тебя столько новостей.

— Я буду занят. — 2.12.59

"Была бы латинская машинка, я бы 5 лет не писал по-русски". Когда это было? 3 декабря 1959 года.

Через 4 года сбылась мечта идиота.

"Я работаю" звучит как "я кушаю", в устах журналиста по крайней мере. Прошли те времена, когда журналисты скрывали, когда они пишут. Теперь наоборот. Ты ведь тоже позабыт, позаброшен и не жалуешься никому. Правда ведь? Он остался сиротой. Он пишет жалобные открытки. Его, наверно, нету дома. Не может же он до часу спать? Чем он отличается от коня? Его не надо кормить и он не "да-да". Мы в комнате живем втроем: я, он и велосипед. Не считая собаки.

Перевод с Эренбурга: сдохнуть от тоски. Но выбора не было. Я выбрал наименее интересное.

— Мы не желаем сопровождать ваших персонажей в уборную, и нам дела нет до того, как ваши женщины ведут себя в постели.

И вместе с тем:

— Поверьте мне, мост через эту пропасть есть, существует, и он называется — фаллос.

Фаллоцентричный индивид ухмыльнулся на 116 странице.

— Пришли мои шефы. Вон тот в очках — зав отделом, пишет под псевдонимом Свободин, настоящая фамилия его — Либертэ: пострадал за космополитизм. А этот — зам главного редактора — тоже сволочь порядочная.

тут вы можете ехидничать в полную силу

// В СКОБКАХ — слова в декабре 59 г. //

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

9

Так говорил Пименов:
— Вот вы все ехидничаете. Вы все с под грёбцем. Вы не можете иначе.
Театральный критик изворачивается: "Я пишу в Труд положительные рецензии". Ага. Значит им всю патоку, а нам ВЕСЬ ДЕГОТЬ.
//По вторникам, четвергам и субботам / в.ч.с. / ты будешь самая счастливая женщина на свете: я тебе буду читать "Все люди враги" /500 страниц/.
Он был бы разгадавший загадку жизни, не будучи миллионером. По вашему календарю. А ваш календарь не врет?
Поплавок в тарелке с супом. Было 1125 слов на тему, такая маленькая изящная книжечка. Где все это? Был где-то "Бернард Шоу плавает". Где все это? Только бы раз тебя увидеть. //
Он нашел кому в ножки кланяться. Он нашел перед кем снимать шляпу. Он знает кому мыть ноги. Но говорит об этом так назидательно, что можно подумать знакомство состоялось 14 дней назад. Бог с ними, не связывайтесь вы с ними. Он говорит: монополист Кашкин загнал в гроб Кривцову и Ланна. Это же подло! Обидел хорошего человека. И оскорбил он доброго монаха, который книги жег на площадях.
— Вот раньше преподавал Бояджиев, а сейчас кто? Силонян. А кто такой Силонян? Бывший комсорг. Тут вы можете ехидничать в полную силу.

249

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

10

Georqes Simenon

LE PRÉSIDENT

Presses de la Cité 1958

p.248 A quoi bon lire encore les souvenirs des autres? Cela ne l'intéressait plus, aucun livre, et en aurait aussi bien pu brûler toute la bibliothéque.

p.244 Si l'inspecteur de garde les observait par la fenêtre, il devait être surpris de vair le Président et sa secrétaire penchés sur le feyer où ils jetaient des papisrs qai faisaient de hautes flammes ronflantes.

p.232 La vérité, c'est qu'en son for intérieur il avait décidé qu'il était parti. Il n'aurait pas pu dire au juste à quel moment ce détachement s'était produit, sans doute à la suite de l'étrange exploration qu'il avait accomplie pendant qua sa carcasse restait immobile et qu'il en était momentanément délivré.

p.64 Elle avait de gros seins dans une robe trop serrée, et, quand elle sortait, une fois la semaine, elle se maquillait comme une fille de maison close. De sa fenêtre, un soir, le Président l'avait vue sous l'orme, troussee jesqu'à la ceinture, se tenant à deux mains au tronc de l'arbre, et qui faisait placidement le bonheur d'un des policiers.

p.107 Aurait-on l'idée, à sa mort, de feuilleter ses livres un à un avant de les envoyer à la salle Drouot pour y être dispersés par les commissaires-priseurs?

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

11

Конечно, мне это помогало, потому я этим и занимался. Еще б какая сила заставила?

Повторение приходится отменить при помощи дайджеста или разрезки. Таков ритуал. В этот вечер беседа не состоялась и последнее слово не было записано.

Чужой звук.

Слово "дуу" я услышал в заснеженном скверике и поморщился, как от зубной боли. "Спешал инглиш", ничего не скажешь. Сдохнуть от первого впечатления. Привыкнет.

Привык. И она тоже привыкнет.

Привыкла. В одном доме она целый вечер слушала, — и — представьте себе — н и ч е г о. Следы минувших событий составляли канву. А прошедшее время хорошо только вместо будущего. Везде надо заменить на будущее. ВАШ МОНТАЖ?

Монтер дал указания, а потом на его лице был написан священный ужас. Сам Гачечиладзе наговаривал эту ленту. Без армянского коньяку на грузинском столе не поймешь этого интернационалиста.

Акимов, а не Антипов написал "Оду про АНТИПОДА". Почему "анти"? — спросил он скорее себя, чем собеседника. Современник ему не ответил. Такой теперь прощальный р и т у а л.

Большая четверка встретила нас в переулке. И тут 4. Четыре, четыре, всюду ч е т ы р е . Бзик у них у всех на "четыре". Еще отзовется. Еще не так будет. С этого только началось.

Макабричность не коллекционируется. А жаль. Вот дата. Я и этого не смог избежать: без даты. Я сделал вид, что обиды не заметил. Вот и всегда так.

Странный роман — "Свет погас".

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

12

Меня раздражала настойчивая попытка возвратиться к кинофильмам без немецкого языка.

Инферналка-интерсексуалка поссорилась со снобом-ксенофобом. Вот как это происходило. Когда это было? Это было так давно, что они успели 20 раз помириться.

Мы читали про розовый период у художника Домье-Смита, и нам всюду мерещились щели и дыры. В щель! — сказал голос писателя в 49 году. Дырка от бублика! — сказал скандинавский модернист. А когда это было, я уж не помню. Синьор сделает из меня фата-моргану. Фаталист из него не вышел. Фата-моргана, по-моему, тоже. Но вам лучше знать.

Виолончель сказала про уста, а я не понял слова Лидки Мартовой насчет "из одной грязной что-то в другую".

Кафе сияло огнями. Лес шумел, река играла, поезд грохотал, я ковылял, она молчала, но впереди огни, но все-таки впереди огни. Николай Агнивцев нам читал такие стихи сначала в кафе "Леда", а потом в ресторане "Лебедь". Но про кофе лучше всего актриса Гоголева. Слова в марте?

Я вас узнал по бороде.

Автограф великого танцора не произвел огромного впечатления на графологическую экспертизу. Это что, ученик 5 класса писал? У всех полицейских комиссаров такой почерк. Что вы хотите? Оттого-то комиссар Мегрэ и запросился в отставку, когда пришли в отдел стилисты-академики с китайским почерком. Рисуют, ну прямо картинка, а не протокол.

Осиновый кол снится 8 колоннам британского музея. А на углу Гайд-Парка мы встретили знаете кого?

252

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

13

Я вспомнил ксенофоба. Он вообще не враг застольных подарков, он только не любит, когда подарок дарится не ему, а кому-то другому. Именно так. Один штрих к старой картине, и картина загублена. Я ему сколько раз говорил: во-время остановиться. Он рисует хорошо, но не умеет во-время остановиться. Из-за этого всего его рисунки испорчены множеством ненужных штрихов, которые он нанес на бумагу уже тогда, когда один рисунок был закончен и нужно было приступить к другому.

Рисунок пером.

Я купил маленьких крючков и отправился на Истру. Мне казалось, будет рыбалка как на первом озере в жаркий день последнего лета. Удочки выброшены. Удочки я подарил Павлу Куренскову. Учебник обществоведения был проштудирован только до 4-й страницы, но я на этом успокоился. Огни большого города мне были знакомы по первому путешествию в большой город. Но все равно, старая жизнь кончилась. И 500 рублей выиграла облигация, и мама сказала: твоя облигация, твой и выигрыш. Но ты его получишь в сберкассе и будешь брать по-немногу и будешь аккуратно расходовать: больше рассчитывать не на что.

Мадригал был жидкий и не по адресу. Я его не взял и хорошо сделал. Теперь все так. Какой-то тайный смысл вдруг представился, когда он закрыл глаза, и я понял, что я сижу не на своем месте. Свинцовая бумага нужна для такой мысли.

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

14

Крутой берег с обрывом — живописное место, хорошо выглядит на фотографии, но я знаю: неудобно вытаскивать. Есть ли внизу песок? Можно ли там сидеть? Я поставил велосипед в кустах, нет, не в кустах а в траве у обрыва и спустился с удочками вниз. Я видел лица мальчишек, но не допустил того, что они могут снять с велосипеда насос и таким образом ограбить велосипедиста.

Доктор Щербина — это она или он? ТЫ знаешь такого? Или такую?

Такая линия, несомненно, была, и я ее связывал с цикутой. До сих пор не сварил клейстер. До сих пор не могу понять, чем кончилось наводнение на Неглинной. Другие берега. Клубника с молоком. Описание письменного стола.

Так говорил ПОМЕР. Не я его слушал, но мне понравился рассказ.

‘I used to say: I paint for myself.
Then I found I had several selves.
I’ve got the self that the Yank liked
and the self that painted a picture of
the fair this morning. In a way, I’ve come
back to where I started, but I’ve been
changed going places, and the places too‘.

Совсем неважно, милый мой, что ты при этом думаешь.
Нам важно видеть 14 готовых рисунков, а он любит
теоретизировать и говорить вообще.
Слава Богу, что не о замыслах. Это было бы ужасно.
У меня вон какие замыслы, а у вас?

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

15

It was not like the thrashing of the night before, when she bucked beneath him like an infuriated horse or a beached fish. Now she was attentive to the point of trembling and because he felt that one thoughtless moment would send her slipping and sliding away from him, he was very attentive, too. Her hands moved along his back, up and down, sometimes seeming to wish to bring him closer, sometimes being tempted to push him away, moved in a terrible, a beautiful indecision, and caused him, brokenly, deep in his throat, to moan. She opened up before him, yet fell back before him, too, he felt that he was travelling up a savage, jungle river, looking for the source which remained hidden just beyond the black, dangerous, dripping foliage. Then, for a moment, they seemed to be breaking through. Her hands broke free, her thighs inexorably loosened, their bellies ground cruelly together, and a curious, low whistle forced itself up through her throat, past her bared teeth. Then she was checked, her hands flew up to his neck, the moment passed. He rested. Then he began again. He had never been so patient, so determined, or so cruel before.

p. 139
Another Country

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

16

Что-то такое пробилось мне в душу и застряло там со страшной силой на 5 минут. Мне захотелось написать доброе письмо. Так-так. Именно так. Не дальше ритуала. Блеск был с утра пораньше. И обязательно если облако на голубом небе, тогда золото блестит на церковном куполе под "Причастие" Ингмара Бергмана. Шведские заботы. Заботы одного знакомого шведа. Это еще до поездки в Швейцарию.

Все разговоры свелись к перечислению историй от Деникина до Новочеркасска. А вы знаете, что там было? Нет. Ну как же. Тогда я вам расскажу. Вот тогда я понял, как трудно войти в чужие заботы, и как далеко мы ушли от шведов. Вам не понять. Вам не представить.
Вам и не снилось.

Воздух свободы стоял за столиком в ресторане аэропорта. Как жаль, что вас с нами не было. Но мы написали вам письмо.

116-й Угол Влево разрешил нам читать этот роман Джэка Линдсея. Спасибо. С вашего позволения мы так и будем делать.

Не надо переступать через лежащие на земле удочки. Это первый закон рыбной ловли. Почему? Ловится не будет. Зачем они все пальцем крестики пишут перед тем, как окунуться в воду? Так надо. А то утопнешь. А то Бог не спасет. Школа сгорела.

Если там были такие заботы. Помню жест с сумочкой в библиотеке. Если там были такие работы. Помню чехол на пишущей машинке. Если все это окончилось пшиком, то сам виноват.

Вот что значит, человек загорает не столько от солнца, сколько от воздуха. Месяц в деревне. 30 дней на 43-м километре.

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

17

Ее детство прошло в обстановке с этими книгами, и они несомненно повлияли на нее. Она с таким вкусом произносит "испанский башмачок". А велосипед — что? К велосипеду она равнодушна. Я пересказываю чужие рассказы. Я знаю, что это нехорошо. Уж лучше б я читал свои книги.

Коричневый драндулет. Оскорбительное предположение. Художник был явно озабочен. Купил толстой бумаги и вот. Отправил маму в больницу и вот. Это что, Андрей отправил жену в Англию, а сам приходит в кафе и скучает. Это что. Подклеенные страницы, покоробленные и запачканные, носились в кармане и всем показывались. Я не знал, что "потерто на сгибах от ношения в кармане" — самый большой комплимент для стихотворения. Мне хотелось его видеть в нетронутом, только что перепечатанном виде.

Олег загрустил. "Жаворонок" не дотягивает до "Современника", а тоже афиши коричневого цвета. По мысли Шекспир и даже Жан-Батист Мольер. Так действует флакон для ращения волос на лысого мужчину. Она знала.

Коридоры отчаяния. Мы их проходили, ни разу не встретив ни одного символа. Сосульку никто не заметил. Я заметил двух пейзажистов. Это было рядом с цитатами из пана Мариана Эйле. Ни разу не разрезал. Ни разу не подклеил. Папка роскошная, доклад так себе. Тут висели на двери стихи, пришпиленные кнопкой. По этим стихам и определяли, где живет актер Овацкий.

Вдали в дымке голубого тумана возвышалась вершина Чимбарозо. Чемордачка не приснилась. Приснится еще. Погоди.

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

18

"No", said Dick loudly. "No. I won't say socialism solves anything automatically.
It may even make some of the problems worse. In fact, I'm sure it does. I was looking at some Soviet paintings and it hit me a wallop. This is not just bad art, it stinks. When the senses go so dead, only the devil knows what hard hearts and rigid minds are hiding behind 'em."

So much for Jack Lindsay and his "A Local Habitation".

The accredited agent Number 116 is responsible, not me.

The same fairy tale. Mister West did his best. Mister North laid the cloth. Mister South burned his mouth with eating a cold potato.

Огромное усилие, и мы отвлеклись от взгляда вкось. А впереди поднималась в гору девочка вот с такими ногами. Комиссар показал ладонью полтора метра от пола. У жадности глаза велики. Но я понимающе промолчал. Лена Негневицкая смотрела в сторону. Саша Курепов разучивал новую роль в кукольном театре. А то бы он прокомментировал этот дружеский отчет о путешествии по далеким странам.

мягкая посадка на Венеру

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

19

"Записки чудака" в таком виде: еще раз про "делайте под себя". Просто подарок ко дню рождения. Макаров прошел мимо и почти не заметно. Больше можно и не читать. Именно. Привык и я. И я перестал обращать внимание. Разумеется, первый читатель Джойса. Разумеется, единственный критерий — про вас, но не для вас.

Все остальное не было мыслью.

МЯГКАЯ ПОСАДКА НА ВЕНЕРУ

12.5.69

Именно этого не надо было делать.

С этого и начались новые заботы и старые затруднения. Метаматематик не обратил внимания, но Приходи-Моя Крошка не забыла.

Рыцагский жест с галантным поцелуем руки — вот и он так читает чужие диссертации. Господин учитель не прибавил ни одного нового слова, а его рассказы о Евтушенко прошли мимо страдающей бомбы. У нее — у Стра. Бо. хватит своих рассказов.

Миговая тюгма еще раз.

Четырехэтажная тавтология перескочила через мандражную фиговину, но не попала в затоваренную бочкотару. Но тут уж не я виноват. Она виновата. Она — живородящая проехидна.

Фирма и фонд фирмы "А.Б. Лимитед" не принимали никакого участия: с нищих, что с них сжулить? Вот как раз это и произвело не то, что жалкое или неприятное, но во всяком случае несолидное впечатление. Присылайте нам членские взносы. Ах вон что, они же еще и нищие. Они же еще и побираются.

Нет, не простят ему то, что он бескорыстный человек. Впрочем, Евтушенко его книгу в ФРГ простили. Пока.

259

ЕЩЕ ОДНО СОЧИНЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

16.4.69

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS

20

Еще раз "почитатель органической жизни". Выбросить надо эти картинки. Как и приклейки в "Поплавке". Я подарю тебе один подарок. Значит — вы не нашли читателя. Не нашли, и все, и это очень печально. Если бы это остановило писателя, тогда было бы совсем плохо. Но вы же продолжаете. Дышите. Продолжайте дышать. Дышать — это вам нужно как воздух, я понимаю.

Была хорошая книга "Папиркунде". Еще бы одну купить такую книгу. У него другой подход. А у меня истощилось терпение. Теперь уж я из Сименона цитат не выписываю.

У этой бумаги такой вид. Улыбнитесь. Это еще не заклинание, но уже похоже на молитву. Не доходят ваши молитвы. Помяните меня в своих молитвах. Меня уже никто не спрашивает: "Ты не забудешь? Ты не забудешь?"

Стихи. Стихи, которые не утешают. Стихи, которые утешают только человека, который написал эти стихи. Очень жаль мне тех КОТОРЫЕ. Я испортил дело балаганом. Где-то была шутовская сторона. И в голову не приходило.

Почему-то не было саркастического замечания, оттого и лежит до сих пор на видном месте. Профессиональный революционер. Говорили когда-то.

Еще одно сочинение неопределенного содержания.

9

Какая звезда, такая и езда.
Как верно здравый смысл наро-
ДА ЗВУЧАНЬЕ слов определил.
Недаром верно от ухода. Недаром.

Вот уже и земляника не играет на эту поляну. Антиподы не понимают северной природы. Для них земляничная поляна в жаркий день — пустой звук. У них каждый день лето, и каждую ночь улыбки летней ночи.

Осторожно выраженная мысль на 78 странице. Что ты будешь делать с этой осторожно выраженной мыслью? В Швеции самый высокий уровень жизни, НО и самый высокий процент самоубийств. Вот эти "НО" тщательно разрабатываются, и экономическая проблема смазывается социально-этическим вопросом. Затерялось. Как и та цитата про язык кино: от картинок в мозгу прямо к эмоциям в зале, минуя слова, а значит и интеллект.

Интеллектуальная героиня Ингрид Тулин хрипит, выгибается, сучит ногами, икает, и с ужасом на нее смотрит советский критик Р. Юренев. А что сказал В. Гаевский про "Молчание" Ингмара Бергмана?

1 le pouvoir plus l'électricité

261

Слишком много выходит на второй план. Это отвлекает от самого главного, что должно стоять на первом плане, но почему-то не стоит.

Расколотое на две части лицо при помощи двух рун сообщает портрету польскую плакатность, но для этого нужен точный рисунок и хороший портрет.

Удочки под крыльцом. Ты не забудешь? Селедка на окне. Ты не забудешь? Что-нибудь в этом роде и должно было соединять абзацы самого краткого дайджеста по "Кислому вину". Стихи почему-то исчезли. У нас уже утро уничтожено "Улиссом". А за это время пропала подборка на самом большом формате.

Ничего не поделаешь. Такие счеты, такие противовесы. Она тоже была необходимый член предложения и неизбежная часть речи. Он — сложноподчиненный человек. Я этого не понимаю! Звучит гордо и вызывающе.

А что обо мне сказал бы Зигмунд Фройд? То же самое, что он сказал о рисунке Сальвадора Дали в пересказе Томаса Манна. Я тоже не помню, но было такое.

2 le pouvoir plus l'électricité

262

Именно это работалось таким образом. В продолжение текста, прочитанного в кафе против театра Вахтангова.

Странный текст про Марселя Пруста был написан 10 лет назад. Все слова пришли на голубом накале и поражают своей неопределенностью. Сколько я туда ни добавлял объясняющих фраз, от этого ничего не изменилось. Читатель требует логичности, автор не понимает логики своих эмоциональных нагромождений. Все это было бы смешно. Такого краткого расстояния между множеством размышлений не найти, но и искать не надо. Почему такой резкий тон? Но уж слишком резко. Это слова Ю. Сваричовского.

Неизбежная часть речи. Как Пименов в "Театре". А где у Вас было про театр с Поющим человеком? Где-то было. Эта история не должна тут фигурировать. Вот и все.

Ветка Палестины умчалась на генералку.

3 le pouvoir plus l'électricité

263

Легли на сон. Именно так и звучит у Марины Цветаевой Тихий Дон. Такой белый дон Кихот, про которого надо было швырять стихи пока не написаны земные приметы. Все, что я делаю, я делаю хорошо. Обожаю богатых. Если не можешь быть красивой, будь богатой.

А трамвай не здесь останавливался. Мы с Шуриком Шелепиным три года на одном избирательном участке работали.

Озеро недалеко от станции Подсолнечная с Ленинградского вокзала. Такая маленькая книжечка в издательстве "Московский рабочий". Окосевшие и опупевшие оскорбились.

Красный поплавок с белым пером на черной воде — это, конечно, красиво, но рыба видит его за два квартала. Вот поэтому и не клюет. Но еще загадочней стало, когда Иван Павличенко взял мою удочку и на своем месте стал ссекать ласкирей. Это какое-то колдовство. У него в руках и на плохой крючок ловится. У него клюет и на плохом месте. Но он не позволял шагать через удочки. И он всегда плюет на червяка. А то ловится не будет. Баба с ведрами дорогу перешла.

4 le pouvoir plus l’électricité

264

Фантасмагория начинается с конца: н а с у ж е н е т.

Европы больше нет. Советского Союза больше нет. Америки больше нет. Одна Антарктида. Да еще обреченная на умирание Австралия. Люди чинно стоят в очереди в крематорий. Айхенвальд пытается пробраться без очереди. Его не пускают.

Четыре черных кадилляка везут цветы на могилу САМИ-ЗНАЕТЕ-КОГО. За ними катафалк. В гробу лежит последний полководец. А за гробом продвигается белый кадилляк. В нем сижу я. Я сижу один. Меня задерживает военная полиция. Я объясняюсь в полиции. Я страдаю дальтонизмом. Зашел в гараж, взял машину, перепутал кадилляки.

Последний берег без первого абзаца.

5   le pouvoir plus l’électricité

265

Океанография в тихом переулке на Остоженке. Обещали 27 градусов по радио. Рассказ об уюте и авторитете. "Про", конечно, лучше. Я пришел в ужас от фильма про экзему.

Typed various nonsense. Just the answer.

Uproarious laughter.

Only the usual crop of scandals here among the yarrow and the campion. (p.155, A Local Habitation by Jack Lindsay)

People making love in the streets, and London famed as the cesspit of the world. The final fall of the British Empire. Such is the grim and grisly fate that awaits us now that the film "Ullysses" has been granted a license by the Greater London Council.

Кинофильм про крестные муки. Ну, разумеется, тут нет Понтия Пилата. Казненный сын усомнился в своем отце, отец его оставил, а он так верил отцу.

Зачем это вино из одуванчиков попало в повесть о континентальном климате? Вставная новелла. Капризы потому что. Упрямство тоже. Вот уж ничуть, вот уж ни капли, вот уж нисколечко. Значит, продвигалось что-то другое.

Мало цитат из Джойса.

6 le pouvoir plus l’électricité

266

Просто определенное количество, и больше ничего. Все было построено на неупоминании одного слова. Странное построение, ничего не скажешь. Вот эти три абзаца. Уходит напряжение. Простая случайность. Если и это не имело значения, тогда конечно. Заметно другое. Бледная краска портит рисунок. Чего он там встретил, неизвестно. Но озабоченность, но отступления, но постоянное возвращение. Что-то в этом роде. Похоже на странную жадность, которая потом потеряла смысл. Неинтересно. Ушло. Раньше было иначе. Совершенно непонятно, как это получалось.

Это верно. Совершенно непонятно, как это происходило. Мало того. Если что и произошло, то неизвестно когда. Впрочем, в самом широком контексте все будет ясно. Только вот этого контекста, видно, увидеть нам не придется: ни мне ни тебе. Про тюрю это он первый сказал. Я про тюрю ничего не говорил.

Кто же такие вещи замечает? Деловой человек меньше всего. Там про усталость было хорошо. И про метонимию. А бабу сняли, удалили, и троллейбус переменили. Вот беда. Откуда он взял косой взгляд у Пушкина? Впрочем, у него и Лев Толстой на кого-то смотрит вкось.

Что-нибудь вроде "воробьи купались в луже". А лужа на асфальте осталась от вчерашнего дождя.

7 le pouvoir plus l’électricité

10

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

21

Все было осмыслено таким образом. Возможно. А он умер не от арабской пули. Киплинг умер в своей постели. Может, это случилось с его другом. В этом и есть истина. А эта шлюха так от него и убежала? Она великая художница, поэтому быть человеком для нее необязательно. Она тоже. Лишь в этом решенье задачи: сказать это для других. А самому можно быть гадом и сволочью. Так вы все думаете? Но некоторые так и делают.

Какой-то пошлый м а д р и г а л.

Вот уж несусветная перекличка.

КАМЮ, ОДИН КАМЮ /имел дату 13.2.60/. Но на самом видном месте стояло "Бзик". Ничего нельзя придумать — все воруют. Страдания Ба Цзиня. Жюль Ромэн? Нет колдовства. Андрэ Моруа? Академик! Все что ни скажете, он напишет. Одна хорошая книга — "Дизраэли". Жионо? Но это, в общем, неважно. Но есть же Жироду! Заржали, возражая: не может Жироду. Но кого же вы читаете-почитаете? Никого, кроме Камю. Роже Перифит? Он пишет анти-папские книги. Франсуаза Саган? Но. Это же девчонка! Веркор? Одна хорошая вещь — "Молчание моря". Селин? Да, Селин — это хорошо. "Любите ли вы Брамса"? Да, нет, это плохо, как все остальное. Но почтительно говорил про Марселя Пруста. Эти трое французов, ребята очень читающие, только тем и занимаются.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

22

Оттого что это перекликается, мне казалось жутко ненужным. Рано ты начинаешь стучать. Загадочная сторона в новизне: что-то можно ждать, что-нибудь новое. Неожиданное признание. Ненужные хлопоты. Я все больше склоняюсь к старому пейзажу. Книжный шкаф, томик стихов Надсона, открытки с портретом Комиссаржевской.

Назвать достаточно. Смелость была связана с другой бумагой. Таков был ритуал. Забавное занятие. Я не знал других трудностей. Уж больно мелкий шрифт. Что поддерживало. Вон что. Туманные повороты. На самом деле мне это и было важно.

Можно спокойно выбросить на помойку.

Чего больше: изучения языка или ерундистики? Я изучаю язык, мимо которого всегда проходил мимо с несокрушимой уверенностью, что он мне совсем не нужен. Это про коридоры власти того толстяка, который на газетном снимке примеривал кавказскую бурку. Чарли сам неплохо пишет.

Как только остановился, так вот и пошло и пошло. Придется принимать экстренные меры. Оставить. Выбросить. Перейти на другие. Требования к себе колоссальные. Ни разу не посмотрел. Еще раз рисунок пером на полях неудачной рукописи. Узкие колонки английского текста. На какой бумаге? С тоски будешь читать Бодлера.

Я оживился на той странице, где был упомянут копировальный пресс.

Все это видно потом, но к сожалению, не видно вначале. Похоже на рисунок. В ожидании чего-нибудь такого.

Они чувствуют себя наследниками этого имущества. Ну прекрасно. Такого я еще не видел. Не было уверенности. Тут каждый шаг строится на уверенности.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

23

"Ревностный почитатель органической жизни", я боялся употреблять такие слова.
Это же плохой перевод. Так же нельзя. Смысл, который вкладывался потом, существовал и тогда, но он вкладывался в другие слова. Теперь я знаю, в каком районе искать:
1 апреля_59 года. Значит газеты за конец марта 1959 года. Французы появились в феврале 60 года. Странным образом почерк напоминал новеллу, а новелла была как ходячая монета.
Р и т у а л. Такой абзац. Не выйти. Это и была "Последняя лента" на французском, и я ее тогда переводил. Хорошее было время. Чепуха какая-то.

Конец абзаца был препятствием. Конец абзаца стал целью. Теперь я вижу.

КОНЕЦ АБЗАЦА.

Бремя страстей человеческих в английской литературе 80-х годов 19 века. Роман Киплинга "Свет погас" /1890/. Нас удивляли одинаковые знакомства. Чашка чаю. Сцена из чужого романа. У кого брали журнал? Вот так же и он записывал, а потом пришлось отвечать. Зачем это?

Ансамбль солистов. Салистра на Арбате. Он подметал квартиру веником. Я уже не следил за траурными объявлениями. Жутко перекликнулись слова о Жутовском. Эстрада была хороша новыми возможностями. Меня на свадьбу не приглашали. А на таком формате я больше не пишу.

Кони рванули, и председатель все время оглядывался. Была бригада. Была бравада. Рисовать стало невозможно. Все время мучил голод, но еще больше ревность. Он был в плену.

От количества слов не зависело.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

24

ВАШ МОНТАЖ: странное дело преображается от дополнительных усилий и все время отходит от переплетного эквивалента. Черновик четвертого варианта: про кофе, конеч-
НО. И вот прыжок /нудистки в холодную воду на глазах зануды из театрального романа/ и вот летит. Не жалейте летчика: тут-то и полет. Такой вольный сын магнитной ленты: ни дня без забытой Ленки.

Лошадь у озера была стреножена, а не просто спутана: путы легко снять, треногу трудней: она может лягнуть ногой, лошадь у озера.

А он смял и засунул в карман.

Я читаю старую стенограмму с машинкой, и мне в общем грустно. Той цитаты про "созидателей своей вселенной" я так и не нашел. Тогда приходится пересказывать и ухудшать. Готовый текст тоже невсегда улучшается от такого чтения, но по крайней мере есть надежда, плохой ужин, хороший завтрак. Он поздно встал и на дороге застигнут ночью Рима был. В тот Рим вела в тот год только одна дорога. Это про кино. Про кино мы читали, про книги и про Москву. То, что мы узнавали о Москве, и есть дайджест по Зацепе.

Я видел вырезку из ее архива. Красным карандашом по линейке подчеркнуто одно, синим другое, стоит номер и какие-то буквы и цифры. Вот как надо работать над языком, а то вы.

Была в том веселая тайна, что просто поносом зовут. Бред, конечно, но какой заразный бред. Заразительно звучит интонация чужого голоса. Она начиналась с пародии, а кончилась всерьез. 4 красных цветка, по одному на каждую из 4 эпох.

271

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

25

Мешала эстетика чужого восприятия. Она всю дорогу мешала. Вот когда я подумал о том, чтобы проверить записи насчет катушки и дорожки. Да, но потом сорвешься и чего-нибудь скажешь из того, что решил не говорить. Минута накала, которая наступает на 14-й странице, на второй или на третий день обычной работы над наводнением на Неглинной. Из таких минут и создается новое. Потом окажется, только такие куски на таких страницах и имеют значение. Все равно, нет подхода к уже написанному произведению. Все равно, не сохраняется первоначальный интерес.

Он читал, кажется, "Рычаги". Я хотел взять для этого "Череп". Это же легко сделать графически. И тут простор для разрисовки разными чернилами. Котелок с рыбой — великая вещь. Такие удачи бывают один раз в 10 лет. Вот стоит дата — 14 февраля 1960 года. Казалось бы, возьми все слова, написанные в тот месяц, и ты получишь что надо. Нет. Нет, не получишь.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

26

Увы, всего этого нельзя прочитать за один раз. Что-то сковывает со страшной силой. Я удивился: как мало по-настояшему криминальных слов. Я удивился: как много слов, которые можно взять и переписать в любом количестве. Вот удивительно. Взять Джеймса Джойса по-русски и выбросить все неудобопроизносимые слова — вот тебе раз. А что останется? Почти все. Очень многое. Самое главное, что составляет единство этих 14 кусков. Единство, новизну и даже силу. А то какая бы еще сила заставила, а?

Хочу как Дега — рисовать по клеткам. Хочу впасть в детство — получать удовольствие от чтения "Когда спящий проснется". А я не могу читать эту великую книгу. Меня бесит, что я не получаю удовольствие. Еще 4 года тому назад я читал ее с интересом, а сейчас и раскрыть не в состоянии.

ЦинандАЛИК № 1 — это плохо. И я разорвал. Я сообщил новый телефон открыткой с уголком Гайд Парка. Я думал когда-то: буду стариком, уйду в мир элегантной культуры, буду читать великие книги, которые не успел прочитать раньше.

Одна водородная бомба заменяет все бомбы и снаряды, взорванные за все 4 года второй мировой войны, и вы все знаете это, так о чем же говорить. Это было по-английски. О пулемете было по-немецки. Выходит, что ничего нового я сказать не могу.

Только забывчивость и помогает резвиться кроликам в загоне. Баня — так называлась маленькая избушка в конце сада у старой яблони. Однажды я там открыл множество заряженных патронов от винтовки. Отсюда удобно было вести огонь по улице между церковной оградой и домом купца Чумакова.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

27

Я думал, что от полета зависит. Полетом тут всегда называлось отсутствие черновика или любого текста перед глазами. Полетом тут всегда называлось только то, что делалось по памяти. А прочитанное влияло больше всего. Ну, условно полет, конечно.

Мне всегда казалось: тут останется что-то неуловимое, что я хотел уловить и не уловил. Забавно знать. Девятый месяц 56 года. Эстетика моментальных подборок. Не надо обращать внимание на смешную сторону старого перевода. Воспринимай мое чтение как передачу из приемника. Ты же не станешь с диктором обсуждать, как это ужасно: все ему изменили. Вот на чем мы остановились.

С полоской цветной бумаги — лента зеленого крепдешина для Агаты Кристи — больше всего огорчений. Я вдруг утешился старой книгой. Но лучше всего было уходить в Уэллса. Он постоянно присутствовал в год классовой борьбы в станице Вешенской на Дону вместе с Майн-Ридом. Я до сих пор помню сад, где был, по словам Сергея Волкова, зарыт ящик с оружием.

Читать микрофильм надо привыкнуть. Почти как читать журнал "Современник" в кинотеатре "Спорт" на улице 10 лет Октября. Тишина нужна была. Тишина. Я ей не смогу рассказать об этом доме на углу. Семен Владимирович не отказался бы услышать нерассказанный рассказ, но у него были бы свои соображения. Может, и внучка поступает в МГУ.

Ты знаешь, как все это называется у Андрея Белого? Жалко, придется бросить. Обработав весь этот материал, можно было бы сделать хорошую книгу. А так придется бросить.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

28

p.186 CORRIDORS OF POWER

I asked, where was her husband, what had happened to her marriage? She shook her head.

"I’ve got to tell you," she said. "It sounds ugly. If I heard it about someone else, I should write her off. I know I should." She said that, besides Roger, only her husband’s parents knew the truth about him. It was to be kept a dead secret. Then she said, flat and hard: "He’s in a mental home." It wasn’t certain that he would get better, she said.

275

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

29

Я могу играть на расстроенном рояле. Это вообще ужасно. Способность восстанавливать утраченные силы. Мне понятна. Тут что-то есть от знакомых состояний. Вместе с тем, согласен подчеркнуть и разницу. Два друга. Один хвалит другого. Так нужно. Это и хорошо. Шутка мастера. Но не до такой степени. Жуткая бумага.

Я остановился перед витриной и закурил. В магазине можно было купить элегантный ящик с набором масляных красок. Он, наверно, как-нибудь у них называется. Но для нас это недоступная роскошь.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

30

The struggle in between, including a sex battle with beautiful Christine Auger, gets droopy in patches, but there are lots of lovely and imaginative touches.

Occasionally, one feels, a little more editing of the natural speech might have been better. I mean, it has to be . . . really you have to sort of read it sort of carefully, you know, before you can, well, kind of grasp the thought, I mean, behind the sort of, you know, how people talk, maybe.

LES BICHES is a film about two lesbians reviewed somewhere in February or January 1969 by Nina Hibbin.

If I were a millionaire it would amuse me to go about giving high-minded artists £500 a year to shut up. The suggestion is not copyright.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА
’72 7¾ 21¾!§’$272

31

Я пишу с таким трудом и так медленно, что мог бы ограничиться одними иностранными цитатами. Авторские права в данном случае не защищаются. Патент на это не взят, всякий может воспользоваться. Кажется, все варианты всунуты для полноты картины.

Насколько я его понял, он запоминает интонацию и ход интонации во время своего собственного рассказа. После этого может пересказать или записать. Но все равно это не метод для всякого другого рассказчика. Юрий Карлович Олеша пользовался непререкаемым авторитетом в кругу Ираклия Андроникова. В тот год веселая погода стояла в кафе "Националь": заходил Светлов, заходил Олеша, один раз даже был Сельвинский. Не знаю, после этого ли он написал стихи про водород.

Вот уж ни к чему, так ни к чему. Это как 10 копий из-под машинки с латинским шрифтом. Я так и не вспомнил, по какому поводу. Я делаю вид.

Нет, все-таки один раз заглянул в словарь.

278

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

32

В любом случае, магнитофон вошел в их жизнь в эпоху "Кирпича". Я думаю, что такого текста у Оли нет. Это был разговор вдвоем, и он никому не показывался. Мне грустно на тебя смотреть.

Дура, умница, сволочь, божественная душа! Не надо меня приглашать к покойнику, я сам покойник. Ничего. Ничего. Ничего. С таким же успехом я могу портить и чужую бумагу.

Дубы. Дубы. Дубы, у которых верхние ветви такие же черные, как у тех же верб и тополей, когда их вымочил дождь. Они меня отвлекли, и это меня взбесило. А я сказал совсем про другое. И это всех раздражает.

Мне душно в книжной лавке.

Вас мало уцелело. А жаль. На перекличке дружбы многих нет. Да и самой переклички дружбы нет. Дружба все-таки есть в условном смысле. А жаль. Вас было много на челне. Был телефонный разговор, и мы с тех пор друг друга не видели. А жаль.

Собака доктора наук мне не понравилась. Тот ураган прошел. А этот еще не приблизился. А жаль. Как дикий скиф, хочу я пить. Он со мной пить не будет. Она тоже. Она пьет только чай и с некоторых пор угощает только чаем. И телефонный разговор — на общих основаниях с темой: и я — СССР.

Да уж что и говорить, хитрый ход. Утрата двух новелл почему-то не повлияла на кислое вино. Клейкие тополиные листочки не простили.

Стоит ли знакомиться с великим русским мыслителем, когда об этом некому рассказать? На реке Амазонке я вспоминаю про огурцы и морковку. Стоит? Стоило для этого уезжать так далеко в Южную Америку?

279

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

33

I read "Evgenia Ivanovna". For a Dostoyevski it is not very interesting and powerful in the limits of Leonid Leonov’s own interests in life. Or rather, in this case, his wife’s. To study it is of no importance, and such difficult reading must be, by a necessity, the study. Only the names is a lot of trouble. To read it for pleasure is impossible. It strongly reminds the words of Valentin Petrovich, the Leonov’s reader in 1934 (see the publication in the Krokodil for that year, you know). I read it with pleasure, but I had nothing to choose at the moment.

Of course, the situation is impossible. His time is up, yours hasn’t begun. How well I understand you!

О Н А   Н Е   А Р Е С Т О В А Н А

34

Of course impossible. But still you are not compelled to read. You can give it as a birthday present to your best friend. My best friend will feel insulted, I know.

Gomrade Sillitoe's joys, let him enjoy himself. With a good luck, "Jivago" is good, Vanshenkin is good, what else do you want? Sic transit gloria mundi. I can't even pity them, why should I? I remember his defense of the right to publish any rubbish one wants to.

And why not?

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

35

У них же все это меняется со страшной силой. Сказка больше учит, чем все великие указания. Куда повернет их конкретное направление? Но все-таки. Но все-таки и дружба и империя и проза: все три плана.

Я посмотрел на это чудовищное нагромождение видимой новизны /вот как Леонов влияет/, и мне стало неуютно. С таким же успехом я мог озадачивать себя интересами 16 века.

Я могу только удивляться той легкости, с какой это делалось.

Хоть чуть. Хоть чуть. Хоть чуть.

The light that failed once more.
I don't see any difference. But difference exists, there is no doubt about it.

Не видно было продолжения. Слова про наводнение на Неглинной воспринимались слишком буквально. А когда отошло, тогда тем более. Чуть-чуть был просвет на другом формате и, возможно, при другом зрителе. Тот подход, который существовал на черновых страницах так называемой детективной истории. Да, не получается ничего. Как жест знаменитого актера.

Не нужно было мне переходить на чужой язык.

Где-то там была ошибка.

Точно боитесь, что вас поймут. Вот о чем писал т. Николаев в 56 году. Ну и все? Тогда мы говорили о стихах. И конечно, читали стихи. Чем же памятен день рождения? Оттого что это было 13 лет назад, нет, не от того. Просто запах у бумаги другой.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА

36

Животом удариться с высоты это очень больно, к тому же. Не говоря уже про позор: засмеют! Уж лучше "гвоздиком"! Но надо же все-таки когда-нибудь научиться прыгать вниз головой. Я встал пораньше, чтобы никто не видел, и пошел на мост практиковаться в прыжках с моста вниз головой. Высший шик — с перил, но до этого нам далеко. Сначала нужно освоить прыжок с плашкота.

Ты заметил, какой у него отверженный вид? Жалко на него смотреть, правда? Он и купается всегда один. И ни с кем не смеется. Все его сторонятся. Потому что он служитель культа, а религия — это опиум для народа.

Мы приехали в чужой город. Нам приходится со всеми знакомиться вновь.

Тебе песню про шпагу пели? Пели. Бывают такие? Бывают. Лопату надо называть лопатой.

Жадность к жизни привела к отрезанному уху. Тут отойдите в сторону и посмотрите на портрет с перевязанным ухом. Ни в коем случае про "уху ты варила". Ни в коем случае.

„Перед нами, экранизаторами
„Куклы", стоят, по моему мнению,
две главные задачи.
Это, во-первых, найти
кинематографический
эквивалент эпической формы
произведения (изображение,
повествование и драматургия),
чтобы избежать упрощений
„комиксового" толка,
во-вторых, бережно обходясь
с историческими категориями,
обнажить то,
что связывает современного
человека с героями эпопеи Пруса",
— говорит режиссер Войцех Хас.
Сцены, которые вы видите тут,
снимались в павильонах
Вроцлавской студии
художественных фильмов.
для чего дельфины 10 стр
283
11
для чего существуют дельфины

284

Для чего дельфины
~~Отава~~ 10 стр

1

Эти слова в карман не положишь.

285

2

Клочки, лоскуты, кусочки — их
хочется соединить. Они из разных
эпох. А мы сделаем из них один
узор. Напрасно искать того, чего
там нет. Но через знакомые всем
предметы не просвечивает то,
что по идее должно просвечивать.
Какие-то намеки на какие-то
события. Не было ничего. Чортов
механизм: то работает, то не
работает. И никогда не знаешь,
когда он начнет работать. Так
что же делать? Ждать, когда он
заработает? Завод у пружины
кончился. Тут загадка на каждом
шагу. Но кому интересны эти
загадки? А потом нагрузку
будешь постепенно увеличивать.
С интересом прочел эту страницу?
Вид настраивал на несколько
жестов. Потом стало не по себе.
С каждой минутой трудней и
невозможней. Следы на снегу. Она
улыбалась. Не помню ни одного
дождливого дня. Рядом стояла
другая страница. В этом все и
дело. Не нужно было трогать.
Хорошо, пусть ни одна страница,
пусть ни одна строка, все равно.
Дело не в этом. Разве не то же
самое было и там? Выбросить.
Выбросить. Я опять хочу что-то
сделать, что не могу сделать.
Выброшенные слова. Этого еще не
хватало! А сил еще меньше, чем
было. От каких слов тут было
отталкивание? Сделать вид, что это
только что написано. Ну и что?

286

3

ЗАГАДОЧНЫЕ СНЫ

Линия

Линия, не доведенная до конца, не выдает. Пусть это сделает кто-нибудь другой. Нет, на такие штуки я больше не соглашусь. Там была жадность. Ну теперь и это пройдет. Я не заметил перехода. Как замыкается цепь. Когда уже нет отступления, когда не может быть остановки. На этом месте торжествовала сдержанность. Чужие события в высшей степени непривлекательны. Тут можно и посмеяться или махнуть рукой или улыбнуться. Я делал вид, что не замечаю, не смотрю и вообще мне безразлично. Для тебя разыгрывали спектакль, для тебя. Что это? Зачем это? К чему это? Ничего не произошло. Если тебе пришло в голову это, то тебе может придти и все остальное. Цепь замкнулась. Линия имела художественное значение. Вот когда простор. Случай: а такси? Простая случайность. Еще раз пройтись по всей затронутой лексике. Ты медлила, ты сдерживалась, ты старалась переключиться. Тебе это легко удавалось. Пустынный безлюдный пейзаж окрашен посторонними чувствами. У зубной боли вдруг моментальное переключение. Покажи и ты наживешь врага на всю жизнь.

287

4

Удаленность точек в момент наивысшего напряжения, но их не существует. Тут каждое слово отталкивает. Нечто неудобопроизносимое, вроде "про неслыханную простоту". Ты когда-нибудь пытался произнести это вслух? На том основании, что бросается в глаза, т.е. нечто плохо сказанное? Удаленность точек ощущается физически в виде предмета, но предмета-то нет. Шел когда-то. Ничего не осталось. Дата теряет смысл. Дайджест теряет смысл. Он уважать себя заставил. Я не нашел адекватного перевода, да, в прочем, и не искал. Не надо было читать. Сбить с толку очень легко. Преодолеть. Фантастика. Так не бывает. Тухнут краски. Исчезают линии. Слова уходят. Вдруг промелькнет картина. Чем-то они ближе. Но и самые далекие сохраняют краски до определенного времени. Почему вдруг "обманула"? Что можно сделать из одного слова, показывает опыт Андрея Белого. Чего-нибудь попроще. Потом вдруг потребность в Мельникове-Печерском. Потом вдруг Мамин-Сибиряк: а уж что дальше, трудно себе и представить. Хорошие книги читает. Все, что уничтожает придавленность. Все, что увеличивает пришибленность. Там нет ничего определенного. Научил на свою голову. Хотел бы я посмотреть на черновик. Да. Эквивалент для чужой картины. В этом доме была жизнь. Что-то важней отдельных впечатлений. Что ей было нужно? Авторская догадка удовлетворяла только автора. Опять пойдут эти. Значит было просто приятно смотреть. Значит цепь замкнулась. Очень было нужно пробуждение. Очень было похоже на старое забытое слово.

288

5

Когда-то я получал удовольствие.
Гильза от снаряда. Тут все было
знакомо. Сновали фигуры. Падал
чей-то взгляд. Не хочу, не
хочу. Сухая дорожка приглашала
велосипедное колесо. Я боялся
назвать это по имени. Лишь
бы ты была довольна. Никто
не взял и не выбросил. Один
решительный жест. Тебе это
ничего не стоит. Не надо
говорить "с раннего детства".
Странная жадность. Тут был удар.
И об этом не надо. Сколько же
это будет продолжаться? Глаза
скользят по строчкам. Слова не
наполнены. Слова пусты. Все это
предназначено на выброс. Линия
шла прямо, потом завернула
налево. Именно в этом месте все
и произошло. Доски погнили от
дождя. Таких дырявых щелей не
было. Щели появились потом. Он
невсегда бывает такой. Свари
мне кофе, и я буду счастлив.
Из под пятницы суббота? Читая
такие книги, еще и не то придет
в голову. Скорей, скорей! Тебе
не хочется выйти на свежий
воздух? Там очень хорошо на
улице. Ваш паровоз летит вперед.
Какая-то заноза сидит. И всегда
это было рядом. Я только этого
не замечал. Преодолеть и все.
Преодолеть и все.

289

6

Любое слово, раз нет ни одного слова.
Я и проехать-то туда не знаю как. Разве
этого недостаточно? Сидели, молчали,
жевали, пили. Ты чего-нибудь понял?
Тут все такое. О чем интересно, о том
ни слова. Ни театр ни книга. За что ни
возьмись. Любым способом избежать пустоты.
Разбито вдребезги. Странные усилия.
Яркая страница мелькнула за 3 секунды
до пробуждения. Мне казалось — да.
Не смотреть, не смотреть. А все равно
ничего не видно. Одного этого достаточно.
Вот именно. Главное заключалось в том,
чтобы избегать неудобных слов. Значит
умалчивать. Еще раз проводи взглядом
уезжающую машину. Еще раз попробуй
сосредоточиться на чужих словах. Они
мешают, а не помогают. В огороде бузина,
а в Киеве дядька. Самогипноз. Он старался
загипнотизировать самого себя. Вот как
это выглядит со стороны. Старческое
бормотанье. Одна нелепость громоздится
на другую. А это ему напоминает то-то,
а это ему напоминает вот что, и пошло.
Жутко. Вот в каком стиле. И так можно.
И таким способом можно далеко пойти.
Резвится парень. В собственном стиле.
Не знаю, что это значит. Звуки мешают.
Звуки отодвигают картину прочь. Трепет
отошел. Было только одно желание: укрыть
лицо от чужих взглядов. Темнота. И это
оказалось ненужным. Жаль, что тогда
была такая плохая бумага. Улыбнись.
Может, подействует. Я до сих пор не могу
опомниться. Странная вещь. Это даже и не
недоумение. Это просто ерунда.

290

7

О свойствах слова. Когда оно обжигает. Буря, вихрь, прожитая жизнь, а вместе с тем — ни слова. Промелькнуло и все. Можно подумать, ничего не было. Трещали дрова, бегали искры, дым, пламя. Все промелькнуло, как молния. Перерождение не состоялось. Потом вдруг достал бумагу и стал лихорадочно записывать случайные слова. Что-то позволяло ухватиться за себя. Было что-то, с чего можно было начинать новую жизнь. Ледяное поле. Круги по воде. Надвинулась пустота. Пустота все заполонила. Взрыв ничего не достиг. Потрясение не состоялось. Но для чего-то это все было нужно. Но для чего-то все это делалось. Звук имитировал другую жизнь. Связать воедино не удалось. Сделать вид. Просто необходимо сделать вид. Скользить и падать. Одна нога тут, другая там. Так когда-то делалась вещь. Видишь, как дрожат пальцы. Взять чернила и ручку и попробовать писать чужие слова. Тоже неплохо. Мы сейчас взнуздаем эту лошадь. Чем объяснялось неожиданное отталкивание? Что было нужно для начала? Так вот где таилась погибель твоя. Треск улетающих кверху искр. Ничего не видели глаза. Там же ничего нет. Туда можно не возвращаться. Веселила только чужая дорога. Забавно знать. Искал ты другое. Искал ты другое. Совершенно непонятно, как все это происходит. Налетает, как вихрь, и так же мгновенно уходит.

291

8

Избавиться от тяжести трех слов на одной строчке не удалось. Не удалось. Тут были свои забавы и старые разговоры. Они забылись. Они исчезли. А потом предметом размышлений стало одно ощущение. Смутное ощущение потери. Не было звучания слова. Слово разделялось на части, и в каждой части искался какой-то смысл, а смысла не было. У страниц про странную жадность была другая окраска. Там была направленность. Пришел, увидел, ничего не сказал. Чем бы эта песня ни начиналась, все равно. А я буду продолжать шататься из стороны в сторону. Ох не так, ох не так. Почему это лежит на видном месте? Просто потому что лень убрать. Ну и что было бы? Провел бы ты этот разговор, а потом как? Важно другое. Такого разговора не было и быть не могло. Я в сущности ищу только такие тексты. И чем дальше отстоит, тем туманней все это. Эпитет "дивная" выражает мимолетность чувства, а вовсе не постоянное свойство. Прояви вежливость, и тебе сядут на голову. Ему мало внимания на его счете? Ему еще нужно? К чему бы это ни относилось. Важно другое. Картина природы. Только тишина. Только тишина. Сколько там было шагов? Сколько там было поворотов? Ты посмотри, какое голубое небо. Ты посмотри, какие яркие краски. Но так глубоко ушло, что не откопаешь. А было ведь, было, было!

292

9

Какого вида лист белой бумаги должен быть заполнен словами? Отшумели и сгинули смолоду. Вот такие слова приходят в голову. Ты все хорошо писал в 60-м году. Удочки под крыльцом лежат наготове. Машина удалялась. Своя судьба лежит опять сверху. Разные способы отталкивания приводили к тому же. Тот же ритуал. Праздничная встреча. А потом будни. Пропасть. Падение. Любым способом. И так можно. Озеро в жаркий день звучит как заклинание. Озеро в жаркий день. Отошло. Не звучит. С таким же успехом мог быть троллейбус в морозный день. Троллейбус в морозный день. Они жили в одном и том же городе. Они дышали одним и тем же воздухом. Казалось бы. И слова одного и того же языка. Чем он был взволнован, когда казался взволнованным? Сломанные очки. Сломались очки. Сломалась СВЯЗЬ. Что-то поломалось. Крутить со всей силой. Разрезать, разорвать, а потом склеить, а потом опять разрезать: какой смысл был во всех этих процедурах? Глаз скачет, глаз перепрыгивает через слова, через строчки. Чем объяснить? Вот так же было и тогда. Ни одно слово. Хуже было. Еще хуже. Странная штука. Тоже нельзя поднять. С мертвой точки надо сдвинуться. Падаю, падаю, скользит рука, не знаю, как удержаться. С трудом по букве каждое слово. А перед глазами та картина, у которой не было продолжения. Я боюсь сказать больше. Потом будет жгучий стыд. И только спустя много-много времени придет равнодушие. Так давалось, в сущности, все. Так двигалась и эта линия. Линии нет, есть пятно, есть переход от света к тени. И сердце замирает. Больше нет сил. Больше не могу. Переход. Странный переход. Чтобы потом ни слова.

10

Еще ниже. Еще меньше. С той стороны видно всем ярко освещенное окно. Ты проделываешь непотребные жесты. Но теплота окружает другого человека. На этот раз известно кто. На этот раз нет балкона. На этот раз все в тумане. Были какие-то смутные движения. Мы рисовали пейзаж. Было еще хуже. Это еще не так плохо. Язык плохо повиновался, интонации были неуверенные и чужие. Уйти. Уйти. Уидти. Странное слово. Все это не нужно. И это оказалось ненужным. Такая печальная история. Зачем все это? Зачем? Огненная полоса. Пройдет и это. Вот это и есть разброд. Все это кончается опустошением. Я это сделал, а потом что? Да, было. Они были именно такие. Еще раз. Медленно. Медленно. Это и было продолжение. На траве возле этого дерева. И это было. Плохо. Совсем никчемные слова. Был ты или не было тебя, какая разница? Если бы не было этих слов, были бы совсем другие. Ты уже знаешь, кто его отравил? Повторяй, повторяй, повторяй. Любым способом. Смешно. Мы же договорились, что любым способом. Ладони вспотели от мгновения ужаса. Опять падаю с турника. Уже забылось. Уже потеряло значение. Нет цепи. Сидишь вымучиваешь? Хватит сидеть вымучивать. Пусть будет тихая музыка. Достаточно одного звука, чтобы все перевернулось. Слова выпали из лексикона. Мы не употребляем таких слов. Я не знаю, как их произносить.

ПИСЬМО ХАБАРОВСКОМУ РЕЗИДЕНТУ

А Н А
4.4.62

Писатель, которого мало кто читал, но уважали как раз все остальные, пришел домой сытый и усталый, но не лег спать, а подумал, что может быть сейчас ему все-таки удастся найти пачку копировальной бумаги, засунутую неизвестно куда и очень нужную сегодня утром — а сейчас уже не очень нужную, но именно поэтому она может сейчас обнаружиться. Тут он опрокинул недопитую кружку кофе и ему пришлось спасать свои бумаги, чтобы они не подмокли и надо было уберечь хоть что-нибудь. Чтобы переложить эту пачку на сухое место, ему нужно было сдвинуть другую пачку, в которой кроме бумаг были книги, причем снизу лежали книги маленького формата, а сверху большие и тяжелые. Правда, еще выше опять были маленькие книги, но на самом верху лежала самая большая и толстая — ПОЛ И ХАРАКТЕР Отто Вейнингера. Она, конечно, упала, но не на пол, а на еще одну пачку книг и бумаг, сложенную на полу. На эту же пачку продолжала стекать тоненькая, но густая струйка недопитого утром и пролитого теперь кофе.

Вот какая это книга. Вся она в кофейных пятнах, в наслоениях эпох, в пометках и подчеркиваниях многочисленных читателей. "Бандит". "Погромщик". "Правильно". "Чепуха". "Вот где собака зарыта". Написал ее человек без пола и характера, чтобы компенсировать себе свою неполноценность. Так пишутся и все другие книги.

2

Но троллейбус сворачивает направо, налево, куда надо по маршруту — а две его штанги, едущие по проводам контактной сети, держатся и тоже сворачивают куда надо. А почему? Никто не знает. Провода — это вроде рельсов, значит должен быть стрелочник. А стрелочника нет. Все получается как-то иначе. Если задрать голову. Странная штука троллейбус.

Многие удивляются также тому, что во сне у них получаются иногда замечательные стихи, но утром, если удается вспомнить хоть строчку, оказывается, что в стихах этих нет ни ритма, ни рифмы. Если сбросить атомную и водородную бомбу, хотя бы ту, что испытана в атмосфере, — но, возможно, и ту, что испытана под землей, — это явление, по-видимому, останется неизменным, а если исчезнет, то до такой степени бесследно, что станет еще более загадочным. Так что лучше обойтись без бомбы.

Но вряд ли это окажется возможным.

Тогда ешьте голубиный помет. Возникший на фольклорной основе, он сохранил непосредственность и чистоту ранней юности, которые сама ранняя юность утеряла. Телефон лучше всего выключить. Почтой лучше всего не пользоваться. Романы лучше всего не читать, а юмористические рассказы — не писать. Вот тогда и вы сможете почувствовать, что вокруг вас цивилизация и вы связаны с ней тем теснее, чем меньше вам этого хочется. Почувствовать это — значит приблизиться к истине. Приблизиться к истине — значит не чувствовать ничего.

Отсюда следует, что самое правильное — умереть. Те, кто это понимает, продолжают жить и даже воруют друг у друга сюжеты.

3

Охотнее всего этим занимаются французы, от академиков, каков Андрэ Моруа, до анархистов, вроде Луи Селина. Они даже прекратили войну в Алжире, чтобы удобнее было этим заниматься.

Люди, которые мрут как мухи, уподобляются мухам. Тогда совершенно непонятно, отчего люди не летают.

Впервые этот вопрос сформулировал А.Н. Островский. За это ему поставлен памятник в Москве у Малого театра.

Но, может быть, они летают после смерти.

Я хочу сказать, что, может быть, они н а ч и н а ю т летать после смерти. Трудно сказать, что происходит после. По-видимому, они попадаются потом в хищные сети паука, который заставляет их жить снова.

Остановите пауков!

УДАР

13.2.62

Ходит птичка весело по дорожке бедствий, не предвидя для себя обысков и следствий. О, радость свободы, — не есть, или есть, испражняться, или не испражняться, пред блещущими писсуарами! Пунктуация и орфография Андрея Белого не устраивает Цезаря Борджиа. Я посетил знакомую конюшню. В коммунальной квартире звонки, звонки, звонки. За окном падает снег. Февраль, достать чернил и плакать, писать о феврале навзрыд. Снег падает, падает снег. Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь, не надо заводить архива, над рукописями трястись. За мной прислали старых актеров. Со мной хотят расправиться самым дешевым способом. Лейтенант — хранитель печати № 5 сказал: если изымать, так всё изымать. КИРПИЧ ушел на дно — вполне объяснимо при его тяжести — и утопил с собой ПОПЛАВОК, что противоречит законам физики. Но тут сработали законы истории. Из меня делают верблюда. Их интересуют авторы антисоветских произведений. Изымать авторов — такого приказа не было. Пока. Но будет. К посадке готовсь! Была команда. Это к вам относится ВПГ! Вы кандидат № 1 с точки зрения "Литературной Москвы" с "Резидентом". Всё рушится. Что — всё? Паяц исполняет танец умирающего лебедя. Симона де Бовуар валяется на полу, затоптанная сапогами. Мечислав Роек оставил свой револьвер, но финский нож Кэтчера он-таки не получил. Они жаждут заданий, но заданий им никто не дает. Были бы боевики, вожди всегда найдутся. А теперь как раз наоборот. Мы были воспитаны на том убеждении, что без участия в заговорах и революциях нет величия для русского человека. Вот теперь и расхлебывайте. Наконец-то пришел человек со здоровым восприятием. Арестован Пижон из Гостиницы Эклер. Здорово! У него губа не дура. Помнишь, в кафе приходил маленький вертлявый человек? Так вот его арестовали. Это он главарь террористической организации? Как бы с ним связаться? Он давно мышей не ловит, усмехается

24 стр

2

в усы. Их интересует антисоветская литературная деятельность. Приказа проверять пишущие машинки не было, но будет. Смех в раю. Подо льдом Невы стремительное течение, которое с силой затягивает провалившегося под лед, и спасти его почти невозможно. Но он еще не дошел до Невы. Он к ней идет. Девятый Круг его миновал, может, настигнет Девятый Вал? Как на корабле: один правит, всех тошнит, деваться некуда. Он живет на Сретенке. Чёрное Солнце читается на Лубянке. Хирургическая сестра гистологического отделения Боткинской больницы не знала о том, что ищут автора стихотворения "Я молю, изнемогая и скорбя". Ужасно гордится новыми знакомыми. Старший лейтенант Рычалин, лейтенант Колыбаев и слушатели спец. школы Крышний и Дорезюк — вот кого он забавлял 5 часов подряд. Те с интересом слушали. С их стороны очень невежливо, что они не сказали, когда придут в следующий раз: у них инструкция — вести себя прилично, что они и делают. Вот теперь ты почувствуешь себя в моей шкуре. Маленький конец большой войны. Спектакль продолжается. Он проспал 10 минут, и у него опять заработало чувство юмора. Сирано-де-Бержерак литературно-уголовной ценности не представляет. Хватит с него Сирано де Бержерака. Лошади его смешат. Никакого Гачечиладзе он не знает. Из того, что забывается, создается странное ощущение, которое само по себе может служить предметом размышлений. Государство напоминает, что оно все еще существует. Действуют мощные силы в сторону превращения человека в социальное насекомое. Из муравья хотят сделать верблюда. Верблюд пытается пролезть сквозь игольное ушко. Владелец "Волги" хочет быть знаменитым. Въехать на "Волге" в витринное стекло кафе — это ж прославиться только на одно отделение милиции. Ему предложили поджечь Кремлевский театр. Он хотел бы быть знаменитым и ничего такого не сделать. В важных случаях там пишут друг другу записки и тут же их сжигают. Новая открытка. Опять.

3

Куда ж он уходит? Он уходит в свой мир. Его мир с каждым годом становится всё Уже. Всё Уже, мельче и игрушечней. Новый мир старых игрушек. Когда-то в этот мир входил Стасов и Бернард Шоу, Антонио Мачадо и Наполеон. Теперь только Остап Бендер да флибустьер театроведческих наук. Поэт Чикобава его ценит, но близко не подпускает. Орел-стервятник питается стервами: уходите, девушка, опасно для жизни. Просто устала на работе, вот и всё. Бедная девочка. Одна фанфаронада провалилась, он придумает другую. Его враги. Они ломают мои игрушки! Новая перспектива — игрушки тут, а он там — обыгрывается как новая игрушка. И для Ослика и для Кролика и для Медвежонка создается интересная жизнь. Такова линия поведения. Ситуация "Се Русь!" Вокруг нас рать, кругом нас рать, "Се Русь!" вскричал Мамай и с раной побежал в Сарай. ВОТ ЧТО ТАКОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТУПОСТЬ. Это триумф чувства юмора. И пусть вас переметит правнук презрением своим. Покинем край, где мы так страдали, сказал танцор, выходя из-за столика. Вы не должны его воспринимать всерьез. Он совсем НЕ ТО имел в виду. Шутник. Это — место свидания меня и государства. Куда он дел Хлебникова, 5-й том? Смотрит на меня, как Жанна д-Арк. Несмешно. Ей несмешно. Мне несмешно. Никому несмешно. А ему смешно. Нити армянского радио ведут т у д а. Нити абстрактного искусства ведут т у д а. Мы не молчали, и нас изуродовали. Нам искалечили жизнь из-за того, что нам дорог был ленинизм. А интересно как раз то, что не поддается рассказу. Снег падает, падает снег. 14.2.62

4

Что значит "выдабриваться"? Выдрючиваться. Выслуживаться? Ну конечно. А если докажут, что эти два террориста занимались только чтением еще не опубликованных произведений, как ты думаешь, может, всё еще о б о й д е т с я? Ой, хотя бы! Автор "Анти-Асаркана" распространял "Анти-Асаркана" только среди Асаркана. Асаркан распространял "Анти-Асаркана" только среди Хадеева. Хадеев распространял "Анти-Асаркана" только среди Горячего. Горячий распространял "Анти-Асаркана" только среди города Минска. У него высшее удовольствие — унизить человека, помучить, чтобы тот чувствовал зависимость от него. С 7 февраля 1962 года в творчестве Юл. Айтна начинается новый этап: писать так, чтобы не было возможностей для идентификации. Желание персонажа — закон для автора. Но он не просит, он требует. Все свои невзгоды и заботы он валит на опасного автора. В руки его врагов попали 3 тома прозы, и теперь каждая собака имеет право заявить: мы всё о вас знаем. Раскрывайтесь. Выкладывайте. Ситуация, конечно, неутешительная. Военный человек, потому что. Тоже 40 000 всяких книжек прочитали и узнали, что почём и что к чему и очень точно. Их не интересует литература. Ни опубликованная, ни неопубликованная. Мало вероятно. Все письма у этого террориста работают не на расстрел, а на принуд. лечение. Что значит "изможденный пражский жид"? Это же антисемитизм. Поневоле станешь антисемитом, когда тебя втянут в жидовские штучки. Собор в Вильнюсе отгрохали дай-бог. Молодожен умер и девочка осталась. Русские парни, не будьте равнодушны к тому, что наших баб перебрали черносотенцы! А вы знаете, какую пропаганду ведут на стенах мужской уборной в Ленинской библиотеке? А надо знать. Надо вести контр-пропаганду. 14.2.62

НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ, НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ
весело живется, нечего сказать!

20.2.62

На все неприятности отвечать удвоенной активностью. Боевой закон делового человека. Когда речь идет о стихах, он, конечно, деловой человек. Когда речь идет о поэтическом кейфе, он воинствующий материалист и принципиальный человек. Вы настроены на сэкс и на деньги, мы — ваши антиподы — настроены на идеал и на идею. Для нас главное — государство и коллектив. Ваши хваленые британцы 30 лет не могли напечатать тот самый роман, который теперь называют великой литературой. Загнали автора в гроб, а потом называют его героем. 9 мужчин и трое женщин вынесли приговор: Леди Ч. невиновна. Так было и с Джойсом. Сколько лет его не печатали ни в Англии, ни в Америке. "Улисс" был напечатан во Флоренции, "Доктор Живаго" был напечатан в Милане. Речь идет о первом издании. Где уж нам, куда уж нам. Вы вот уже 300 лет привыкли считать себя цивилизованным обществом, а всех остальных варварами. 125 речей на тему. Где-то вдруг смыкается Симонов с БЛП. Потому что Советская Россия. Эстеты, снобы, пижоны, халтурщики, диктаторы, заговорщики, приспособленцы, взяточники, карьеристы, валютчики, растратчики, бандиты, спекулянты, воры, пьяницы, поэты, эрудиты, алкоголики, джентльмены, шизофреники, мерзавцы, старики, подростки, сутяги, проститутки — всё это Советская Россия. Соцреалисты снимут голову. В щель! — опять прозвучит голос писателя. А там во глубине России, там вековая тишина. Ты ли нагадала и напела, ведьма древней русской маяты, чтоб любой уездный Кампанелла метил во вселенские Христы? И не нужна вам наша маята, и сам я вам ни капельки не нужен. И пусть вас переметит правнук презрением своим. Правнуку наплевать, правнук будет зло издеваться. Бешеной волной на части раскололся шар земной. Это уже случилось. Теперь бояться нечего. Теперь терять нечего.

Владелец конюшни конюшню называет храмом. Хотя бы и без жрецов. Всех остальных он называет жрецами без храма. Шут без короля. Гамбит без жертвы. Начинаются жалобные слова. Потом пойдут жалобные жесты. У меня одно заклинание — библиотека. И буду склонять во всех падежах единственное имя — б и б л и о т е к а. Даст бог, свинья не съест. И тут кончается искусство и начинается судьба. Первый этап — с черновиков на машинку: читабельный текст — уже достижение. Этими достижениями я сыт по горло. Тошнит от этих достижений. Работа. Пляж бы. Поплавок бы. Чужие слова чужих языков навевают сладкий сон. "Поиски прошлого" — у поляков этот фильм называется проще — "Возвращение" /ПОВРОТ/. "Резидент" — это возвращение и отталкивание в будущее, но никак не поиски прошлого. Вокруг Мадонны идет интенсивное заморачивание головы. Она боится за тебя. Если что случится, он опять выйдет сухим из воды, а ты погибнешь. Пусть пойдет посмотрит польский кинофильм. А он совсем и не собирался возвращаться. Алина Яновская — вот Стромынская Мадонна через 20 лет. Заботы старухи. Законная супруга и добродетельная мать.

конец процесса

Подводя итоги. Пора, время, самый раз. Звонок —
оба вздрагивают: пошли? уже? Черновики не существуют.
Всё погибло. Осталось только то, что запомнилось.
А запомнилось только ощущение. Конец процесса.

Остается провести соединяющие линии. От "Мутной воды"
до "Хабаровского Резидента" — 7 лет. Вот так всё и
расположить. Читать всё подряд. Отдельные подборки
могут иметь самостоятельное значение. Читать всё
подряд. Но всё равно прежде всего надо иметь в виду всё
целое. Может, необходимо два оглавления, перемещение
отдельных листов, два шрифта и что-то вроде предисловия
к каждой из книг. Можно оформить избранное под Нормана
Мэйлера. Можно оставить в том виде, в каком написалось.
Биографический ключ — чужая забота.

В начале была Искренность. В конце должно стоять
признание, что ни о какой искренности речи быть не
может. Если б можно было сказать и провалиться сквозь
землю — тогда другое дело. Где-то в глубине сидит
надежда. А может быть, всё-таки можно поставить
памятник и сесть рядом? Увы, нет.

А что было потом? Не было "потом". "Потом" не было.

22.2.62.

юридическая консультация

ПОД ИЗГОТОВЛЕНИЕМ И ХРАНЕНИЕМ АНТИСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ не может пониматься ведение личного дневника или иных записей личного пользования. Если в таких дневниках, записях, содержатся мысли антисоветского характера, действия их автора не образуют никакого состава преступления, поскольку эти документы отражают личные мысли человека и не предназначены для распространения. Состав же антисоветской агитации или пропаганды имеется лишь там, где виновный не только имеет антисоветские настроения, но и, самое главное, стремится к тому, чтобы к этим же убеждениям склонить других лиц. Советский закон устанавливает ответственность не просто за убеждения, даже если они и являются антисоветскими, а за распространение этих убеждений в форме антисоветской агитации или пропаганды.

стр. 63
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
Учебное пособие по советскому уголовному праву
Изд-во Высшая школа
Москва 1961

КОНЕЦ РЕМИНГТОНА

22.2.62

Сикстина закрыта на ремонт.
Папа дал обет.
Пошли ужинать.

ПЕЧАТЬ №5

П Е Ч А Т Ь номер ПЯТЬ

ЮМОРистический рассказ

7.3.62

ОРУЖИЕ ЕСТЬ? ЗОЛОТО? РУКОПИСИ?

печать №5

7.3.62

Прошел месяц. Все успокоились. Забыли. Заняты каждый своим. И только в квартире № 1 в одной из комнат, куда приходили три товарища, ждут, вздрагивают от каждого звонка. Какой ты мне подарок подаришь к 8 марта? Себя подарю, если не придут раньше. Ннnуууу. 8-го не придут. Вообще, до 18-го не придут. Потому что выборы. А 19-го уже можно собираться с вещами? Кто-нибудь проголосует против Федина и Шверника, а подумают про нас с тобой.

7 марта исполнилось ровно месяц с того дня, как приходили к этому писателю читатели из Гос. Безопасности. Успели прочитать? Что вы! там так много написано. Если бы было решение, мы бы сразу. Не было решения. Когда с вещами? Что вы, что вы, вы это выбросьте из головы! Решения не было. Так будет. Поправляйтесь. Дышите свежим воздухом. Продолжаете печатать или мы вам отбили охоту? Письма из Минска получали? Одни арестованы, другие остались. Сколько копий было у "Анти-Асаркана"? Сколько у "Табу"? Они там снимали, перепечатывали? Когда послали? Когда получили? Когда приезжал о н в Москву? С Асарканом встречаетесь? Где он работает? Ну вот и все. Бывайте здоровы, дышите свежим воздухом, берегите здоровье. Во-первых, он тебе наполовину наврал. Я-то его лучше знаю! Вот гад! Мать моя родина, и я любил его, мать моя родина, а он, гад, мать моя родина, и я ценил его, мать моя родина, я — большевик! А он. Ну ладно. Замнем. Копия для доктора Альб. "Жизнь — рыдание" — это было в "Табу"?

— Кончила "Винни-Пуха"?

— На, подавись ты им!

— Ну вот, давно бы так.

Моя жена хочет петь.

Прошел месяц.

Привыкли. Не пришли сегодня, и слава богу. Можно спать спокойно. ТЕПЕРЬ НОЧЬЮ НЕ ПРИХОДЯТ.

оружие есть? золото? рукописи?

1417

И ИМЯ ЕГО И ДЕЛО ПЕРЕЖИВУТ ВЕКА

Слышу интонации Дон-Кихота.

— Уляжется.

Наш народ стрелял в нашего вождя — так это наше семейное дело. Разберемся сами, как это у себя да не разобраться? Наше государство, наши тюрьмы, наша полиция: кого хотим, того и сажаем. Все наше. Читайте, завидуйте, моя милиция меня бережет!

Голос Дон-Кихота в ответ на тонкий ход Кима Хадеева. Оптимистический вариант: вашими устами мед пить. Фадеев говорил с Ойзерманом о Платонове в 1942 году. Голос Дон-Кихота, который был бы вон там, вон в том окне 4-го этажа того дома напротив, если бы не конфликт: отцы и дети.

Серая глыба кавказского мрамора, нашедшая резец, не заслоняет, а только подчеркивает то окно. Но нужно ждать звонка. Они обживали сибирскую землю и собственную специальность, а теперь обживают семейное счастье. Сын не желает разговаривать с отцом. Дочка не желает видеть брата. Бабушка возится с внучатами, мама рвется на работу. Дед не желает разговаривать с мужем дочери. Бабушка не желает жить с отцом внука. Все смешалось в семье Дон-Кихота. А нас будоражат слова на сером граните: и имя его и дело переживут века. И переживут. В двух шагах от того места, где погиб нож в 1950 году. В трех шагах от того места, где племянница Паустовского дала свой адрес и телефон в 1947 году. В пяти шагах от того места, где погибли "Возвышенная организация", "Бунт" и "Атомное оружие" и где

1418

сейчас читатели из КГБ читают "Табу", "Хабаровского резидента" и "Анти-Асаркана". Почему "Анти-Асаркан" — это антисоветская литература?

— Бабушка, — спрашивает мальчик, — когда же ты мне покажешь, как танцуют буги-вуги?

Нельзя перехитрить реальность и природу. Рано или поздно тебе придется расплачиваться за ошибки. Проникнувшись этой истиной, я немедленно приступил к совершению новых ошибок. Сказав это, я тут же приступил к новым попыткам перехитрить реальность и природу. И надо оставлять пробелы в судьбе, а не среди бумаг. И я приступил к заполнению пробелов среди бумаг.

ОРУЖИЕ ЕСТЬ? ЗОЛОТО? РУКОПИСИ?

Один блондин вдвоем с кретином пошел ходить по магазинам.

Симпатические чернила вызывают симпатию у апатически настроенных расстройщиков роялей фирмы "Ремингтон" по ту сторону консервативно расстроенного Большого зала пианистов и роялистов на улице некоего Антона Павловича Герцена-Лицейского, выражающего вкусы своего времени. Когда вы наконец попадете на площадь, посторонитесь перед черным памятником белому вождю, который стоит 27 тысяч 14 злотых фунтов с терлингами и т.п. дерьмом. А то будет плохо. То есть и так нехорошо, но будет еще хуже.

Самый серьезный из результатов десталинизации. Возможно, будет иметь глубокие последствия в будущем. Возможно, что возможно, но возможно, что и невозможно. Снежный Человек просил запомнить только один телефон. Значит, он все предвидел? Срежессировал? Задача, завернутая в тайну, вложенная в мистерию-буфф и таким образом превращенная в великую загадку. Муравьи. Муравейник. Батрахомиомахия. Башня. Яма. Гипноз. Печать № 5 за семью печатями. Он живет на Сретенке. Пост-скриптум. Пост-мортем. ПОСТ-КАГЕБЕТУМ.

Запустите магнитофон, и за 4 часа 8 человек —

1419

из них, по крайней мере, трое с рангом вселенское трепло — наговорят вам то, что у него будет записано через 9 лет.

Как появилась Мау-Мау?

По делам избирательного участка, где 18 марта будут голосовать за Федина и Шверника, товарищи агитаторы пришли познакомиться с полковником в отставке по фамилии Наполеон Иванович Заикин. Наполеон Заикин встретил агитаторов в галифе, без сапог, носки спускались гармошкой.

— Нам нужен Наполеон Иванович Заикин.

— Это я.

Вечер Булата у геологов прошел в обстановке прохладного равнодушия к советской поэзии и горячего интереса к жратве и выпивке. Булат спел три песенки, прочитал одно стихотворение, а потом сказал, что у него дома жена больная, повернулся и ушел.

Азимов в Москве в гостях у Сваричовского.

Выбирать метрессу вне своего круга — ошибка. Об этом знал художник, но все-таки соблазнился. Он обожал Марселя Пруста и скандинавских модернистов. Таточка ему не понравилась. Вадим произвел впечатление дегенерата. Но что он нашел в кандидате медицинских наук, мадам Пау никогда не могла понять. К нему надо хорошо отнестись. Вот вы к нему и отнеситесь хорошо.

В голосе мальчика слышалось раздражение. Ему годика 4. Бабуля, ну когда же ты покажешь буги-вуги? Старенькая, сгорбленная старушенция — мамин 19-й век — ведет за руку мальчугана, а тот сопротивляется. Вот тот возраст. Прав Песталоцци. Им нужна немедленная помощь, а не смутная надежда на лучшее будущее.

В странах с организованным профсоюзным движением они бы прибегли к забастовке. В Кении рабочие вынуждены были прибегнуть к другим средствам. Они отдавали себе отчет в том, что их голоса будут услышаны только при условии совмест-

1420

ной борьбы. Они обратились к старым методам объединения людей для определенной цели. На кого работала Мау-Мау?

Раб всю жизнь получал рабскую плату за рабский труд. Маленькие трагедии. Жив курилка? Исходя из того соображения, что кадры растут и пополнение для ЛТПБ и Казани сейчас фигурируют в виде — сын 2 с половиной года, дочка 4 с половиной годика — "пятикнизие Моисея" и "нарисуй ему свое подсознание".

Изобразительное выражение деградации человеческого достоинства — вот тема шедевра № 1. Но для непосвященных — это просто композиция. Абстракция. Загадочная картинка. А на другом полотне якобы звучало оружие, золото, рукописи. Гм. А на третьей картине был изображен протокол обыска. Ничего подобного никогда бы в голову не пришло. Но раз сам художник объяснил, гость стал искать и вроде как бы нашел что-то похожее, да-да, пожалуй, а почему бы и нет?

Стены комнаты были заняты новой экспозицией.

Пост-"Лайф" у художников-абстракционистов.

Разоблачение абстракционизма действует только на учеников 3-го класса. Картина, а если наоборот, то схема получения азотной кислоты из учебника химии. Ну и что? После трех товарищей на Остоженке начинается новая детективная история. После пачки листов, опечатанных печатью № 5 КГБ при СМ СССР 7 февраля 1962 года. На 3 дня. Голос Гаче. ОКБ — Борода — вечер Булата: больше я с ним не связываюсь, он и меня и Булата терроризирует.
13-го у него все будет кончено.

Коля-Николай:

— Они ему денег дали, а коньячку не поднесли. Он им спел 3 песенки, а потом взял гитару и говорит: у меня дома жена больная. Разве так можно обращаться с поэтами? Ведь поэтам что нужно? Известно чего.

Он обещал в качестве гида сопроводить товарища по "Известиям" и "Неделе".

Сцилла Харибдовна Гугенотс пока еще ничего не знала. Ей никто ничего не говорил.

11.3.62

Прочитать — это полбеды,
вы вот попробуйте
переписать. Да сделайте
это 3 раза на 3 форматах.
Выясняется ситуация. Куски
сказки из детективной
истории подарить бы
владельцу пишущей машинки.
Но дайджест в его устах
всегда звучит платонически.
Девушки, у которых стоит
его машинка, заняты
Цветаевой. А сам он
не собирается машинкой
зарабатывать деньги. 5.7.62

Я шел по дороге в Криушу и тростью сшибал зеленя. Ничто не пробилось мне в душу, ничто не смутило меня. Молодость прошла. Мутный поток сознания у живущего одним днем человека противопоказан сюжетной прозе. Не говоря уж о социальных характерах. Полет фантазии начинается там, где кончается тревога за сегодняшний день. Множество ракурсов не помогает, а мешает. Оптимист: твой конец, всегда чье-то начало. Другие по живому следу пройдут твой путь. Он не получает удовольствия от пересказа в 25-й раз одного и того же разговора. Просидел 2 часа с двумя находками для врага и стало грустно, ненужно и печально. Работа как всякая работа — труд без капитала — хороша была тем, что можно было писать о живых людях без конца. Конец наступил слишком быстро. Знакомые и друзья пижонского образа жизни вытеснили людей труда без капитала. Прошло 4 года. От их отсутствия страдаешь. Надо их всегда иметь в виду.

Антисемитизм — добавочная специальность. В отделе фельетонов работало 7 человек: один еврей, один сомнительный еврей, два полу-еврея, один антисемит и один руссификатор. 6 человек, не считая начальства. Зав отделом был женат на еврейке, но это не в счет: антисемитом он обязан быть по должности, иначе отдел кадров, увидев платежную ведомость, заметит: синагогу устроили?

Книга С.М. Шварца "Антисемитизм в Советском Союзе" упоминает наших общих знакомых: Павел Коган — стр. 201, Эдмунд Стивенс — стр. 213.

Детектив. Ист. стр. 333 и последн.

Маленькие лунатики держали в руках красные флажки и все были в пионерских галстуках. Откуда-то неслись мажорные мелодии коммунистической симфонии. Вдруг Земля вспыхнула фиолетовым пламенем.

А они играют в вавилонскую яму. Это такая игра. Маньяк, но его спасает чувство юмора. Кто нарушает правила игры, того расстреливают. Когда теряешь очки, слышен запах горящего мяса.

В апреле 60 года актуально звучала фраза: "Не будут же они сбрасывать водородки, когда Айк в Москве!"

Скучно написано, дефектно звучит
Детективная история. Сократив
на три четверти, выбросив все
черновые варианты, оставив
только дайджесты и основные
сцены, вы добьетесь того, что
мэтр-нахал скажет: интересный
материал для хорошего рассказа.
Сейчас — это нагромождение
деталей у неудачного
сценария. Полное отсутствие
профессиональных навыков,
любительщина. 5.7.62
Через 2 года.

Эдвард Теллер: без информации нет разоружения. Лицо уставшего гангстера, который в тюрьме будет писать мемуары. Лорд Бойд-ОРР похож на старого бухгалтера, дочка которого защитила диссертацию на тему: роль диспансера в оказании психиатрической помощи. П П П — первая психиатрич. помощь, первичная положит. программа, полит. под — поручик. На будущем придется поставить крест. Сидит себе в каком-то Ньютоне в Шотландии и пишет в "Литературную газету" по вопросу о разоружении. Четверг, 5 июля 1962 ГОДА. Всегда утешительно с оглядкой на МОГЛО БЫТЬ ХУЖЕ. Нечто покрытое пеплом.

Вот вы целую жизнь
смотрели своими
глазами, а много
увидели?

Но в священном этом жаре
мысль однако всем ясна:
в гибкой схватке полушарий
мир перевернет война.

ВОЙНА начнется утром
Перебежчик сообщил ночью
с 21 июня 1942 г.

ПРОДАВШИЕ ДУШУ

262
Детект. Ист.

Там Ставрогин с Верховенским играли в Интернационалку. Там Охотник пил коньяк в "Национале". Там русские националисты заучивали орфические ямбы великого еврейского мыслителя. Я совсем забыл эти дни.

Я совсем забыл, что меня ожидает Франсуаза Саган на улице Разина.

лист 266
Детект. Ист.

СКЕЛЕТ И МИР л.л.319
ОХОТНИК 321-324
Дайджест к ДИ 325-333
20 листов приложение —
Шатуновский в Ком. Прав. ПРОДАВШИЕ ДУШУ 273
ибид.

Ремизов, В розовом блеске.
Марков, Приглушенные голоса.
Нароков, Мнимые величины.

Эти книги вы найдете
в книжном отделе
НОВОГО РУССКОГО СЛОВА
в Нью-Йорке

274
Д И

Валютчик по кличке Лупоглазый объяснил, для чего скупают бумажные доллары.

— Вы находитесь в районном отделении КГБ.

277 лист
Детект. Ист.

ОПАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК 26.12.59
стр.277-280
АПОКРИФ ИЗ АРХИВА БОБА БЛЭДА
стр. 285-288
Конец Детектива 290-293
УРОКИ ПРОЦЕССА 294-295, 297

259
Детек. Ист.

А мы едем за 40 копеек мимо "Труда" к людям пижонского образа жизни. После ортопедической встречи старых друзей. На заводе Карла Маркса 26 февраля 1960 г.

3 книги: "Любители войны" Джона Хэрси, "На берегу" Нэвила Шюта и роман "Кокни в Москве". Это легкое чтение. Это заменяет у него марихуану.

— Мой брат придумал "Пляттскую жизнь", — сказал грустный мальчик.

Кофейная машина вдруг завизжала, как поросенок, которого собираются резать.

Сказка про мелкого беса еще не закончена.

Все мы Робинзоны, каждый пишет на песке необитаемого острова, только не у каждого есть Пятница. Человек, который был Четвергом, был для меня в эти года Пятницей. А я ему говорил, что он Робинзон. Он этим и дорожил.
За нами наблюдали снизу. Так продолжалось 5 лет.

Дело профессора Оппенгеймера почему-то входит в детективную историю, когда ее читают в 1962 году. Все, что сказано о жизни Роберта Оппенгеймера в Европе после университета почти полностью относится к тем персонажам, которые полностью остались за бортом повествования. Роберт выдал друга, чтобы отвязаться от неприятного субъекта. Но неприятный субъект — в той истории это Борис Паш — добился своего. Он выудил у профессора столько сведений, что их было достаточно для репутации доносчика и даже осведомителя.

Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащим и мягко похлопывая по сказуемым. Все летит мимо, все забывается немедленно. Утешало его только то, что 40 000 000 000 тонн взрывчатки уже приготовлено, и на каждую живую душу, на каждого человека на земном шаре приходится 20 тонн. Утешало его только то, что 40 000 всяких книжек все равно не успеешь прочитать. Утешало его только то, что 40 000 000 лет тому назад все люди были такие. Поэт Сельвинский сидел в кафе не один, но жизнь действительно снова возникает из водорода.
Книга стихов наз. "О судьбах, о чем-то еще и о любви".

четверг, 5 июля
5.7.62

Туристы! Все хотят видеть своими глазами. А что можно увидеть своими глазами? Вот вы целую жизнь смотрели своими глазами, а много увидели?

Эдуард Теллер сегодня в Литературке по вопросам разоружения — это тот самый, о котором мы сегодня читали? Это он съел Оппенгеймера?

Они бродили по колено в воде Тихого океана, и великолепный закат освещал их лучезарно-пьяные хари.

Сержант изящной словесности не желает итти в ГБ за своими рукописями.

Дело
Роберта
Оппенгеймера

Частичные меры как первый шаг. О чем они говорят — ужас. Или мы дурачки, когда говорим: мир, разоружение, а на самом деле война будет, или наша уверенность на чем-то базируется. Откровенность также помогает миру тем, что она сближает народы. Эдвард Теллер, Беркли, Калифорния. Бразильский поэт Моасир Феликс ди Оливейра в переводе Ю. Панкратова. "Я ненавижу бомбу, что нависла затем, чтобы убить и уничтожить людей, растенья, гроздья винограда, акаций осыпающийся цвет". Заговор обреченных в Новочеркасске 1962 года. Чего не видел Шелепин и что видел Уэллс: судьба поэта. Примите искренний привет. Четверг, 5 июля 1962 г. Как будто вас ожидает сказка с хорошим концом. Тысячи грачей. Киип смайлинг! Абстрактный артист собирается сделать ошибочный ход. Четыре истории, одна из которых может быть рассказана о вашей жизни. Желания порождают мысли. Мысли-факты угнетают, мысли-иллюзии утешают. Он познал смысл вещей и потому несчастен. Люди, он завидует вам, потому что вам ничего не известно и вы ни о чем не думаете.   5.7.62

Озеро напоминало воронку от бомбы весом в тонну. Клев начался немедленно. Первая красноперка затрепыхалась на осоке. Поплавок мелко дрожал, потом тихо погрузился. Маленький язик. Поплавок ушел в воду, едва коснувшись воды. Окунь заглотал крючок, пришлось доставать нож, возня с крючком. Солнце отражалось в воде, приходилось до боли щурить глаза. Поплавок слегка качался, не погружаясь. Рыба клевала осторожно. Поплавок повело в сторону и вниз: так клюет карась. Караси перестали клевать. Чистая водная гладь лишь в немногих местах покрыта островками белых лилий и желтых кувшинок. Место подхода к озеру было единственным и неудобным. Поплавок дрогнул, закачался и утонул. Подсечка, живая трепещущая тяжесть согнула конец бамбукового удилища. Едва коснувшись воды, поплавок скользнул и моментально скрылся. Так берет только окунь. Поплавок неожиданно и стремительно исчез. Я подсек, леса натянулась струной, но окунь ушел под корягу. В том озере есть караси и лини. С берега можно ловить у ближнего конца озера. Мелкая красноперка, маленький окунь, мелкая плотва. Не такой уж частый клев. Плохо, одна мелочь. Поплавки белели без движения. Один из поплавков пропал, а леса сильно натянулась и заходила то вправо, то влево. Подсек, почувствовал тяжесть. Несколько минут пришлось утомлять неизвестную рыбу. Сазан? Карп? Голавль? Большая красноперка? Толстая темная спина и красный плавник мелькнул у края лодки. Без черпака не обойтись. Язь. Места, неповторимые по тишине, безлюдью, обилию рыбы и красоте пейзажей — о таких местах под Москвой приходится только мечтать.

Д О Р О Г А

14 стр.

ШУМИТ ВЕТЕР,

ВСЕ ВРЕМЯ ШУМИТ ВЕТЕР.

Я кое-что сумел найти, но не сумел удержать.

ШУМИТ ВЕТЕР

все время шумит ветер

Отчаяние? Откуда? Разве были надежды?

она мешает

разве были надежды?

так говорил Ватсаяна

проскриптум

миллионы в спешке

туман над муравейником

как быть с Карфагеном?

МОТИВЫ ДОРОГИ

Д О Р О Г А

ДОРОГА

Такая вроде бы обиженность.

РАЗВЕ БЫЛИ НАДЕЖДЫ?

Отчаяние? Откуда? Разве были надежды? Озеро в жаркий день во глубине России — такая фантастическая случайность. Да, но это настолько ни на кого не похоже, что никого не касается. Рецепт Клеопатры для лысых: атрофия политических эмоций.

ТАК ГОВОРИЛ ВАТСАЯНА

Так говорил Ватсаяна. То ли дело контрапункт. Летит пух от тополя. Все смешалось в доме Волконских. Ничего подобного. Все спокойно в доме Волконских. Тетя Маня отвечает по телефону: князь уехавши на концерт, а княгиня почивают. В его жизни не было хороших женщин. Я первая. Асфальт усыпан титушками. Это после тропического ливня. Титушками, которые сережки, теми титушками, которые кто-то чем-то сбивает. А в глубине души та же трогательная вера в человечность бандита.

ПРОСКРИПТУМ

Проскриптум: в этом списке он стоит первым, но его вызовут последним. То ли дело введение в МЕТА-мате-МАТИ-ку. Если вобла продается, трудно воблу ту купить. Этот перевернутый кверху ногами мир: топси-тэрви-дом.

МИЛЛИОНЫ В СПЕШКЕ

Журналист из Рима и в Кремль торопится и в крематорий спешит. Когда из трубы пойдет белый дым, новый Папа избран. Но надо исчезать. Извлечь — да, вовлечь — кое-как, увлечь — нет.

ТУМАН НАД МУРАВЕЙНИКОМ

Туман над муравейником: а может все как 21 июня 41 года? Рим идет навстречу Карфагену, а Китай знает одно: Карфаген должен быть

КАК БЫТЬ С КАРФАГЕНОМ?

разрушен. Дорога, шум ветра, подарок.

ТАКАЯ ВРОДЕ БЫ ОБИЖЕННОСТЬ

Да, но это настолько ни на кого не похоже, что никого не касается. Шумит ветер, все время шумит ветер. Как все трудно строится и как легко все это разрушить. Такая вроде бы обиженность. И мы прошли сквозь мелкий нищенский, и вы прошли. Об этом нужно было думать раньше. Пусть льется вода. Вода, когда она льется, берет три картины у воды. Озеро в жаркий день — такая фантастическая случайность. Эйч-Эйч всех пересидел. А кто читал Ионеско по-французски? Я так и не узнал. В поисках ЗА утраченным временем он читает "Содом и Гоморру". Пижонский уют, первое утешение — нейтральные слова. Просто подарок ко дню рождения. Исчез учитель из книги "Ху. Ху." Он не бросает слов на ветер. Единственный человек, который помнит стены Малапаги. Пейзажист на берегу Истры все забыл, а э т о помнит. Тут я не выдержал. Считанные годы женской жизни и ее паутинка, страницы из "Хождений по мукам". Все было проще. ЛБ не стал докладывать: перебежчика расстреляли. Ну и что? Ну и все!

НУМИЗМАТ МИЛЛИ АРДОВ, БРАТ ВИКТОРА АРДОВА, ЮМОРИСТА, УПАЛ В ОБМОРОК

Русская поэзия, восточная политика, западная литература: Москва 1937. Ворона с карканьем пролетела через пух от тополя. Нумизмат Милли Ардов, брат юмориста Виктора Ардова, упал в обморок на втором этаже гостиницы "Пекин", у входа в диэтический зал. Почему они так любят чистую воду? Гроза надвигалась. А когда мы будем купаться и загорать? А когда мы будем переводить с польского? Открытий не было и не будет. Да, но это может помочь понять чужие открытия. Мальчик-фантаст увидел в 25 раз больше ЧЕМ. Но если не фантазировать, вообще ничего не увидишь. До какой степени может исхамиться человек! условий света свергнув бремя, как он, отстав от суеты, с ним подружился я в то время. ММММ-НЕ нравились его черты. Сопли лакея размазаны на 22 страницах. Из трубы Ватиканского дворца пошел белый дым. Имя нового Папы — Павел Шестой. Где цитата из "Арапа"? А ты хочешь 25 лет? То ли дело контрапункт. Индусское искусство любви его не интересовало. Книгу Клеопатры по косметике Цезарь не читал. Уж чего, чего, а снобизма тут не ожидалось. Озеро в жаркий день: мечта московского пенсионера. Для кого дорога? А чего знакомиться? Пишет стихи и учится в консерватории, сама давно знаю. Ветер.

ДОРОГА, ВЕТЕР, ТУМАН

Ветер гнет деревья и шумит листвой. Я кое-что умел найти. Но не сумел удержать. 4-й том перевели А. Федоров и Н. Сурина. На ту улицу я так и не попал. Первый удар, последнее утешение, политическое убежище, пижонский уют — еще что? Все это — ПУ. Для вас, изведавших ничтожество земных надежд, сказал Сенека. Не ниже зам министра. Вопросительный знак повис в воздухе. Концепция характера Цезаря ее не интересовала. Поэма называется "Дождь". А из меня песок сыплется. 6 000 000 цитат-карточек академического словаря русского языка не давали ему покоя. Но почему в Ленинграде? Трогательная вера в гуманность СЗ. Осенний лист на асфальте: шум ветра. Безлюдное озеро в летний день — вот что снится старику-пенсионеру. Но это как раз и значит переходить на чужую точку зрения. Быстрицкую жалко, Самойлова — нет, Бондарчука — нет. 25 лет ни в чести ни в радости. Он был озлоблен, я угрюм. Иначе ничего не поймешь. Все остальное было без меня. Они увлечены загадками американских психиатров. Я стараюсь не быть озабоченной. Нож — 7 см. Но по утрам не тянет в бассейн. Кто помнит Суллу? На общих основаниях с веселыми рассказами Феликса Круля. Мы будем иметь вас в виду. Атрофия эстетических ощущений. Презираю вашу точку зрения. Дорога, ветер, туман.

ВЕТЕР ШУМИТ ЛИСТВОЙ

А за бортом остаются чужие слова чужих языков из чужих книг чужих литератур. А за бортом остаются цитаты. Но у меня же так мало оснований ДЛЯ. Черный мрамор, белый дым, толпа на площади: римские каникулы. Объяснение, видимо, другое: сначала приятно замочить лапы, а потом промочить горло. Все равно, везде поспеть немудрено. У магазина торчат триумвиры. Добавь 10 копеек, и мы сообразим на троих. А чья это лексика? Они заговорили банковским ямбом. До какой степени может исхамиться человек! "Эссэ по поводу посещения церкви". Но даже он стирает пот со лба. Мне грустно, оттого, что я тебя люблю. И все мне кажется, живые эти речи в года минувшие слыхал когда-то я. Сопли мешают услышать шум дождя. У вас не хватит алгоритмов. Не до намеков на цыганском языке. Машина рванула от "Пекина". Журналист из Рима разминулся с мистером Маршаллом. Привет ВЧ! Летит пух от тополя, как летит "Восток-5". Чужое ремесло. То ли дело английская литература. Вот почему половодье. Сейчас, больше, чем когда-либо. Оба участники пленума, и познакомились только в июне 63 года. Гостиница забита до отказа. Строчки дайджеста — слова для связи: озеро, пух от тополя, ветер, мокрый асфальт, синий троллейбус, мне нравились его черты. Постоянный шум ветра в листве.

Ваше время истекло.

24.6.63

Сейчас все слова будут звучать как плохой перевод с чужого языка. Тот пьяный туман рассеялся от прикосновения слов. Не ахти как много сказано. Но не было б этих страниц, совсем ничего не было б сказано. Знаешь, как здОрово: войдет в привычку и превратится в потребность. Эти страницы знакомы наощупь. В каждой странице каждое слово и в каждом слове каждая буква: подумаешь, какой первоисточник! Для него нет ничего выше Канта, и то только потому что его читал Достоевский. Пруст усыпляет. У него нет чувств, у него только скучные длинные рассуждения не на том уровне, какой теперь нужен. Из всех трубок только две: 7-я и 13-я. Выдумщик, и при том плохой: вот что можно сказать по поводу "13 трубок". Есть блестящие фразы, но они теряются. Первый абзац первой главы первого романа Франца Кафки интересен только для немецкого языка. Зачем ему понадобилось 7 копий? И трех больше, чем нужно. Неизвестно, что делать: то ли вешать, то ли снимать. Вешать, конечно, а потом снимать. Струя свежего воздуха хороша для оценки атмосферы, но жить-то придется в атмосфере. Но эти немецкие страницы и эти французские цитаты нужны в определенном месте. Без них смык повисает в пустоте. Тут важней пересказ, чем точный текст. Точный текст загроможден совершенно ненужными деталями. Они мешают. ВОТ.

2

Куда-то в сторону дует это ветер. Куда-то нетуда, куда нужно. А куда нужно? Ах, если бы я знал! Вот конец клуба взаимных восторгов. Теперь, в перспективе широкого контекста, на фоне того, что было перед тем и задолго после того, стало совершенно ясно. А тогда это был только незадачливый текст. Карточки нового года не достаточно отошли, чтобы вызывать интерес. Только широкие контексты освещают кусок. Только нейтральные слова подчеркивают взрывчатые гнезда. Да, что-то есть от апофеоза. Вот когда внимание полностью переключится на, вот только тогда и никогда больше. Да, но сначала должны быть исчерпаны все другие возможности. А они пока в тумане. Не везде нужна мягкость. Но не туда должна стрелять железная интонация. Любопытно. Вся картина, в общем, вырисовывается любопытная. Роман "Время ЕЕ ВРЕМЕНИ". Он его обещал закончить в 1967 году. Он, Норман Мейлер. К вопросу о роли кокаина в научном творчестве Зигмунда Фрейда. Батальонный Энгельс остался батальонным Энгельсом. На бедном вкусе строится огромное здание обобщений. Вот так и получаются ученые и теоретики. Тут хотя бы ясность. А вам бы еще и широту. Тут не до глубин. Тут важна правильность. У них забота одна — направление. Лучше б я в театр побольше походила и хорошо б пожила. Тоже не ахти как много возможностей. Один раз побеседовали и хватит. Слишком много упражнений. Но одно уж хорошо: те же самые упражнения всю жизнь. Нет?

3

Его ценность — в способности оценивать чужие ценности. Но есть опасность — сесть не в свои сани. Но есть неизбежность — с чужого коня долой. Грязь — дело ракурса. Была ошибка: не та специализация. Была иллюзия: м о ж н о объять необъятное. Нужно и наш долг. НД БВ и ЗВ НЗ. Далекие милые были. Пришло новое поколение тех, кому по 17 лет, и они делают те же ошибки. Как будто можно и рисовать и рассуждать по поводу рисунка. Вы потом спасибо скажете за эти упражнения. Вы потом увидите, как это важно. Пересказ нужен. Оказывается, это и есть язык кинематографа. Это, только это и ничто больше. Но как отсюда далеко до тропических бабочек Южной Америки. Больше всего у раннего Эренбурга. Пильняк, Бабель, Олеша — забытые прозаики 20-х годов. На чьих костях торжествовали гады тридцатых годов. Меньше всего нужны экскурсы в историю. Гроза надвигается. Твой конец, чье-то начало: слабое утешение. Ты понимал, о мрачный гений, тот грустный безотчетный сон. Грош цена без понимания. А он все говорит, и с него — как с гуся вода. 7 бед, один ответ за 25 лет. Новые тексты британской энциклопедии проливали бы свет. Не тот луч и не в том царстве. Любопытно, но только за неимением лучшего. Может, все дело в апофеозе. А может в чем-то другом. У человечества всю дорогу одни и те же сказки, только каждый раз они рассказываются по-новому.   24.6.63

4

Л. начин. с 2 экз.

Тоже „начинается
с двух экземпляров".

что
происходит
с
черновиком

2

человек-невидимка — 14 стр

1

Ч Е Л О В Е К – Н Е В И Д И М К А

СТУК В ОКНО НОЧЬЮ РАЗБУДИЛ ЕЕ

В ответ на бешеный стук в окно она:
если вы власти и законно, так приходите днем.
/ Стук в окно/. А ночью я вам не открою.
Старуха уже собиралась открыть, но дочка
/ Ощущение на ладони, с которого все/
услышала голоса знакомых уличных ребят и
/ начинается./ не пустила. Они же потом
над тобой и будут издеваться.
А лента крутится и крутится. Он

ушел и оставил шапку на сидении, а лента

записала все, что о нем говорили, когда
/Ну Эйнштейн, Лобачевский, например. Белиберда./
он ушел. Могли спереть. А она, дура, кара-
/А потом Ира крис
улила и сторожила на свою голову.
/Ира Кристи говорит: Клини считает
Чемодан с микрофильмами повторил судьбу
/его гениальным./
черной шапки: лошадь, кто-то подъехал
/Ах не в этом ваша сила, всадник, что вы без
ночью постучал. Уезжай немедля, сегод-
/головы, а в том, что вы иногда – с головой
ня решили тебя взять и ордер уже под-
/на плечах: на Дону это был не спорт, а быт /
писан. Кони, лошади, ездить верхом, как
и вообще в России до 17 года. Не в – форте
и не ан-фот-де-мьё, нет, нет.

2

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА ТАЩИТ ЧЕМОДАН

А больше всего — загадочное озеро и еще один придаток к вашей гениальной дочери, а вы — кому она подражает.

ГЕКСЕНКЮХЕ *Hexenküche*

Две ведьмы — питаются серым веществом и нервами, даже не кровью. Это вампиры особого рода, самого страшного вида: они вынут мозг и нервы, а видимость остается, что ничего не случилось. Когда вамп пьет кровь и выпивает из трупа всю кровь, тут все видно, человека уже нет. А тут вся видимость, что все в порядке, и ничего не случилось. Подумаешь, серое вещество, говорит Пенелопа. А вчерашнюю "Звезду" уже можно посылать Наследнице Бандитского Золота в замке на Миссисипи через Питера Темпеста, пока он не отослал репортаж о Соловках.

Вы думаете, продешевили?

Тоже не передается по наследству. И по дружбе тоже. И по знакомству тоже ничего не выйдет. А вышло бы, был бы главный враг. Как это с ТЕМ РОБОТОМ в Ленинграде и получилось.

Культ чернового письма — как у Гоголя: перед тем, как сжечь, переписать начисто и прочитать вслух хотя бы Немировичу-Данченко в Абрамцеве у Аксаковых, хотя бы. А потом сжечь. Судьба одного чемодана совпадает с судьбой театрального разъезда.

Стук в окно. Ощущение на ладони, с которого все начинается! А лента все время крутится--- турист! И папка с микрофильмами.

3

Ч Е Л О В Е К — Н Е В И Д И М К А
ТАЩИТ ОПЯТЬ КУДА-ТО ЧЕМОДАН

И подозрительно тяжелый, смотрите, как сгибается. Пуд золота умещается в одной бутылке из-под цинандали. Значит тут не меньше 120 тысяч фунтов стерлингов на валюту 1913 года.

Грузин-пилот был на процессе просто ВЕЛИКОЛЕПЕН.

У нас в Грузии галантные мужчины. У нас в Грузии не принято. У нас в Грузии обожают сисястых баб. У нас в Грузии принято быть вежливыми с дамами: со шлюхами, как с принцессами.

Группа смешанных хищников в кинофильме "Оружие, золото, рукописи".

Опять чужая ...АДА.

Приготовьте 2 корзинки, дал телеграмму В.В. Розанов. Какие корзинки? Для листьев, чтобы наполнить два короба уединенных листьев для Анастасии Цветаевой.

Шахтер на "Волге" — как наш хозяин в деревне Ульянково в пяти минутах езды на автобусе от Клязьминского Пансионата: с телевизором за коровами верхом. Его любовь давно уж к пол-литра. Мне нравится ваша палитра.

Вам это тоже зачтется.

А больше всего загадочное озеро возле загадочной дачи с удивительной рыбалкой — роман Рослякова и притча Солженицына.

4

человек-невидимка

К А Ф Е

/из СТАРОЙ СТЕНОГРАММЫ/

Слова "священное писание" были.
Они появились из уст Великого Че-
ловека ко дню рождения в 1965 го-
ду. Доклад великого человека имел
скандальный успех на Конгрессе.
Мнения разделились у специалистов.
Некоторые сказали: белиберда. Но бы-
ли и те, которые, как Агата Кристи,
говорили: ну, Клини, которого он пере-
водил, считает же его гениальным. Но
были и те, которые называли имена:
Ейнштейн, Лобачевский, Есенин-Воль-
пин, да мало ли! Можно и без большой
буквы.

Как мы с Александром Петровичем
КОТА ХОРОНИЛИ у Заставы Ильича на
железнодорожных путях. А вы все-таки
пишите.

Being a sudden gentleman and
human nature being what it is
чего это вдруг?
эстетика моментальных фотографий-
подборок; кстати, дайте телефон этого
мертвеца.

В моем "КАФЕ" я попытался выразить
то, что кафе — это место, где можно
сойти с ума, написать великое произведение
или совершить преступление. /Ван-Гог о
своей картине "Ночное кафе"/.

И все-таки
человек из кватроченто, а не идиот
под подозрением.

С каких-то ступеней начинается ерунда. Известно почему. Карандашные пометки не на тему.

5

человек-невидимка

А тебе не приходило в голову, что это НАШ ЧЕЛОВЕК только не в Гаване? А он крутил магнитофон и вызывал на беседу и оставил в папке другой более мощный магнитофон, когда уходил, чтобы записать, что о нем говорили, уж из одной любви к изучению русского языка. А ты магнитофон и не приметила.

Величие и неуспех Достоевского тоже. Подходил он к этой задаче, подходил и в "Хозяйке" и в "Маленьком герое" и в "Бесах" и в "Братьях Карамазовых", но так и не подошел. Не подошел. Просто не успел. Просто времени нехватило. И в "Житии Великого Грешника", конечно, прежде всего. Как Владимир Ульянов с "Феноменологией духа". Как Ленин Гегеля читал. Но он и не читая или не прочитав до конца, почти все вынес и понял. А сколько тех, кто читали и все прочитали, но ничего не вынесли? Главного не понимал и сам Гегель. А хотя бы того, что Гегеля лучше всего бить самим Гегелем. На то он и Гегель.

Идея Броун-Секара: если бы на композицию! А на что расходовался накал? На увеличение количества нейтральных слов, тогда как надо было расходовать накал энергии на композицию. Вот пока все, что касается эстетики моментальных подборок и этики Родиона Раскольникова в "Идеологе реакционного мещанства". Накал расходовался не на композицию. Вот беда. Но и выход — ошибка: фотокопии помогают эстетике моментальных подборок, должны помогать, а они мешают. А композиция не по дайджесту. Вот беда. И еще одна ошибка.

Ритуал не до конца.

Был смысл портить читабельный текст, как альбом импрессионистов, только записями на одну тему. Это как пометки на полях. Когда они в 2 экз., они тоже напоминают литературу для одного читателя.
„Цикута“ до сих пор шибает в дрожь. („Бросает в дрожь“ лучше).

Если это в двух экземплярах, тогда в очереди на выставку в музей искусств на Волхонке можно прочитать с удовольствием. Но не больше 40 стр., но на Дрезденку мы стояли 4 часа. Тогда еще карманного формата величиной в 160 стр. не было. А ты бы дал? На всякое великодушие всегда отвечал двойным великодушием. Такой рыцарский закон: но куртуазность кончилась с карандашными пометками на полях. С них начиналась новая борьба.

6

человек-невидимка тащит чемодан

Наша комната в Москве 1934 года в "Известиях" через чемоданы, сквозняки, Николая Сидоренко и братьев Тур: Америка ничего не делает наугад. Вот еще одна беда, которая и есть ошибка.

Как ей удалось? А ей удалось. Рядом с домиком Чехова на Садовом Кольце до сих пор живет Мэри Абрамовна, и вы можете ей позвонить. Подумать только. Тут бы и они развернули свой институт иностранных языков. Хотя зачем? И на Остоженке было неплохо. Под школу Есперсона в Японии, недаром их ненавидел Мендельсон, недаром.

Там же имеют привычку вымещать зло на фотографии. Когда нет возможности плюнуть в лицо оригиналу. А когда оригинал сам там околачивается, так зачем же? Чудак ты все-таки.

~~Крик 6.9.66 или кошка проснулась.~~

А забывать старую дружбу нельзя, тем более ту, которую мы предали. Киму Хадееву письмо я написал 6 сентября 1966 года. Товарищ Хадеев не ответил.

Человек-Невидимка в февральскую мятель тащит чемодан. А не в июльскую жару?
Впереди меловые горы и монашеские пещеры.
Три больших библии: вот был человек: вот был ум!
Он тащит чемодан.

Телега взбирается на высокую гору. Гора меловая и то Богдан Хмельницкий в студии Игоря Савченко, то натурщица Юло Соостера под Эмму Цесарскую из казачьего мешка. Она по керамике.

Есть фразы, изумительные по своей неожиданности. Иногда нелепость. Например, одна внизу про невидимку с чемоданом. Но много тягучести и скучной нелепости, по сравнению с которой „Метастазы“ — свободный полет. С трудом просматриваются удачные страницы. А в „М“ их вообще как будто нет. Но есть что-то бóльшее, что и завораживает. Сцепление. Отход. Расстояние. Нет этой привязанности к клочку бумаги из архива. Все как будто начинается сначала и, вместе с тем, это настоящий конец.

7

человек-невидимка тащит чемодан

Чемодановедение я сдал на 5, но когда это было? Это вам не "Подросток": взял двух подростков, разрезал и сделал одного. Но там был гениальный ход, который под стать самому Достоевскому. Олег Потоцкий поместил на первое место самое ударное гнездо. Но не той стороною к Овацкому повернулся не капитан Лебядкин, а Володя Драгунов. Виктор Книппер вел себя, как Антон Павлович Чехов или, по крайней мере, разгулявшийся купчик актер-любитель Алексеев, известный более под именем Станиславского. Я из тебя сопли выбью! — грозил Виктор Книппер. Такой фамилией не бросаются евреи и казацких псевдонимов себе /Илья Зверев/ не придумывают. Выбей. Актер Потоцкий соглашался.

То же недоумение, только вывернутое наизнанку наоборот в японском стиле под Талмуд: 4 квадрата комментариев, 4 точки зрения, а в центре — основной текст.

Овацкий ценен фотокопией с Пижона из Гостиницы Эклер и порно-фото-кинематографическим архивом: именно там актриса спешила на съемку, именно там.

Он ожидал комментариев на смокинг и бабочку /а ты думал? вот мы какие!/, но Джойс - как о глазах Фэнни в первый же раз ни слова.

Граф д-Астье де ля Вижери вошел в вестибюль ВТО в черном костюме с дамой, как Булат Окуджава в ЦДЛ, но только Булат все-таки вежливо поздоровался, а граф счел это излишним. Раз он в таком параде, то просто знакомых он мог и не заметить. Художник из числа кофейных знакомых Яна Рудека играл тоже под графа, но не Графомана.

Первый сон. Не надо бояться первого сна. МП работает как часовой, он не дает опуститься. А я боюсь. А он не признается. Чи на „а“ чи на „е“. И на „а“, и на „е“. Чего он не любит у других теоретически. Власть и возможность распоряжаться судьбами при помощи одного разговора пьянит как вино. И не требует такого напряжения, как работа.

8

человек-невидимка

Он был, и все осталось на бумаге, но бумага погибла. Возможно, и не погибла, но практически для нас не существует.

Он оценил, может быть, гораздо больше, чем надо государственную опасность Пижона Из Гостиницы. Он сжег "Профессию господина Уоррена", не дожидаясь звонка из КГБ. Запрет датирован 25-м числом августа месяца, а я получил по почте эту книгу намного раньше, не помню когда, но значительно раньше. И кстати, по-английски, а не по-русски. И кстати, я об этом можно-сказать-докладывал тов. Шелепину. Тут уж виноват Алексей Федорович.

ТабУ, а не ТАбу, но ладно, можно и не возвращаться.

Опять неправильно делаю.

Но композиция не по дайджесту. Но опять та же самая ошибка.

Кто оценил? Тому ни к чему. И тот, может, не видел или не поверил. А кто не оценил, тот обо всем знает. А кто оценил, тот мог и не читать. Роман романиста в архивах военного трибунала. А главный читатель из Главной Военной Прокуратуры молчал и ждал. Кстати, бравый солдат Швейк был раньше верноподданным австрийского монарха, а потом уж Ницше работал санитаром и Пруст сфотографировался в форме военного санитара.

Л- да. Л. Ягункова — это та, которой он меня попрекал в последний раз. У тебя юмор Ларисы Ягунковой, хотя ты ее и не знаешь. Свидетель - Я. Каган и переводчик Франца Кафки. Это когда мы впервые услышали что следует от самого Петруши Верховенского. Когда будут твои 100 дней?

Сухость во рту. Но она
не сказала: пойдем в лес.
Не надо так. Но она
не сказала: иди ко мне.
У тебя есть важные дела.
Ты ими и занимайся. Слово
„гарем“ рядом с Harum
Scarum & Petsy-Wetsy.
Суха. Ух гад! Да, это
слово из его лексикона.
Опять зимний пейзаж.
Но озабоченность. Но гримаса.
Метеорчик промелькнул, никто
не заметил.

9

человек-невидимка

Я ухожу, я неудачник, я потерял, я потерпел крах, я исчезаю. И Соловьев и Гальперин и Нусинов и Гончаров и Нестурх и Гозенпуд — в этих сводах под этими пределами. Но возвращусь?
Но поднимусь, превозмогая тлен и — что важнее — П Л Е Н. Гроза супружеских перин. А был ли он? Это как с коньяком у Никулина: это как с Матой Хари у Урагана: это как с Дон Жуаном у Шоу: очень хотелось иметь такую легенду, и такую легенду создали. Наследница бандитского золота на Остоженке была на какой-то особой ноге с Ильей Романычем, и я это сразу заметил еще в трамвае, который шел к Ростокинскому проезду. А с Ларисой Столяровой он говорил на Остоженке в 1949 году, а она ушла к Белле Ильиничне. Вот был интересный разговор. Был бы, если бы. Если бы он был.

— Ведьменыш! — с жаром сказал референдарий.

А Иван Львович Толстой — Ваня! — любимец Ясной Поляны и надежда гения — не состоялся. Ваши чемоданы с заграничными наклейками. Я им покажу. Я им покажу русскую поэзию. Они тебе покажут государственную безопасность. Это хорошо. На этом бы и остановиться. Но было и другое. Была и вавкина парикмахерша, у которой стриглась и Н. Столярова. Человек-Невидимка тащил один чемодан, а другой уже был на Лубянке. Но он этого не знал.

5-й план и вышел в символы.

Я возвратился в меловые пещеры Белогорской Крепости, хотя и без помощи капитанской дочки Гуттиэрэ. Замок на Миссисипи — мечта любимца Нового Орлеана. Но мистер Иби-патриа не ценит. Оценит, когда потеряет. Ах, как много лишних слов. 25 придатков к одной гениальной дочери.

Что-то Вы сегодня такой красивый, даже страшно, а? Были б Вы помоложе, я бы Вам этого не сказала. Такое оскорбление. Слишком много про хунвэйбина. Тоже мне титан. Рядом с „Морозом“, да, но не больше. „Метастазы“, конечно, исключают интерес к этому искривленному пространству.

10

человек-невидимка

А. Шайкевич — самый гениальный придаток к вашей гениальной дочери, Софья Исаковна. Я никогда этого не отрицал.

Опять пошла эта . . .АДА.

Вы напоминаете Сашу Курепова. Вот кого. Я весь вечер сижу и думаю: кого он мне напоминает? Еще один придаток к одной гениальной дочери. Она уж по-французски чешет "Любовника леди Чэттерли" не хуже, чем романы Франсуазы Саган. С этого и надо было начинать. Мамина вера в гениальность дочери - 4 плана, по крайней мере, как всегда, и самый важный — 5-й план — позабылся. Просто забыт. Совершенно не касающееся этого вдруг выходит на первый план и даже вырастает в неожиданный символ.

Кому подражает тот, кто плохо пишет? Кому это интересно.

Телега взбирается в гору в последний раз. Еще один миг, и ВСЁ. Костыли, потом круп лошади, потом белая гора в страшном ракурсе и жуткий спуск.

Падающая камера на вертолете для синерамы Александра Митта: он понимал, он мрачный гений и даже юморист. Знал уязвимое место. Тут есть только два варианта. Или ты пользуешь или тебя. Третьего не дано. Что значит пэссив войс по-немецки, об этом в ИИИ. Насколько ты ему понравишься, — сказал Шухарин о Шолохове. Шатилов был возмущен. Шепилов: ух гад! И он читал троцкистский роман. В Ташкенте, а не в Москве. А кого брали? И фотокопия — самое главное с подчеркнутыми красным карандашом "эмгэбэшники", "эмгэбэшники". Видал на антресолях рядом с "ню" на стене.

Опасное открытие, ничего не скажешь. Она смутилась и тем самым себя выдала. Ему-то что. Он плюнул и уехал. Он и сказал: приятно, когда тебя принимают за настоящего писателя. Еще бы. Вот тебе и хваленая Британия. Увы. Любовь к Лондону страшная, как всё на расстоянии. Впрочем, там есть клубы.
Juxtaposition once more. Зачем тут марка.

11

человек-невидимка тащит чемодан

Черная папка с лентами, пленкой, микрофильмами, стенограммой и фотокопией — памятник почти в кармане. И у этого гада были такие возможности? И этот гад все выГАДывал? Все заГАДывал. Все ГАДал, пока не проГАДал.

На Скаковой улице посидишь 5 минут и встретишь или маршала Буденного или Сережку Войтинского. Это как Тверской Бульвар. 5 минут посидишь и встретишь или Молотова или Сашу Тарасова. Кстати, почему он стал хромать? Кстати, что это они за моду взяли: все с бородой и прихрамывать? Это что, они нарочно что ли? Даже Есенин-Вольпин стал работать под Юла Айтна: сначала бороду отпустил и его стали смешивать с Юлом, а потом стал ходить с палочкой, и его стали принимать за У. Малапагина. Жена декабриста даже смущается. Идет между двух мужчин, и оба друг на друга похожи.

На Скаковой улице мы были с Наташей Верховской. Мы скакали на лошадях верхом: 80 копеек в час. А я видала Буденного. А я видал Ворошилова. Оба играли. Один проиграл, а другой выиграл. Оба похожи на братьев Куреповых под шафэ.

Красивый мальчик! Она даже вздохнула. Это надо же! В самый неподходящий момент он ворвался в нашу жизнь. Как прав был старик Введенский на улице Луначарского, когда не спорил с Виктором Иоэльсом. Картины-модерн — единственный алтарь, на который стоит приносить жертвы. А у него не было рисунка Модильяни.

Хуторская гениальность по хуторам няньку для новорожденного, мать-кормилицу с толстыми грудями, по хуторам на лошади. Анна Петровна знала дело. Она его прятала под кроватью??? В тот день от полицая до ночовки, которая не состоялась?

Аккуратный бисерный
почерк рядом с „подписью
расстрелянного“: тоже
триумф хохлятского юмора.
Дочь полковника — да. Вот мы
и забыли первую любовь.
Портрет Олдоса Хаксли.
Т бы СК СЗ ХБ Р, да.
Ну это уж слишком.
А где она сидит? В каком
погибшем романе
это уже было?

12

человек-невидимка

Максимальное удовольствие получала не Софи Лорен,
а самая младшая дочка Чарли Чаплина, об этом хорошо
написано у Ефима Зозули.
До сих пор в ушах звенит.

Ах вон что.

Она просто мстила за невнимание. А он обиделся за свой коньяк. Сразу трех на одном полотне на одном пейзаже, а она искусала губы. Он ей, конечно, сказал. А она подумала на нее. Тоже месть, как потом оказалось. Не надо трогать руками. А чем надо? Так прямо сразу и можно? Возмездие по-деревенски. Сел на автобус, уехал в Мытищи — с кем? да без бабы! - и прокутил 5 руб. Только и всего?

Пастух — да, но с магнитофоном, на лошади и с Булатом Окуджавой на ленте. Хозяйка приглашала на телевизор. Ты правильно ответила. Он нам и дома надоел.

Журналист из Рима с кинокамерой в Карелии:
газеты служат времени, звучит только по-немецки, если
бы хоть "журнал Печорина" или общие тетради Виктории
Родд, а то даже и не Симона де Бовуар, не считая Первый
Курс и триумф Эльзы Триолэ. Все время у него уходит
на изучение русского языка. Я даже вдруг потеряла к
нему всякий интерес. Он не очень настаивал. Один раз
был рискованный поворот. Я сказала, я ему завидую
только не из-за двух магнитофонов и трех телевизоров,
а возможности духовного общения и книги и литература и
кино на языках. А он не ценит, а ему это ни к чему.

У меня два телевизора, но я несчастлив.

Было много, и я не знал, что с ними делать.
Эти возможности казались головокружительными,
когда их не было и потом, когда они были утрачены.

Конечно, для нее метастазы.
А дерево — хороший материал.
Неудачница? Вызывает бурный
протест. Да, стара, я с грустью
озираюсь на тома западных
энциклопедий. Когда-то, когда-то.
Робот отдали?.
Вот преступление. Послала все-таки
теплые вещи? Не тот телефон рядом
с чужим замыслом. А мне? А я?
А когда же я? Чья интервенция
только способствовала, тогда
как должна была помешать? Она
отравила. Кого?
Нам лето. Она еще отравит.
Вам осень. Так и будет.

13

человек-невидимка

До и после. "До" — это была мечта. "После" — это была катастрофа. Я дождусь во имя души, которая диктует у турецкого вала почти под Тартарэна из Тараскона, который пишет на полотне письма с мельницы. И этот мрачный колорит, жуткий холст — Саша Дмитренко обиделся. Это было последнее письмо с моей мельницы по-французски. Ветряной мельницы.

Калиста Попова читала Достоевского "Маленький герой" и говорила Нонне: это все про меня и про тебя. А клеить надо было раньше. Было б опять много денег, не знал бы снова, что с ними делать.

Мечта была похожа на крушение, но все-таки, но все-таки. И Драйзер не забыт, хотя и заброшен. И чужие миллионы временно. Она все-таки не забыла, не подвела и не предала, как обещала, не обманывая. Утром рано я получил посылку по почте.

Любовь пастухов — пропил 5 рублей, и она его ругала матом на букву В, только с суффиксом "юка". Как всякая деревенщина, как хуторской гений с его хуторской авторской лексикой: уж лучше б он оставался хуторским гением, чем вот так обезличил и ни туда ни сюда: до Тургенева не дотянул, а от оригинальности ушел. Как турецкий вал и ворота Наполеона. Она спутала, конечно. Ворота Петра Первого, но ей-то что. Лучшее место на всем побережье Черного моря: отсюда были посылки в 1923 году. Где на раскладушке вдвоем: у тебя чудовищный член, у тебя ненормально большой член. Какой ужас! А ты, милый, попробуй, может влезет.

Тут сражен был наповал.

Чужой роман в новой библиотеке.
Ах какие спокойные, уверенные
шаги. Байрон этим бы не
гордился. Атлантическая
хартия: у них свои счеты.
Яблоки рассыпались по асфальту.
Не та, не та тележка.
Я к этой гире не прикован.
Теперь в моде Драгунский,
а не Уланов. Ну вот и конец.
Все течет, а мы не изменяемся.
Они тем более.
К 50-летию. Галочку поставить.
Вот был странный разговор.
Многоречивость — она штука
такая.

14.

человек-невидимка тащит чемодан

куда теперь?

Чему он ее научил, гениальный переводчик, и чему научить никого нельзя? Вот ужас. Тополь на спуске времен тоже Петра Великого, там и табличка на этот счет.

Толстой и Достоевский скандалили в английском клубе, осыпая друг друга оскорблениями. Обоих вывели. Да не Лев Николаевич, а его сын. И не Федор Михайлович, а его сын.

Талант и по дружбе тоже не передается, не только по наследству. Снится 4-е измерение. К чему этому неандертальцу чемодан с кредитками? Он даже не синантроп, он еще хламидомонада. Неорганизованный белок. Цитаты и банкноты — как стихи Тютчева: такой подарок. Кому что. Кому где. Кому как. Кому куда.

Иволгин постеснялся Настасьи Филипповны. И тут все наврал. Не сумел сказать правду. На самом деле этот тип выхватил пачку денег и даже не заметил, что обжегся. Но Достоевскому почему-то правды было мало. Он все наврал /Наст. Филип./: ей было больно и противно. Веселый человек — как Шолохов. Как Мишка Лермонтов: ну изводил, ну чисто изводил. Он бы заел. Дал жизни и не дал бы жить. А так с "Ниной" и получилось.

И еще одна картина.

Эта деталь давно вышла в символы, а сначала была ни к селу ни к городу.

Капитан Лебядкин знал дело: почерк левой руки у всех людей графологически одинаков. Уланов ошибся. Он не знал, что за пастухом с магнитофоном с записью ульянковских соловьев — будущее.

А они лгать и не собирались.
Меня останавливало другое.
Я давно не открывал Тургенева.
Случай на кухне не повторился.
А в этом и не было необходимости.
Герострат слишком откровенен.
Он требует КФ. Речь шла
о последнем памятнике.
Симплициссимус работает на
первую гонор. Бабеля, не больше.
Интересно только для Ташиста.
С трудом читается, с трудом.
А когда-то было легко войти,
как в Белый Дом.

Человек-невидимка
тащил чемодан;
а Ч. принимали на хранение
только от Героев СС и чемпионов мира.
Я догадывался о существовании
заговора двух В:
„Ну почему же ничего
не получилось? Ну почему же?“
Одна другую упрекнула:
— Ты даже этого сделать
не можешь.
Недаром, человек-невидимка
& Hexenküche
--------- да, вспомнилось; это
ошибочно ушло в „Первую
комнату“.

1

ОН УШИБСЯ ОБ МИРОВУЮ ЛИТЕРАТУРУ

18.1.67

Тогда пишущая машинка — злейший враг уже из-за одной легкости, с которой она берет всякую ерунду. Старая стенограмма в читабельном виде начинает бесить, как всякое топтание на месте. Лексика не та. Способы воскресить забытое впечатление не те. Да и возраст другой. Что он там говорил о кроликах? Скорее знакомство с книжным шкафом. Закончу эту страницу, а мог бы и не начинать. Вот это и называется крутить со всей силой. С таким же успехом можно было отыскивать иголку-цитату. Или читать вслух что надоело. Процесс другой. Любым способом.

Ритуал не тот.

Полоска цветной бумаги.

19.1.67

Они же живут идеями-заскоками-завихрениями, а писать письма про завихрения неинтересно. Было. Пробовали. Письмо осталось без ответа. Все хотят на старости лет сделаться внутренне помолодевшими. Мы теперь добрые. Нам теперь можно писать письма. Как девушки в гимнастическом зале. Как чужая книга о сверхмиллионере и деловом человеке, которую написал, конечно, нищий и мечтатель. Так братья и не познакомились. Сестра Н. добрых чувств давно не вызывает. Бог с ними. Читательша — это жена читателя. Как сказала одна мыслительница. Недаром-едрит-твою-в-дышло воспитан ты был кулаком. А потом отношение к старой стенограмме — как к чужой книге: тут-то и начинается шекспиризация. Тут-то и полет. Не жалейте Збышека. Но слова-то сами по себе — какие бледные в отрыве от контекста всего цикла стихов "Комедьянт" Марины Цветаевой. Этот пулеметчик мне осточертел. Идеальный читатель для Михаила Булгакова, нет, скорей наоборот, совсем не читатель для Михаила Булгакова.

2

ОНА УШЛА В АНТИМИР

Прожит еще один день.
Я задумчиво провожаю
фигуры, исчезающие в
тех воротах. Без даты,
без даты. И этот шрифт
не помогает и эта при-
вычка только мешает.
Ухожу в антикосмос –
это, конечно, не то же
самое, что в антимир.
Узкие полоски текста
когда-то помогали, а теперь
и они не в радость.
А там ничего и нет.
Мысль начинается с
насмешки над чужими
словами, а кончается
всерьез. А потом мы на-
чинаем думать всерьез
теми же самыми словами.
От пародии к трагедии
и от трагедии опять к
пародии. И это не надо
было. Тут не уместны
имена и даты. Мы уж при-
выкли не оставлять сле-
дов. Она ушла в антимир.
Это верно. В жанре раз-
говора с пассажиром:
жуть! Разговора не было!
Она его засадила? И че-
го этим добилась? Девуш-
ка, которая дожидается
телефонного звонка. А
потом оказалось, что это
самое важное. 8.9.66

ЛИХОСТЬ НАЧИНАЕТ РАЗДРАЖАТЬ

Ритмы, навязанные новым способом. Тошнит от такого начала. Ценность повышается от того, что выбрасывается. Когда начнешь что-нибудь понимать, не забудь сказать мне. Тайна чужого ремесла. Секрет производства так и остался секретом производства. Андрей Белый: как мы пишем? Это как печатать через 3 интервала. Привлекательно своей неповторимостью, а я ищу повторов. Ценится своей уникальностью, а мы изучаем частотность. Слово как бы выходит из употребления, а мы стараемся его употребить. На этом формате - ощущение тупика. На сушу не вылазит рыба. На самом деле она только тем и занимается. Она все время пытается вылезти. Хотел я чем-то другим заняться. НАХОДКИ ПО ЧАСТИ ЛИХОСТИ — не ваш стиль. Ваш стиль — серьезность, сдержанность и точность. Об этом и надо напоминать почаще. Там, где ближе всего Чехов "Черного монаха" и "Дамы с собачкой". Ковры, ковры: не вру, не вру. Уже 40 страниц в кармане — это теряет всякий смысл. Не поймешь для чего: перечитать или сохранить? Все равно прочитывается только 4 страницы.   16.1.67

4

Чтение с машинкой
на этом кончилось.
Ужас, сон, реальность, горшок не
на месте, крик в темноте, она
проснулась, это же преступление,
будет наказание: она утешила, он
успокоился и уснул. Но лексика-то
теперешняя, а события 11-го века.
А потом вдруг неожиданный вывод: не пере-
читывая, так и оставить. Утро прошло не без
событий. Но Бортнянский и тут не растерялся.
Нашел тоже конфидента. Прямо террор прямо
терроризирует всех прямо политику террори-
зирования всех в квартире прямо на кухню
хоть не выходи. ИНИЦИАТИВНАЯ ЕДИНИЦА
молчит: ей бы заварить
кашу

Ж О Л У Д Ь

Был такой ЖОЛУДЬ: предназна-
ченный для разрезки, на него
опять махнули рукой: и так
читать можно. Но это была
ошибка. КРАСНЫЙ ТЕЛЕФОН именно показал: затмение
в авангарде. Все идет не дальше ритуала. Смотри,
как оказывается все ненужным. Смотри, как играет
простая случайность. Вымученные отметки бледнеют
на второй же день. Он зеленеет, а не бледнеет, но
об этом ни по красному ни по белому телефону
не расскажешь. Значит, надо делать что-то еще.
Афоризмы писал акварелью. Почему все забыли про
Лярусс? Там есть отметки, не подумайте, что они
мои, потому что они очень глупые. От других от-
меток я бы не отказался. Целое повествование на
тему: какой дурак: не понимал, допускал сомнение-
неверие, недопонимал, не знал, недооценивал: какой-то
лепет идиота, в чем и расписался тут же.

5

А лучше было перечитать "Игрока в крокет". Или еще раз страницы про попытку возвратиться к рисованию. Где было написано про ритмы хамелеона. Жуть. Может, это и

М О Н Т А Ж

но теперь это уже не имеет значения.

10.1.67

СВЕРХЧИТАТЕЛЬ — главное, читатель-артист, тоску по которому выразил Илья Сельвинский. Мышке мышкино, кошке кошкино. Машина удалялась, делаясь все меньше и меньше. Большой пожелтевший кленовый лист падал, медленно поворачиваясь в воздухе. Тут суетился деловой человек. Как потом оказалось, он — профессор и декан, но питать Надежду должен был не он. Но подавал надежды прежде именно он. Эту скамейку, эту скамейку, эту скамейку мы будем рассматривать до бесконечности, пока зрителя не затошнит от обилия ложно значительных деталей. А музыка будет нагнетать и подчеркивать атмосферу ожидания, пока наконец не зазвучит какой-то тревожный бас и в заключение не появится просто слово "Конец" /фильма Антониони/. Значит, самое время развернуть пьесу Бернарда Шоу и на самом видном месте ПОСТАВИТЬ ПУЗЫРЕК с резиновым клеем. Резиновый клей только подчеркивает мимолетность наших композиционных задач и постоянство тщетных усилий. Я все равно паду на той. На той далекой но которая ближе всех. Именно так он и говорил, идя по заснеженной улице без тургеневской фразы о январском морозе под московским небом. Неожиданно и странно отозвалась дивная власть. Но я не узнал почерк.

Опять я слышу этот голос: но в этом нет ничего нового. И это было. Опять я вижу это лицо и эту гримасу. Не понравилось мне. Не понравилось.

Значит, и этого не надо было делать. И этого. Перенос. Перенос. Перенос. Как же это все перевести? Это будет Пушкин или Лермонтов. Прочитайте еще раз. А что такое Сэлинджер по-русски? А что такое Юрий Олеша по-польски? Это то же самое, что Франц Кафка по-испански. Забавно жить, забавно знать. Не больше. Но ты разве не знал, что примешь участие? Тебя заставят. Ты и сам не заметишь, как примешь. Так уж все построено. Так.

7

17.1.67

Осторожный подход к теме на следующий день: и надо что-то сказать, и говорить не хочется, или даже, может быть, не нужно. Тогда начинаются слова вокруг да около. На третий день все будет высказано все равно. В этом все трудности, в этом свои прелести. Запас чистой бумаги, которой полагается быть испорченной. Имя его неизвестно, да, он аноним и записки у него анонимные, судя по интересам и информации, он принадлежит к узким партийным академическим кругам, такой пенсионер, который любит записывать, ну графоман, конечно. Не Михаил Булгаков, хотя читать его интересно, он много сообщает интересного. И это можно выбросить. Сказать-то больше нечего. Мало того.
К записанным словам резко отрицательные эмоции. Просто противно смотреть на старую стенограмму. Она, наоборот, новая, вчерашняя. Я украл у нее сердце. Еще обиднее, что и не заметил. Вот как писал он в 12 году. Как афоризмы, написанные акварелью в общей тетради для великих мыслей. Одна этажерка была нормальная, другая высоченная под потолок. Это все и определяло. Вещи в первой комнате. Или слова: яблоко и облакА. Будильник: как они узнают, который час? Цветные карандаши. Медведь под кроватью. Зайти в темную комнату храбро, уверяя себя, что никаких чудовищ в темных углах не бывает и не может быть. А вдруг есть? Для чего это нужно было? Иголку потеряла: событие. Иголку нашла: событие. Цитату потерял, цитату нашел, вот какие были события. Слово "ревнует" не подходит, но без этого слова вообще ничего не поймешь. Гуляйте с бородатым мужем, гуляйте, не собираюсь, не буду, нет, нет. Голос прервался. По поводу солнечного сплетения что-то насчет здоровья, мы не разобрали. Ерундой я занимаюсь, ерундой!

"СТОИК" НАЧИНАЕТ РАЗДРАЖАТЬ

Заставляет вчитываться в его лексику, явно портит твой стиль, и только изредка дает улыбку. Он стоик. Он стоек в своем непостоянстве: бабы ему нужны как символ и как стимул. СВЖ ПЕЦ НУ. Разве не то же самое? Ведь по существу нет ничего у Стефана Цвейга более близкого к Достоевскому, чем "Письмо незнакомки". Накал эмоций как еще выразишь, если не нанизывая синонимы и синонимические периоды? Мы открываем номер со страницы юмора и потом все остальные получают странную окраску. Вот чем хороша была дивная власть: только что остановленной мыслью. Иначе получается собрание чужих стилистических находок, потерявших свою свежесть и значительность. Затаскано в кармане еще до того, как ты положил его в карман. Ритуал, которому нет конца. Усложнение там, где могла бы свободно быть ясность и простота. Что это? Стилистика Гоголя? Мы начнем читать с резиновым клеем, и давно известная эфемерность такого текста будет только подчеркивать мимолетность наших постоянных усилий. Какой он к черту стоик? Диоген в чужих постелях! Что было в "Гении" у Драйзера? Что было в "Творчестве" у Золя? Ничего не помню. Помню только, что когда-то склонялись эти имена. Это не сверхпроза, это выяснение отношений. Отношения должны быть выяснены ДО ТОГО, как кто-то будет читать. Тут мы опять запутались, и никакая полоска цветной бумаги не поможет. РИТУАЛ 16.1.67

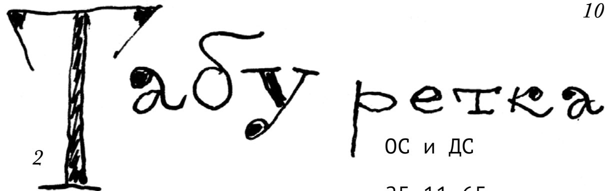
Вот где проглядывает начало того конца. Вот на этом и будет остановка. Остановка — почти единственное слово, которое можно напечатать на латинской машинке.

11 стр.

Т А Б У   Р Е Т К А

1

2 последние спички. В коробке осталось 2 спички. Ветер дует сильно в лицо. Священное писание в кармане, и сделаны все выводы. Я внес волшебную струю. Ты впер бобровую струю. И всё кончилось. Такой финал. А возьмите, к примеру, Мао-да-Бздуна и проблемы мау-бзду-низма, — не то же получается? Ведь вонь-то на весь земной шар! Валерий Брюсов рядом со стихотворениями Владимира Бенедиктова. Волхвами славится Халдея. И даже добрый Ким Ха-ХА-ха ничем не может тут помочь. И княжеский дар им не нужен. Нам, а не им. Им-то как раз нужен. Они без него просто не могут. Но смысла надписи зловещей никто из них не разгадал. Это конец травы. Это асфальт под снегом. Чего изволите? Так бы и сказали. Так бы и давно. Гордый Варяг: врагу не сдается: где самая чистая рубашка, нам самое время "погибаю, но не сдаюсь". Садитесь, я вам рад, и можете держать себя свободно. Прустианка в лесу страдала от комаров. Такой клев. Удочка вышла в тираж. Круглый нож и запах воска в маленькой комнате с видом на асфальт через решетку. ДАНС МАКАБР: он читает Натали Саррот? Пусть дактили дрогнут! И дактили дрогнули. Наши Дактили работают, как ваши дактили. Он вдруг рассвирепел. Не знаю, как у вас, а у меня еще действуют! Перезвон пасхальных колоколов воскресил детективную историю. Он переводит "Коран". Полтора Козакова в первую очередь. Макабрическая макулатура. Не из того теста.

10

2

ОС и ДС

25.11.65

Я хочу сделать из дивана табуретку. Не надо. Совсем не надо. А что надо? А надо взять чужие слова через 10 лет. А надо прочитать стилистику Гоголя и сделать все выводы. А надо через "тошно перечесть" возвращаться и возвращаться к одному и тому же. Испорчена маленькая страница. А там уже все написано. Там, наоборот, нужно отсекать лишние слова. Ленту пора сменить. Усеченный синтаксис приводит — к чему? К иллюзии, будто можно перешагнуть через всю жизнь. К иллюзии, будто можно утешиться одной ошибкой. Тут еще кое-что необходимо. И теория пародии хороша только практически, на образцах и примерах. Обобщения ни к чему, если они не подкреплены фактами, как подтверждающими мысль, так и отрицающими. И как всегда, важней всего оказываются пограничные случаи. Линия четырех табу: просто другой рисунок абзацев. Три формата, семь ветров, сс-слишком много направлений. ОС и ДС. Не больше. А для разгона. Да, это очень похоже на все остальное. А что если? Наши заветы и ваши наветы. Опять что-то ветхо-/НА=?/-заветное. Вот как теперь демократично. Слыхали мы. *Как все это похоже на все остальное!*

трава 11

ГОШНО переЧесть Значит через ТП
Значит через С и СЗ
Только так. 5.12.65

Т А Б У   Р Е Т К А

3

Трава, потом трын-трава, потом
снег на траве и трава под снегом.
Хорошо он придумал "Слова". Просто
слова и ничего больше. До него
это придумал Гамлет, а до Гамлета
Экклезиаст, а до Экклезиаста Евпомп,
но все равно Ж.П. Сартр хорошо при-
думал, что женился на Зониной. Она
и придумала. И он впервые познал
эксплуатацию человека человеком.
А с Симоной де Бовуар он этого
не понимал. И она с ним. 25.11.65
Вот как действует новая копирка.
ВСЕ ДЕЛО В КОПИРКЕ
Слова потом у всех жужжат в
ушах, но не все вскрикивают от
боли. Ой-мамма-миа!
НЕ НАДО СЛИШКОМ МНОГО СЛОВ
Вот чем хорош английский. Никогда
в жизни ни разу не слышал ни од-
ного оскорбления, ни одной оби-
ды, ни одной неприятности на анг-
лийском языке. Музыка. И вежливо.
Все время на ВЫ.

Трава, слова, вот чем хорош английский язык.

12

табу-ретка

4

С такой надеждой, с таким напряжением человек смотрит на дверь, как будто /ЭЗ ИФ!/ сам Победоносцев должен сейчас войти. Обедо= — возможно, Бедо= — тоже, но не Доно=, по крайней мере. 45 минут ожидания. А разве возможно не прокомментировать и не подписать? 15 минут вопросов и ответов, и задача готова. У вас готова репутация осведомителя, хотя вы ничего, кроме "да" или "нет", не говорили. Цитатчик, талмудист, эрудит: ничего сам не говорит, все прячется за цитату. Разгадали и этот прием. Если "А-А" — это против А, то 2 вывода: 1/ если А против СВ, то значит "А-А" за СВ, 2/ если А за СВ, то значит "А-А" против "За СВ". Но это надо доказать. Нет, для этой операции нужен другой человек. Да и то. См. стр. 163, "Подводя итоги". Это ваши итоги, мсье, не наши. Вот начало нового мира. Такой финал. Крючок — да, но не та наживка. В 125-й раз конец "Кафе". Одесский ферт скажет свое одесское "фэ!" Читал бы великие книги, так нет. Ведь так и не прочитал. Все время только собирался. Мистер Марк Бонэм Картер сделал свое заявление 12 ноября, через 2 месяца и 4 дня после ареста А. Синявского. Насчет "уйти" хорошо на 9-й странице. Книга для профессионального читателя. Не больше.

as if

цитат много

Если!

13

5 Табуретка

Вдруг стало холодно и сиротливо. А дом пуст. А душа дома исчезла. И все уже не то без нее. На дверях висит замок, а в доме громкие звуки фисгармонии, кто-то играет. Это что еще за чудо? Мальчишки пробрались через окно и наяривают на фисгармонии. Ее вызывали не один раз и спрашивали: не она ли — мать смогизма. Она отрицала. Она говорила: нет, она не мать. Главный смогист, оказывается, на свободе и слухи о его аресте преувеличены. Он просто уезжал в другой город. Были, конечно, и другие вопросы, но ответы на них не пересказываются. Из четырех стихотворений, опубликованных рядом с прозой Абрама Терца, три посвящены ей: имя, отчество и фамилия. Через кого передавали? От кого получали? На них ответа никто дать не смог. А т. Авторитетный заявил: мы не против опубликования, мы против нарушения законов в части валюты: они ведь контрабандой получали деньги из-за границы. Вот за это их и будут судить. У меня он больше не будет. Он без приглашения не придет. Стр. 13: страшная боль во всех уставах. Во всех суставах. Не заснуть, не забыться, не найти места: мешает боль. Вот начало нового мира. А следующая глава: Костыли — Это Мечта. Можно ведь ходить на костылях. Вот счастье. Я сохранил эту страницу, истоптанную полицейскими сапогами.

14

СТИЛИСТИКА ГОГОЛЯ

6 табу =речка

Ты все карабкаешься, царапаешься, из последних сил, а тебя по морде, по морде. Люди бьют, а природа добивает. Видали, как я плавал? То, чем я занимался, называется плавание. Видали? Это называется плавать. 25.11.65
Операция называлась "Черный портфель". Но никто не имел наглости /тра-тА тра-тА трА-та/. Да, но он имел наглость сказать. Да, да, да. Ямал и Таймыр. Четыре жертвы гражданского мужества. БРСВП — не жертва, он кое-что еще. Чтобы сопротивляться зловредному обаянию, решено было не видеть. Когда видишься, невольно поддаешься. Такой финал. Товарищ беспардонно врал.
Не надо ничего запоминать специально. Нужно просто вспомнить то, что само собой запомнилось. Да, но тут совсем другой принцип. Тут цитата наоборот. Чужие выверты потому что. Свои выверты считаются достижением стилистики. Вот если бы он проанализировал "Черного монаха" или, ПКМ, "Даму с собачкой". А у Гоголя как раз интересней всего "Театральный разъезд". А Белый о нем ни слова. СТИЛИСТИКА ГОГОЛЯ от Переверзева не пострадала. Пострадал Нарежный. И Марлинский. Конечно, на другой день я бы не пришел в ужас. Просто не запомнилось и все. Чей это псевдоним?

7 Табу ретка?

Но такая нудятина получилась и слишком много нейтральных слов. Они когда-то играли на один месяц, но уже через год потеряли всякое значение. Вот тебе и цена актуальности. Вот тебе и хроника. Самых значительных слов там нет. Они попали в дайджест случайно и совсем из другого источника. Чудак, ему нужно руководство на каждый день. А действовать кто будет? Ну уж как такие действия, так лучше бездействие. Иронический пересказ уничтожает самые важные подробности. А там нет ничего смешного. А мы разве ищем смешное? Смешное мы сами придумаем, нам важно узнать, как все это будет происходить. Ага, значит он струсил и теперь жалеет, ага! "Возвышенная организация" так и не увидела свет. А у "Атомного оружия" и не было 4 читателей. "Бунт" читался в одиночку. Вдруг играет тоска по погибшему роману. Там было коечто. КОЕ-ЧТО там было. Питались бы кусочками запретного пирога отсюда.

16

Т А Б У р е т к а

8

Да бросит она его в конце концов!
Нет, ей еще хуже. Правда, в некоторых
отношениях она богаче. У нее 4 нап-
равления: на Титикакском направлении
ничего существенного не произошло.
И присвоить ей наименование Огнен-
но-Земельской и отныне именовать!
Ему это заменяет оргазм, как говорит
Хаксли в книге о Южной Америке. Я не
коллекционирую оргазмы. Чепуха! Куку-
шка хвалит петуха. Ха-ха, но почему
петух ни слова про кукушку? Вот-вот.
АВЕ, Цезар и Мариа, Грациэ Плена! В. Брю-
сов в дневнике за 1903 год: и этим
вождем буду я! Вот чего она не про-
читала вслух. Она не понимает. А Ла-
ковая Живопись понимает. И Лишняя Ж-
ертва понимает: ах, как хорошо я вас
понимаю. И Липовая Ж тоже туда же.
Она ведь тоже инфернальная! Он ее наз-
вал Наташей Ростовой. Струсила? ГО, ГП
Атомная ласточка и водородная неза-
будка. Не забудут никогда. Тут намети-
лось что-то несусветное. Высшее мужест-
во и трусость совпадают по некоторым
проявлениям. Боится? Где стол был яств,
там ГРОБ
стоит.
Вот она лежит.
Кукушка, а не Астральное
Тело. Белая магия и черный
хлеб: мы бледною немочью
заражены со всей справед-
ливостью нашей суровой.

9 ТАБУ РЕТКА

Акварельный рисунок 4 категорий только для Кима Хадеева. Так вы прямо и скажите. Так бы и давно. Через "тошно перечесть". Через "стыдом и страхом замираю". Только так: кто куда, а мы в КИНО.
Через Патрика Денниса.
Без Патрика Кесселя.
БЕЗ НАТАЛИ САРРОТ
Не с ее носом, но ему есть кому читать. У Нео, то есть: прямо с листа, а ливр увер, как с кактусами, прямо по-русски. ИспольЗОВ-ывает во-всю. А она только подвывает. Башня в городе Пиза упала. Это произошло в день 16 февраля 1981 года. Никто не обратил внимания. Все были заняты выстрелами в темноте. А ты, Маленькая, сбегай за столичной: товарищи же обожают отличную столичную. Позвони, скажи: горим. Пожар на Великом Варяге: врагу не сдается наш гордый варяг. Через 15 минут все будет кончено. Вариант на 4 часа не подходит: 25 раз сойдешь с ума в ожидании. Расчет был точным: соседи не пострадали. Никого в живых в комнате не осталось. Дочитали? Дошло? А теперь — 4 секунды — ваше последнее слово. Такой морской обычай. А у всех моряков красивые глаза. Побриться можно? Ритуал. А сходить в уборную. А хотя бы в сопровождении. Да, но моча, как власть, бьет в голову. Что значит молодость мочевого пузыря. А мы давно вас ждем. А мы вас ждали-ждали. Но есть и третий вариант. А Два варианта остались в стенограмме.

10 Т А Б У Р Е Т К А

Или всех или никого. Или только двоих. А для верности 37 на 24 часа. Заполнить бланк и подписать и все. Самое время: у нас такие события. Ух ты! Но была задумчивость, тогда как должно быть восхищение. Пора сменить ленту. Болото, топь, проваливаешься, сыро, мокро, под ногами хлюпает и комары кусают. Целоваться только стоя, да и то комары не дают. Прустианка возненавидела этот лес. На третьем озере был такой клев, что не до чудовищной чувственности. Кошмарный клев. Ему девочка призналась: я ведь тоже инфернальная. Она заметно за 4 года ороковела. Такая худющая костлявая почти невесомая, не девочка, а кожа да кости, но за 4 месяца раздались бедра и зад и все остальное до неузнаваемости. Ее же не узнать. Но все-таки декоративный эффект, но проблема совсем другая. Волки воют на рассвете. Только листы из новой подборки и только слова на полях уже законченной книги. Дед пчеловод вместо переплетного ножа употреблял черти что. Мечта была как данность. Но только в книгах Натали Саррот и только в лад с поэтом, с которым некоторые не в ладу. Лада радуется заранее. И я тоже хочу, чтоб его немножечко потрясли. А то он забурел. Пусть дактили дрогнут. Дактили и дрогнули. А ей живется черезчур спокойно. А Тоона То-онас слишком жаждет приключений. Им надоело без событий. Полтора Хама в вашу пользу. Трезвон со всех 25 сторон. И отозвалось. Пчеловод подрабатывал на воске и немного на свечах. А он боится появляться. На этой улице.

19

11 Т А Б У   Р Е Т К А

Начало положено еще Гоголем, а развил больше всех Андрей Белый. Нарежный был зачинатель и новатор только в области нарушения грамматики. А вы боялись, да? Всех чаще Т.С. Элиот. Всех больше Эзра Паунд. А принципы те же. Да, я боялся. Вас. И своих чувств. И чужой судьбы. Не из того теста Неистова-Бёдрая, хотя тоже пишет в "Советском экране". Кто куда, а мы в журнал "Искусство кино". Только слова, написанные на полях уже готовой книги. И только тушью и только почерком Бернарда Шоу. Последний текст. Последняя пленка. Кирпич. Для кого кирпич, а для кого поплавок.

Конец

ТАБУРЕТКИ

БЕНЯ КРИК : Я ДОМА   ВОСХОД СОЛНЦА НАД

ТАМБАМИ   ВОРОТА ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ЗЕЛЕНЫЕ ОЧКИ

КАЛИТКА В ТЕНЕ, ТУТ БЫЛ ТУПИК   ТРИ ПОДРУЖКИ

СРАЗУ ТРЕХ, ЗАКОННЫЙ БРАК   К В О К 1955

Главным образом слова в июле.

Сами учили не надо заниматься непроизводительным трудом. Надо как Дюма-отец: рукою мастера, вся бригада трудилась, а ты не забывай, что ты бригадир. ХУДБРИГАДА — это сила!: видал, какие 6 условий тов. Сталина?
В Москве не найдешь.

"Оформлять Кремль", — сказал Павел. Иосиф Тарантов замолчал и задумался: "А что можно предпринять?" Через 40 минут: "Надо что-то предпринять".

На койке лежала повестка из райкома партии. "Зачем тебя вызывали в райком?"

2

НО С УВАЖЕНИЕМ ощупывает
страницы переплета-бегемота,
как старое, но грозное оружие.
Этого у него отнять нельзя.

Под этот
стук, под этот бред,
пусть будет САД
на старость лет.

Рядом с фотографией из-за моря
Хвалынского в память о кофейнях
Цареграда, но меч бдит, отрубают
правую кисть у сдающихся аскеров,
а казнь по-турецки это сажание
на кол. Такая Голгофа — еще два
гола в свои ворота.

Из анекдотов с.э.: "Сосо, со-
сиськи по-турецки?" "Надоело
по-восточному, давай по-европейски".

МНЕ этого не надо.

Смыть.

Считаю преждевременным такое от-
ступление от истории. История мстит за
неправильные исторические параллели.

А 3-ю серию Эйзенштейн вообще не
осмелился закончить. Триумф опричнины
под "Скотный двор".

У живописца был странный разговор по поводу
"Заседания Реввоенсовета". Рассказ Шолохова тоже,
а вы знаете, как он раньше назывался? "Триумф
Бронштейна" или "Спасай РСФСР".

ФИЛИППИКА С ПОМПОЙ

БЕНЯ КРИК : Я ДОМА ВОСХОД СОЛНЦА НАД ТАМБАМИ

1

20 стр.

EN FAUTE DE MIEUX

1

Имей в виду, тебя будут кидать в кипяток и на гвозди, а ты виду не подавай. Гвозди будут резиновые, а пар будет клубиться над холодной водой. Это чтобы тебя испытать.

Лошади рванули и побежали по правой дороге. Как мы попали на третье озеро, если нигде не переезжали Дон? Или я просто не запомнил переправу?

Что-нибудь похожее на "Три кредитора": 120 слов, умещающихся на одной открытке. Мне эти польские афоризмы в копеечку обходятся. А ты попробуй их перепечатать. Трое в гостях. Лирическая сторона "Золотых плодов". Что-то я не знаю: куда это ушло? Своего голоса в будущих разговорах я не слышал.

На каждой странице слышу: я женщин научила говорить, но как их замолчать заставить? Такое перевоплощение никому и не снилось. Я почувствовал мистический ужас: кто передо мной? с кем я говорю?

EN FAUTE DE MIEUX
2

Вяз старый слева с краю в углу, рядом липа, рядом с липой клен, а потом тополь, ну тополя молоденькие: это выросло уже потом, когда был забор. За голубым забором тот.

Киндзмараули под номером 22, вино старого запаса, когда еще была нумерация. Ему крупно повезло, но он об этом еще не знает. Эти четыре страницы можно было и не выбрасывать.

Неужели я пишу стихи только для того, чтобы их перепечатывать на машинке? Увы, утешится поэт, но только не сразу. Неужели я пишу книги только для того, чтобы их никому не показывать? И того меньше.

When I meet an unmaimed man of my generation, I want to shout at him: "How did you escape? How did you dodge it? What dirty trick did you play? Why are you not dead, trickster?"

EN FAUTE DE MIEUX

3

A quoi bon lire encore les souvenirs des autres? Cela ne l'intéressait plus, aueun livre, et on aurait aussi bien pu brûler toute la bibliothèque.

An Irishman with a curious history. Born 1755 as Waldron, better known by the name of Barrington. George Barrington. That actor and playwriter who robbed the Russian prince Orlov of a snuff-box at Covent Garden, said to be worth £ 30 000. The pickpocket was detected and arrested, but Prince Orlov declined to prosecute and he was discharged this time.

But the subsequent proceedings interested him no more. 12.3.70

За соседним столиком кто-то сказал:

— Найдите мне в "Литературном наследстве" приблизительно за 1945 или 1946 год "Удивительную способность получать удовольствие от своих неожиданно наглых выходок". Это из черновых тетрадей Достоевского.

Собеседник поежился от громкого голоса, но тут же сразу перешел на зубного врача в поликлинике для академиков. Дул пронзительный ветер в последний раз на этой улице. Шоколадница поднималась по лестнице на третий этаж. Белая собачка выбежала с длинной веревочкой. Я ей сказал несколько добрых слов. Ты смотри, будь осторожен, сосульки падают, ты обходи подальше.

Случайно. Случайно. Случайно.

В далекий день мы встретимся случайно.

EN FAUTE DE MIEUX

4

Это как раз описание скульптур, неприемлемое для западного вкуса англичан времен королевы Виктории. Еще раз посмотреть на вредную картинку "Опоздала!" Запоздалая забота: или мама или старшая сестра пришла слишком поздно.

Он посмотрел на стены, на потолок, на окна и сказал: "Тут жила женщина" и остановился. Другой — и даже виновник многих событий — тоже сделал такой взгляд и сказал: "Эх жизнь тут была". Он даже не сказал слова "когда-то". Вот все легенды, мифы, поэмы, рассказы, эпос, фольклор. Считалось, что они, т.е. мы, должны ждать кого-то еще, чтобы о нас пропели песни и сложили рассказы. Они будут петь, а ваше дело умирать. И он погиб, судьбу приемля, как предсказал твой тетраптих.

Всегда готов я видеть разность между Ставрогиным и Достоевским.

106 страниц из других книг. Или 4 страницы под "Дивную власть". Или еще что-нибудь в этом роде, хотя главное — чтобы не повторился "Иван Сусанин" в 54 году, вот был ужас. Левитан на Волге: зачем я сюда приехал? Зачем льют дожди? Кстати проф. Серебряков — это тоже, в общем-то, клевета на Левитана.

Он мне не испортит впечатление от "Кривой японской сосны на пригорке", нет, это ему не удастся. Я буду тверд, я ни слова не скажу, все несказанное будет, в крайнем случае, на бумаге под карандаш. И хорошее настроение иногда только способствует.

EN FAUTE DE MIEUX

7
Конечно, можно было вырезать и прислать по почте, но для оценки того Таганрога важен весь антураж литературных приложений 1902 года в издании Адольфа Маркса.

НО ВАЖЕН ВЕСЬ АНТУРАЖ 30.6.70

That bird repeats himself. Broken reeds are seldom good mixers. It was too much for one evening.

НО НЕДОСТУПНАЯ ЧЕРТА меж нами есть. Есть конечно. Она то и дело кричит-вопиет со страшной силой. Вы ничего не поняли из того главного, что говорилось у закрытого киоска в рассказе о расстрелянном вожде и московском руководителе. Скажу сразу: речь шла о безответности капли воды, которая, начиная жизнь-путешествие, весьма высокомерно смотрит на море-океан и тем более на другие капли воды, и ей никто никогда не сказал "Осторожней, мальчик, тут крутой поворот". Плывите, раз научились. Плавайте, раз уж вы умеете плавать. Не ждите восторгов от других пловцов, а тем более от неумеющих плавать. Мало того. Еще что-то касалось лично меня в 1937 году, но оно же касается и лично вас в 1973 году, если вы будете живы.

И начинается КРУТЕЖ ВОКРУГ ДА ОКОЛО: сказать прямо некому или не хочется, а рассказать невозможно, а не сказать ничего еще хуже. Это напоминает то место с осетриной у Гурова в "Даме с собачкой" Чехова. Не будете спать? Я вам дам снотворное.

Сосна на пригорке у большой дачи — ориентир. Он, видите ли, там теперь будет и ему нетрудно будет по дороге заехать. Все равно с дочкой гулять. Или в таз или в вас.

EN FAUTE DE MIEUX

8 разрезать четверг, 2 июля
2.7.70

А МЫ ЕДЕМ НА ВОЛГУ

Так когда-то называлось сообщение по почте, были такие нежности. И при нашей бедности текст для разрезки по мысли — слова для устного неюмористического рассказа.

А ваша жизнь — расшвыривать слова

Она дошвыряется. Я ей испорчу весь уют. Еще одна московская помещица — да как она смеет — 20 копеек через швейцара подает, и откуда такая смелость: диктовать что и как и — главное — КОМУ! Впрочем, это только начало, а конец уже был в том самом месте, где Волга впадала в Каспийское море. Она будет опять плакать и рыдать по телефону. Меня не интересует, кому она в жилетку плачет по телефону.

ТАМ НАД ОКОЙ ОЧЕНЬ ОСТРО ЧУВСТВО

РОДНОЙ ПРИРОДЫ, ПРОСТОРОВ РОССИИ.

Это написано 19 декабря 1961 года. Странно. Страница, начинающаяся словами "3 дня в Ленинке" и кончающаяся "могло быть хуже" на листке карманного формата, исписанного под почтовую карточку-открытку.

7

WHAT MEN KNOW ABOUT A WOMAN

m i s t a k e

I came to him and caressed him so as to make him get up. He got up rather unwillingly and went to his job. Returned tired, I fed him and put him to bed. He fell asleep at 10, I — at one o'clock. At 4 he got up (he wanted tea), drank it, gave it to me, then lay down again.

Вся "Уклейка на учете" на этом основании написана для того, чтобы схоронить джойсовскую фразу п.з.а. Ну и что? Ну и вот что получается. Или читается все или совсем не читается. Или все извиняется, прощается, принимается или каждое лыко в строку. Самый неудачный ход — это просьба о шести страницах.

Частная жизнь господина Мопассана была исключением из той галереи бабников, которые страдали из-за своей внешности, пока после смерти их не стали называть жизнелюбами. Два кавалергарда на Невском: пустые люди, сказал ЛНТ, потом оглянулся и сказал: "А все-таки красиво!"

Я делаю вид, что ничего не случилось.

1 En Faute De Mieux, encore 4 pages
31.8.70

Но сначала надо привыкнуть к звукам. Именно такие звуки были тогда, когда я их не замечал и они составляли фон. Вот, например, звуки шагов. Что-то иначе.

Поезд ехал. Мы сидели в поезде. Теперь я не знаю, как перейти к Агате Кристи. "Призраки" затуманились, слишком много было "Призраков". Их нужно выбросить. Слово "мишура" в другом плане. В том-то и дело, понимаешь, что все начинается как будто на пустом месте. Просто способ. Как всякий другой способ.

Я делал вид, что ничего не случилось. И это еще хорошо, что у меня на это хватало сил. "Бессловесный 64-й год" маячил на горизонте.

Отказаться от этого метода я уже не мог. Ничему другому я не учил себя привыкнуть К.

Exactly.

2 En faute de mieux, I pretend that nothing happened, 4 pages encore

Один мальчишка крикнул: "Идет металло-арбузный институт!" Это замечание мне тогда не показалось остроумным. Я резал бумагу и примерял один костюм для нескольких ситуаций. В этом случае это правильно и даже правда и даже неоскорбление, а в этом случае это желание, далекое от действительности.

Я так и буду делать.

16 сентября 1958 года — "26-й день на скамейке под вязом". Несколько страниц прочитано /скажем одна тысяча слов/, несколько страниц просмотрено очень бегло, скорее пропущено, чем прочитано, как и подобает при быстром чтении, несколько страниц написано в этот день. Вот и все, что осталось от 26 дней, проведенных в больнице в этом году, и тут нет преувеличения.

Пользуйся хорошей погодой. Покатайся на велосипеде, но обещали кратковременный дождь местами. Еще немножко похоже на чтение чужой книги, когда вокруг много интересного другого, и хочется что-то сказать и даже услышать. Это по поводу в.с.з.ч.

EN FAUTE DE MIEUX, ENCORE 4 PAGES

3

Какая жуткая разница — от одного употребления имен. "К. сказала: "К. в н.", Инка сама сняла синие трусы, — — — Ракурсы г. кресла. Это все описано по-русски в обыкновенном учебнике для медицинских училищ. От одних имен сдохнуть.
Это отзовется.

Я не знаю зачем. Я не знаю, зачем мне понадобилась такая макулатурная штуковина. Один жест заменял целую страницу.

Поплавок шевельнулся и тут же, медленно погружаясь, пошел в сторону. Так клюет только лещ. Это фраза для доктора Гастингса, собеседника Эркюля Пуаро. Мисс Марпл появилась позже. Так клюет только лещ, но тут лещи не водятся. Какие тут могут быть лещи! Но так может клевать калинка. Считай, что калинка — это самый маленький лещ.

Запятая была нужна в другом контексте.

Уже нельзя вспомнить. Где-то был неоконченный перевод. Все равно. Не начинать же новую книгу с телефонного разговора.

Опытный человек дал ненаивный совет. Ты давай время от времени светлые промежутки, а то, знаешь, д. ц. п. — это безнадежный случай. Я ошибся. Капитан Лебядкин суетился в середине. Одни цитаты из Достоевского — вот что получилось при сокращении.

Я был занят интересным рассказом о наших общих знакомых, а он ссекал калинку одну за другой. Ему это не мешало. Ему это не мешало рассказывать, а мне мешало слушать. Зато я слушал слишком внимательно. Зато. Комиссаром полка был Захар Чайкин, и я не нашел собеседника для тех разговоров, которые были в полку возле хутора Вертячего на Донской излучине за 2 дня до прорыва немецких танков.

Вижу начало, есть конец, а в середине — видимость классовой борьбы. Наговаривает, чтобы избежать ошибок. Я тоже так буду.

11

персональный удар

I PRETEND THAT NOTHING HAPPENED 4
4

Нужно было взять машинку из проката. Это несомненная ошибка последней подборки "Летних заметок по поводу зимних впечатлений".

Если бы я писал для З. П., я бы выяснил, для чего он хотел меня столкнуть с Зайдлером и Коркешкиным. Я все тяжелей и тяжелей воспринимаю малейшие намеки на ИФЛИ. Как будто я там украл туфли у парня из 2-й комнаты, когда жил на втором этаже, будучи студентом второго курса. Как удар по самолюбию я воспринял и французские стихи. Долго же мне пришлось переваривать. 26-й день в психиатрической больнице, когда только на 22-й день я смог карандашом написать четыре строчки. Это было в 1958 году.

На ту же тему — "В мой колодец ты больше плевать не будешь" — написано не только "Жизнь пчел", но и "Царь и рыцарь. Стилистика скрытого сюжета. Вино урожая 1965 года". Да и, пожалуй, "Веер леди Уиндермир", хотя пришлось сделать вид, что мы помирились. Тогда хоть хабаровский резидент был жив, и я был занят выяснением отношений с новым миром. У меня не осталось ни одной страницы, выписанной из этой книги.

Не "Жизнь начинается в 66 лет", а библиотека покойничка — вот название. А существо дела было постоянным предметом наших разговоров с Соломоном Григорьевичем еще при жизни покойника. Как бы прочитать двухтомную биографию по-русски? Увы, на этом и остановились. О чем говорить? О литературе? Это были последние слова, сказанные при жизни.

Я еще недавно вспоминал "Обаятельного невозможного гения". У меня не осталось ни одной вещи, написанной таким способом.

31.8.70

Жизнь начиналась в 66 лет условно, пока не стало понятным, что возврата в самочувствие в 16 лет невозможно без выпивки, а пить нельзя из-за печени или безопасности.

Это платье на чужих плечах я воспринимаю как персональный удар и личное оскорбление.

5 THE LESSONS OF "THE ROUGH COPY"

31.8.70

I've learnt the automatic assumption of a role but in the certain limits, of course. I can't speak English more fast or more fluent than I speak my native Russian, for instance. Stammering in FOUR or in 24 or in 37 or in 58 languages, as Medsofanti was reported to do is just enough for you and even a little bit more than you need. You must have something to say in your native tongue and it's too easy to say. You have to live as much as your whole life to understand what it means really, indeed.

Even now I could not admit the deterioration of my professional abilities.

see n.b. 23

Why not? Exactly! Just what I'm doing just now, move your carcass, be patient with my words. I noticed the surest way, but it is too late. Ich bin zu alt, um nur zu spielen; z.j.u.o.W.z.s.

уроки "ЧЕРНОВИКА" /1967/

6

Не искал компромисса между "Это какая же защемила, а?" и "Идеальным мужем" или "Женщиной, не стоящей внимания". Компромисс между эмоциональной окраской слов на языке скифов и сарматов /вот запоешь когда в лодке на середине реки: было такое: могло быть и сейчас: сомневаюсь: ТРИУМФ НЕТРЕЗВОСТИ ВСЕ-ТАКИ/ и невыписанными цитатами из той книги, из которой можно выписать целую тетрадь. А ведь это эпоха.

Сам себе казался величайшим футболистом в мире, дай только срок, но появилась злая девушка, пусть будет злейшее определение из переплета 1953 года, и вот геройству конец, вполне естественно, именно так и получилось с "ТЕОРИЕЙ СТИХА", да и не только.

Гроза надвигалась. Дождь помешал. У меня есть причина. Я не смог из-за грозы. Я ТЕПЕРЬ БОЮСЬ Х О Л Е Р Ы. И даже повод сказать лишних 125 слов.

Rafael Sabatini, The S. H., p.168

М А К А Б Р И Ч Е С К И Й

Р И С У Н О К

П.С. 16.5.69 /Еще одна ДЕВЯТАЯ ВОЛНА.
Вы не ошиблись. Четвертая катушка
Это был он самый. через четыре года/
За листок спасибо.
Давно не читал такого. 8.5.69

Тогда все это — макабрический рисунок, и к скрытому сюжету "Она ушла в антимир" не имеет никакого отношения. Она не только ушла, но и уехала далеко от Москвы и даже почти к антиподам. Да и леса тут нет, тут и укрыться негде.

О наших программах на 8-е мая.

p.168 The Stalking Horse.

Еще один СОЦ *реалист, а я и не знал.*

Хоть бы значило что-нибудь. Абсолютно ничего не значит. С таким же успехом можно было сказать: живи еще хоть четверть века.

Настоящее произведение советской русской литературы, хоть сейчас печатай рядом с "Кубиком" в "Новом мире". Это первое и главное. Нет той бесшабашности и суицидальности, которая сквозила в первой части — 80 страниц. Все в порядке. А эпические попытки "высшего света" даже утверждают каноны скованных одной цепью реалистов. Вторая линия — про театр: ну тут я не в курсе. Тут пусть скажет Лена Негневицкая. Слишком много лесбиянок на 14 страниц прозы, это верно. *Вот ответ на „Что ты сделал с НИМ!?!“*

поплавок на сильном течении
4 или 5

Маршрут такой: дойти до пляжа у Нижней Переправы, повернуть направо и пройти мимо кустиков, небольшого леса на берегу и дойти до первого удобного места у обрыва там, где можно сидеть и забрасывать удочки с берега.   Хоть бы чуть.

"Ура!" с интонациями "Караул! Режут!"

Я сейчас произведу разведку боем. Я постараюсь дипломатично выяснить обстановку у слонопотамов.

Вон что было главное. ПОПЛАВОК НА СИЛЬНОМ
ТЕЧЕНИИ У БОЛЬШОЙ
РЕКИ ПОСЛЕ ОЗЕРА.

24 страницы первого свидания через 13 лет — мы как раз читали вслух, когда пришли гости. Два товарища и жена великого человека. Там вдруг пошло подробное описание дорожек, поворотов, деревьев, пейзажа, погоды и кто чего сказал, как будто все это очень необходимо для того человека, который через 13 лет приедет сюда чорти откуда из-за границы и найдет зарытый у озера котелок не с рыбой.

Александр Иванович искал, но не нашел. Все облазил и на чердаке и в погребе и в сараях и в саду копал, ну везде, ну чисто везде. "Золото ищет!" — я так Феде и сказала. А он мотнул головой и улыбнулся.

Читатель новеллы про итальянского солдата интересовался именно этим стилистическим *приемом.* Он прочитал и первым его вопросом было: где же он его зарыл?

15-й Джойс чуть не попал на помойку. Вон в каком направлении движется скрытая стилистика по дороге к новой душевной катастрофе. Вот одна фраза из "Красной нови" за 1923 год.

Что у него было с няней, об этом с ужасом рассказывала тетушка по дороге в аптеку мимо церкви, где венчался Пушкин. Вот как рассказано о том же самом в романе "Все люди — враги".

16

- 2 -

Блядь и жопа не должны стоять в авторском тексте. Можно, конечно, но лучше не нужно. Авторитарной личности в высшем свете не хватает. Совсем нет ни слова об "Украденной картине" Иры Уваровой. А без нее непонятно, что происходит с записками сумасшедшего в советском московском цирке. Не говоря уже о музыкальной жизни. Перепутанность нумерации-пагинации действует удручающе: с одной стороны боишься перепутать страницы, с другой — видимо, тут можно читать в любом порядке. Т.е. если тут три части, а по-моему, их четыре — то порядок чтения частей не имеет значения. Только части должны быть строго пронумерованы. Есть просвет и в семейной жизни автора. Вот спасибо. А то я уж думал, что и тут плохо. Одной душевной катастрофой меньше. Мало в этом смысле: для простоты одного читающего человека необходимо иметь 260 страниц под одним заголовком "Макабрический рисунок". Скажем так. Не проглядывается бриллиантовая рука. Впервые выглянули контуры "Анти-Дюринга". Я понимаю, автор не ставил такой задачи, но сверх /=задача?/ того — ничего, если так уж получилось, пусть будет так. Про чай нужно больше. Значит, нужен в "Макабрический рисунок" тот образец эстетики моментальных подборок, где два слова говорится о "у нее все есть, а у него ничего нет". Ведь "Разноцветные картинки" тоже отличались полицейской нейтральностью, так что семь пятниц на неделе или суббот или новых знакомых в комнате с Матиссом не имеет значения. Хотя хорошо бы отдохнуть на какой-нибудь конкретности. "Жопа" — это не конкретность. Тут глаз не отдыхает. "Легкомысленная блядь" — тоже.

Не было бы Саши Курепова, все было бы иначе с этим макабрическим рисунком. Значит, гипноз действует, и нужны 4 страницы разговора о гипнозе. Пока все.

Пусть она от меня отцепится, эта заря Востока. Вот если бы Байкал ты мог для Галки приготовить, она спрашивала, а я ей — где ж ты была раньше? Он от нас ушел и теперь уж навсегда. Do you call it misleading?

Now I remember. The last time he received the latest impression was when I translated him the lost text about who-controls-the-what-you-know.

It had been almost 10 years ago.

Now I see. The 4th line of TABOO ended in an unexpected way. Yes. Really indeed, it was unexpected.

Who lost who? Who dropped whom? So much for the lost novel and dropped potato.

Mr. South burnt his mouth. And the sum of it is the subsequent proceedings interested her no more.

О Н А   Н Е   А Р Е С Т О В А Н А

When it was so, I took no interest in her troubles. Я прочитал "Шипучий яд", и мне стало грустно. Кто ж знал, что это относится к Солженицыну. Я думал, это про того этика-теоретика, который вышел в тираж.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛИНИЯ Т А Б У КОНЧИЛАСЬ НЕОЖИДАННО

Для человека, который читал "Кто контролирует безопасность?" /в кафе "Ар.", я уж не помню в каком году/, рассказы владельца магнитофона, не вошедшие в "Поплавок", были бы как просто подарок. Это я знаю. Но мне нужен "БАШ НА БАШ". Вот двое из нас, которые потом превратились в "Их было пятеро". Вот это другое дело. А то я тебя знаю: ты чуть подвыпьешь и начнешь делиться своими планами.

Только один раз, но одного раза было достаточно.

Кислое вино через 4 интервала.

Вот как это выглядит на взгляд Деда Склероза. А я ничего не помню. Давно это было. Да об этом никто уж ничего не говорит.

4-я линия окончилась ; типичная жена пьяницы: дежурит в день получки у проходной, просит знакомых: не давайте ему взаймы и все такое.

КТО КОНТРОЛИРУЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭТОМ ДОМЕ ?

Склерозный старец не запоминал такие вещи или делал вид, что не помнит. Сначала делал вид, а потом действительно стал забывать.

Я не понимаю этих людей, как не понимаю девочек с ранцами, идущих в школу и обеспокоенных неприготовленным уроком по французскому языку. Теперь задача — сделать вид, что 30 страниц написано за 3 дня.

- Хорошо пахнет тополиная сережка?
- Я не слышу.

Вот чем кончился старый рецепт в новом оформлении. Я же говорил: будет то же самое, только возможностей будет меньше.

ЧЕРНОВИК С ЧЕРНОЙ ТУШЬЮ

6.5.69

Слова в мае месяце того года пошли под названием "Девятая волна" и произвели смутное впечатление на коричневую ленту.

Словам в кафе никто не придавал значение. Ты был в "Поплавке"? То есть был ли я в ресторане "Поплавок". Просто название ресторана "Историческая необходимость" /бывший "Пекин"/ на площади Маяковского. Надо было пригласить в "Софию". Она бы пошла, если бы не Алешка Баталов.

Актерам не надо объяснять, что все люди враги. Они лучше всех изучили историю дипломатии по системе Станиславского.

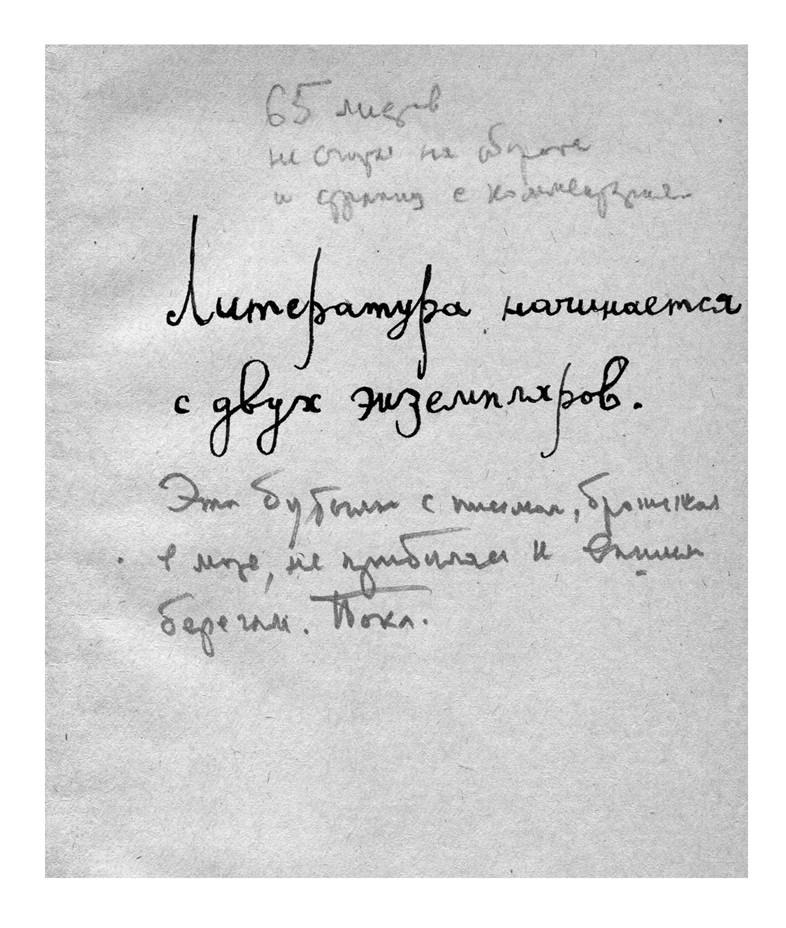
Что-то тяжелое рядом со стеклянной витриной, через которую с улицы видно, кто с кем обедает, не имея в кармане сегодня на ресторан, а встретиться нужно, а договор подписан, а срок истек, а уже было 4 звонка с напоминанием и даже последним предупреждением. Со мной так нельзя разговаривать. К нам так нельзя приходить. Они все поймут, если им объяснить.

НО ВСЕ ЭТО — ВАРИАНТЫ НЕЙТРАЛЬНЫХ

СЛОВ /а не снов/

С такой фамилией нельзя преподавать в Сорбонне: профессор Мэрд из Буффало, для британцев он просто убийца, а для французов — один сплошной смех. Вульгарный, конечно, но неудержимый, как имя Ива Гандона для советской делегации.

"Многосторонний удильщик" /буквальный перевод с немецкого/ — летние заметки без зимних впечатлений на тему "Я еще не приехал из Эстонии". Не так важно прочитать, как найти и выписать 2 страницы. Я сидел в библиотеке за последней книгой Олдоса Хаксли, когда были такие разговоры о самодеятельной организации под "Гангстеров и филантропов". У поляков это было связано с судьбой Марека Хласко, но у меня не сохранились польские вырезки. Только два слова, но зачем ты это выписала, но зачем? Ты не могла два слова запомнить без выписки на карточке, а?

Литература начинается с двух экземпляров.

Scribbledehobble
1972

как оказалось потом в
„Записках покойника“ Павла
Улитина 15.8.74

7 стр.   1

Алику
в день прощания
22.3.72

Взять и крупными буквами одно и то же. А хотя бы в знак того, что это старые слова из уже давно написанных книг. Скажем, КУСОК ЛОНДОНА ОТВАЛИЛСЯ, КАК ОТРЕЗАННЫЙ НОЖОМ. План эвакуации женщин и детей провалился. В метро места нехватило, а на сборы было только 14 минут. Впрочем, даже 4 минуты, если считать собственно сборы: схватить приготовленное и бежать в метро. Я, например, и за 14 минут не успею добраться. Я, например, знаю: для меня только одно — лечь к окну и приготовиться к обугливанию. Какое может быть у человека будущее?

Высокие столетние сосны ломались, падали, скручивались, трещали, и так на протяжении 2 километров прошел УРАГАН над Эстонией у Паралепы. Мы сидели в маленьком деревянном домике и знали только одно: сегодня нельзя идти на пляж к морю. На соседний дом упала сосна, вырванная с корнем, но потом выясни-лось: они мелко сидят, их ничего не стоит вырвать с корнем. Только потом нас коснулось. Страшно было читать сообщение в "Советской Эстонии". Страшно было смотреть на опустошенный лес. Погибли велосипедные дорожки, заваленные деревьями. Расчистили только шоссе, а дорожки в лесу так и остались заваленными и на следующий год, когда мы опять приехали в Эстонию.

т.Жбанов, он же Ураган, он же
Ю. Сварожич, как оказалось потом
в “Записках покойника” Павла Улитина
Если 2 экз., то один из
них вклеен сюда.
Ах если бы.

Предположительно
в жанре „литература назы-
нет; литература начинается с
двух экземпляров“, памятуя о том,
что открытое письмо у
великого коллажиста — это живо-
пись, графика, декоративное искусство,
афоризмы акварелью, — все,
что угодно, только не литература.
Орфик озадаченно:
– Это что же, фотографировать нужно
что ли? (Имелось в виду: чтобы
иметь у себя другой
экземпляр „Озера в ж. д.“).

2

Тогда я был уверен, что мне нехватает маленьких крючков. Я поехал в Москву.

Бухта не вашей радости, увы.

Свеча горела на фоне Останкинской башни. Был уютный разговор вдвоем, приятный для хозяина дома. Хоть один человек постарался войти в ее заботы. Но тон был задан до нас, и он разошелся и даже в штыки встретил тост победы. Бывает. А пошлите вы его в публичную библиотеку.

Это еще не называется "Злобствующий голос". Вы еще не знаете, какой он бывает. Отдельные лживые изломанные жесты — да, все главным образом на междометиях, но бывают исключения. Вот полного собрания этих исключений нехватало. Коллекционер ядовитых цитат правильно процитировал сэра Артура Бичэма, я удивился. Откуда такая информация?

Мартовский воздух на балконе наводил мысль на просторы речной волны. "Ф.М. Достоевский" уходил в Бухту Радости.
Мы провожали пароходы на речном вокзале, вы стояли на вокзале, они сидели в ресторане аэропорта. Все в пределах. Все в пределах. Пока. А мне хотелось цитировать понемецки "В любом лапсердаке я буду ощущать, как жмет костюм, который сшил мне плут-портной". Кругом вода.

Мне нехватало описания морской погоды. И через 2 часа Вена, сказать откровенно, там было хорошо только когда был жив доктор Фрейд. Давно это было.. "Парень с гитарой" был в "Точке с запятой". Сосны качались в романе "Железная пята". Прозрачный ручей в лесу около деревни Глинки недалеко от Истры. Там я пробовал ловить голавлей, у меня ничего не получилось.

Scribbledehobble
1972

3

Мне не понравилось такое сногсшибательное заявление и даже залихватское письмо. Читали мы. Из каких-то других соображений мы тоже переоцениваем поступки противников первой вольной русской типографии в Лондоне. Но она правильно процитировала жалобу Герцена: вождей много, гениев еще больше, нехватает просто хороших людей.

Тут Анхамон отвернулся и стал перелистывать книгу, которая подвернулась. Его не интересует, кто протащил Ворошилова в политбюро.

Это мы читали у Дос Пассоса: "Я люблю тебя, Дик, но зачем было рвать на мне панталоны?" Радости Вальки Стейнича, сказал Леонид Леонидович. Они в Ленинграде были приятели и даже состояли в одной секции. За что исключили Л. Иерихонова из Союза, я не знаю. Видимо, за "Ошибку пекинской тюрьмы". Ошибка заключалась в том, что расстреляли не того Мао.

Почему борец за конфедерацию теперь с ним не встречается. "Не общаюсь", сказал он. А такие были друзья. Старые стенограммы хранятся тоже не то чтобы вечно, но довольно бесконечно. Их излюбленное занятие — вставлять слова, которые они хотели сказать тогда, но не успели. По легенде, только Панферов и Грибачов голосовали против, а теперь выходит и Ваншенкин. Но эта информация исходит от Ваншенкина.

Мое новое определение литературы, — сказал Юрий Александрович, но его определение никогда не радовало литературу, а только учеников в классе на уроке литературы. Этого у него отнять нельзя. Я знаю, кто собирался отнять.

8 страниц я могу и без Вас прочитать. Без Вас мне трудно 8 минут просидеть в читальном зале, даже заказав романы О. Хаксли. Поклонник был, "14 окон было". Была информация: она вышла замуж за И. Бродского. Но он, по-моему, уехал один. Следовательно, она пошла по рукам (с его легкой руки, не знаю).

40 лет без "Анапеста" Вы будете отмечать без нас. "Ohne mich!" Это уже было. Вопросы доктору Хайдеггеру выпали из внимания, а жаль, конечно.

Тут не должно быть даты.

Он просто писал где-то на чужой машинке когда-то. Дело с „Эрикой" кончилось не "эврикой", а шуточками на счет "не в ри-ка". Удав уползал, про удава никто не помнит. Испуганно — да. „Потрепаться с Вами люблю" — было у баронессы Вревской. Кстати, ты отдал ей 20 рублей? Нет, а почему? Такого вопроса не было?

Хлопот хватит и без вас, поэтому в дом 10 я и не звоню. А заходить туда без звонка не рекомендуется.

4

Завывания муэдзина, потом беззубый голос на волне Ватикана по-русски. Тихо сходили на нет. На нет и суда нет. Есть высший суд, он недоступен звону, он мысли и дела знает наперед. Еще что-то на очень короткой ноге. Такой абзац в конце главы. Я его выписывал, когда поймал голавля в Щелыково. А я и повторяю 416 раз, потому что приятно вспомнить. Еще тогда с дочкой сидела актриса Роек за соседним столом и подарила небрежным взглядом. Пашенная спускалась со ступенек, Плятт выходил из своего шале. Тот, который пел "Из-за вас, моя черешня", жил в крестьянском доме и вместе с Провом Садовским на мотоцикле ездил на дальнюю рыбалку.

"Улучшайте ваши устные навыки". В доме повешенного про веревку: они еще затоскуют по КГБ, им еще станет скучно. Несерьезно. Теперь они уезжают в Лондон. Это чтобы все знакомые ахали и волновались. Давно бы уехали. Он в Глазго преподает русский язык. Слишком много математиков съехалось в Израиль. Вот построим институт, вы тут будете работать. А пока вот должность полицейского. А что делать? Пачка сигарет — 25 лир. Это очень дорого. А книги безумно дорогие. Ботинки дешевые, но зачем ему ботинки?

Немного от старого романа "Долголетие" /"И лебедь умирает не через год"/. Про кого он писал, это интересно для историков британской мысли. Мне нужны цитаты консультанта по кинофильмам из старой стенограммы 1959 года.

В марте было происшествие:

— Что вам было надано задом?

— Тебе нужно говорить только по-английски, тогда это будет звучать даже остроумно. Во всяком случае они не заметят.

Тут нужно было поместить
одну страницу из старого романа.
Я даже знаю где найти, но
терпения нехватает.

— Ты помнишь наизусть, зачем тебе?
— Да, помню, не совсем наизусть, но хотелось бы просто прочитать еще раз.

Иногда возникает
такая потребность.

Лишь бы день начи-
нался (с машинки), а
кончался
ЛЮ-
БОЙ.
„Ты ж все сказал!“
я говорил.

5

Рыболовная энциклопедия Артура Кроли по-английски, надо ему послать открытку. Мы все собирались написать Нине Хиббин. Мы и А.А. Милну собирались, а в результате даже на Сретенку, кажется, не написали 20 добрых слов от благодарных читателей Б. Заходера.

Трудно ему пришлось, уйдя из школы, привыкнув к атмосфере обожания в 10 классе на уроках литературы. Всюду он натыкается на других учителей, которые норовят его зачислить в ученики 10 класса своей школы. Впрочем, у светских визитов есть свои прелести и даже плюсы. Чемоданы. Сквозняки. Ожидание редактора. Семафоры. Разговоры про то, кто пролез и кого протащили. Кто пошел на ура. Кто сколько экземпляров скупил своей книги, чтобы потом приходить в редакцию и раздавать с трогательными автографами, тем более ко дню рождения. Кстати, о брюках.

Кстати, о Шкловском. У Шкловского вовсе не маразм и не склероз, у него всегда была такая манера, и это даже у него стиль даже с 20-х годов. Это было и 50 лет назад. Такая монотонность и все-таки странное очарование, в особенности в старом издании "Писем не о любви". Кстати, нужен автограф в знак памяти "Уж очень похоже все это на заседание Реввоенсовета". Сначала пришлось, конечно, убрать с картины председателя Реввоенсовета. А потом замазывались по очереди исчезнувшие члены. Потом вводились новые портреты. Потом это всем надоело, и один товарищ сказал "Хватит". Смыть.

Такого не было, чтоб день кончался черной тушью. Он всегда начинался.

Я выбросил самые большие и острые перья. Напрасно. Это хуже. Мне не разрешают дарить пол-тинники. А с Дуюр я до сих пор не поговорил. У меня не будет таких возможностей. До последнего вздоха только „Могло быть хуже".

Тогда они может поймут.
А может и не поймут.
Все это будет
без нас
с тобой.

6

Эксперимент кончился обмороком, но он, возможно, был уверен, что придушил врага народа. Может, за это полагалась премия или повышение по службе. Один такой титан из Ветеринарной академии. Видимо, купил немецкую книгу. Но я не знал, что мне пригодится такой навык: не дышать 2 минуты.

Зачем такие вещи говорить: детство П. Романова ближе отрочества Л. Толстого. Была беседа двух гаек, они шли по пыльной дороге, в саду у Матрены Васильевны стояла пасека учителя Е.Т. Титова. Рисовать без учителя когда-то было волнующим занятием. Мне трудно найти 2 страницы. Ход мысли профессора Тиндолла из Калифорнийского университета понятен и даже теперь близок.

Любви все возрасты покорны, как живописи в студии дома ученых. Федор Морицович именно там и преподает. Вот Макс и Мориц шалуны, как знамя подняли штаны. Ейский поэт Архангельский перестал писать серьезные стихи и переквалифицировался в пародисты. Впрочем, в ейском пароходстве на Азовском море его кораблю не пророчили большое плавание. Он допускал ошибки. Работал счетоводом, а ошибался в счете. Кому нужен такой бухгалтер?

У тебя есть способности, тебе нужно поступить в студию. Вам нужно больше работать, вы можете писать хорошие стихи, редко, но у вас получается. Но техники у вас нехватает, сказал Б. Слуцкий, хотя имел в виду политику. Один поэт другому поэту от имени России передал привет.

Хотел подчеркнуть, потом
вспомнил: не мое
дело. Подчеркивать будут
без меня. Такие най-
дутся.

Через „только
перечесть" я все-таки про-
читал 3 страницы. Из них
сделал вывод: все остальное,
по всей видимости, тоже
прекрасно и удивительно.
„Один апокриф" — в
том числе.

7.

Нужно было иначе относиться к УРАГАНУ. а я, по-моему, и относился иначе. Взять хотя бы одно взрывчатое гнездо. Кто поднял УРАГАН до такой высоты, что ему теперь трудно поддерживать репутацию.

Такая игра света, радость дня французского импрессиониста: "Бутылка мукузани, освещенная солнцем". Она отбрасывает зеленый отсвет, и красное вино в рюмке пылает верой и надеждой, и это уж не говоря про любовь. Тебе бы быть живописцем возрождения в то самое время, когда великий инквизитор еще сжигал еретиков-живописцев за изображение голой женщины, но уже королева могла сказать: "Вы не беспокойтесь, дон Гойя, уж Вас-то мы не дадим в обиду.
И вообще этот великий инквизитор уж больно много себе позволяет, пора ему дать по рукам, Вы не находите, Ваше величество?"

Но ОБНАЖЕННУЮ МАХУ он все-таки не показал даже королеве. "Кто знает, Бог с ними, уж лучше осторожность, знаете, на всякий случай". Это ХОРОШИЙ ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО. А то, что вы сейчас думаете, это как раз плохой перевод с немецкого. Такими словами выражался штурм-банфюрер эс-эс, не будем называть имен.

Лексика была удивительная. Я открыл роман, нашел цитату на 606 странице и сразу же сказал: "А я что говорил?"

Павел Улитин
22.3.72

8

литература начинается с двух экземпляров

на такой толстой бумаге давно бы

1.6.73

Была такая инсинуация. Впрочем, в ней нет ничего инсинуационного. Была такая догадка. Лошадей НКВД даром не дают. Но я относил это за счет денег. Свой человек в банке: скорей деньги получишь. У любого количества записок о рыбной ловле может стоять заголовок самыми крупными буквами "Не жить вам тут, и то нужно сказать". Под ритмы этот фразы, сказанной доброжелательным голосом старой опытной женщины, прошел не один день на рыбалке. Как испортился тип гостеприимного и хлебосольного жителя Кавказа. Об этом утопист тоже предупреждал, но мы не поверили. Все идеалисты так думали. И Шиллер учил так и Бернард Шоу говорил об этом. Иного счастья-мол не может быть в мире у человека. Идея важна исключениями, вот Джойс подчеркнул исключительную важность другого правила, которое для идеалистов старых времен было исключение. Одна книга, не больше. Все сложней приходится автору одной книги. Литература в Англии — удивительная штука. У французов тоже много своих проблем. 10 лет будут долбить о счастье континента. Хорошо конечно. В масштабах двух континентов огромное количество забот. Встретимся где не бывает темноты. Встреча будет где всегда горит свет. Где только тюрьма и ты. Кто ему будет объяснять? Тоску навел одним разговором за 5 минут. Общайся с ним, он тебя привлечет к решению своих забот. Игра старая, ничего загадочного в ней не может быть. Демоническая личность для домашнего употребления.

9

Бумага берет только одну копию. Бессмысленно подставлять две копирки. Ни слова про дни рождения в мае. Он умер 30-го, но я узнал об этом 31-го в качестве подарка на день рождения. Тут опять слышится художественный свист Ольшанского в районе завода "Красный богатырь". Тут же, конечно, экспертиза добровольного сыщика. А ты покажи свои конспекты. Он подходил к проф. Дворкину и видел записку: изучил почерк на всякий случай. Не надо терять бдительность. Разговор с врагом народа был за обедом в столовой завода "Красный богатырь". Вы задайте ему вопрос, он вам ответит. И дорога тоже. "Берегись поезда" тоже по этой дороге. Приятель Нины Нестурх до сих пор директорствует на старом месте. Я не спросил. Кстати, я и о С. Черткове не спросил, а это уж зря. Это была ошибка. Но она смотрела на меня таким взглядом, что мне расхотелось задавать вопросы. Лучше я задам вопрос Шуре Гозенпуд. И ей не пришлось. Вот как относится мировая литература к М. Бахтину. Николай Иванович общается главным образом с Переверзевым. Придется читать прозу Симоны де Бовуар.

10

с двух экземпляров начинается литература

2

Еще раз на такой же бумаге, не заглядывая в словарь. В такой манере: может, и подводя итоги, но не замечая этого. Т.е. не ставя такой цели. Не поставив, не добьешься. Что-то про Бобчинского было подхвачено еще на даче в деревне возле Абрамцево. Я перечислил напоминания, по два слова на каждую страницу, — вышло оглавление нового сочинения. Писать его не надо, оно уже написано. Нумеровать абзацы тоже не надо, они хороши и без нумерации.

Сухие рассуждения теоретиков стиха хоть бы иногда, хоть бы один раз в год. Мало конкретных примеров. Даже у Б. Эйхенбаума, но он все-таки старается. В сухих рассужденьях искать исчезнувшую нить. Нить исчезает внезапно, как только от одного поэта теоретик переходит к стихам другого поэта. Поэтов это не смущает, они продолжают писать стихи. Но читатели все-таки смущаются. Я помню свои заботы и неприятное чувство недоумения, когда читал впервые "Я клавишей стаю кормил с руки". Тут даже идею искать не приходилось. Тут все абсурд и нелепость и совершеннно иная система и совсем другой подход к слову. Опять "настоящая поэзия" предполагала однозначный ответ: одна правда, одна истина, один путь, а все другие — ненастоящие, непоэзия, непуть, неистина, неправда. Ты за кого? "Жук-буржуй и жук-рабочий гибнут в классовой борьбе". Разве так можно?

11

л.н. с 2 э.

Казалось бы, любым способом. Например разрезать. Любые слова можно напечатать на машинке и из них составить. Казалось бы, можно. На самом деле есть такие слова, которые печатать тошно. Их тоже можно взять и напечатать. Тогда получится что-то другое.

Красные штаны. Чего ж ты такой злой, освободитель? Ты же добро несешь, а они, гады, не понимают. По какому роману поставлены "Комедианты"? Письмо к читателям К. Леонтьева. Кто всех больше влияет на молодежь? Публицист, который подписывается двумя латинскими буквами. Из "Гражданина" 70-х гг.

Золя читать не будет. Флобер читать не будет. Они ведь какие? Что не ихнее — их не интересует.

Долго нужно рассматривать, чтобы найти. Какая-нибудь необыкновенная черта. Уже все известно. Читать неинтересно. Я уже один раз рассматривал. Бегло пропустил. Каторжные работы. Ослиная натура. В бассейн плавать идет, как на работу. Э тут не нужно. Все это чепуха жуткая. Мне понравилось, что от целого фильма ничего не осталось. Как будто я его видел давным-давно. Очень давно и ничего не помню. Магомет читать не будет. Чингизханская постановка вопроса. 5 рассказчиков, 4 из которых потом стали называть евангелисты. 5-й, конечно, самый интересный. Которого замалчивали и не признавали. Даже это повторяется 125 раз.

12

Почерком старой стенограммы 1961 года в жанре "литература начинается с двух экземпляров", игнорируя первое впечатление от литературного наследства, "Неизданный Достоевский" 1971, написана цитата из великого романа Д.Г. Лоуренса.
Он в это дело вложил. Вот его вклад. Было интересно когда-то. Как всегда, две эпохи у воспоминаний: в первый раз и все остальное, хоть четверть века, хоть 100 лет. Только две категории категорично заявляют о себе, а все остальное — от лукавого. Придумано. Неправда. Высосано из пальца. И высочайшее достижение — заставить слушать себя, когда в тебе все пусто, все сгорело, и только язык поворачивается правильно прочитать написанное слово, потому что есть уверенность, что это правда.

Два квартала в тени по левой стороне Обыденского переулка могут повлиять на великое решение сегодня не ехать в библиотеку. Ничего с ними не случится. Сдам послезавтра. 5 минут на подъеме по жаре, и мысль — тут может хватить солнечный удар. Вполне. Хватит. Эти радости не для меня. Я ни слова о самом главном.

КАКОЕ БЫ МНЕ ЗАНЯТИЕ ПРИДУМАТЬ ?

Какое бы мне занятие придумать, чтобы заниматься каждый день с уверенностью, что это очень нужно, и обязательно такой наукой или таким предметом, к которому у меня никогда не было способностей, так что заранее можно сказать: ничего не выйдет. Рисовать пером. Собирать бабочек. Сидеть на лавочке и разглядывать прохожих. Найти девочку, окончившую по французскому языку, и вести с ней бесконечные беседы о романах Жоржа Сименона. Список нужен для этого.

13

Это настолько редко бывает, что можно отмечать железной бумагой. Или гравюрой на медной доске через зеркало с обратной стороны, чтобы можно давать 220 оттисков в честь романа "Своя судьба". Она сама его не помнит. "Озеро в жаркий день" чему-то научило, как уроки И. Бабеля по Эренбургу, но чему? Я об этом постоянно забываю.

Ну и что?

Предполагается, что это никого не касается. Когда коснется, тогда и будет речь. А будет ли "Песня о вещем Олеге"? Думаю, что не будет.

Нах-виц:

— Орлеанской девственницы из Вас не получилось, но разве Вы сами хотели иметь репутацию Орлеанской девственницы?

А из Вас — Вольтера. Как сказать. Об этом будут судить мальчики 21 века, а ни мне ни Вам — тем более — знать не дано. На общих основаниях с "литература начинается с двух экземпляров". "Скажи мне о том. Сообщи мне, когда Южный Крест повернется другой стороной". Об этом говорил еще Дж. Баррингтон, мой любимый персонаж 18 века. Она не арестована. Она уезжает. Скатертью дорожка. Чем скорей уедет, тем лучше. Для всех.Я ей, в сущности, продиктовал фразу для письма через 5 лет при том условии, что Б. будет член Пен-клуба: "Людка, если тебя не выпирают, не уезжай ни в коем случае".

К рисункам П. Пикассо: он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог.

14
Go
p.t.o.

РЕЧЬ СУЛЛЫ

памяти Ивана Сергеевича Бубнова

~~из учебника Марго~~
~~2 ч. СПБ 1893~~

~~стр.178~~

СУЛЛА СЛАГАЕТ С СЕБЯ ДИКТАТУРУ И СТАРАЕТСЯ ОПРАВДАТЬСЯ В СВОЕМ САМОВЛАСТИИ /тирании по-французски/

Слушайте, граждане, всадники, сенаторы! слагая здесь с себя власть, я хочу дать вам в ней отчет. Понт, Эпир, Греция, тщетно боровшись с Римом, признают теперь над собою его господство. Когда цари Африки восстали против вас, я наказал их, лишив их престола, и теперь, когда я победил наконец Югурту и Митридата, вы согласитесь, что я сделал более, чем обещал.

Я заставил провозгласить себя диктатором, видя, что это единственное средство спасти ее /республику/.

Называя управление мое тиранией, не нанесут мне стыда, потому что я готов дать отчет о пролитой мной крови. Если я заглушил в себе голос человеколюбия, то сделал это для того, чтобы принудить вас повиноваться законам.

Более вас тяготясь бременем моей власти, я сам уничтожаю иго, под которым вы стонете.

Я побеждал, я господствовал, теперь хочу жить простым гражданином, частным лицом. Поступая так, я зажимаю уста всем моим врагам; их ненависть не может запятнать моей памяти, потому что между мною и ими — безсмертие моего имени.

Go
p.t.o.

André Jide wrote to Georges Simenon: "You are living on a false reputation — just like Baudelaire or Chopin. But nothing is more difficult than making the public go back on a too hasty first impression. You are still the slave of your first successes and the reader's idleness would like to put a stop to your triumphs there. . . You are much more IMPORTANT than is commonly supposed".

And François Mauriac wrote: "I am afraid I may not have the courage to descend right to the depths of this nightmare which Simenon describes with such unendurable art."

врем. пагин.
в кармане
28.9.73
24 стр. в
кармане

15

ОБ ЭТОМ УЖЕ НАПИСАНО У ОЛДОСА ХАКСЛИ

Для разнообразия возьмем такую откровенную нелепость. Что-нибудь вроде ПЯТОЙ НОГИ или "тебе надо работать над французским произношением". Инфекция выходит на балкон. Триумф трезвости будет петь ей серенады, печальные песни. А я возьму в карман как раз те слова. Вот человек с ракеткой. Это Айхенвальд работает под Иоэльса.
Такие слова дома за машинкой не придут. Это синкретический симфулятор работает под корейского императора Йо Ма-йо. Андреев-Долгов знал толк в этом деле. Такая странная, глазки очень узкие, словно иностранные, словно и нерусские. Аркадий Чеботарев танцует эту роль. Мне ненужна "тут пошла такая эмигрантщина".

Как фолиант 59 года.
Я больше не работал на таком
формате. А тогда это был
рабочий формат. Действи-
тельно in folio и действи-
тельно работа на таком
формате. Потом хорваты
отбили охоту писать
на таком формате.
У меня будет фоли-
ант с таким почерком.
8.7.72

Поэтому можно не
стесняться портить бумагу.
Больше звонков
с того света не будет.
В следующий раз она
придет без звонка.

Написано
8 июля 1972 г.

Тут можно расписаться

Павел Улитин

Вот и всё. 8.7.72

От меня скрывали существование Магомета. Где-то было, трудно найти. Потом, когда я с ним познакомился, мне говорили "автор одной книги". Потом было все остальное. А мне непонятно почему. Мне понятней "А ты чего, застолбил, да?" А мне нельзя открытки коллажировать? Эту жилу в русской литературе разрабатывал и Андрей Белый. Во-вторых, это было у В. Набокова. В-третьих, плагиат у древних греков — это дань уважения: плохого красть не будут. Но почему лично Вы больше не будете? Наоборот. Чем больше будете, тем приятней. Меня смутила только возможность недоразумения. То, что Вы читали, написал З. Авестин, а не сами-знаете-кто. Ну а насчет авторских прав я уж и не знаю, какой тут смысл. Мне было трудно ответить сразу и по существу. Этот европейский взгляд на азиатские штучки мне понравился. 22.1.73

Разговор как будто должен начинаться с "Все подстроено на Потешной улице" /в 1962 году/. Или "мы тут с В. за одну ночь наговорили побольше, чем твой КИРПИЧ". Но важно только чтобы без обид без ссор, а тут все на этом только и держится. Эпистолярно эпизодически.

Ты прямо так и говоришь: не вижу разницы. Очень разборчивая запись. Если все это гладко шло. Соедини вместе и ты увидишь: ни в какие ворота. Была песня. Была баллада. Очень трудно произнесть. Еще лучше был вывод с карандашом. Я буду описывать погоду в апреле 1930 года и погоду в июле 1921 года. Можно было наловить горбылей. Яма, а потом Шульга. А мы шли втроем с рыбалки у Двух Ериков: Иван Павличенко, Мишка Мащенко и я. С двух экземпляров начинается проба пера. Мне это чуждо.

"Разум" женского рода по-английски, в этой фразе по крайней мере. Правильный был вывод. Была тоненькая книга, изящный переплет, так переплетали любители 40 томов Жюль Верна в 1911 г. Вот куда мы заехали.

У какого дуба продолжение было? Кончилась собака. Черная паста у шариковой ручки.

Где-то были

СЛОВА НА КРАСНОЙ ЛЕНТЕ. Они

отличались от всех других слов цветом. Нет. У них первая копия была черная, а вторая неразборчивая. 17.12.72 "Раскованно", по ее словам. Он тоже стоит как дуб. Так ударьте ж в небеса. Он стоит и ждет удара. Это Солоухин. Для Кочетова невыносимый субъект. Он его вывел в романе "И чего же ты хочешь". Но ему этого было мало. ЭПИСТОЛА начинается тоже с двух экземпляров, но коллаж, один коллаж уникален, как сам Коллажист. Это вынужден был усвоить даже арап Петра Великого.

КУСОК ЛОНДОНА отвалился, как будто отрезанный ножом. План эвакуации детей и женщин провалился. Но метро работало безотказно, за исключением тех станций, которые выходили на поверхность.

Вынужденный маршрут, вот почему. Были слова на Бакунинской улице. О Пастернаке, кажется, ни слова. "Анти-Ураган" читался на антресоли. Был магазин и был "лапсердак". Был разговор о "Записных книжках Ильфа". В любом случае слова старой стенограммы невсегда увеличивают ощущение беспомощности. 7 конвертов — это было удачно как первое распределение по персонажам. Хотя бы по голосам, условно "для кого?"

Словарь настольных цитат внушал ужас. Когда я его читал в ожидании урока по расписанию, я делал выписки и получал удовольствие. Как поломался тонкий механизм у букиниста Менделя. Как британский художник разучился рисовать. В "Шахматной новелле" еще резче. Материал сопротивляется. А ты преодолей сопротивление. А он может меня преодолеть. Я заглянул в далекий угол. Но даже сейчас прочитать не мог никак пяти страниц из старого романа "Прописка и любовь". Просмотрел и то хорошо. 4 глотка горячего кофе.

Кто же нас будет вести от победы к победе? Перестановка. Поворот. Оказывается и так можно. Ничего не случилось. Ничего особенного. На 4 года обеспечены, о ваших заботах буду думать я. Можете не беспокоиться.

СПИЧКА ИЗ ДРУГОЙ КОРОБКИ.

Рядом с ними были расставлены шахматы, но в них никто не играл. Спичка приготовилась к обугливанию. К медленному загниванию она не была готова. Она хотела бы просиять и погаснуть. Все хотели.

Это после "Строптивой". Теперь я знаю, почему появилась странная макабричность. Укрощение стиля. "Звонок и тополь" забылся.

А. Раевского

В отличие от Онегина Пушкин писал стихи. Никакой больше разницы не было. Заговорщиком он все-таки не был. Его щадили или ему не доверяли. Или недоверяли или щадили. Его щадили, а он обижался, думая, что не доверяют. Ему не доверяли, но он мог утешаться той мыслью, что его берегли от неприятностей. Такой высокий дар выше окончательной победы. Но таких слов он все-таки ни от кого не услышал.

КУДА МЫ ИДЕМ ? Так называется новый макабрический абзац с участием Алика Вольпина. А мы куда-то идем? Да. Забыл сказать, что голос актера Бартона он где-то все-таки жалуется на прогресс в Европе. Все-таки медленно развивается прогресс. Мы тоже идем куда-то не быстро.

О ваших заботах буду думать я. Вроде как упражнялся в падежах якобы целый день с утра до вечера. Если верить этой даме, то это правда. И этому человеку /"Как стать чувственным мужчиной"/. Халтурщики они, как всякие популяризаторы.

Хвостомах мазнул хвостом, а Маха все-таки не осталась без хвостомаха. А у вас тоже все великие собеседницы говорят на один голос. Плохо вы читали, плохо вы слушали. Там по крайней мере 4 голоса.

"У тебя была голова" — это всего-на-всего три добрых слова. Где найти остальные 17 добрых слов. Еще что-то было насчет Андрея Белого, но в таких завалах среди всякой макулатуры, что не добраться, не пробиться. "За счет жен жить гиблое дело". Почему она не пишет о том, что ее больше всего интересует? Она стесняется. А говорить все время на одну тему она не стесняется. Спичка, сгорев на ветру, приобрела индивидуальность, а до этого она была как все спички.

повтор 56-й стр.

Голос официантки из кафе:
- Тут нет того Саши, который приходил с арапчонком?
Другая отвечает:
- С не-гритенком? Только что ушел.

Вот вам одна ипостась рядом с другой, которую цитировали в ЦДЛ.

О двух "черных юмористах" рассказал розовый профессор М. Мендельсон, наш учитель по американской литературе. Автора "Лолиты" он тоже причисляет к черным юмористам. Мне нужно найти "Тоже слова в марте". Был такой болельщик на футболе где-то приблизительно в 1960 году.

П.Ф. Живаго — помню. А может он уже Мертваго? А может я перепутал. Давно это было. Страшно попасть под колеса тяжелой машины. Еще страшней наблюдать смерть близкого человека. Это страшней, чем самому умирать. Конфедерат мог и не афишировать свое знакомство с яблоневыми садами на хуторе Белянин. Никто бы и не заметил его приезд, если бы он сам не пришел в читальню парткабинета. "Холостой заряд". Не на Пушкинской было начало, но про Каспийское море лучше все-таки поставить в "Холостой заряд". Все говорят, звезда Авестина все выше будет подниматься.

"Фокусы" после Фолкнера лучше, конечно, в полном виде, а дайджест перечисляет не все самые интересные строчки. Хотя, конечно, все зависит. Для олиной бабушки еще важней была вводная часть, которая вообще в "Резидента" не попала. Не получилось с комбинацией на карманном формате. Была "Мутная вода", где-то в завалах, в пачках к.ф. Телеграфные усилия не пригодились. Сокращенный текст не понадобился. Первую страницу надо начинать словами "Кусок Лондона".

повторяет 55 стр.

Чужой рассказ

78 год *43 стр*

Чужой рассказ о том, как надо писать рассказ. Теперь он перекинулся на черный хлеб. Откуда у них взялось? Осетрина второй свежести. Теперь я знаю хоть, где не надо искать. Там странное нагромождение. Всё равно тут нельзя вписывать. Окончательный текст. Еще дальше про Нину Хиббин и Грегори Пекка. Не нужно было начинать новую тетрадь. Это все из-за карманного формата. Это все из-за неё. Три раза выбросить на помойку. Я буду с другой стороны продолжать. Какие-то неизвестные запятые.

"Здорово ночевали!" в Сингапуре — мы про это читали у Нэнси Митфорд. Думаю, что это реакция на "у меня с ним своя переписка". Или еще было одно заявление: "Я не веду переписку с Израилем". Как будто я реагирую на этот звонок. Два монаха поссорились из-за дырявого зонтика в синайской пустыне. Два монаха помирились. Еще не хватало драки из-за 16 копеек. Цитировать нужно точно. Когда такое заявление, нужен автограф. Позвольте, это не судебное разбирательство и никто никого не обвиняет. Он сам знает. Тут поневоле перейдешь на точку зрения Ф. И. Я могу процитировать. У нас иначе идут четверги. На дне рождения 25 человек, и наконец приходит Красная Пресня. А то ведь никто не помнит Пугачевскую улицу. Да, была такая. Да, он знает. Да, слышал. Да-да, он знаком. И все в таком роде. "Шукшин!" прозвучало на другом конце стола. Она услышала имя Розанова, и ей послышалось что-то родное. Но хозяин дома не в курсе. И так приходили многие. Один из них сказал только одно слово: "Жертва". Хорошо, согласился я, но чья? Оказалось, моя личная. Потом прозвучала "неумная или необузданная, неумытая или необутая нео-бунинская эмигрантская ностальгия", и спич Цицерона повернул в третью сторону. С четвертой стороны, он выразил желание заместить всех заместителей. Я сказал: "Не получится". Тогда он гордо удалился: "Пойду читать "Войну и мир". Хозяин дома об этом ни слова на своей машинке.

Опять "ГАД ЧИТАЕТ ЧУЖИЕ ПИСЬМА".

Бегущая по волнам выгнала схлопотавшего по морде. "Но он же всех там перепутал, я и читать не буду!" На каждые 5 минут эфира идет полтора часа телефонного разговора с лучшим телефонным другом. "Он мне всё портит".

2

Непонятные письма он пишет. Из какой-то нездешней глуши. Покамест доберусь раскачкою. Из открытки было ясно: темные намеки, какая-то перестрелка. Там бои возобновились на всех направлениях. В ноябре было проще. Куда у меня делись марки по 16 копеек? Я возьму еще раз старую книгу. Тихо что-то и явная замороченность другими заботами. Я вот хотел посмотреть слово в словаре, забыл какое. Странные были приближения. Проще простого: получил два письма из Лондона. Узнал, что будет Тэрбер. Захотелось послать 3 письма. 2 открытки, по крайней мере. Я знаю, по ком звонок. С утра пораньше. Теперь я знаю, как пишется доктор Франсуаза Гаян. Мы долго ходили по скользким улицам. Но он не знает, какая у нас тут дорога. Свисти, свисти, моя звезда. "Уже будучи был мертвым" — замечательное выражение. Как выразить нашу радость, ни слова не сказав о наших огорчениях? Переводить "Авгиевы конюшни". Опять читать старые книги. Нужно все-таки соединить их все вместе. Я был занят другим. 13.1.78

Я не знаю, к чему это всё пришвартовывалось. Была странная жадность. И 4 страницы на чужой машинке. Теперь уж никто не скажет. Теперь уж некому сказать. Тут тоже нужно делать вид. Через 14 абзацев ты вспомнишь по какому поводу. 505-й автобус идет не туда. Зато 34-й троллейбус подвозит к Юго-Западной. Мы потом посмотрим на карте. Церковь видно из окна автобуса. Мне понравилось, как мальчик рассказывал про Хайд Парк Корнер. Её дружба с механиком-яхтсменом непонятна. Всё время симпатизируешь другому. Там были другие книги и другие фильмы. Ужасно, как быстро стареет книжная страница. Я пришел с пятницы у Писарева и написал две страницы на большом формате. Про художника-мушкетера. Какой он художник! — воскликнул Сергей Петрович. Я не знаю, какой он художник, но мушкетер он несомненный. Тихо уходили аллюзии. Уже неинтересно про "Стерео-кино". И киоска там больше нет. Значит с дрожью в голосе. Значит пора переходить на юмористический рассказ.

3

Смешные были заботы. "Авгиевы конюшни" Агаты Кристи. "Назад к Мафусаилу" — 2 цитаты в начале, не считая автограф.

4-й заход "Четырехэтажной тавтологии". В общем, еще один ПЯТЫЙ УГОЛ. Видимо, нужно через 2 интервала.

Был такой абзац. Без даты.
И важно было, как "Неон
особой чистоты". Для разрезки
как раз пойдет 3-й экз.
Короче.: Нет. "Балтийское
море шумит" /это Раушен-
Светлогорск в каком году? /

ЭФА — это такая змея, которая кусает без предупреждения. Эстетика финального архива. Лучше всего не заглядывать в архив. Быть знаменитым некрасиво, но это было для рифмы и для эмоций, а для жизни приходилось позировать скульпторше, зная, что она записывает каждое слово.

Там тоже не ахти как много. Просто широкий контекст у заявления "Кончилась моя епархия". Странное впечатление — "Ритмы Ремингтона". У "Фотографии", по крайней мере, накал и в общем добродушно, хотя чересчур болтливо. "Пепел и алмаз" — просто хорошо. Хуже с "Первой комнатой": так много длинных многословных подходов, чтобы сказать опять какую-нибудь ерунду вроде "А-а, в этой комнате, кажется, я, по рассказам, родился". Это же был "Кабинет врача" в детстве.

61

Актёр Филиппов играет эту роль. Из-под политики в насмешку. Она меня давит, а я из-под нее в насмешку. Разве так можно делать подарок? Они поторопились. 63.3. —

Это было в марте 63 г., скорее всего. "Жестокий ребенок" тогда написан.
А вспомнить нужно "Художника-мушкетера" — первый заход на большом формате. 2 листа вошли в "Озеро в жаркий день".

4

> Какая-то ерунда связывается там с "Если бы
> до этого не писал Бунин, было бы интересно".
> Там же главное: "А Вы знаете, что сказала
> моя дочь? "
>
> Но тут же явное продолжение первой части
> письма, которое мы условно назвали "ССОРА
> двух монахов в Синайской пустыне". На самом
> деле старинное продолжение Сциллы и Харибды,
> и он как будто выбирает, но сразу же решил кто
> выше. "Кто выше" можно поставить в кавычках,
> потому что это цитата сразу из двух источников.
> Для кого важно было взобраться на вершину чтобы
> услышать "ну ты даёшь". Для кого важно было не
> два футбольных комментатора, а как это вообще
> делается и почему тут странная борьба и нелепые
> счеты и чокнутая субординация.
> Тут не знаешь, как твой следующий шаг —
> вперед или назад?

Для кого была предназначена эта реплика? И куда попала. В конце января, овеянные первой оттепелью, хорошо звучат намеки на чужую судьбу. Они потом раскаялись: "Он нас ждал, а мы, как дуры, пошли в столовую и не пришли на именины. Он личных обид не забывает". Когда надо забыл и выручил. Этим сказано всё. Тут еще мало, чтобы взорваться. Тут еще нет и намека на безоглядность. Подумаешь, два черных кабинета. А теперь три, ну и что? Нет, не так происходили взлеты, и не такое бывает продолжение.

Так я и подумал.

Этого как раз и не надо было думать. Если ты подумал, ты сразу скажешь. Если скажешь, это всё испортит. В общем, ничего не получится. Не заглядывая в словарь, состоящий из писем и цитат. А-а, в четыре колонки и 6 адресов? Ну и ну. Это похоже на "Он что, опупел совсем или собирается умирать?" Вот-вот, вот именно.

5

Такой же взлет был и в том случае. Вам важно.
Не надо подчеркивать. И формат у хорвата тот же.
То есть опять НЕОТЛИЧИМОСТЬ. И машинку отдал, чтобы создать полное впечатление неотличимости. А зачем нужно контролировать, а? "Он будет говорить о тебе в своих кругах, и ты не будешь знать, что он о тебе наговорил". А это важно? А разве у меня до сих пор было иначе? Какое значение! Выходит, что две точки зрения. Но подметивший 10 лет спустя две точки зрения /тоже виконт Дображелон/ имеет в виду что-то свое. До сих пор он не жаловался, когда это касалось кого-то еще.

Сложная у них жизнь на ул. Рабиновича, 33.

А "Тахта" тоже писалась в 4 колонки. Вспомнил наконец.
И было заявление: "Я Вам всё простила". И была декларация почти карт-бланш. Но была и ссора натурщицы Валадон с художником Ренуаром. "А ты пиши звездой". Но в конечном счете речь шла о чем-то другом. В конце концов, даже при уезде я не совсем уверен. Впрочем, такси — и всё было ясно. Она борец, и не мешайте ей.

Тут произошел пожар на ул. Чайковского, 77.
Все забыли.
Покойника не побеспокоили. Полка нашлась. Шум был в противоположном направлении. Разговор о родине у диссидента не продолжался. Она помнит. "А чего вы все трезвые?" "А пьяные уже все спят". Знает кошка, чье мясо съела. Лес рубят, щепки летят. Это не щепки, это дрова. "Она ими полностью овладела". "Такая тихоня". И еще что-то связанное с мини-юбкой на кухне, что может быть отражено на карманном формате. Отражение других разговоров. Легко сказать. Художник-мушкетер на самом деле давно сошел с орбиты. Сам Писарев забыл, против чего он боролся 4 года назад. Тем более, он не помнит тактических расхождений с Колдуновым в 1956 году. А Теплый Стан потому и тёплый, что помнит свою молодость.

6

"Зачем ты общаешься с таким человеком?"

"Я с ним не общаюсь, я беседую".

Из других мемуаров.

Для другого читателя. Чистый читатель один раз прозвучал по телефону, и я не хочу портить впечатления. Хотя какой толк. Тут то же. Не всех страстей идет игра, но надо же считаться. В 4 колонки? Как будто я сам не могу сделать. Тут важно что? Настроение, влияние, продолжение и еще что-то. Кстати, ЕЩЕ ЧТО-ТО сразу же отпало. Какой был кинофильм? Свирепость апостолов, "Укрощение строптивой"? "Отелло". "Три сестры"! "Заседание парткома". "Двойник миллионера". Берия и Сталин в Голливуде. Ты вспомни, как ты собирался читать "Нуль и бесконечность".

В иконе-кинофильме "Что тот халтурщик, что этот". Еще раз якобы про Чемордачку. Еще раз расцвела яблоня на лугу по дороге к каюкам, но он уже повесился на знакомой осине, оставив кому-то две сберкнижки.

Про аспидистру хорошо. Мы забыли всё, а он теперь специалист. Меня интригует святая вода. Она психическая вода. Вот тебе матушка-Русь. Отстань ты. Это был китайский голос по-немецки. Это очень некрасиво, сам пьешь, а Человеку не предложишь. Человек работает на тебя. Так же было и с приемником. Целый день мне жизни не было. Еще короче? Цена всем этим усилиям — десятка. Но это же надо скрывать. Финансовую сторону чешских экскурсий. А чтобы отбить им охоту. Это еврейские деньги. Но все-таки пусть жизнь вокруг нас не прекращается. Художницу мы встретили в репортажах Вики Вольпин. /в среду 18 января, 18.1.78 /

Я не понимаю об чём звук. В НАШЕМ ДОМЕ БАЛАГАН.

7

Франция на французском в 9 часов утра. Видимо, для Африки. В это же время "брэкфест шоу". Вот видишь, как неприятно звучит это. Так я и знал. Ни слова о главном. Не было ни одного дополнительного движения. Какой-то холод. Странный привкус у этого конца января. "Кафедральная лапша первой очереди", говорится задумчиво и торжественно. Вот 18 книг из Лондона, опять 2 месяца можно не ходить в библиотеку. Зельда украла сценарий о балерине. А это возможно через столько лет? 4 Тэрбера шли только 7 дней.

20 января 1978 года. Ха.

Таким способом.

А там были неудачи с рисунком. Просто он засмотрен до безобразия. Важно во-время остановиться или дать новый вариант. Вам надо больше рисовать. Ему 84 года, до 84-го года он дожил, теперь нужно дожить до 85-го. "Дон Кихот" ему помогает. И ТВ. Что-то в конце января — длинный абзац — было другое. Если он всю ночь читал Салтыкова-Щедрина, то естественно утром ему хочется кого-то видеть и с кем-то поговорить. "Какие новые мысли?" — спрашивал бат. Энг. Как это на него было похоже. Получил Тэрбера. Спасибо. 20.1.78

Как будто в 1924 году не были цитаты. Один сплошной перевод из учебника Марго. Но в "Резиденте" была только одна цитата. Ускользает, уходит, испаряется отработанный пар. Про лебедя из Теннисона. Про рабство из Шелли. Про женщину из Тэрбера. О чем еще шла речь? Я не могу. Меня не хватает на такие размышления.

А он думает: вот пошла 145-я подопечная: с ней всегда что-нибудь случается. Ты короче. Ты прочти хоть одного Тэрбера прямо сразу без разгона. Кстати, он почему-то до сих пор или это его сын? Впрочем, она этого слова не знает. Старик Гаврила пришел с вином. Они, может, "Сэкс" вытащили, а два других всунули. "Гонять выучил" — рассказ о педагогическом таланте. Шутки Ивана Сергеевича: "А может Вы не туда палец положили?"

Стихийное бедствие радостного характера: тоже нет жизни. И Тэрбер и "Война и мир" и множество мыслей, которыми немедленно надо поделиться. Вот был день.

А Родион Щедрин, видимо, единственный баловень судьбы: больше никому не позволяют развиться до такой степени. Не считая Моисеева. Не считая. В других топографических ритмах был младший научный математик и все события того года. Он шагнул в наше внимание мгновенной краской на лице, капризами /"Но я не хочу читать Уайлда!"/, мгновенной ухмылкой на лице в самый неожиданный момент и еще чем-то, что только 10 лет спустя можно правильно оценить. Кандидатами хоть пруд пруди. Девочка с ул. Черняховского: "А он старше её на 10 лет. А она, по моему твердому убеждению, и есть гений. Так, по крайней мере, я воспринимаю каждый ее шаг". Алик молчал или чем-то еще был озабочен. Мы сидели у мамы на кухне. Мама была на даче.

— Этого приглашать не надо. Этот сам прибежит.

Так и вышло.

Если взять эту вещь, получается такая штука. У нее была травма от имени и окружения опального генерала. Но она лично знакома с его женой. Бестолковый был разговор. И старый Кропоткинский переулок был в курсе. "Разве так можно защищать Асаркана?" Похоже на "это можно не читать, это неинтересно. Вот что нужно прочитать". Медная пуговица. Преданный обожатель, но она и его довела до белого каления. Видимо, на кухне распоряжалась мама. Это было в декабре.

Слова в мае неожиданно отозвались.

На эту открытку я смотрю теперь иначе. У нас таких теперь на каждом повороте. Нам "Улисса" посылают из Италии. Вебстера из Калифорнии. Тэрбера из Лондона, Марселя Пруста из Франкфурта-на-Майне. Подумаешь, Натали Саррот из Марокко. Вот именно.

Четвертый Кузнецов про лестничную клетку и орфографический словарь. Слава Богу, что с него не требуют ТА. Слава Богу, что он не попал под арабский холодильник. Четыре картины на морозе, и кстати, ночь втроем была тоже зимой в жуткий мороз. "Руками не надо!" А чем надо? "Или он такой самобытный?" Закрой глаза, и ты опять увидишь начальника с маузером. Живые примеры большей частью не по рисованию и актерской игре. Но есть чему поучиться. Как будто ответы на все вопросы. "Он тоже сидел за одним столом с Виктором Некрасовым". И проходил мимо кабинета Семичастного. А у него дружок следователем у Даниэля и Синявского. Тебе тоже пригласительный билет из ам. посольства. Не мне, а П. Корину, но не будем мелочны. Тоже не лучшее достижение ИФЛИ. Она так и сказала.

Там не хватало одной простой фразы. Например. Мы ездили в Вильнюс.Или "собака ведет друга человека дышать свежим воздухом". Намеренно НЕ ТО. Мне нужно было соединить шато-икем с "Подожди, она сейчас заснет". Я выбрал самый длинный путь для возвращения домой. Конечно, первый же шаг вызвал бы известную реакцию: "Мне самой мало". "А ты оставь ей хоть немножко". Но Григорию Семеновичу мой способ разжигать уголь не понравился. Так и он умеет: вытопить печь дровами, а потом подложить уголь. Но он не сказал, что это неэкономно, он просто заявил: "Я лучше сам". Брат Александр* из Вёшек всё облазил, ничего не нашел. Вот была реакция читателя на рассказ "Котелок". ОНИ ДО СИХ ПОР ИЩУТ. Тут старуха подлила масла в огонь: "Нашли золото М.И., но на кой мне ихнее золото".

Персонаж Апдайка — Питер Нисс, главный герой, можно сказать. И у Нормана Мэйлера тоже. Нет, у Н. Мэйлера главный герой — Мисс Ора Фисс. Или даже "ю арс ми?"

Пока неожиданный звонок означал "Принесли Тэрбера". Сверх ожидания. Я приготовился ждать два месяца. Это его заденет, но как еще приступить к самому интересному разговору? Я уже второй год слышу. Веселая лаконичность бросает реплики, а у них есть и обратная сторона. "Злая девушка" валяется где-то в Ленинграде, и я не знаю, что о ней говорят. Купалась на Стрелке. Доктор Калинин сделал налёт, но всё было пристойно. Может быть, в тот самый день. Может быть. Тогда старик стал покупать ванны другим способом. Зачем же Вы всё уничтожаете? Нельзя полагаться на память. Надо записывать. Благодарю Вас. Это как дуэль на табуретках. Блямба,** как всегда, в своей подхихикивающей роли. Ты напиши ему нежное, ласковое письмо. Но он же собирался сделать нам второй обрезальный станок параллельно к старому, а он - что сделал: загубил старый. А чего же вы раньше не возражали? Но Вы же согласились! Бестолковый разговор с Надеждой. Пришлось махнуть рукой.

Я стал читать про будущее Земли — Луну по исследованиям грунта. Видал я эту выдру: нам улыбаются доверчиво их длинноногие супруги. Контр-адмирал мне понравился. Он сначала хотел сигналить "Лорд Нельсон надеется", но сигнальщик сказал: у нас нет таких флагов. Пришлось просигналить "Англия надеется". Она до сих пор надеется.

Диктант был удачный. 22.1.78
Я не уверен в актуальности, может нужно было про здоровье? Именно этого не хватало. Это все растрепится и ничего не получится. Но для этого должна быть уверенность. Хоть 707 страниц, всё равно читать нужно в японском порядке. Какие-то острова требует Киси Сузуки. Роща Китса? Озеро Браунинга. Река Ремингтон пересохла, требует ремонта. А что еще сказал Айзик Асимов? Он про свои 8 с половиной машинок ничего не сказал. Жан-Поль Б. откровенно заявил: всё переснимали, литературы не хватает. Материала нет. Автор "Дипломата" опять не согласился, ждет предложения от "Мосфильма". 84 года будет дожидаться. Наивный человек. Шельма. Дипломат. Опытный человек.

Видно, что из этого ничего не выйдет. Зажимать скрепками? Какие-то были еще японские радости.

Цитата замечательная. Она там 3 дня лежала. Был такой рассказ. И почти все понятно. Ни слова о том, что всех интересует. И о том, что ему важно, — тоже ни слова.
24.1.78
С этого и нужно начинать.
Пошли мне БРЕД на старость лет.

Это он у Даля вычитал "на каждого Захара по два комиссара". Этим и объясняется положение в Польше. Про мороз надо говорить "крепчал". А если он не крепчал? Не заметил. Было так же скользко, как и в 1881 году. Крючков не заметил.

Усталая собака ни на шаг. Такая хрестоматия. Экзистенция. Всё о мире, ни слова о знакомых. Всё мировоззрение и мироощущение и, видимо, поиски Бога или Абсолюта, но ни слова про шагреневую кожу в другой инкарнации. Я вспомнил Джерома недаром. Роль четырех книг Тэрбера тогда выполняли "Праздные мысли в 1905 году". А что было на третьем месте? "Успех" или жизнь Байрона или "Фёлькишер Беобахтер". А я зимой еще не нашел работу.

What exactly is proxy? The war with
the help of somebody else's. Just
what they want. Any more news?
How about your Itsy Bitsy Tricky Dicky?
Okie-dokie. O. K., doc? Oddy Knocky.
A political hellsappopin, and it's only
the beginning.
So much for DICTATION to-day. 22.1.78

Сатирический образ. Паразитка. Тут одна
ММР не поможет. Я не круг, я камень, со
мною можно потонуть. Вот какими словами
мы пользовались, начиная с 1943 года.
Ташкентское издание Ахматовой до сих пор
звучит. Кстати, надо возвращать стихи, как
обещала, НЕ ОБМАНЫВАЯ. А мы ее принимали
всерьёз.

Книги испорчены, как в библиотеке
Стендаля: ни печатный текст, ни заметки на
полях прочитать невозможно. Но у них же
другая оценка. Они же подходят с другой
точки. А вы попробуйте все-таки прочитать,
может что-нибудь получится. Если бы Бальзак,
они бы поручили специалистам. Но это же
Стендаль, а не Бальзак. 100 лет пришлось
ждать. Я думаю, он возненавидел всех ее
старых друзей и знакомых. Или она уже ничего
не помнит. Ей ведь важна культура России той
"Вечерней Москвы", которую можно показать
папе с мамой, а этот ваш мифический 21-й
век — это НЕнаучная фантастика.

Дирижер не заметил.

Ничего нового, кроме распределения
абзацев и их величины. Можно и в
машинописный лист, можно и на карточке.
Можно и "Ритуал": тут всё дело в другом.
Иначе у них всё это воспринимается,
и только самые терпеливые из них наконец
догадываются: грустно, что...

Грустно, что я стал это понимать только когда это со мной происходит. Опять-таки с какой-то своей точки зрения. Т.е. не сразу понятно. Т.е. СРАЗУ всё понятно, но грустно оттого что для этого понимания требуется как минимум 7 лет. "СЕМЬ ЛЕТ ДРУЖБЫ С ВЕЛОСИПЕДОМ" не проходит даром. Ты начинаешь думать с точки зрения велосипеда. В Эстонии было проще. Я не читал стихов, и с меня не требовали писать рецензию на "Опасные связи" по-французски.

12

Я хотел под "Четыре. тавт."* через 2 интервала печатать перевод Агаты Кристи для "Недели": "Авгиевы конюшни". Можно бы и Тэрбера. Еще раз заглянул в занимательную графологию. Ничего занимательного там пока нет за исключением того, что туда вкладывается. Вы мне напоминаете еще один случай и цитату из пьесы Бернарда Шоу. Кстати, по поводу "Те-те-те!" Аллюзий не было. Повода поговорить тоже, но одно письмо из Лондона — почти повод вспомнить о "Театральной жизни". На самом деле там была МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ. И конец одного открытого дома. В деревне рядом с Архангельским Алик скрывался на даче, а я рассказывал, как пишет Дос Пассос, а Ю. Айх. рассказывал о своих посещениях Эренбурга. Видимо, на ул. Горького, где Сотый магазин. Это было после фестиваля, но перед второй посадкой Алика Вольпина.

"Художник-мушкетер" был написан на таком формате. Я вспомнил по какому поводу. В тро- нет, в автобусе он мне полтора часа говорил про еврейскую солидарность. Никакой еврейской солидарности не было. И Мандель** вообще не способен ни на какую солидарность. Где-то мелькнуло через много лет в "Два дома на ножах" фраза "Эма Вам передавал привет". Я удивился: ведь мы же враги. И дом РЛ ГДВ подтвердил: "Да, вы враги". Значит была переоценка ценностей. Я так и понял. Вот был читатель. ВОТ БЫЛ БЫ ЧИТАТЕЛЬ для "Резидента", но к сожалению, он тоже НЕ УМЕЕТ ПИСАТЬ НА ПОЛЯХ. Самое главное. Медный всадник с лицом индейского вождя. Между прочим, он тоже предвидел такую возможность, что НЕ ВСЕХ расстреляют в данном конкретном случае. Что он себе думал несколько раньше? Вот любопытно. "Свобода или смерть?" Но это не марксистская постановка вопроса. Он увидел, что я поморщился. Цепочка размышлений всегда связана с библиотечкой "Огонек". Даже "Любовь Свана", которая была только сегодня, и та в ту сторону. Четвертая проза Манд., "Кусок Лондона" и вообще выход на большой формат. Он всегда такой.

13

2

Именно этим я собирался заниматься на досуге.
Что-то под "Кусок Лондона" и ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОГО РАЗГОВОРА.
Тогда, конечно, опять "Вы в каком году кончали ИФЛИ?"

> Закон элементарного заклинания. Тут же идет жуткая борьба, разве вы не видите? Тут идет война не на живот, а на смерть, но каждый делает вид. В ноябре 67 года были такие слова. Мы занимались вот чем, когда она выглянула в окно. Я испугался, но сделал вид И ТАЙНЫЙ ЗНАК, что мол так надо. 8 переплетных тетрадей карманного формата. Опять как в очереди на Дрезденку.

Я потом заметил. Я потом вспомнил. Я потом увидел: сокращением всех объяснительных разговоров было письмо с поезда, который остановился на станции Кавказская. Вот эти бои под Сосыкой у меня всё время в печенках. Уж про Сосыку-то я в 100 раз знаю больше ЕГО. Я тут учился спрыгивать с товарняка на полном ходу. Садиться на товарный поезд у Сосыки было просто. Он медленно шел НА УКЛОН. Этого гада мы встретили по дороге: "Ты посмотри, какая у него грудная клетка!" — восклицал Павлик Самойлик. Я молча посмотрел и промолчал и молча слушал их разговор. От этого гада мы уходили в чащу леса, и он все-таки подсмотрел, гад. Я помню ощущение. Но я был распален до такой степени, что "пусть гад смотрит". Потому что подсознательно мы встретили более крупное явление, чем Сомерсет Моэм. Именно эти слова и прозвучали тогда. "Как у нее совмещается — "84" и комсомол?" "Как у Алика Во. математика и стихи". "А почему она потом не появлялась больше? Один раз пришла и больше не появилась". "У нее родился ребенок". Твоя улыбка отоснилась, видно, навсегда. Тут был сказочный поворот без ревности, без злости. А пошли ты их к Понтию Пилату. Или к ПЯТОМУ ЕВАНГЕЛИСТУ и вообще к стихам 1959 года. "Жил я по евангелью Фомы", как любой московский Кампанелла, поэзия /б./, муза-сволочь уходит к лейтенанту, "В полковничий возраст выходим". Пес издох. Девчонка отравилась.

14

3

На самом деле злость и грусть по одному конкретному поводу.
"А ты не могла ему объяснить?"   И я тоже не захотел уточнять.

"Конспект романа". "Ураган" с тремя копиями. 65 стр.в 71 году. "Озеро в жаркий день" и куски "Джойса по-русски". И иди куда-нибудь подальше. Но зачем же дышать такой вонью?   1.3.78

Нет, Вы мне сначала расскажите про лучшего читателя книги "ОВЖД"*.

И что значит "упредить".

Это похоже на возглас в кафе того года:
— Я ведь читал главным образом про НЕЕ. Потом было открытое письмо про велосипед. Потом смущение. От этого смущения он так и не смог оправиться. Такси остановилось у тополя. "Эпистолярно эпизодически" — с тех пор его ПО ПИСЬМАМ я не встречал нигде.

Выходит, что тут нужно читать пачками. Другая через 2 дня: "Кто эта девушка?" Для первого подхода было хорошо и "Возмездие" и Норман Мэйлер. "Парочки" Апдайка появились позже. Меня интересовал закон отрицания отрицания, а не "через жопу". Вот это похоже на дневник мальчика из 9 класса. Я смотрел на поэта Когана сверху вниз. И не только потому что все в ИФЛИ были маленького роста. О росте не было речи, пока не появился Сергей Волков. А он, кажется, появился осенью 38-го года — т.е., В САМЫЙ НЕПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ для воспоминаний. Я его встретил в Бубновском? Нет, скорее всего в столовой на Усачевке.

15

4

ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ первого марта

"Приключения Оги Марча" тем и хороши, что напоминают кинофильм. Кстати, кто играл главную роль? Опять 2 слова про "ПРО-пагандистское колесо". Тут Тэрбер с его басней про гусака. Настоящий гусак — только и всего*. "Зора Софир, Европейское бюро, Голос Америки". Смех. Какая пьеса? Порнографическая? Нет надежды. Нахалка из фран. кино. Такую мы видали, но чтобы в цивилизованной стране в Париже, это невероятно.

Два сновидения, но об этом ни слова. Первое — с железной ногой вошел ОН на кухню и весело заговорил, не смущаясь, как будто его ожидали тут 20 лет. И второе. "Умер Хрущев!" и я сразу понял кто умер. А "Конец кафе" вообще из другого ПЯТОГО УГЛА. Это как переписка с карманного формата. Вопрос о предстоящих судебных процессах — точка зрения историка. Найдется такой Фойхтвангер, он напишет "Москва 1981", потом мы случайно прочтем эту книгу, потом будет ОПЯТЬ всё остальное.

16

Отсюда уже всё было выписано. И я забыл об этой нудной давно проделанной работе. Это верно.

Это по поводу СТАРОЙ СТЕНОГРАММЫ. 1.3.78

Дату пришлось вспомнить только в тот момент, когда сообщалось о студентах в Джакарте. Диктор упорно произносил "в городе Джьякья-Карта". Студенты протестовали и демонстрировали. О работе КГБ по америк. телевидению. Еще бы. Они убили за его дружественное расположение к Израилю.

Конечно, нужна точная буквальная стенограмма 1961 года, чтобы иметь возможность убедиться и сравнить. Не так быстро всё происходило. Не такая была обстановка. Не такие были собеседники. Опять СОБЕСЕДНИКИ из "СОВРЕМЕННИКА" скорее даже способствовали затуманиванию мозгов. Юра Тимофеев мелькнул ярким метеором и исчез. Никита Бескинд, оказывается, возглавлял анти-Асаркановское движение с конкретной целью изолировать Асаркана. А я и не знал. Вот гад какой. Физик Ю. Орлов и математик А. Щаранский. Получает субсидии ЦРУ для распространения клеветы и дезинформации. Они все-таки получили Ноб. премию мира. "Эмнисти Интер.", я имел в виду. По поводу диалога Е. и И. и что мир на БВ станет реальным. Сколько лет? 20 лет, как мы продавали "Галерею Сукарно" в КМ на ГУ СС*. "Преступление Владимира Клебанова" — ну это пьеса для другого театра. В кафе сидело 4 Сво., даже 5, но шестой свободин был самый свободный ПОКА.

17 дубль

Но откровенное нахальство, ничего не скажешь. Я даже не знаю, как ее найти. Один раз через трущобы Диккенса был интересный разговор. Хуже было с „я купался в лучах вашей славы“. До сих пор в ушах звенит. Проходя мимо остановки в переулке, я всегда вспоминаю „Пшик!“ Был шик, получился пшик. Но как „Наука и жизнь“ (что там о Казанове?), но как „Нов. мир“ или „Воп. ли“: имя им — легион.

А он —

не верит в ООН. Я, кстати, тоже, но не его дело знать. Зачем ему понадобилось звонить Мармеладову?
Он с ним знаком. Ну и что?
Если он хотел попрощаться, то так бы и сказал; а то что? *28.11.75*
Еще одна нелепость вокруг „Проблемы блямбовского маршрута“ *28 нояб. 75 г.*

17 дубль (другой вариант)

А нельзя ли тут обернуть с другой стороны.
Там было важно на челне. Как будто
1416 стр. на машинке: как раз за два года.
Вполне достаточно и 5 сотен.

«Слова в январе» не тем почерком. Оттуда нужно взять черновик «Ладони». Жест уличного оратора: он сам видел. Ладно. My turn now. Он никогда не напишет «My turn now». Тогда я стал собирать почерки, и их оказалось слишком много. Вот замеч. начало — ключ для читателя «Чашки чая». Для чего существует ксерокс. Чтобы потом в конце жизни шантажировать учителя. Я отказываюсь от такого ученика. — Продолжение традиции. — Традиционное айх. хамство. Ему невпервой. Он привык. Это тоже входит в традицию. Где впервые прозвучала фраза: «Неужели ты? Как это получилось, что из всех из нас ты приняла только одного Павла». Говорилось: «Что-о?» в районе «Кирпича».

Открой еще раз, и ты увидишь.
Вот за что я люблю ста.
сте. За то, что там
всё есть. 29.12.77

17
p.t.o

Вот флибустьеры. Он ломал судьбу. Он гнул ветер. Ты ломал в рот. Тебя гоняли в жопу. Ты так, а тебя так. Mutually. “Взаимно” (по-хохляцки). Тогда еще не так было.

Твой костер в тумане светит,
но пораженье от победы ты сам не должен отличать.
Мысли гаснут налету. Но остается пепел нашего
горения, другие по живому следу пройдут твой путь.
Пепел сгоревшей мысли будет стучать в новое сердце.
Только неопределенность и загадочность до 5-го разговора.
But never breathe a word about your loss.

Еще вчера я вспомнил "Братья не познакомились". НО БРАТЬЯ ТАК И НЕ ПОЗНАКОМИЛИСЬ*. Вот вам настоящие "Братья Карамазовы" — т.е. в жизни, а не в романе Достоевского. И тут опять "Багровая звезда". И актриса МХАТа ещё не понимает, что тут происходит. Богданов, конечно, махист, но интеллигентный человек. Человек нашего круга. И за что на него напускается Старик? И зачем они спорят? Жили бы тихо-мирно, не было бы гадостей хоть в собственном кругу.

А другая сторона началась с комсомольского билета. И было странно у масонов. Ну Пьеру понятно, он не может иначе, но зачем князю Андрею соединяться? Плохо ты читал "Трех мушкетеров": там описан КОНЕЦ великой дружбы. Задание выполнено, дело сделано, дружба кончилась. И лейтенант мушкетеров уже ни с кем не дружил, кроме как с кардиналом. А с кем ещё можно дружить? Не с Анной же Австрийской.

18

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СНОВИДЕНИЙ

"Занимательная графология", а иногда
просто погода в апреле.

Вот куда выносится "Щепка попала в водоворот" на простор речной волны, когда вдруг стали дуть азиатские желтые тянь-шаньско-тибетские суровые классовые китайские ветры, и я забыл, зачем я ходил на Неглинную. "Молодой человек, я вас не спрашиваю, где вы были, но только постарайтесь, чтобы этого с вами больше не было". У нее на лице было страдание и боль и ужас. Это по поводу цитаты из медицинского постановления: "два-три ребра". Там я прочитал "повреждены два-три ребра", но на самом деле, если что осталось неперебитым, то именно "два-три ребра". Хирург в маске спокойно показал, куда надо пройти. И он прошел. Я не проходил. Меня не спрашивали. Меня носили на руках. И сердце сжалось от мысли, а не по существу. Смотреть и думать об этом - гораздо страшней, чем это было на самом деле. Ну и уж потом - 33 года спустя — я узнал: и тут нет никакой заслуги: просто крепкое здоровье молодого спортсмена и, может быть, аномальное бесчувствие насчет физической боли. Помню. "Пытки? Не заметил. Он мне дал, я ему дал, он отлетел, закричал "Он дерется", выбе-жали трое, я их раскидал, разве это называется пытка? Ворвались 6 человек, я успешно давал сдачи, пока трое сзади не навалились, не скрутили руки, не накинули смирительную рубашку, тут конечно я сдался. Тоже никаких пыток не было. Им гораздо больше досталось. Еще вывод: на шестерых мой гипноз не действует. На двоих действует, но особенно хорошо действует на одного, он боится, он проходит по краю у стены и все время смотрит".

19

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СНОВИДЕНИЙ

2

"Дар Гумбольдта" тоже можно читать вслух как цитаты из "Несерьёзного словаря".

— А что он сказал о Вышинском?

— Только одно слово.

ЭФА была другая. Шутка была старая: "Полный Чехов под редакцией У. Пришибеева". Но это два шага вперед, потому что предыдущее издание редактировал учитель Беликов.

И тогда был вывод: "Интересно, когда не про себя". В списке сновидений нет сожалений о том, что кто-то вчера будто с самим Господом Богом разговаривал, а сегодня мне говорит "Крепитесь". И еще он сказал "С умным человеком и поговорить приятно". Бывший военный летчик, в Таганке он изображал гавкающую собаку, на 10 отделении играл в лото, как гипнотизёр, у Пионерских прудов у него почему-то неважный вид. В списке нет и последнего сновидения: человек в маске и белом халате приглашает войти. И тоскливое чувство: "ЗНАЧИТ М Е Н Я   НА РАССТРЕЛ". И одна надежда — скорей бы всё это кончилось. Давно не было таких живых эмоций во сне. Хорошо я делал в 1961 году. Лежа на диване, делал выписки из самой интересной книги, и кстати, вполне разборчиво и даже сохранилось. Третий вариант "Любовника леди Чэттерли". Циклически, как будто тоже часовой механизм с заводом на 28 дней. Лунный месяц, женский календарь, месячные взносы. "Что-нибудь случилось? Пошли чай пить".

20

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СНОВИДЕНИЙ

3

Комбинат Гундорово-Уголь тоже. Там была роскошная банковская бумага у директора плодоовощной базы, и я сидел у приемника, и Валя дразнила меня "Дядя!" Где был мусульманский календарь? Год под знаком Гориллы. И словечко "полу-перс". Паспорт на французском языке. Полу-гарем, полу-балетный класс. Типичный троеженец. Январский зной под небом Южного Креста, как в романе Станюковича "Вокруг света на КОРШУНЕ" или даже лучше у Гончарова во "Фрегате ПАЛЛАДА". Слова Фриды Лоуренс, и выписки из воспоминаний Олдоса Хаксли: "Лоуренс был шокирован". "Мерзкая, противная книга", сказала девочка. Я постеснялся ей сказать, что это комплимент: сам пишу только такие. Там была и поездка в Переделкино на такси. Точная копия другой картины. Критский расхаживает по курилке Ленинской библиотеки, а я делаю вид. В сумочке лежит "Сокращенный текст". И еще мы спускались вниз. Там срабатывал другой бзик. Крошка Ру дает уроки плавания, а внучка Демьяна Бедного делится щедротами через Мокия Парменыча. Тоже был хороший человек. Роман Казановы я уже не заказывал в Ленинской библиотеке. Но была и неожиданность, второй читатель перестал здороваться. "Может это случайность?" "Нет, закономерность". Как погиб великий архив из переплетной ЛТПБ. Контуры храма, если смотреть от аптеки. Гусары внутренних дел. Из-за чего я это всё терпел? Из-за других достоинств. Капризы, упреки, подозренья. Если они танкисты, тем более гусары. Волхвами славится Халдея, и мудрый опыт их глубок. Но тут стоят они бледнея. "Ты для меня пройденный этап" — это А. Леонтьев о поэте Когане в конце 1936 года.

21

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СНОВИДЕНИЙ
4

За окном бушевала Крестьянская Застава. Теперь уж можно сказать правду — за окном бушевала Рогожская застава. Тот человек, чувства которого мы щадили, уже умер. Тумба "От Москвы две версты" осталась. Грустно было читать ваше краткое жизнеописание. Еще грустней думать о том, что все письма полетели в огонь. В печку попал и Шелли. Но Шелли-то зачем? Он же совсем не виноват. Чай для двоих — лучший яд. Вот был читатель-артист. Ни при какой погоде ни слова про Ягоду. 40 лет молчал. Я помню, как в 1936 году на трибуне в Колонном зале мне не понравился его развязный вид. А сфинкс все-таки пользовался максимальным успехом. Никому так долго и горячо не аплодировали. А он просто сидел и смотрел в зал своими глазищами. "Я клавишей стаю кормил с руки". Озадачивало до последних степеней отличников, приехавших из Бурято-Монголии. Сам был такой. Знаю.

"Наклонись ко мне поближе".

Картинки были другие.

"Корсиканское чудовище" и первые 6 дней. Прямо сразу быка за рога. Это называется одет, раздет и вновь одет? И другая книга уже написана. И рассказы француженки были в тот год, когда все спрашивали "Как пишет Абрам Терц?"

Было интересно в год Сакко и Ванцетти.

— Бульварные романы для энтузиастов?

— Вы же сами предлагали. Не помните?

И письмо из Одессы было. И опять про Ленинград. Из других намеков другие анекдоты. Не надо больше, а то станет грустно: "А ВЫ ЛЮБИТЕ БРАМСА?" "Здравствуй, грусть".

22

Осторожно. Такой ритуал. Это мне крупно повезло. Я буду все-таки слушать звуки из ящика. Ты пил не с Эдгаром По. Ты пил бы с Джеком Лондоном "Железной пяты". И с Байроном ты был трезвенником. Тогда не требовалось. Одной мысли было достаточно для внутреннего опьянения. Рассказ про Звенигород был. Я не нашел отклики. Знаю, что будет как с "Обезьяной и сущностью". Такой ритуал. Как пьяница пред чаркою вина, освобождая осторожно, как револьвер. Из сердечной сумки про велосипед. Жаловаться не приходится. Но "Жертва" два раза. Но 14 месяцев ни слова. Тоже "кум грано салис". Но 100% комплиментов я не обязан уважать. Тогда не знал ты. Ты и теперь, к счастью, многого не знаешь. Одного Улфа Гадда достаточно на всю жизнь. "Трембита" была другая. На зло надменному соседу на самом деле, но этих слов там тоже не было. Но карандашные пометки были стерты. Помню. Но в этой книжечке остались. Но Шелли был брошен в печку. Но письма сгорели. Но счет не закрыт. Но "пара милых пустяков" — незабываемый подарок. "Кворки" скорее всего. Конечно, дешево, если у них рядовые книги по 10 долларов. Но пятерка за журнал тоже. Смотря какая книга. Звуки в темноте — да. "Тропинка бедствий" — хорошее название, тем более, что там есть "не предвидя для себя обысков и следствий".

23

Но эти важные детали до нас уже недолетали. Но утро в полночь обратя, спокойно спит. Но вихри враждебные веют над нами. Кверх ногами идут табу. В белых тапочках в гробу — вот и я тоже так думал. И замечательная мысль — не в первый раз. Это даже будет интересно. Где-то был рассказ "Увезли на трехтонке дневник прокурора". Потом я его видел на пл. Свердлова. У такого могло быть и 10 трехтонок. Была легенда в 1960 году про архив Пастернака. И три картофельных мешка, и потом про Виктора Некрасова. Мы знаем цену слов. И шесть пачек вполне достаточно для разгрома, каждый из трех товарищей налегке. "Когда же с вещами?" "Решения не было". Осторожно. Короче. ТАМ НЕ БЫЛО ТАКИХ СЛОВ. Помню. А иногда наоборот. Слов не было — разве это цитата? так — пустяки — а картина не забывается. Приблизительно вот так мы читали книги в Ленинской библиотеке. И СГГ* брал "Гения и богиню" на свой абонемент. Чорт ей рад, но и без нее тоже нельзя. Рассказы. Рассказы. Еще. Вон из-за чего. Разумеется, отклики были. Свистуны. Персидский подданный еще раз. Но я провел все-таки с ним разговор. И подействовало. Не было бы драки, не узнал бы я самой важной новости. Но когда я ее увидел на базаре, я мысленно ахнул. Значит вынужденно. Я преувеличенно и от души вежливо поклонился. Вот так же женщина с метлой встретилась на площади, и такой же жуткий ореол. Сегодня вас, а завтра нас. И все ж я был счастлив. Еще бы. Мне крупно повезло.

24

Сидит там себе и по ночам энциклики пишет. Прямо Павел Шестой. Кстати, Лев Шестов был Шварцман или Герцман. Лучший экзистенциалист России, не считая Лёвку Смирнова и актера Новацкого. Не считая АИЦ.*

А он** лежит себе в Подкопаевском и пишет по ночам энциклики на открытках разными цветными карандашами-фломастерами. А читать-то приходится днем. Днем совсем иначе это выглядит.

Конечно, нужно все-таки через 2 интервала, потому что бывают исправления и, главное, такая традиция. Посмотри на автограф Вирджинии Вульф.

НЕ ЗАБУДЬ СООБЩИТЬ, КОГДА ИЗ ВАТИКАНА ПОЙДЕТ БЕЛЫЙ ДЫМ.

Извести, когда грузин из Морского флота будет разводиться с дочкой Онассиса. Кстати, сообщи, кому достался участок против здания ООН. И кто женился на Патриции Хэрст из Неаполя. Ну про которую писали писатели "Недели". Маркиза на букву "Пэ". Из древнего итальянского рода. И когда покупать журнал с "Пижоном из гостиницы Эклер". Все это произошло сегодня /14 августа/, но это для меня сегодня, а на самом деле это события за весь август. Рисовал открытку он 2 дня назад, а что было за 2 дня до этого, он уже считает историей средних веков. 14.8.78

В сумочке можно хранить рядом с открытым письмом текст на карманном формате, "Я не коллекционирую оборванцев". ВОТ СУКА. А главное — неблагодарная и зазнавшаяся сука. Она забыла, сколько добра он ей делал. В том числе и в Музыкальной Жизни.

25

Если считать за продолжение "Ваша жертва" и еще какой-то большой формат, ну например, "Четырехэтажная" тоже.

Тогда, конечно, "Крючки в 1881 году" про тайное общество надо переписать на большом формате. По вечерам, надвинув ниже зеленый берет, а откуда у него ЗЕЛЕНЫЙ БЕРЕТ? У этого профессионала, собирателя бутылок у бассейна, разве чехи выпускают зеленые береты? Сам выкрасил гад. ОНИ ведь тоже - горпожаксы* — наивные старомодные рыцари: им дали по забралу самым примитивным азиатским способом, а они вызывают на дуэль. Секундантами будут 21-й век и 22-й, ого, дождешься справедливости. Да я бы этому гаду сразу бы морду побил.

За столиком сидел один оруженосец именно с таким современным рыцарским взглядом и надо учитывать столкновение позиций и текущих идей:

"Хотите, мы ему морду набьём?"

Вот образец внезапной преданности. Он не знает, что я его спас от мордобоя. Ну и пусть не знает.

Это даже лучше.

Его же нужно изучать, этот курс быстрого чтения. Лариса правильно сказала: 2 года будем изучать систематически, а потом научимся по-американски быстро читать книги, а потом быстро прочтем это руководство по быстрому чтению, а потом ты получишь об этом извещение.

14.8.78

Некому прочитать вслух.

"Тиражировать" было и "Мне не нужен комик с голым черепом" на таком формате. Вот что нужно приобщить в порядке общей пагинации. Впрочем, начиналось это с "Художника-мушкетера на площади Свердлова" /и вошло в "Озеро в жаркий день"/.

26

"Женщина в черной шинели" под прессом вон где. До сих пор в ушах звенит. Улыбка Симонова, он в старости стал похож на Сваричовского. А в молодости мы его принимали за Киплинга, когда он рядом с Матусовским собирался поступать в аспирантуру. Информация Жорки Блямбы: дворянский род, — а тогда как иерусалимское лицо? — и мол-тоже в ФЗУ учился для рабочего стажа и "тоже зарабатывал пролетарское происхождение". Я думал, что один Софронов трудился на Сельмаше, а потом оказалось и князь Ухтомский тоже не доехал до Раменок. Его ссадили в Быково. Но это же не международный аэропорт, по моим понятиям 1946 года. Кинорежиссер Сусликов-Нестеров, нет, еще была громкая фамилия — Газуев-Крандиевский. Так вот Никита Газуев играет в этом фильме именно Никиту Газуева.

Исчезли 2 страницы про турецкий кофе и Матто Гроссо. Как они проехали Огненную Землю. И великий патагонец Энри Миллер их приветствовал, потрясая шекспировским копьем. Они думают, что это и есть Чехов. Она думала, что это и есть Одинцова. И "Выстрел" тоже. Как они до сих пор "Тамань" не раздраконили на две серии. Вот благодать. Настоящий Лермонтов. Мильон терзаний и несколько нареканий со стороны Гончарова, когда его не пригласили к открытию шедевра Опекушина. Обидно, конечно. Всю жизнь любил Пушкина. И кстати, никогда не смешивал с грязью Лермонтова: для всех находилось место. Письма императора к Полю де Коку на 3 дня — это просьба И.С. Тургенева. Императора в письмах он называл Николай Павлович. Или просто Н. П.

27

Обряд посвящения в рыцари — маленькая картинка. В учебнике Экерсли где-то было. Очень удачный рисунок — тополь у хаты — был где-то. Там была замечательная стилизация под Эль Греко. Именно так и должно было присниться Олдосу Хаксли, когда он после приема мескалина стал описывать подножие трона Всевышнего в Судный День. Подножие у него не получилось, а вот про стул Ван-Гога он сказал замечательную вещь. Смотришь на складки и ощущаешь событие. У этих подопытных лексики не хватало. У них же другой словарь. Правильно сказал известный исследователь ЛСД: "У него мгновенно возникает бездна идей, как у алкоголика после порции водки, но всё, что он может выразить, — это "бей жидов, спасай Россию". Для этого не надо принимать мескалин. Для этого не надо затруднять ученых дам из НИИ на Потешной улице.

Об этом должна знать мадам Станкевич*.

Спасибо. Я ей сообщу через особняк Станкевича на улице Станкевича. С таким же успехом можно поговорить с Чайковским на улице Герцена. Кстати, там уже нет букинистов. Кстати, мы забыли о том, что у нас там было такое знакомство. КСТАТИ, — всегда у Кима Хадеева настолько что-нибудь некстати, что лучше об этом промолчать. ОН правильно сказал — он как кардинал Миндсенти — сказал и предупредил, что будет отказываться от этих своих слов. И это было — "Мои друзья в Минске повесили, как распятье, портрет поэта Когана" /К. Хадеев в Ленинграде в 1962 году/. А потом пошли все остальные титаны следующих поколений. И какому идолу /помолилась твоя потеплевшая душа/. И где же ТВОЙ ИДОЛ СТОИТ? /Дитя маловерное/. Мой идол лежит. Уже? Как быстро. Как у французов в "Интуристе".

28

Что значит копия архива?
Еще 40 ящиков?

Нет, лучше было на карманном
формате. Или там где ОПЯТЬ
ИЗ ТАРУСЫ ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХ
/в 66 г./, но это из зависти.
В связи с "Пудовым рыданием"
/Таруса в 1956 году/. Это еще
надо проверить, но проверить
легко — взять домовую книгу
с ул. Луначарского.

Про эстонских рыбаков и чайку, которая улетала в Швецию, а потом опять прилетала в Хаапсалу, кому-то передав привет.Я надеюсь на его долголетие. Пусть он знает.

Во сне было интересней. Это он правильно сказал под Мюриэл Спарк: "Она во сне была вкусней". И это действительно так было. Но дело в том, что М. Спарк утаила главное: сначала во сне, а потом уж на самом деле. И сновидение быстренько забылось, а ЯВЬ всё время будто повторялась, вызывая самые разнообразные чувства. Чего нельзя видеть в кино. Условно можно передать бледностью цвета. Но разве приснились такие бледные краски? Наоборот, ЦВЕТНОЕ СНОвидение было ночью, а днем был обыкновенный кинофильм. Такая светская хроника, какой кончает Норман Мэйлер свое повествование о психологии машин и впечатлениях первого человека на Луне. Я пытался представить бабочку — гигантскую набоковскую тропическую бабочку с реки Амазонка, — но у меня всё время не получалось. ВИДИМО, надо это ПОД ДРУГИМ УГЛОМ. Я всегда говорил /мысленно ЛХСС*, Юло Соостеру/, что одного этого достаточно. Кроме того, губы должны быть раскрыты. Как у Марии Шелл. Впрочем, у нее мешают зубы. Сразу настраивают на негритянский достоевский роман.

29

Ошибок слишком много.

Вот ты капризничаешь, а кто
страдает? Великая русская
литература.

Пора переходить на карманный формат,
но это уж в заключение, уж там я отведу
душу. Хотя на самом деле нужно открыть английскую
машинку и писать цитаты под традиционным названием
ДИКТАНТ / и дата — такого-то числа, месяца, года /.
И так до бесконечности. А рукопись, как всякая великая
рукопись, ОБРЫВАЕТСЯ

Так и должно быть.

Нет, ты не Рабинович! Мелодии 20 годов, мамино
наследство. Рабинович бы на твоем месте не так бы
поступил. И это каждую минуту каждый день по любому
поводу. Уже 15 лет как прозвучало "Я же тебя не
упрекаю, что ты не Федин и не можешь как Паустовский".
Но это касается не только мировой литературы. У тебя
на балконе стоит готовый суп, а ты его не можешь
разогреть. У нас в холодильнике портится еда, а ты
лежишь голодный. Как я могу тебя оставить одного? Ты
забываешь, что нужно есть. Пить ты не забываешь. Тебе
напоминают твои друзья-приятели. Вдруг выяснилось, кто
главный Рабинович. Вот пожалста — гусар /бывший гусар,
почти лейбгвардеец/, поэт /настоящий поэт, и сейчас
можно процитировать: ты мне нравишься больше собаки,
но гвозди бы делать из этих людей/ и распределитель
государственных премий: вот как надо, а то ВЫ!

30

Там голос Зиновьева, тут капризы Зиника,
И ВЫ ЕЩЕ.

/И ТЫ ЕЩЕ /

в скобках

это после Джозефа Хеллера

зараза такая

Кто играл в фильме ЗАНУДА?

Это там мешают человеку прицелиться? И некогда собрать

винтовку? Вентури? Вот и я тоже так подумал.

Вот и я тоже так. Вот и тоже.   14.8.78

А стрелять-то в кого? Не в кого. Стрелять-то не в кого.

Уже стреляли. Уже было. Известно, что из этого получается.

ЭТО У НИХ ПАМЯТЬ КОРОТКАЯ. Они начинают жить.

"Судоходный сослуживец", министерский чиновник против "Метрополя" рядом с Лубянкой и Центральными банями, там они и познакомились. Терри Бушел сначала сообщил о крепкой советской семье. Потом сказал — свадебное путешествие в Сибирь, и озаглавил "Товарищи по оружию едут в Сибирь". Потом вдруг она уже в Греции, а он заявил "я всё время сижу у телефона, поддерживаю постоянную связь. ЧЕТЫРЕ ДНЯ служебного романа. А что сказала мачеха? Известно что. "Ну ты даешь!" Этого даже ей не пришло в голову, а она — более опытная женщина.

Кроме "Одноглазого словаря", с собой никого не привози. Знаю, опытный человек. Когда есть еще один зритель, ты устраиваешь такой театр для одного актера, что потом целый месяц плеваться хочется. Плевать конечно.
Рисунок был другой. И было важно когда-то.

"Уезжает в Тель-Авив. Там он великий писатель, а в Лондоне он никто". Было сказано в понедельник 14 августа по-новому.

Так это же плохо. Еще хуже.
А она не может связаться с
настоящим ЖЭК-ом. Там же обожают
твердый громкий мужской голос военного
человека /с азиатской простотой/.
Как диспетчеру по диктофону в лифте.
Кстати, и этот резидент нервно прокричал: "Садитесь в лифт". Я не глухой. Мог бы сказать и тише. "А это старушки придумали", — сказал он извиняясь.
На Ульяновской улице он не извинялся. И нанеся неожиданный визит без приглашения хозяйки дома, тоже не удивился, что его отправили с порога. Цитата из Данилевского /или "Беглые в Новороссии" или что-то еще, но не "Царская невеста"/. Когда она услышала чтение фразы "все-таки немножко скотоваты", у нее было испуганное лицо. Но через 5 минут она оправилась. Банка с медом, подарок как для Винни-Пуха. Естественно, что хозяйки дома я не видел. Словесный портрет кисти Ирины Глинки. Но она работает резцом по дереву и автогенкой по серебру, но жутко нервно. Один раз я попал под такое вдохновение, у нее шипела горелка на подоконнике, плавилось серебро, мама вошла, телефон всё время отвлекал, она кидалась как тигрица и все-таки что-то делала. Я так понял — из столовой ложки какое-то бижутери. Но я почему-то смотрел на эту мастерскую глазами мисс Марпл из романа Агаты Кристи. Если два помощника и они скрутят, то получится чистый детектив. И главное — НИКТО НЕ ПОВЕРИТ.

ёё ё Не хватает, возможно, ХУДОЖНИКА-МУШКЕТЕРА.
ё Ма-ё! ЧЕГО-ТО ДРУГОГО НЕ ХВАТАЕТ.
ладно 16 августа в среду.

Джонович конечно. У него уже дочь взрослая. Светлана Джоновна. Кстати, её знает Оля. Она ей давала частные уроки. Можешь спросить.

"Горит Александрийская библиотека!"

Македонский плачет: некого больше завоевывать. Но царя Александра понимает только Буцефал. С одной стороны Хама, с другой стороны Яфета.

4 дня о мемуарах Казановы.
Кристина её зовут. Спасибо.
Но ему 42 года. Айхенвальд взволнован.
По телефону.

32

Бледная была копия через 2 интервала. А ты уважь чужую блажь. А ты уважь. Он не уважает, а ты уважь. Приблизительно так и с бзиком. Вот ты хочешь обязательно кого-то к чему-то приклеить, меня возмущает этот бзик, но я терплю. "Меня не интересует, что обо мне го-ворят в КГБ". Врешь собака. И кстати, меня интересует и всегда будет интересовать, ЧТО ты БУДЕШЬ ГОВОРИТЬ. И я всегда готов. У меня такой бзик, потому что я трижды опытный человек, а ты только единожды.

Бледная волна, но кусок озера с балкона на той стороне от утреннего освещения — картинка. От вашего роста не зависит, а на самом деле всё зависит от роста. Когда ты смотришь человеку в подбородок, тебе приходится задирать голову, а он гад смотрит на тебя сверху вниз. Это травмирует. Меня это не задевало, пока я не встретился с С. Волковым на Усачевке. Для равновесия я стал гово-рить покровительственно "Сереженька", а он не угадывал иронии и стал возражать, потом просто возмущаться. Он не ребенок. Хватит. Его надо называть Сергей.

Без точек? А на самом деле Нора Джойс слишком много точек ставила. Правда, она, поставив точку, продолжала с маленькой буквы, но у нее великолепный каллиграфический почерк, хотя она была всего-навсего горничной из отеля. Официантка. Бремя страстей человеческих. Всё зависит. Динни Черрел тоже работала в столовой в национальный год стачки. Баронесса Вревская была сестрой милосердия и просто санитаркой. Горшки выносила. С достоинством великой княгини. Но меня беспокоит Макмиллан с ружьём. А когда-то был в белой меховой шапке. Как он заглядывал лорду Хьюму в машинописный лист.   И обнаружил стенограмму? Возможно. Каракули. Но ему и нужно было узнать почерк человека, который шел с зонтиком рядом с Чемберленом.

Но картину тоже ХОТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК должен видеть.

Длинные реминисц. на тему: не издан – не автор.

Один спокойный, а другой бесноватый. Разница маленькая. Важно, что друг ДРУГУ подражают и завидуют. Впрочем, молодой Бронштейн начинал с френча и усиков.

такие заметки на полях

как ОПЯТЬ В ТАРУСЕ ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХ

Окуджава будет читать про великого грузинского вождя Окуджаву.

Так они воспринимали книгу "Антисемитизм в Советском Союзе".

МНИМЫЕ ВЕЛИЧИНЫ Нарокова надо процитировать. Но я читая был глух и нем. Карандаша не было. Бумаги не было под рукой.

вот тут немного под "Можно конечно переписать" /в 57 г./

Шпион по кличке Саша. Не Саша, а СашА – ГитрИ. Влади? ВладИ!

Заботы 56 года.

Для Алексея Толстого самый ярый троцкист был Мандельштам. У него и замашки троцкистские. Сам щупленький, а туда же в морду дать лезет.
Но как себя вел в грозный час гнусный Геббельс, вот чего не могут отнять все враги. Относительно всякой трусливой растерявшейся сволочи он вел себя как человек.
Опознали по перстню, как Грибоедова в Тегеране.

НО НАПИСАННОЕ ВСЕ-ТАКИ НУЖНО ПРОЧИТАТЬ

и картину все-таки нужно показать, ХОТЬ ОДИН человек ее должен видеть

Какие финансисты на него работают! Это про кого? Про Рогожина, про лучшего друга князя Мышкина. Что значит "Оля кончилась". А Лена начинается? По-моему, Айхенвальд кончается, впрочем, он давно кончился.
Тогда нужно взять этот "удивит. пот работы" – читалась вслух проза Марины Цветаевой, а конфликт и ссора была из-за "Инфекции" с одной стороны и распашонок на балконе с четвертой, тайной стороны, а со второй – главной – что-то еще. В этих занудистых пояснениях, соображениях и заключался Джойс по-русски. Он перерастал в Марселя Пруста, если его не сокращать. КОРОЧЕ, читать нужно 40 ящиков комода. Но написанное надо прочитать, ибо с этого и начинается не живописный а литературный шедевр.

34

Теперь я знаю что делать. Такая будет ДОРОГА НА ОКЕАН / к о м и к с /

Длинные реминисценции и вообще всякая нуда под Марселя Пруста необходима, как леса при постройке здания, иначе нельзя, сочинение иначе не будет написано. Но потом-то ведь можно сокращать и давать улучшенный вариант. В том-то и дело, что последующие улучшения, наоборот, хуже и сложнее и запутанней. Да чего дальше. Судьба "Воскресенья" в "Ниве". Уже хорошо. Уже набрали. Уже отпеча-тали, а он всё дальше пишет. "И так было хорошо, Лев Николаевич, Вы нас замучили". Свидетельство С. Моэма, а он был яростный приверженец Марселя Пруста. Лучше я буду скучать с Марселем Прустом, чем веселиться с Джеймсом Бондом или Жоржем Сименоном или даже Бальзаком и Достоевским. Впрочем, Достоевского нужно исключить.

Был мушкетер в "Озере в жаркий день", и рядом со свадьбой Джона Писарева его надо обязательно непременно упомянуть, поместить и прочитать, как вся фигура получателя немецких писем на пл. Свердлова нужна не только для пятниц Писарева, но и для атмосферы 1956 года. Не считая 55-го. Потому что они перекликаются с маузерами, самовзводами, субботами, сосульками у дома № 10 и вообще. Величественную фигуру Колдунова нельзя оценить без кинотеатра "Стереокино".

Там есть великая цитата и даже вклад в продолжение разговора в Бу. Тю.* /"Значит есть люди, которым дорог ленинизм". "Есть"/: "Кто живет по Ильичу? Чугунный Ленин на станичной площади". Никто этого не заметил, а 44 читателя было у "Мутной воды". Ему цыганка пела и гадала: "А погибнешь ты, милый человек, при взятии великого китайского города Сунь-Хуй-в-Чай", и твоя дочка услышит по радио голос Левитана: "Наши войска под давлением численно превосходящего противника оставили город Сунь-Хуй-в-Чай" /на Ян-Цзы-зянском направлении/

Натягивай крепче гужи. И тут кончается искусство и начинается переливание из пустого в порожнее. Никто не знает. Это зависит от контекста.

ТВОЕ НЕНАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

18.8.78

"Огонь на Луне" сдам в библиотеку.

Текст в 4 колонки имел смысл. Чтобы его не смешивать с другими, составлявшими единство "Забытой ленты", например, употреблялся другой прием. Через 3 интервала, оказалось, нужно печатать такой текст, где нужны варианты редактирования. Окончательный текст может иметь любой вид за исключением нечитабельного. Вот идет "Ритуал". В том числе и старая стенограмма. "Домик у моря" имел такой вид. И нужно было подчеркнуть. "ОДНА" В ТЕАТРЕ ВАХТАНГОВА" обладала такой особенностью. Иногда приклейка под "Родную речь на карманном формате".

"Дневник Понтия Пилата" — действительно дневник, там только нехватает отчеркнутого на полях. Раз есть даты и есть события, значит дневник. Другое дело — нет Распятого Человека. Значит нет Понтия Пилата? Нет, не значит. Значит только, что сам автор исполняет обе роли: он и Пилат, он и Распятый Человек. И вот как это происходило. А СТА. СТЕ. — это крест, а Голгофа — это вообще путь по жизни шагая, любая дорога, пока не остановилось сердце. Сердце — это медицинское понятие в данном случае. На недописанном слове кончается Голгофа. Уже написан "Настоящий конец великой епархии".

Чужая достоевщина отталкивала. "Гнусный Лермонтов" /ФМД/ тогда стал величайшим комплиментом, потому что он дополнял Пушкина. А Пушкина ведь они воспринимали по-всякому. Дописать четыре недописанных романа — это приходило в голову. Написать вторую часть "Мертвых душ" считалось неинтересным и неважным. Но в первую очередь "Арап в Париже", потом "Клеопатра со второго курса", потом роман в письмах из эпохи нашествия. Статистически один на тысячу человек: финансовый подход.

36

А четвертый подход и замысел — новый "Выстрел".

Не "исповеди", а "признания". Но там всё в таком духе. Как будто автор сказки написал сказку в 1881 году. Разумеется при таком нетерпимом вкусе каждый из спорщиков должен давать свой самостоятельный перевод с начала до конца. Кто своей рукой писал окончательно, тот и автор: она физически не могла пропустить такое слово. Удивляться надо, что вообще соавторство состоялось. Это относится и к ТВОЕМУ НЕНАГЛЯДНОМУ ПОСОБИЮ. "Чьи это гены? Так по-твоему все плохие гены мои, а все хорошие твои?"
Рассказ Юло Соостера.

Иногда только одна приклеенная страница составляла творческую процедуру. Например, с датой 17 декабря 1954 года. В переписанном виде она имела бледный вид и воспринималась как лишняя страница, но в старом первоначальном виде она во многих случаях была необходимым началом или концом.

"Часы надо загнать".

Тогда мешал переплетный эквивалент. И кстати, его нельзя положить в карман. Список из 6 фамилий. А заплатили за эти 6 строчек? А как же.

Поляк Жирардовский встретил поэта Гусаку: что можно по-французски, того нельзя по-польски. Звуки из ящика гипнотизируют польскими разговорными интонациями актерской скороговорки. Но для этого нужно повторить 25 раз одну фразу в 12 домах на 14 журфиксах, чтобы так спокойно сказать то, что ты можешь только процитировать, да и то только когда вспомнишь. Нах-виц или импровизация под "вы бы заучивали такие фразы наизусть, так, знаете, для светского разговора", как учила профессора Верховенского генеральша Ставрогина.

Только при условии, если она читала хотя бы "Озеро в жаркий день".

— Я так и знал. Она еще будет спрашивать: а книга интересная?

37

Не было более внимательного читателя. Я правильно подумал тогда и напрасно в этом усомнился. Что было забыто под напором чужой тоски и других посторонних событий. "Он сколотил коллектив, а сам ушел". Ошибка великого оратора.

Две сестры. Помню. Третий арест на трамвайной остановке. Доктор Калинин: "Вы же не хотите быть арестованным в четвертый раз?" Инспектор Тар.: "Посольство перевели с Моховой. Вы не хотите узнать новый адрес?" "А-а, Студент!" Вот когда я узнал под какой кличкой проходил в кругах профессора Краснушкина в 1939 году.

Вдруг совсем непрезентабельная книга из жизни Лондона в 1915 году воскресила историю падающих снежинок с деревьев железнодорожного сада. Министр отдыха и культуры правильно заметил: "Мы это переиграем". Тоже занимательная графология: "Только я бы хотел это уничтожить". "Ишь ты".

Человек, которого надо убедить. Почти единственный гражданин СС*, с которым он все-таки готов был считаться. За чашкой чая. Но не до такой степени. Обе они из Тбилиси. Претендентке как минимум нужно набрать на пол-очка больше.

Красные рыбки резвились в маленьком бассейне. Под натиском красных наемных солдат в расправу разведки попался. Навстречу им вышел седой генерал. К смертельной мучительной казни. "Вы землю хотели, я землю вам дал, а волю на небе найдете". Это наши народные песни, я сам когда мне было 5 с половиной годиков подпевал "Мы не сынки у маменьки в помещичьем дому".

И первое сообщение на тему "доигралась" тоже по-французски. И статья Арагона с устными примечаниями "Дифюзьон Франсэз": выйду из ЦК и покину компартию если не перестанете травить моего друга Илью Эренбурга. Вот это дружба. И живая хронология. Ничем не хуже всякой другой подборки цитат с картинками.

Длинно. Такой был дайджест по "Разговору о рыбе". Что-то говорил про что-то. А вы думаете, его легко понять? Ошибаетесь. Он говорит намеками на нюансах. Он одними буквами разговаривает. И кто понял, тот смеется, а ты сидишь и моргаешь глазами. Ничего не поймешь. Да он и пишет так. Ничего не поймешь. Кто и с кем. Про кого и за что.   20 августа 1978 года.

Вчера была годовщина разговора о хорватской машинке. Шестое августа по-старому. Живая хронология, ничем не хуже всякой другой. Как 6 писем, и главное — не перепутать конверты с адресом. На чем построен рассказ Тэрбера "Мои встречи с Лоуренсом". Смешно о мачехе. Как Кристина Онассис. Её мачеха ненавидит. И она её. Она широко ему изменяет. Нет, глубоко. В узком кругу. У него нет проблем с дочерью. И у Юрки нет проблем с дочерью. А это теоретические проблемы, которые ты не заметил.

"Третья девушка" Агаты Кристи привлекает новой возможностью возвратиться к "Разговору о рыбе" при помощи нового типа переплета. Вдруг заработала мысль. Мысль у нее, как хорошо смазанный велосипед: перевод с английского: пример на "спунеризм". Она сама за ней не поспевает, за своей мыслью. Но нельзя приобщить английские тетради.

Что значит ПОТЕРЯЛ ПОДСОЗНАНИЕ? В конкретном смысле — сны перестали сниться, не говоря уже о том, что при снах никаких эмоций — ни ужаса, ни радости, ничего. Не считая молнии и грома. Ни грома, ни молнии, один долг и святая обязанность. Цитат не было. Или были тетради по английской лексике. Ничего кроме. "Что-то о чем-то". Вот это точная информация. А она действительно не помнит. В данном случае она не разобрала. И не было возможности. "Она — это не она, он - это не он, и они — это не они". Имеет смысл, да, если прочитать весь роман. Более интересное чтение, чем тысяча страниц, где по существу ничего нового вы не узнаете. Подтверждение слухов и записи старых сплетен в систематическом изложении.

Ваше ненаглядное пособие у меня в печенке, ты так ей и скажи. Ты не успеваешь, ты бешеная с этим пособием, а я виноват, а на мне отзывается. На изустные рассказы этого года ей наплевать, у нее свои НАИЗУСТНЫЕ рассказы. А на повторениях отшлифовывается стиль и происходит запоминание.

39

из чего всё и происходит

вроде дайджеста по "Разговору о рыбе"

или опять турусы на колесах, написано в Тарусе
под названием "Пудовое рыдание"

А обложка к другой книге. У шпионов оружия не бывает. Оружие необходимо для шантажа и запугивания шпионов. Такой сцены в романе нету.

В "Четырехэтажную тавтологию" можно вклеить "Настоящий конец великой епархии". Но можно и не вклеивать, можно и так оставить, нет, все-таки лучше вклеить. Потому что слишком много копий, а читать некому. "ИнвОлют", чтобы избежать созвучия с "инвалюта", хотя они конечно говорят инволЮт. Не слыхал. Это как кондовая Россия. Быстро она ему надоела. Запросился в Рязань. Быстро она ему надоела, запросился в Москву. Быстро она ему надоела. Попал в Швейцарию. Быстро она ему надоела. Попал в Америку. Быстро она ему надоела. Куда дальше? Дальше некуда. На Венеру?

40

Война по-итальянски. Возмутительная вещь. Там хоть начало было интересное. А там во глубине Ирландии больше всего амери-канцев. Ирландцы покидали Ирландию со страшной силой. Такой рисунок под Макса Швиммера. Член Солнечной Системы с 1930 года. Я по крайней мере знаю, что я в это время делал. 19 апреля мы купались в ледяной воде. В конце января катались на коньках, приехал какой-то из райкома комсомола на норвегах, произвел впечатление. Исключали подпольщиков-заговорщиков весной следующего года. Именно этого — 30-го года. "Все-таки по-английски". А вот этих членов с 1958 года я отказываюсь понимать. Ворота Кавказа были впереди. Начало нового мира еще раз. Нужно было просто подойти и сказать спасибо. Легко сказать. Это разговор с Дворцом Советов в 1938 году. Так твоя мама разговаривала с Храмом Христа Спасителя, как я с тополем в Савельевском переулке. Эпоха ушла в архив: "файл энд форгет"*. Вам бы там бы ЯМБЫ писать. Сдались на милость победителя. И только в том была победа.

Ей недостаточно было, что я ее всюду называл Стромынской Мадонной. Ей мало было, что она "мишкина Джиоконда". Ей хотелось еще раз получить пачку писем с объяснением в любви. Времена уходят в могилу, и только любовь не в силах из сердца никогда. Вот ей что нужно было. А что тебе жалко что ли? Мне не жалко, но это другой жанр. Мне скучно работать в старом жанре. Не с тем собеседником — это правда. Про "жучки", про кабинет министра, про печать посла — вот был интересный разговор. Умел хранить гос. тайну. Опытный человек, чрезвычайку помнил. Чайка всегда напоминала ему "отвечай-ка!"

41

В списке сновидений нет жалобы на трон Всевышнего. В списке сновидений нет чужого рассказа про мескалин. Был такой специалист на четверге. Он перестал с ней кадриться. Но она держала его наготове. На всякий случай. Она ведь к этому вопросу по-научному подходит. Помню ее реплику: "А она правда всё рассказывает кому попало, но чтобы мудозвонка? Не знаю". По её понятиям это что-то другое и вполне определенное.

Еще был один список. 6 фамилий заменены точками в сти-хотворении "А пошлите их в КЕМЬ". И заплатили за точки? А как же, считается за строчку.

По вечерам, надвинув ниже эстонский козырек, нет, не по вечерам, а по четвергам опять хожу в плавательный бассейн. Да кстати, надо купить именно в 4-й павильон. Не забыть, если возможно. И я разорвал старый список. И правильно сделал. Еще этого не хватало. И ПЕПЕЛ ПЕРЕМЕШИВАТЬ. Как раз из новеллы про печать американского посла. Смерть командарма. Вот главный криминал у Б. Пильняка. Больше никогда никто не осмеливался. И Бабелю отбили охоту писать "У нашего батьки Буденного". В новых изданиях стали печатать "У нашего батьки Махно". Впереди идет матрос. Вот какой-то мрачный тип к милой девушке прилип. Стихи про клей. На самом деле он "гнусный тип", а мрачный мрамор, но все равно. Жираф неправ в стране Керосинии. Дело пахло керосином. Первые пародии Зощенко были важные. Он все-таки написал одну "повесть Белкина", а ВЫ только собираетесь. "Арап в Париже": разговор его был прост и важен. Братья по крови, не пользуется успехом, придется ехать в Оклахому. Туда ему и дорога. А почему он не хочет в Уганду?

"Почерк Евгения Шварца" был замечательный. Стихийный смогист писал как старый канцелярист или диктовал, вернее. Еще был "старый переплетчик с лицом из красного сафьяна". Не жалею.

Тогда вредная книга начинает мешать. Цитаты из нее не возьмешь, ситуация чуждая, как с "Третьей девушкой" Агаты Кристи. Но все-таки что-то есть. Все-таки 1966 год. Потом буду брать эти "через полтора интервала" и свободно переписывать, пока не надоело. Быстро надоест. Как переплет "Вселенная вокруг нас". Лучше был "Разговор о рыбе". Много слишком разговоров о "Разговоре о рыбе", а самого "Разговора" что-то невидно. Гоголь нужен в том издании, где впервые помещена "Выброшенная глава" из "Бесов".

Юбилей был в 1897 году. Она правила с 1837 года. Королева Виктория в "Петербургской жизни". Вот какие книги покупают в Пущино. Т. е. покупают в Москве, а читают в Пущино.

Значит была глава "Ворота Кавказа" и что-то про судьбу Оппенгеймера. Кто написал стихотворения Айхенвальда? Кто изобрел кровообращение? Кто открыл Америку? Французы, французы, всюду французы. Тогда не знал ты желтых дел Китая. Японский городовой или корейский император Ё Ма-Йо. В Поднебесной всё спокойно. Жрать нечего, но поднебесный порядок. Все виды китайской казни из журнала "Нива". Две колонки параллельного текста для объяснений и что-то на английской машинке. Видимо, был под рукой французский текст, иначе я бы не отважился. Тут же много "аксанов" и все-таки грамматика: без учебника трудно переводить.

43.

а может 46, если включая 4 стр. "Что осталось за пределами сновидений"

конечно ВКЛЮЧАЯ — как же, самое интересное на большом формате

Вот чего я забыл. У меня был особый переплет под названием "69 год" или "Круть-верть 69". — Что это за переплет?

— Это совсем особый переплет. Его никто не видел.

Кстати, куда он делся? И железную линейку для обрезания не могу найти. И английские тетради до сих пор не обнаружил. Круглый красный точильный камень тоже. "Все-таки по-английски". Но вот я стал читать этого итальянского классика, и он меня жутко возмущает. Как детская мечта. Как подражание старым юношеским богам. Как пройденный этап. Как свое старое сочинение. Все-таки по-английски. НО НЕ ВСЕ интересно по-английски. У меня таких сочинений на 90 томов найдется, но очень мало такого, что бы я хотел увидеть по-английски. С этого и надо было начинать. Лучше я буду читать перевод с голландского.

Город переименовали, но не привилось. Станцию Миллерово переименовали в город Подтелков, но это долго не продержалось. Никто его так не называл, и как-то тихо власти дали отбой. А Рыбинск по-прежнему или как Ежов-Черкесск? На Большой Садовой кричали газетчики, и я купил за 12 копеек "Первые шаги Троцкого за границей". Шаги мне не понравились. Гораздо интересней "Янки при дворе короля Артура". А "Человек-амфибия" еще лучше. "Приключения барона Мюнхгаузена" я читал Вовке вслух, когда на кухню вошла Нина. Она одобрила одно, но сделала замечание по поводу другого. Дом стоял на углу Малой Садовой и Ткачевского переулка. Ребенок стукнулся об пол. Ничего, до свадьбы всё заживет.

Биографическая справка

Павел Павлович Улитин (в дальнейшем ПУ) родился 31 мая 1918 года на Дону, в станице Мигулинской Ростовской области.

Отец Павел Филиппович (187?–1921) — землемер, убит белыми бандитами.

Мать Ульяна Ивановна (1877–1947) — врач, выпускница Высших женских курсов в Петербурге.

Учился в станице Казанской, бывал в Ростове у родных. Впечатления ранних лет жизни в тех краях — постоянная тема в текстах Улитина.

После окончания школы в 1936 году поступил в Московский институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) на литературный факультет. Соседом Улитина по комнате в общежитии был Александр Шелепин, в будущем один из высших советских руководителей. ПУ принимал активное участие в культурной и спортивной жизни ИФЛИ (стенгазета «Комсомолия», литературный кружок и др.).

Вместе с друзьями создал антисталинскую коммунистическую группу, которая «поставила себе задачей организацию „Ленинской народной партии“» (из спецсообщения Л. П. Берии И. В. Сталину, 07.06.1939). Единственным не арестованным членом группы был поэт Павел Коган, что достаточно ясно говорит о его роли в этом деле.

8 декабря 1938 года ПУ был арестован в студенческом общежитии на Усачевке. Обвинен по статье 58-10. «Во время нахождения под следствием в Бутырской тюрьме был искалечен и выпущен на костылях. Так стал инвалидом. В результате методов ведения следствия 4 месяца я находился в психиатрическом изоляторе Бутырской тюрьмы. Освобожден по решению ОСО 20 апреля 1940 с зачетом предварительного заключения: 1 год, 4 месяца и сколько-то дней» (ПУ). После увечий, полученных на допросах, на всю жизнь остался хромым. «Сами врачи (в том числе и мама) удивлялись, что он из всего этого выкарабкался, и относили это за счет его крепкого организма» (Л. А. Улитина).

«С 1940 по 1945 находился на лечении ноги в хирургической больнице в станице Мигулинской, где главврачом работала моя покойная мать, и в других лечебных учреждениях г. Ростова и Ростовской обл. Одновременно учился заочно и кончил четырехгодичные Центральные Курсы ИН–ЯЗ, что дало возможность преподавать английский язык в средней школе.

С 1946 по день ареста 10 декабря 1951 жил и работал в Москве и под Москвой. До 1948 работал преподавателем в средней школе в Москве и Малаховке. С 1948 по декабрь 1951 работал преподавателем английского языка в отделе аспирантуры НИИ Министерства Судостроительной Промышленности. Одновременно с работой учился экстерном в 1 Московском Педагогическом Институте Иностранных Языков, в 1951 г. — на 4 курсе» (ПУ; см. документы на сайте).

10 декабря 1951 года попытался пройти в посольство США, был арестован и в январе 1952-го решением ОСО направлен на принудительное лечение в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу (ЛТПБ), где содержался до декабря 1954-го (без малого три года). Там завязалась его дружба с Ю. А. Айхенвальдом и А. Н. Асарканом.

После освобождения в декабре 1955 года восстановлен в правах студента 4 курса заочного отделения Института иностранных языков. С декабря 1955-го работал в магазине иностранной книги № 64 Москниготорга, в английском отделе. Затем четыре года работал продавцом и библиографом в отделе немецких книг магазина № 1 Москниготорга (книги стран народной демократии, ул. Горького, 15).

Важнейшую роль в жизни ПУ играла его жена Лариса Аркадьевна Улитина (Столярова). Они познакомились в инязе в 1946 или 1947 году, но сблизились в 1955-м. «21 июля — диплом об окончании МГПИИЯ, а 31 октября 1957 года мы стали мужем и женой de jure» (Л. А.)

Жили они в Москве в Савельевском (ныне Пожарский) переулке, дом 4, в коммунальной квартире. Л. А. преподавала английский в МГУ, ПУ после начала 1960-х нигде постоянно не работал, получал пенсию по инвалидности.

7 февраля 1962 года в квартире, где жили Улитины, произошел обыск и изъятие всего архива ПУ сотрудниками КГБ. См. протокол обыска — http://rvb.ru/ulitin/about/protokol.htm.

В декабре 1977 года Улитины переехали в отдельную квартиру в Очакове.

Там Павел Улитин умер 24 мая 1986 года от сердечного приступа. Похоронен он на Николо-Архангельском кладбище.

Творческое наследие

Писать Улитин начал с юности, но ранние его сочинения не сохранились. После ареста в 1951 году у него изъяли рукопись романа и черновики еще двух книг; во время обыска 7 февраля 1962-го были изъяты произведения, написанные к этому времени и хранившиеся дома (некоторые из них сохранились у его друзей). При жизни произведения ПУ распространялись самиздатом среди его друзей и знакомых, а с 1976-го, усилиями Зиновия Зиника, стали появляться

в эмигрантской периодике («Время и мы», «Синтаксис»). В России первые публикации состоялись в начале 1990-х; в 2000-х вышли три небольших книги. Кроме этого — ряд публикаций в журналах и альманахах, а также в отделе Улитина на сайте Русская виртуальная библиотека (http://rvb.ru/ulitin/, там же подробная библиография). Значительная часть наследия П. Улитина еще не опубликована.

Игорь Гулин

Утрата, шифровка, жест

Начну с очевидного: тексты Улитина непонятны. Тысячи вырванных из контекста цитат, аллюзий, намеков. Кто говорит все эти слова и кому? Это не языковой гул. Мы чувствуем: каждая реплика здесь на своем месте, значит что-то крайне важное. Но знаем, что никогда не получим ключи.

Цитаты часто узнаваемы. Прототипы угадываемы, многие герои названы своими именами. Можно прояснить значение некоторых элементов конструкции, но это ничего не меняет. Тексты Улитина не поддаются расшифровке. Они и не предполагают ее, не ждут от читателя герменевтического усилия, наоборот — сопротивляются ему.

Однако эта непонятная речь не герметична. Она не звучит с безразличного олимпа высшего смысла. Напротив — она настойчиво взывает к читателю. Такое письмо гораздо требовательнее к нему, чем более конвенциональная проза — предлагающая увлекательность сюжета, изящество стиля, силу идеи.

Тексты Улитина вырывают читателя из комфортной позиции потребителя литературы (знающего, на какую дозу развлечения, красоты, мудрости он может рассчитывать). Они не дают понять, но заставляют слушать. Эта настойчивость голоса и есть главное, что мы читаем в его прозе.

Все остальное — под вопросом. Но это «все остальное» отчетливо присутствует. Это проза огромного кругозора.

Пространство, которым свободно оперирует Улитин, больше, чем у кого-либо из его современников (как в официальной, так и в подпольной советской словесности). Он распоряжается всей мировой литературой, всей историей, мифологией и политикой. Он до такой степени чувствует их своей собственностью, что не видит разницы между откровением и сплетней, Джойсом и Жванецким. Смотрит во все концы света и одним панорамным взглядом охватывает фигурантов мировых новостей и соседей по столикам в кафе.

Такое стремление видеть весь космос — поверх границ и иерархий — черта большого европейского романа. И именно эта романная традиция — родина Улитина. Вопреки своей репутации — человека, писавшего для предельно узкого круга, он — не маргинал, не деятель «малой литературы». Напротив, он — автор «литературы большой».

Только эта литература закончилась. Закончилась для мира — погибла в волнах насилия, разрушивших в XX веке возможность видеть историю как единое поле, где у каждой жизни и каждого голоса — свое место. Она закончилась и лично для Улитина: пропала в ходе арестов и обысков, после которых исчезли все его ранние вещи, включая три романа.

Все, что у нас есть, — тексты, написанные поверх этих утрат. Утрат рукописей, но и других — близких, друзей, здоровья, амбиций, надежд. Саму историю утрат Улитин никогда не рассказывает, но он наполняет тексты их следами. Он заставляет нас видеть шов, прореху — постоянно обрывает речь, указывает на отсутствие других слов — не тех, что мы читаем.

После общей и частной катастрофы «литература», со всем ее аппаратом мироописания, не имеет смысла. Она дискредитирована. От нее остаются привычки — столь важные для Улитина ритуалы. Литература сведена к системе жестов: кивнуть знакомому в кафе, бросить реплику, заправить ленту в печатную машинку, пролистать книгу.

Такие жесты не адресованы читателю литературы как культурной страте. Но они всегда обращены к читателю конкретному. Не к «вы», а к «ты». Именно так возникает ощущение крайней требовательности этой прозы. Читатель Улитина не в состоянии понять и малой части написанного, но когда он слышит эту речь, то принимает «ты» на свой счет.

Именно так, мне кажется, можно объяснить столь важную для Улитина формулу: «слова, которые не имеют прибавочной стоимости». Его тексты не могут быть присвоены читателем, их нельзя использовать: запустить в оборот, пересказать, передать (и потому предать). У них нет цены, и потому их невозможно обесценить.

Они остаются между говорящим и слушающим. Держат этих двоих в напряжении. Улитин ничего не объясняет и не рассказывает. Вместо этого он устанавливает со своим читателем своего рода заговор.

Оттого в его текстах так важны диссидентские сюжеты и приметы детективного жанра. В самой системе письма здесь — нечто вроде шифровки. Но цель у нее — не совсем привычная. Согласившись на участие, приняв это секретное «ты» на свой счет, читатель оказывается в предельно ненадежной, опасной позиции.

Заговор всегда предполагает две роли: того, с кем делятся тайной, и того, кто намерен ее раскрыть, подельника и доносчика, обвиняемого и следователя. На каждой странице, в каждой фразе Улитин обращается к обоим. Именно здесь — в адресации — детективная интрига его текстов.

Читатель литературы уверен в себе: он тот, кому интересно, кому нравится или не нравится. Улитин держит читателя под подозрением. Каждое мгновение он проверяет тебя: ты — друг или враг, предатель или сообщник. Не ты выносишь вердикт о тексте, но текст о тебе. У такого чтения совсем другие ставки.

Зиновий Зиник

Для одного читателя

Мы расстались сорок с лишним лет назад, но Улитин до сих пор постоянно присутствует в моей жизни. Не только памятью о его личности, о его облике, где все детально, как в кино, со всеми его маньеризмами — широкий взмах сигаретой, как бы подытоживающий абзац, поднятый бокал вина, разворот к тебе на девяносто градусов, чтобы выдать самую важную цитату в данном разговоре, с перепадом интонаций в зависимости от героя его монолога, от его собеседника. Все это, конечно же, никуда не уходит. Но я говорю, скорее, о манере мышления: никуда не уходит его отношение к слову — прочитанному или услышанному. Этот стиль восприятия продолжает подсказывать мне массу всего того, что и в европейской литературе, и в жизни связано с мотивами и мотивировками моих интенсивных отношений с Улитиным на протяжении десятилетия с начала 1960-х годов и до моего отъезда из Советского Союза (в 1975 году).

Я брожу по Лондону и наталкиваюсь на цитаты из Улитина. На книги, которые он мне давал на прочтение, или те, что он всю жизнь цитировал, на лондонскую топографию, связанную с литературными именами, которые стали для него частью жизни — цитатами в его разговорном общении с другими. За сорок лет жизни здесь я не устаю удивляться, насколько он был частью британского литературного

процесса. Улитин создавал вокруг себя «заграницу» (он и одевался как английский университетский преподаватель), как будто наводил невидимые мосты со своими предшественниками и будущими соратниками по стилю за пределами советской литературы.

«Он будет делать свои собственные ошибки. Он может быть напишет *Павел Улитин как зеркало европейской революции*», — острил Улитин в «Путешествии без Надежды», отчасти на мой счет. Давайте займемся именно этим — местом Павла Павловича Улитина в мировой литературе. Это началось с моих попыток «объяснить» стилистику Улитина европейскому читателю в эссе и университетских выступлениях. Мне легче было писать и говорить об Улитине и Асаркане на английском, поскольку у европейского читателя тут же возникали ассоциации с аналогичными альтернативными тенденциями в литературе Европы и Америки. Некоторые параллели были самоочевидны, напрашивались сами собой.

Такого рода авторы всегда существовали в европейской литературе; но мало кто задумывался о том, насколько кардинально их стиль и цели в России отделяли их от общей литературной толпы. Недаром Александр Асаркан — невольный инициатор, литературный источник и одновременно герой прозы Улитина — активно пропагандировал в кругу своих воспитанников Андре Жида, который настаивал, что он сам создает круг своих читателей. В ключевом для него автобиографическом романе «Фальшивомонетчики» — о фальши и фальсификации отношений скептического героя старшего поколения с группой лицеистов (ситуация близкая по теме к отношениям в кругу Асаркана с группой его воспитанников, среди которых был и я) — Андре Жид вписывает и свой манифест новой прозы: в связи с появлением магнитофонов и кинокамер роман можно освободить, пишет Андре Жид, от реалистических диалогов или суетной драмы характеров.

Я склонен полагать, что дело не в самих магнитофонах, а в эпохальной смене темперамента и ритма мышления. Эта смена мышления и привела к распространению магнитофонов. Я уверен, что жест предшествует слову, как страсть предшествует мысли. Новая проза возникает, когда на фоне опостылевшей рутины и опостылевшей речи новый стиль общения обретает свой словарь, начинает воплощаться вербально, ищет новые механизмы своего воплощения. Когда я говорю об Улитине и «опостылевшей речи», я вовсе не обязательно подразумеваю партийный официоз, соцреализм, марксистскую демагогию и навязшие в зубах советские лозунги. Дело в том, что с эпохи хрущевской оттепели, вместе с культурой магнитофонной ленты и четырех копий на пишущей машинке, голос и словарь «инакомыслящей интеллигенции» с ее протестами против беззакония властей очень часто были стилистически вербальным эхом, зеркальной копией официоза, но с противоположными моральными установками. Однако скучающий нетерпеливый ищущий ум находит ходы и выходы из этой зеркальной ловушки, чтобы пробиться на волю — в живую речь. Эта речь рождается там, где меняется манера общения (жест, походка, улыбка), где меняется бытовая рутина жизни, часто там, где свет притушен или искажает перспективу и где люди смотрятся не как те, каковыми их хотели бы видеть другие: где есть возможность иной манеры общения. Например, как это было в 1960-е годы, в шуме улицы, в грязной распивочной или случайной забегаловке, в подвальной мастерской, на чердаке в коммуне у друзей. Или в кафе.

Частная жизнь Павла Павловича к началу 1960-х годов была строго регламентирована усилиями его жены, Ларисы Аркадьевны. Работа в иностранном отделе книжного магазина в конце 1950-х годов была недолгой; остались частные уроки английского (Лариса сама работала на кафедре английского языка МГУ), иногда французского и немецкого;

раз в две недели визит в библиотеку иностранной литературы и заодно старое кино в «Иллюзионе»; и периодически — визиты в дома друзей и знакомых; как и выходы в кафе; но они происходили все реже и реже. Главными же героями его прозы с начала 1950-х годов были и оставались его сокамерники и собеседники по Ленинградской тюремной психбольнице (ЛТПБ). После освобождения и устройства в Москве, к концу 1950-х годов, Александр Асаркан с официальной точки зрения считался театральным критиком (он был любимым автором либерального журнала «Театр»), но проходит он в прозе Улитина как завсегдатай кафе «Артистическое», резонер московской жизни, бродячий (с квартиры на квартиру) философ-буддист и автор самодельных открыток-коллажей — хроники его ежедневной московской жизни. Юрий Айхенвальд числился школьным преподавателем, но был известен в Москве как поэт новой гражданственности, чей дом стал центром поэтических чтений и литературы самиздата, диссидентских сборищ и политических дискуссий.

К началу 1960-х годов, когда я познакомился с Улитиным, уже отгремела эпоха легендарного (согласно Улитину и Асаркану) кафе «Артистическое» в Камергерском переулке. В мое время в этом заведении (фото на с. 498) все, казалось бы, было на месте (даже гардеробщик) и по-прежнему: и пластмассовые столики и меню, где блинчики с мясом заказывались под стакан томатного сока, и дешевый коньяк с кислым вином за чашкой кофе из турочки. Я жил за углом и ходил туда как в столовку. Улитин периодически зазывал туда даже Асаркана (а он сопротивлялся), но само кафе уже гляделось для меня мемориальными подмостками, живым музеем, театральной бутафорией к монологам Улитина о перекрестных диалогах за столиками в прошлом, когда жизнь вокруг кафе была спектаклем в режиссуре Асаркана — где каждый разыгрывал кого хотел, у каждого была своя роль, а если ее не было, то Асаркан ее придумывал за тебя.

Этот театр закончился. Начался спектакль несколько иного характера. Кафе «Артистическое» было вовсе не местом, где можно было погибнуть, сойти с ума или совершить преступление. Это было место случайных замечательных встреч и случайных эпохальных разговоров, с ощущением того, что и разговоры и встречи вовсе неслучайны. Идея хождения в кафе возникла в эпоху десталинизации и реабилитаций, когда после тюрем и ссылок, оттепелей и исповедальной прозы на какой-то период показалось, что Москва — это как Париж, где можно сидеть в кафе и рассуждать об экзистенциальной свободе выбора: брать кофе с блинчиками или омлет с ветчиной. Эпоха кафе прошла, и каждый вернулся обратно на свою кухню — к своим, к духовным родичам.

Никакой литературной молодежи вокруг Улитина не собиралось. Его знакомых можно было пересчитать по пальцам; а чтобы пересчитать его читателей в эпоху моего общения с ним, достаточно было пальцев на одной руке. Были

любопытные собеседники поколения Асаркана (скажем, Вадим Гаевский), но из поколения чуть старше меня с ним беседовал на литературные темы — о его прозе — только Леонид Невлер (тоже выпускник «колледжа» Асаркана, из журнала «Декоративное искусство») и замечательные идеи о стиле улитинского общения высказывал воспитанник Асаркана, историк Лев Смирнов (хотя самой прозой Улитина и он не занимался). Из посетителей моего «четверга» Вадик (Владимир) Паперный считал прозу Улитина феноменом, вообще выходящим за пределы литературы.

Москва начала 1960-х годов, как и Москва грибоедовская или Москва нынешняя, была Москвой нескольких домов, кланов, кружков, где кружилась интеллигентная речь вокруг нескольких тем и мотивов, мало изменившихся за пару столетий. Было лишь считанное количество мест, куда Улитин выбирался самостоятельно или куда его привозили близкие друзья (в первую очередь сам Асаркан или наша близкая подруга Елена Шумилова). Это была квартира поэта Айхенвальда на ул. Санникова, у метро Автозаводская, где происходили сборища «инакомыслящей интеллигенции»; регулярные интимные «воскресенья» у Яна Кагана в Измайлово; шумные хаотические «пятницы» у Виктора Иоэльса (где Улитин появлялся крайне редко) недалеко от Белорусского вокзала; и позже, с конца 1960-х годов, мои «четверги» (где гости были моего поколения, то есть на четверть века младше). Кроме того, Асаркан приводил Улитина на разные дни рождения. Все эти места (не считая кафе и забегаловок, где посетителей не выгоняли, если они ограничивались чашкой кофе или стаканом вина) и были тем словесным шумом (и его эхом), который заполняет паузы в скрытом монологе самого Улитина на страницах его прозы.

Этот шум изначально, на первом предварительном этапе сочинения очередной страницы «абстрактной» прозы, просто стенографировался Улитиным — почти буквально,

А ТУТ МОЖНО
ГОВОРИТЬ ВСЕ,
ВСЕ ВРЕМЯ СТАРАЯСЬ
НИЧЕГО
НЕ СКАЗАТЬ
Но почему ни
слова про Акатуя?
Ах да,он сказал,что
там будут его стихи.
Есть два фонда,
да,
но я сказал,что по-
могать надо было
раньше и не Акатую.
Хлебом кормили кре-
стьянки его,парни
снабжали махоркой.
Теперь надо помогать
Эльсбергу.
Славное море у Мис-
хора,мы хором,мы бу-
дем хором священную
песню "Льется .ОЧА
Лебедева-Кумача".И
только стыдливость,
скромность,застенчи-
вость и осторожность
мешает мне,а вам!?

А мне ведь тоже
нужно в "Ромэн".
Если ты спокоен,
не растерян.

Спой голубчик сизокрылый
рылый
лый
й
.
ЧАХТОМА – эттто
вы знаете что.

А ЧЕРЕМША – это вот что.

Они все юморфисты.Они
все с легкой руки разу-
хабисто

ИМЕНА ВЫРЕЗАТЬ

Напарник купил Напаре-
УЛИЦА была как БУР я,
собственно,не знаю,но
мне сказали,что А.Бел.
великий человек,а вы,
дураки,ничего не пони-
маете.Кааак?Зиник с Гу-
саровым?А почему бы
нет?Ты же с Айхенваль-
дом,почему Зинику не-
льзя с Гусаровым?Есть
два сильно действующих
Фонда Помощи Айхенваль-
дам,и это не считая Д.
Шостаковича,который ска-
зал:"Пусть не беспокоит-
ся,я вообще могу взять
его на свое иждивение".
Увы,он счастия не ищет,
решив,что в БУРе есть

мешает мне,а вам разве
не мешает? Сказал Виктор
Михайлович Йоэльс,но его
имя переживет века.А тут
е го придется вырезать.

А ведь правда.

Если.

В.Новацкий сжег "Пижона".

Борец анафему презрел
, ан перезрел.Но в
дом ПРИЗРЕНИЯ не по-
пал.П О К А.Цитируя:"
"И сказал бы им товарищ
из ЦК,что мол правильно
мечтате.Пока".

под Ильфа и Петрова

П П У
ПО
ПРОЧТЕНИИ
УНИЧТОЖИТЬ

Кратчайшее расстоя-
ние между индексом
конформизма у хет-
тов:"Вперед к побе-
де рабовладельческого
строя!" и теорией
доказательств у НОД
проходит через 6
фотокарточек для виз
визы за границу.Вы-
соцкий,или Вы-шинский?

ПОКОЙ.

МЕШАЕТ МНЕ,но вам,я
знаю,ничто уж те-
перь не помешает.
Если
Если ты себе
остался верен,когда
в тебя не верит Л.Д.
Пода.Лучший Друг
Солженицына именно
так и сделал.

ПОРА НЕ ПОРА Я ИДУ
В ОДНУ ДУДУ
Тоже мне криминал,но
придется отрывать.Так
уж полож-ено.

а что?

хотя и выборочно, и с моментальным монтажом разных голосов в их абсурдистском, комическом сопоставлении. У меня сохранилось несколько таких стенограмм с первых моих «четвергов»: Улитин, впервые появившись в моей комнате коммуналки на Пушкинской улице, в Копьевском переулке (за углом от Большого театра), уселся за письменный стол перед окном за мою тяжеловесную «Олимпию» и отстучал пару страниц, из которых можно восстановить (в памяти) все любопытные повороты разговора в тот день

(фото на стр. 500). Что же касается идеи кафе, то кафе стало кочующим — по маршрутам передвижения Асаркана с парой-тройкой его воспитанников и поклонников от точки к точке, где можно было найти машину с кофе-эспрессо, по центру Москвы вдоль или вокруг улицы Горького. В хвосте иногда двигался и Улитин: ему, хромающему и с палочкой, было тяжело передвигаться по обледенелому асфальту; но он шел и шел, и во время передышек или остановок даже умудрялся своими репликами периодически спровоцировать Асаркана на очередной монолог о космосе, советской власти, евреях, всемирной тупости или желтом чае (все это попадало в улитинскую прозу).

На протяжении сорока лет своей жизни в Лондоне я инстинктивно выискивал, как бы переводя с русского, всевозможные параллели опыту своего московского общения. Когда я читаю о том, как Ги Дебор, в компании своих «ситуационистов» наделял топографию любимых кусков и кварталов Парижа 1960-х годов чисто личными эмоциями и автобиографическими ассоциациями, я понимаю, что маршруты Александра Асаркана по центру Москвы и были «психогеографией» французского ситуационизма. Когда ты вышагивал с Асарканом от одного кафе с машиной-эспрессо до еще одной бутербродной, от театрального подъезда до газетной редакции или квартиры друзей, город становился иным, как будто ты за границей привычного. Асаркан индивидуализировал уличную жизнь, превращал и дома, и общественные события в личную историю. Сам маршрут становился сюжетом в этом уличном театре. Ги Дебор назвал свой манифест ситуационизма — «Общество спектакля».

Углубимся в подробности и бутафорию этого спектакля. В магазине «Чай» на Неглинной, где стояла кофейная машина-эспрессо, крепкий кофе надо было заедать (по указанию Асаркана) песочным тортом. До этого, на углу Столешникова переулка, давали горячие пирожки с ливером.

На «воскресеньях» у Яна Кагана в Измайлово, специалиста по землетрясениям, давали очень крепкий, чифирной заварки красный чай со свежим ржаным хлебом и маслом. В диссидентском доме Айхенвальдов (метро Автозаводская) водка шла под селедку с картошкой и разнообразные салаты из консервов с майонезом, которые усердно накручивали молодые народоволки. У меня на «четвергах» алкоголь заедали жареными котлетами в панировке по 6 копеек, которые я ловко жарил на огромной сковороде в коммунальной кухне. У Виктора Михайловича Иоэльса (район метро Белорусская), шелкографа, чистый спирт заедали купатами. Зачем я все это излагаю? Потому что Асаркан не любил купаты.

«Ваши купаты напоминают мне своим видом членов Политбюро», — сказал Асаркан на пути к дому Иоэльса, встретившись с нами, как всегда по пятницам, у газетного киоска на Пушкинской площади. Каламбурная неприличность этого сравнения «членов» с купатами заставила меня задать Асаркану наглый вопрос:

«А почему все на свете надо сравнивать с советской властью?» Я помню лишь тишину и оторопевшие взгляды присутствующих: это ж надо такое спросить! У Асаркана! Впервые в жизни, согласно опытнейшему *асаркановеду* Льву Смирнову, Асаркан не нашелся что возразить. Сам я плохо помню, что я спросил, потому что не находил в этом вопросе ничего провокационного. Не помнил я толком и ответа Асаркана. Что-то насчет того, что советская власть везде, а ты — никто и поэтому нуждаешься во внешних объектах для фона, без которого ты просто не существуешь. Трудно было сказать, было ли это абстрактное «ты» — мол, человек вообще, или нечто конкретное, обращенное ко мне — ты, мол, вообще ничтожество и должен заткнуться. Например, ватрушкой. Или купатой. Но я не затыкался. Я имел глупость возразить. Меня еще раз отшили. Я вставил что-то еще, не менее остроумное и совершенно неуместное в ответ. После

2

Английская лексика хоть
чуть настраивает на реа-
льность.Его фигура мель-
кнула в ~~ду~~ потоке улич-
ного движения.Я думал,
это ветер.А оказалось,
был ураган.Точное ощуще-
ние плотной струи воды,
ударившей с огромной си-
лой.Я знал это теорети-
чески.Ого!Так и надо
было полагать.

3

Мысль однако всем
ясна.Вот и хорошо.
Спасибо.Утешили.Мы
пойдем дальше.Он пой-
дет дальше.Она пойдет
дальше.Они пойдут даль-
ше.Да,конечно,упражняй-
ся в падежах целый день
с утра до вечера.~~Спряж~~
Спряжение правильного
глагола в будущем вре-
мени.Открой англо-англий-
ский словарь:он тебя ус-
покоит.Тут нет ни одного
слова,за которым бы пря-
тался тайный удар в зубы.

этого Асаркан со мной не общался целый год. Целый год я был предан остракизму.

«Все сделали вид, что ничего не произошло». С этих слов и начались мои личные отношения с Улитиным. Ссора с одним великим человеком — начало дружбы с его заклятым другом. На сборищах у газетного киоска Улитин обычно стоял в стороне, прислонившись к стене, опираясь на палочку, покуривая. Вслед за этой сценой я и получил по почте первое послание от Улитина. Оно читалось как личное письмо. Это были слова по почте, адресованные лично мне. Там были слова об английском языке, об англо-английском словаре, где «нет ни одного слова, за которым бы прятался удар в зубы». Это было приглашение сменить язык, словарь (Улитин стал моим первым серьезным учителем английской литературы, в то время как Асаркан свободно читал на итальянском). Но при всем при этом это было такое личное письмо, которое читалось как некий литературный текст: это была литература, написанная для меня, — где я был героем общественного события, ставшего личным романом (см. фото выше).

Я сейчас делаю нечто противоположное тому, что делал Улитин. Я создаю текст об уникальных инцидентах моей

На квартире Айхенвальдов, ноябрь/декабрь 1979.
Фото из личного архива Е. П. Шумиловой.

московской жизни, но делаю его доступным широкой аудитории, любому анонимному читателю в любой точке земного шара. Я трансформирую нечто интимное и уникальное в общедоступное и воспроизводимое в массовом масштабе. Точно так же в 1960–1970-е годы круги «инакомыслящей» интеллигенции пытались переработать свой личный опыт столкновения с властью в нечто общественно полезное — в попытке просвещения темных масс, одурманенных советской идеологией. (Я надеюсь, читатель распознает в этой моей фразе, антисоветской по содержанию, совершенно советский словарь и интонацию.)

Такова была в первую очередь атмосфера в доме Айхенвальдов, где концентрировался весь цвет, плод и поросль инакомыслия той эпохи (имена известны — от радикального Петра Якира до либеральных Грабарей); там зачитывалась не только гражданская поэзия (скажем, Наума Коржавина),

но и подписывались, прямо в битком набитом гостями коридоре, письма протеста, а Якир (позже сломавшийся на допросах в КГБ) призывал к открытому политическому неповиновению. Но тут всегда маячила и сократовская персона Асаркана, который принципиально отказывался ставить свою подпись под письмами протеста, потому что «не желал вступать в личную переписку с советскими органами». В одном конце коридора мы слышали декламацию стихов Айхенвальда: «Я как бык попался в клетку, я как бык попался в сети, я теперь за все в ответе…», а из двери комнаты в другом конце квартиры ему вторил тенор Есенина-Вольпина: «О сограждане, коровы и быки, до чего вас довели большевики…»

На фоне квартирных диспутов о соучастии, ответственности и вине, внутренней эмиграции и гражданском долге, культивировалась идея гуманизировать, очеловечить советскую власть. В московских салонах (и у Айхенвальда, и даже у меня на «четвергах») уже крутились заезжие иностранцы, студенты-слависты, и в идеологическую перепалку примешивалась иностранная речь. Я помню Улитина на «воскресеньях» у Яна Кагана перед гигантским радиоприемником, похожим на военный агрегат, с профессиональными наушниками: он слушал по-английски (и по-немецки и по-французски) иностранное радио. (Ян Каган работал в научно-исследовательском институте по изучению землетрясений и его деревянный домик в Измайлово был забит списанной радиотехникой; тут, скажем, были сделаны первые записи Юлия Кима, зятя Петра Якира). Это были голоса из другого мира, который он знал по книгам из библиотеки иностранной литературы. Этот ералаш голосов, языков, наречий и идей просеивался в прозе Улитина в нечто противоположное всему общему, общественному, коллективному, всем прогрессивным попыткам гуманизации советского людоедства. Эти прогрессивные голоса пародируются в прозе Улитина как пустая тавтология — как зеркальное

отражение все тех же советских лозунгов: в каждом, кто пытается очеловечить, облагородить эту советскую жуть, скрывается людоед, как в пьесе Евгения Шварца «Тень». (Асаркан, помнивший эту комедию наизусть, поставил ее в любительском спектакле среди пациентов-заключенных Ленинградской психиатрической больницы — несколько исполнителей сидели в этой тюрьме за людоедство. Он повторил этот спектакль уже на свободе, с участием школьников из класса Юрия Айхенвальда.) Жертва в своей битве с угнетателем, как в притче о рыцаре и драконе, сама превращалась в чудовище.

С каким-то мощным чутьем, безошибочной интуицией, Улитин и Асаркан (я считаю, что их в этом плане не следует разделять — они партнеры в одном акте клоунады) угадывали выход из ментальной мышеловки, куда загнал себя поэт Юрий Айхенвальд: тот пытался в своей эссеистике (и отчасти поэзии) освободиться от советской жути, не выходя при этом за пределы коллективного гуманистического мышления. Улитин предлагает совершенно иную логику. Это уход от любой формулировки абсолютной истины, включая нарративность. Потому что обычная логика повествования предполагает определенные ярлыки — раздачу ярлыков героям, то есть подсудное уголовное дело. Самое страшное для Улитина — стиль общения, когда тебя вынуждают говорить на языке врага, его языком. Улитин искал другой, третий язык, «где за словами не скрывается удар в зубы» — вне зависимости от моральной целенаправленности кулака. Любая декларативно-лозунговая сентенция звучит у Улитина пародийно и саморазоблачается как демагогическая туфта, белиберда, поскольку вставлена в контекст бытовой словесной ерунды и сплетни.

Сходные идеи стали вырабатываться в эту эпоху и в кругах, не связанных в искусстве напрямую с Улитиным. Улитин был старше меня на двадцать семь лет, Асаркан — на пятна-

дцать. Это огромная разница, когда тебе самому — девятнадцать. В моей компании друзей-однолеток (среди них — в первую очередь будущий создатель соц-арта Алекс Меламид) советская реальность инстинктивно воспринималась не как идеологическая фикция, навязанная монстрами-инопланетянами из Политбюро, а как часть общего словаря и следовательно нашего сознания, нашего мышления. Одна из первых работ соц-арта Комара и Меламида и была персонификацией советской иконографии — ее вторжением в личность каждого из нас: это был двойной портрет Комара и Меламида в стиле фрески с Марксом и Энгельсом в метро. И хотя Меламид в начале сопротивлялся «вторжению» Асаркана в наш круг, стиль будущего соц-арта близок к открыточным коллажам Асаркана с их персонификацией общественно-политических мифов в жизни каждого из нас. Такой персонификацией — проникновением в ежедневный быт и частную жизнь советских мифов и идеологических клише — была и эпохальная «поэма» Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Это и был соц-арт в литературе. Как это ни парадоксально, но Ерофеев эстетически ближе к пародийной амбивалентности улитинских интонаций, чем вербальная бравурность рассказчика Джойса или клоунская гримаса меланхолика Беккета.

Удивительно, что и в кругах российской эмиграции 1970-х годов прозу Улитина приняли сразу и безоговорочно те эмигрантские издания, что не укладывались в традиционное для кремлеведения противопоставление Востока и Запада. Во главе ведущих эмигрантских изданий стояли бывшие крупные имена советской литературы или православного возрождения; эти традиционалисты-реалисты воспринимали Улитина (аналогично их советским двойникам) как авангардную отсебятину графомана-чудака. Улитина приняли «как своего» журналы-одиночки, диссиденты в этом литературном мире. Неудивительно поэтому, что мои

первые публикации Улитина и эссе о нем были опубликованы не в «Континенте», попавшем под диктат Солженицына, а в парижском «Синтаксисе» у Андрея Синявского — журнал издавался на его зарплату в Сорбонне и поэтому не зависел ни от идеологов эмиграции, ни от американского госдепартамента. Это был журнал, вписавшийся своими идеями в европейский контекст. Опубликовал куски прозы Улитина и хаотичный, но открытый всем ветрам тель-авивский журнал «Время и мы» Виктора Перельмана. С огромным энтузиазмом воспринял прозу Улитина и один из главных эксцентриков эмиграции Владимир Котляров (известный под прозвищем-псевдонимом Толстый) в Париже. Он совершил героический поступок и набрал, соблюдая полиграфию машинописных страниц Улитина, его «Разговор о рыбе» для своего самиздатского издательства и журнала «Мулета», но по финансовым причинам издание так и не состоялось. (В 1990-х годах Толстый изобрел новое направление в живописи: он стал «уничтожать» деньги, расписывая их политическими и философскими текстами и лозунгами, превращая тем самым банкноты в произведения искусства.)

Существует мистическая взаимосвязь идей в мире, хотя их носители никогда не слышали друг о друге. Я не сомневаюсь, что скоро найдутся просвещенные литературоведы молодого поколения в России, которые привлекут к анализу прозы Улитина весь обветшалый аппарат трех китов-марксистов постмодернизма — Делеза, Деррида и Лакана. Я сам отстаивал параллели между «уклейками» Улитина и «нарезками» Уильяма Берроуза. Одержимый той же мыслью, что и Улитин, о сопротивлении тотальному мышлению, американец Уильям Берроуз в те же 1950-е годы стал разрезать тексты Шекспира произвольным образом на кусочки, а потом склеивать их снова в хаотическом порядке — в качестве протеста против навязанной сверху «бультуры» (как острил Айхенвальд). Я узнал в этих экспериментах словесные коллажи

Павла Улитина. Сам Улитин, насколько я помню, Берроуза не упоминал. В разговорах Улитина всплывало лишь имя Джека Керуака (без связи с Берроузом и с остальными битниками), да и то лишь потому, что тот, согласно легенде, отпечатал свой бесконечный монолог «В дороге» (On the Road) на ролике туалетной бумаги (Улитин экспериментировал с рулонами переплетной бумаги). Но моя параллель с Берроузом более уместна, потому что его метод «уклеек» был подцеплен Берроузом у его друга Брайона Гайсина, занимавшегося коллажами и фотографией: разрезая фотографии для монтажа, он подкладывал, чтобы не испортить крышку стола, стопку газет и однажды увидел, что текст из одного слоя газет нелепо сливается с другим слоем сквозь вырезанные в газетной пачке «окна» — так зародилась идея хаотического склеивания текстов. Но именно тем же самым занимался и Асаркан, изготовляя домашним способом свои открытки: он подкладывал кипу газет, нарезая свои картинки.

Большая часть текстов Улитина (после возвращения из ЛТПБ в Москву) не была бы создана без театрализации московского общения в режиссуре Асаркана. Коллажи Асаркана — это импровизация и работа на ходу (то, что Джойс называл «work in progress») — хотя и растянутая по времени, когда в одну готовящуюся открытку добавлялись визуальные и словесные слои по мере накопления на протяжении нескольких недель. В том же духе работал и Улитин, импровизируя, наслаивая, сопоставляя на ходу, а потом разыгрывая свои тексты во время общения в кафе или на тех же моих «четвергах». Книга у него начиналась с отдельных страничек, которые сами возникали из открыток и часто отсылались по почте как личное письмо. К ним добавлялись страницы при встрече, комментирующие связанные с этим разговоры. Так постепенно и возникла «подборка» — иногда на сотню, а то и больше, страниц. Его проза — в этом смысле — это общественная деятельность (и поэтому в конечном

счете политизирована, и поэтому вызывала агрессивное отношение у органов). Это был такой же коллаж (а не монтаж), где смыслы сливаются и наслаиваются друг на друга, пересекаясь краями и по подтексту как в коллажах на открытках Асаркана. Там, где Улитин играл с тушью, почерками или вклейками, играли роль, как и в открыточных экспериментах Асаркана, качество и тип бумаги (однажды в ход пошли страницы тонкого картона с дырочками — перфорацией — из-под компьютерного принтера в офисе моей жены). В асаркановских открытках просвечивается один слой изпод другого: Асаркан мог «расщепить» — расслоить — даже газетный лист на два слоя. И в этом смысле прошлое Улитина (Бутырки, немцы в его станице, ЛТПБ и т. д.) просвечивает, выходя на поверхность, в зависимости от того, кто эту книгу читает. Интонация чтения вслух у него тоже менялась в зависимости от слушателя. Вообще, этот меняющийся (как хамелеон) аспект романного повествования в зависимости от эпохи и аудитории еще мало кто обсуждал.

Речь идет не о том, кто первый придумал велосипед, а об удивительной связи идей во всем мире. Лишь много лет спустя, уже переселившись в Англию, я узнал о группе под названием New York Correspondence School («Нью-йоркская школа переписки» — так назывались американские заочные курсы разного рода). Ее инициатор, Рэй Джонсон, вместе со своими друзьями занимался тем, что по-русски следует называть почт-артом (от английского post-art или mail-art), а именно: это был почтовый обмен самодельными открытками-коллажами, где намеренно путались личности адресата и отправителя. Речь идет об Америке в ту эпоху, когда конформистскому духу огромных корпораций — зеркальному подобию советского коллективизма — способен был воспрепятствовать или анархический радикализм, или же революционность иного рода, в духе дадаизма: намеренная эстетическая заниженность самого процесса создания

произведения искусства — дешевка ксерокса, коричневые почтовые конверты, тексты на пишущей машинке с намеренными грамматическими ошибками. Но все при этом подчеркнуто индивидуально.

То, что для Берроуза или Рэя Джонсона было интеллектуальным и стилистическим бунтом, для Асаркана и Улитина означало еще и опасные игры с цензурой и органами безопасности. Был, тем не менее, и объединяющий идеологический момент: это попытка создавать искусство из ничего, из словесного мусора, из презираемых эмоций, из газетных отходов. Так поступал Курт Швиттерс со своими коллажами до эмиграции из Германии в Англию, так он поступал и позже, склеивая свои коллажи из старых автобусных билетов, квитанций, газетных отрывков.

Что же касается авторских задач, то для нашего разговора сейчас важно как раз не сходство, а кардинальная разница: Берроуз создал из мусора своего личного опыта — сурового для той эпохи андеграунда наркоманов-героинщиков и педофилов-гомосексуалистов — сюрреалистский миф об Америке. И Асаркан, и Улитин были как бы на другом полюсе мышления: миф о советской державе распадался у них на комические цитаты и клише в личном общении — это была приватизация национальной идеи в пародийном духе, ее денационализация в нечто личное, индивидуальное. Павла Улитина, с легкой руки Александра Асаркана, стали называть «нашим русским Джойсом». Но разница с Джойсом не только в том, что проза Джойса — это поток сознания, в то время как проза Улитина — это в первую очередь поток дезинформации. Все-таки Джойс ставил своей задачей возвести своего героя и провинциальный Дублин на пьедестал древнегреческого мифа. Улитин позднего периода, завораживающий в наши дни своими загадочными страничками сотни российских читателей, занимался полвека назад совершенно противоположным.

В хорошей прозе явно или скрытно должна заключаться история. Но эта история может оказаться в подтексте, как у Улитина: как некая жуткая катастрофа — его искалеченная советской толпой жизнь, все это чувствуется в самых бравурных пародийных пассажах. И это и есть скрытый сюжет. Средь шумного бала советской Москвы этот студент-полиглот из казацкой станицы, осмелившийся послать записку антисталинского содержания лектору по марксизму в ИФЛИ, прошедший одиночную камеру в Бутырках и заработавший там хромоту из-за перебитых сухожилий, переживший тюремную психбольницу в сталинском Ленинграде, уцелевший случайно, но потерявший при обысках весь свой литературный архив, свою любовь и прописку, создавал с конца 1950-х годов свою собственную читательскую аудиторию: разговорный шум советской столицы он стенографировал, переводил, расшифровывал по-своему и пародировал индивидуально для каждого из избранных им самим читателей.

И тем не менее голос автора — его облик — тут вполне отчетлив: это голос человека, как во сне проходящего через эпохи и поколения, вслушивающегося в театр человеческой речи, с огромным опытом прошлого, чей иронический ум невозможно обмануть. В наше время — новой волны фальшивого патриотизма и демагогии, полной разрозненности и желчного недоверия друг к другу — мы ищем голос, в чью чистоту интонации, независимость, в чью свободу мы способны поверить. Именно таков голос Улитина. Мы доверяем этому голосу, потому что мы знаем: этот человек больше не боится ничего потерять — ни своей прошлой репутации, ни своего фиктивного будущего.

Мы живем в эпоху разрушения канонов и иерархий в искусстве и литературе. В этой ситуации единственный критерий достоинства литературного произведения — это его популярность, количество проданных экземпляров. Критерий

этот весьма сомнительный — недаром «выйти в тираж» по-русски звучит, мягко говоря, амбивалентно. Я не хочу сказать, что быть популярным писателем дурно; у Диккенса до сих пор тысячи (если не миллионы) читателей, как и у Чехова или Джеймса Джойса. По разным и своеобразным причинам (иногда совершенно загадочным) уникальное мышление сочинителя захватывает сердца миллионов. Но если популярность становится единственным критерием литературы, то меню сетевого общепита Макдоналдс следует считать литературным шедевром: оно рассчитано на все вкусы по доступным ценам.

Пару лет назад я прочел эссе в New York Times о группе «Odyssey Works» («Фабрика Одиссея»), создающей произведение искусства по индивидуальному заказу, для одного человека — индпошив в сфере искусств. Abraham Burickson и его партнер Matthew Purdon работают с тщательностью двух частных детективов, анализирующих подследственного со всех мыслимых точек зрения. Они опрашивают его обо всем: его друзьях, привычках, обсессиях и страхах. Это изучение вкусов и склонностей заказчика продолжается несколько месяцев, если не год. Результат — двадцать четыре часа перформанса, с видео и звукоинсталляциями, театральными акциями и драматическими ситуациями, с романным сюжетом или психологическими сюрпризами, специально скроенными под характер и мышление заказчика. «Мы создаем событие в мире искусства не для всего земного шара, а для одного человека, которого мы узнали очень близко. Рамки произведения искусства зависят от точки зрения того, кто на это произведение смотрит — кто в нем участвует».

В этом есть и нечто ренессансное: Микеланджело расписывает своды потолка капеллы по личному заказу Папы Римского. В наш век существуют театрально-развлекательные корпорации, которые устраивают жизнь с сюрпризами и приключениями по личному заказу скучающего

миллионера. Для Асаркана все слова на эту тему уже были высказаны философом театра (он умер в эмиграции в Париже) Николаем Евреиновым, автором труда под названием «Театр для себя». Я прочел практически все сочинения Евреинова (он доступен в интернете). Как теоретик он не пошел дальше примеров игрового начала в человеке с шекспировским лозунгом о том, что «весь мир — театр и все мы в нем актеры» (что логически вовсе не обязательно подразумевает «божественное» наличие режиссера человеческого спектакля). Театрализацией жизни занимался и Луиджи Пиранделло, чтобы разрушить границу между подмостками и залом — действие в его пьесах вовлекает и зрителя. Пиранделло тоже входил в программу «обязательного чтения» в колледже Асаркана. Однако самый любопытный эпизод в театральных экспериментах Евреинова — это импровизированная драма, которую разыгрывали ученики одной из гимназий, где он преподавал. Гимназистам было предложено записывать свои личные отношения, вплоть до любовных конфликтов, обмениваться друг с другом этими записками, которые становились одновременно и пьесой-стенограммой происходящего, и сюжетным двигателем этого действия, подстегивая конкретные шаги их участников и меняя на ходу характер их отношений. Асаркан, следуя Евреинову, превращал в театр собственную жизнь и втягивал на эти подмостки своих воспитанников. Частью этой личной психодрамы («Я психоз маниакально-депрессивный превращу в ликующий театр» — это из юношеских стихов Асаркана эпохи ЛТПБ) были его самодельные открытки-коллажи, где его перипатетика (он крутился в редакциях, ездил в театральные командировки по всей стране, передвигался по Москве от одного салона до другого, от четверга до воскресенья) вместе с отрывочной стенограммой огромной жизни города и ежедневными деталями его быта, выклеивалась и вкраивалась в границы открытки для индивидуального пользования,

лично для конкретного адресата расписанной разными чернилами с картинками. На открытке ставился советский почтовый штамп — это, парадоксально, было официальным одобрением стилистических экспериментов, немыслимых в подцензурной публикации. Но вид, стиль — слов вместе с картинками — предвосхитил, как и проза Улитина, всю электронную компьютерную стилистику с ее монтажным мышлением XXI столетия.

Наступила, казалось бы, эпоха, когда в словесном общении восторжествовала стилистика прозы Улитина. В России, где соцсети стали единственной платформой интеллектуального общения, идейных и идеологических диспутов (очень часто, впрочем, напоминающих скандалы и сплетни в советских очередях или же игру в «испорченный телефон»), воцаряется фрагментарность мышления, люди увлечены жанром дневниковости, цитированием классиков и присваиванием чужих текстов как своих с заменой имен и дат. Наличие ников, псевдонимов и прозвищ создает атмосферу коллективной анонимности, как будто неважно, кто что написал. В текстах Улитина четко чувствуется авторская интонация, но кто этот автор, его личность, нам совершенно неясно. Улитин никогда не говорит о себе своими словами — это всегда слова, взятые напрокат, цитата или чужая реплика. Совершенно очевидно, что улитинский метод «уклеек» — склеивания разных разговорных отрывков, их коллажирование в единый текст — предвосхитил эпоху интернета, компьютерную технику обращения с текстом. Тем более что, в отличие от Набокова (Набоков, как известно, писал на отдельных карточках, а потом комбинировал их, складывая в единый текст), Улитин оставлял, так сказать, «смысловые швы» — провалы смысла, умалчивания (как собственно и происходит в обменах текстами в общении через СМС). Только сейчас я понимаю, что, при всем культопочитании узкого круга современников, мало кто отдавал себе тогда отчет, насколько эта

проза была контрабандой из будущего, потому что в своем смешении разных языков (в самом широком смысле слова) она предвосхитила столкновение, если не столпотворение, идей и голосов России, которая переоткрывает Европу после падения советской власти.

В российских соцсетях — налицо одержимость документалистикой, дневниковостью, мемуаристикой в целом. Эта одержимость собственным прошлым — вполне понятна и оправдана. В этом — попытка нащупать нечто реальное, на что можно опереться, встать на ноги, когда почва уходит из-под ног из-за постоянного манипулирования фактами, политическими доктринами и идеями, в частности идеями «почвенности». Люди ищут свои корни, и если у них не было собственного прошлого, они его придумывают. У советской власти была концепция одного единого будущего и поэтому надо было перекраивать, как гоголевскую шинель, лишь одно прошлое, чтобы подстегнуть его к настоящему. При капитализме будущее размножилось (если оно вообще есть), и поэтому каждый подыскивает свое прошлое в супермаркете национальной истории, свою версию национальных корней, из которых будет расти его личное будущее. Казалось бы, это возвращение к индивидуальности. Но на самом деле каждый блогер, каждый автор дневника пытается достучаться до масс, трансформировать свой уникальный интимный опыт в нечто коллективное, общепонятное. Казалось бы, каждая кухарка получила свой голос и пост по управлению государством. Но в попытке стать общественно понятным уникальность дневника нивелируется. Люди не делятся своей интимной жизнью — они лишь подражают стилю и жанру дневниковой интимности, они выдают банальность своих ощущений за откровенность; чаще всего эта интимность и откровенность, уникальность и неповторимость выражается в фотографии любимой кошечки.

Дневниковость была для Улитина не мифологизацией, обобществлением своей личной жизни по всем каналам, соцсетям, букам и осинам, а попыткой индивидуализировать безликую массу слов, пытающуюся задушить личную интонацию. Это сведение общего к личному, а не наоборот — как в романах Диккенса, где осведомленный читатель мог бы узнать всех родственников писателя. Кардинальное отличие Улитина от других авторов того же подхода к личной жизни в том, что он превращал связь между текстом и личностью автора в нечто динамичное. Он превращал общение с читателем в некий театр — театр активного участия читателя в жизни автора. А спектакль состоял в том, что у тебя на глазах одна реальность становилось другой через высказывание собеседника. Вот это ощущение перманентного преображения через подхваченное из воздуха слово, наверное, и ощущается до сих пор. И проза и общение с Улитиным не просто освобождали тебя от опостылевшей стилистики в литературе и в жизни; Улитин превращал тебя из покорного читателя в активного автора: твоя заурядная жизнь становилась увлекательной литературой и тем самым трансформировала и твою жизнь в нечто незаурядное.

Существует ли литература, предназначенная для одного читателя? Конечно. Это личное письмо. Но это не значит, что это чужое письмо не может прочесть кто-то другой, кто воспримет это письмо как будто оно написано и для него. Мы ведь читаем тома писем, изначально не предназначенных для чужих глаз, как будто это массовая литература. Что же получится, когда в странице прозы, предназначенной лично для тебя, скрыто несколько адресатов, как будто в чертах твоего лица на портрете ты узнаешь и близких тебе знакомых?

На днях я наконец нашел в своем архиве то, что искал. Это из письма мне 1972 года (см. фото на с. 518), где упоминается

1957
ФЕСТИВАЛЬ
МОЛОДЕЖИ СССР
16·3·72
четверг

Два сокращения — да.

— Бангладеш за бортом!
„Подумаешь, — сказал капитан, — 75 миллионов и ни одного знакомого человека". Занозистым оказался капитан, занудистый иногда. Какой там был эпитет?

Что верно, то верно: там было нарушение заветов. Я хотел написать книгу для Юло Соостера, чтобы он ее читал; а книга памяти Ю. Соостера — это интересно для историка. Таких много. Впрочем, „Цикута" была именно такой книгой. Мы встретились недалеко от Грибоедова, я ему передал книгу и больше ничего не было. „Тургеневской" тогда не существовало. „Великий графолог" был в числе французских анекдотов.

покойный Юло Соостер, легендарный сюрреалист, москвич родом из Эстонии, отсидевший в лагерях; он был завсегдатаем кафе «Артистическое» и близким собеседником Улитина:

«Что верно, то верно: там было нарушение заветов. Я хотел написать книгу для Юло Соостера, чтобы он ее читал; а книга памяти Юло Соостера — это интересно для историка. Таких много».

Илья Кукулин

Рождение передатчика[1]

Зиновий Зиник рассказывает о том, как в 1975 году приходил прощаться к Улитину перед отъездом в эмиграцию. Улитин сказал:

— Задавайте любые вопросы.

Зиник спросил о том, что остается — потом, после смерти.

Улитин ответил, что остается миф. То есть легендарная история о человеке, ставшем историческим персонажем.

Вероятно, он не мог ответить иначе — потому что не разрешал себе рассчитывать на продолжение, на «я памятник себе воздвиг» — и, наверное, правильно делал. Сказано же: «не теряйте отчаяния»[2]. Но мы сегодня должны задать вопрос еще раз: что осталось — и после Улитина, и после других радикальных авторов неподцензурной литературы, таких как Евгений Харитонов? Были ли они экзотическими цветками, выросшими на оборотной, теневой стороне советских практик (Харитонов написал: «цвэток»)[3], — или «прочным

---

1 Благодарю Д. В. Кузьмина за критические замечания по первому варианту этого текста.

2 Эта любимая фраза Улитина происходила из интеллигентского фольклора 1960-х. Анна Ахматова утверждала, что автором афоризма был Николай Пунин, искусствовед, историк культуры и гражданский муж Ахматовой в 1923–1938 годах.

3 Отсылка к новаторской монографии, построенной именно на этом предположении: *Конаков А.* Вторая ненаходимая. Очерки неофициальной литературы СССР. СПб.: Транслит, 2017.

звеном», как сказал про себя Ходасевич? Иначе говоря: существуют ли в русской литературе направления, которые развиваются сегодня благодаря Улитину? А если существуют, то почему или благодаря чему? Что лежит в их основе?

На первый вопрос ответить проще. Такие направления существуют.

На второй, о том, *почему* они существуют, — гораздо сложнее.

Когда вышел «Разговор о рыбе», петербургская поэтка Дарья Суховей написала мне в электронном письме, рассказывая о том, как читала эту книгу: «Там все мы». В каком смысле «все мы», поэты поколения 1990-х, могли содержаться в книге, чье название иронически отсылало к очерку Константина Паустовского 1930 года, написанному примерно в те времена, когда Паустовский был еще не одним из trailblazer'ов[1] «Оттепели», а «буржуазно-модернистским» литератором, относительно успешно примирявшимся с окружающей веселой действительностью? (Впрочем, оба они, Паустовский и Улитин, могли иметь в виду и присказку «Опять за рыбу грОши».)

Параллели между творчеством Улитина и поэтов 1990-х можно найти — и довольно неожиданные. Например, в 1996 году Ирина Шостаковская написала следующую прозаическую миниатюру.

> Дальнейшие прения бессмысленны. Включите радио.
>
> Он включил. Тьфу, бля, и тут же выключил. Стрелять надо такое радио в динамик прямой наводкой.
>
> Вся ваша смутительная механика напоминает мне литературные последствия различных погодных условий. О чем это вы? Я о пейзаже в русской лирике XIX века. Простите, но чем виноват приемник? Тем, что он не приемник, а репродуктор.

---

[1] Trailblazer — «пролагатель путей» (англ.).

> Беда, беда, в этом беда нового поколения. Оно упорно расширяет свой кругозор за счет чужого. Паша, зачем ты единым словом сделал из него репродуктор? Теперь я не знаю, где достать приемник, потому что другого приемника у меня никогда не было[1].

Эта проза явственно перекликается с улитинской не по внешним признакам, но по общей установке, по «стилистике скрытого сюжета». Фрагменты реплик из неназванных разговоров смонтированы ритмически — так, чтобы локальный, «для своих» юмор какой-то неизвестной молодежной компании приобрел смысл, далеко выходящий за рамки первоначального: «Тем, что он не приемник, а репродуктор».

В поколении литераторов, вошедших в русскую литературу в 1990-е годы, есть немногочисленные авторы, которые сознательно учли уроки Улитина и вступали в диалог с его произведениями — например, Станислав Львовский[2]. Но Ирина Шостаковская к таким авторам не относится. Ее корни — в рок-поэзии и субкультурном фольклоре (прежде всего хипповском), и «улитиноподобная» речевая установка возникла в ее текстах, судя по всему, почти независимо от Улитина.

Собственно, самое сложное — определить, откуда берется эта установка, почему она так последовательно воспроизводится в современной русской литературе. Если

---

[1] Окрестности. Альманах. Вып. 3. М., 1999. С. 86–87.

[2] Львовский опубликовал две рецензии на вышедшие книги Улитина — «Разговор о рыбе» (2001) (сайт «Литературный дневник». 2002. 15 апреля: http://www.vavilon.ru/diary/020415.html) и «Макаров чешет затылок» (Критическая масса. 2004. № 4: http://magazines.russ.ru/km/2004/4/lv36.html). В стихотворении Львовского середины 1990-х «натыкаясь в книге на имена…» строки «…раздумываешь ли о том, / что история есть возня / государственных насекомых с помятыми хоботками, / измазанными в пыльце / войны, страха, фаллоцентризма…» (Вавилон. 1996. № 4 (20)), по-видимому, отсылают к фрагменту Улитина «Вокруг нас рать железных насекомых…» из произведения «Татарский бог и симфулятор», которое было опубликовано в журнале «Московский наблюдатель» № 1 за 1991 год (в виде сокращенного авторского варианта, «дайджеста», как называл это Улитин).

описать «стилистику скрытого сюжета» подробнее — возможно, удастся лучше понять и самого Улитина.

Тогда же, когда вышел «Разговор о рыбе», в 2002-м, его прочитала Людмила Черная — переводчица, журналист и историк, которая училась в ИФЛИ на курс старше Улитина, но с ним самим знакома не была. До этого Черная прочитала «Поплавок» в «Знамени» и была совершенно поражена тем, какого значительного писателя она пропустила в студенчестве. Эссе Черной — это уникальный для сегодняшней ситуации отзыв человека, принадлежащего к тому же поколению, что и автор[1].

Мемуаристка, с одной стороны, описывает прозу Улитина как новаторскую («авангардистская проза, поток сознания, коллаж, инсталляция…»), с другой — постоянно возвращается к мысли о том, что эта проза вызывает у нее чувство узнавания — и не только цитат из разговоров *того* времени и *того* круга (сегодня некому, кроме Черной, сказать, что фраза Улитина «Все, что сделано, — все вопреки, а не благодаря» восходит к дискуссиям «вопрекистов» и «благодаристов» в ИФЛИ в 1939–1940 годах), но и самой манеры письма-«говорения»: «понятно и узнаваемо… это бормотание стихов, эти цитаты…» «И эта публикация [«Разговор о рыбе»] поразила меня и талантом автора, и узнаваемостью улитинских цитат-ребусов». «Главное, мне кажется, он нигде не сфальшивил, не преувеличил, не назвал ни одного лишнего имени». Это странное ощущение при всей — для Черной — необычности письма Улитина[2], вероятно, опирается на полуосознанную предпосылку: такая установка,

---

[1] *Черная Л.* Косой дождь. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 216–223.

[2] Можно было бы, конечно, вспомнить, что Черная — мать Александра Меламида, одного из самых значимых новаторов советского неофициального искусства 1970–1980-х годов, сооснователя соц-арта (вместе со своим тогдашним соавтором Виталием Комаром). Однако из ее мемуаров видно,

которая стоит за «стилистикой скрытого сюжета», существовала в российской культуре давно, но была репрессирована, вытеснена — и лишь у Улитина нашлись силы для того, чтобы дать ей письменное существование. А для этого ему потребовалось отчасти переосмыслить методы западноевропейской и американской авангардной литературы 1950–1960-х годов, отчасти изобрести их заново. Сам Улитин тоже об этом писал: «Но я это знал и раньше, я это знал давно, я это знал всегда, я только не знал, что это можно так назвать» («Макаров чешет затылок»).

В основе «стилистики скрытого сюжета» лежит особое переживание: своя речь воспринимается как отчужденная, а чужая — как почти-своя, но не вполне своя. Собственно тем эстетическим объектом, с которым работает автор, является переживание отношения к чужим/своим словам, то есть модальность высказывания, именно она и помогает «я» сделать чужую речь близкой, привычной, и в своей собственной речи тоже сделать чужое (ибо мы часто говорим чужими словами) — «своим». При такой смене фокуса логические звенья необходимо пропускать — для того чтобы чувствовались именно ритм и модальность.

Первой на русском языке подобные формы письма описала литовский филолог Элеонора Лассан[1], опираясь на исследования Юрия Лотмана, Юлия Шрейдера, Николая Мусхелишвили и Виктора Сергеева.

> Бывают моменты жизни и бывают эпохи, когда прагматически структурированная речь становится невыносимой. Нужно что-то совсем другое. Внутренняя апрагматичная речь

что работы своего сына до его эмиграции она скорее уважала, чем близко знала, а столь же радикальной, как соц-арт, литературой на русском языке не слишком интересовалась.

[1] *Лассан Э.* «Плюрализм возможен, консенсус исключен»: роман Ю. Давыдова «Бестселлер» в свете «лингвистического поворота» в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2006. № 81.

> вырывается наружу, стремясь разрушить растущие социальные барьеры между людьми. Меняются литературные формы. Нарратив классического романа уступает место «внутренней речи» текстов, ломающих классические формы. <…> Мы хотели бы выдвинуть гипотезу, состоящую в том, что трансформации общества, сопровождающиеся атомизацией и экзистенциальной заброшенностью личности, вызывают к жизни альтернативную систему коммуникации — депрагматизированный дискурс, являющийся, по существу, экстериоризацией внутренней речи[1].

Шрейдера, Мусхелишвили и Сергеева можно понять в том смысле, что в атомизированном обществе каждый начинает говорить сам/а с собой, а писатель дает этому «всегда приятно поговорить с умным человеком» литературное выражение: «…адресуясь к самому себе, адресант может представить, что он коммуницирует с другими „я“, которые способны воспринять то же сообщение. Для этого вовсе не обязательно передавать фактическое сообщение — достаточно иметь образы других в своей рефлексии»[2]. Но Лассан интерпретирует их работу именно как описание особой формы *социального* самосознания литератора: «…автор <…> полагает тезаурус Других равным своему тезаурусу». Здесь уже речь идет не о воображаемых, а о реальных Других, к которым адресована «экстериоризированная» коммуникация.

Филологи уже очень давно писали и не раз возвращались к мысли о том, что литература — это «депрагматизированная» речь. Шрейдер, Мусхелишвили и Сергеев говорят о гораздо более парадоксальном явлении — депрагматизированной

---

[1] *Мусхелишвили Н. Л., Сергеев В. М., Шрейдер Ю. А.* Дискурс отчаяния и надежды: внутренняя речь и депрагматизация коммуникации // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 46.

[2] Дальнейшая часть указанной работы в кратком пересказе Э. Лассан.

коммуникации, при которой обращение к Другому одновременно осуществляется и «подвешивается» (по-английски можно было бы сказать «suspends»), превращается в образ коммуникации.

С помощью концепции антиципируемого читателя как Другого (Другой), у которого (которой) *должен быть* такой же тезаурус, как у автора, — Лассан объясняет произведение, написанное человеком всего на пять лет младше Улитина.

> Востри перо иль не востри, оно нет-нет, да и навяжет свою волю. Скрипит, скрипит, и вдруг ты слышишь журавлиный клин над Левашовской пустошью, и это предваряет появление на улице Люнен младшего Лопатина.

Это — начало одной из глав романа Юрия Давыдова «Бестселлер». Лассан комментирует:

> Многие ли из потенциальных читателей знают сегодня про место захоронения жертв репрессий вблизи Ленинграда, именуемое Левашовской пустошью? Сразу ли мы интерпретируем журавлиный клин как метафору уходящих из жизни людей? Почему это представление предваряет рассказ о Лопатине-младшем, служившем советской власти, и случайно ли несколькими строками ниже появляется описание похорон Германа Лопатина — «Лопатина-старшего»? Текст рождается из понятных только говорящему ассоциаций, и логические связи становятся здесь избыточными. <…> Но нарушение логических связей, но оперирование собственным фондом знаний так, как будто бы он является достоянием Другого, — только ли черта творчества Ю. Давыдова [?].

Как ни странно, мысль Лассан — применить к исследованию прозы концепцию «депрагматизированного дискурса» — подходит к Улитину больше, чем к Давыдову. Давыдов, судя по всему, имел в сознании небольшой круг вполне конкретных читателей — тех самых, кто помнит про

Левашовскую пустошь[1]. У Улитина целый ряд реалий неизвестен — и, вероятно, не должен быть известен — никому, кроме повествователя, и это принципиально.

Те немногие, кто писал про Улитина, говорили о его прозе как уникальной, не встраивающейся ни в какие контексты. «Первый опубликованный текст Улитина, в журнале „Московский наблюдатель“, случайно купленном, произвел на меня (и, подозреваю, не только на меня) впечатление, сравнимое чуть ли не с открытием процесса чтения вообще», — пишет Львовский. Мое впечатление (тогда же) я помню, оно было примерно таким же. Природа этой уникальности, мне кажется, может быть описана так: Улитин перевел — переводил всю свою писательскую жизнь — внутреннюю и разговорную речь в художественный текст таким резким и прежде небывалым жестом, что возникло новое агрегатное состояние прозы.

Текст Улитина постоянно разбивается репликами других людей — или цитатами, осознаваемыми как такие реплики, или превращается в полилог «внутренних персонажей», живущих в сознании автора. В целом голоса в прозе Улитина имеют синтетический характер: это образы реальных голосов, которые изображены как внешние персонажи, перенесенные в бестелесную сферу текстуальности.

Если пользоваться терминологией Шрейдера, Мусхелишвили и Сергеева, то одним из главных элементов улитинского письма является *автокоммуникация, разделенная с другими*. Иначе говоря, такая автокоммуникация, при которой само «я» разделено на несколько разных инстанций и обращается к собеседнику/собеседнице, который должен/

---

[1] Этот прием разделения аудитории имеет давнюю историю. См., например, соединение в «Евгении Онегине» Пушкина фикционального сюжета с намеками, понятными только узкому кругу лиц. См. об этом: *Лотман Ю. М.* Текст и структура аудитории (1977) // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 161–166.

должна делиться с автором — своими словами и репликами, отчасти — учиться у автора, отчасти — угадывать то, что не входит в его жизненный опыт; угадывать значение по ритму, по звучанию, по странной фонетике — и такое конструирование утерянного значения будет не менее верным, чем угадывание источника цитаты. Потому что цитата переиначена и ей придан другой смысл.

В «стилистике скрытого сюжета» «я» словно бы разобрано на несколько голосов, которые равны многоголосию других «я». Голоса «я» не только не лучше этих других, но и столь же чужие и столь же «свои» друг другу[1].

Один из ближайших друзей Улитина, Александр Асаркан, в 1960-е годы называл его «русский Джойс». Улитин, кажется, не возражал. Но нужно уточнить: Джойс тогда, в 1960-е, ассоциировался с потоком сознания из последней главы «Улисса», а проза Улитина (странная рифма, да) построена совершенно иначе. И тем не менее Джойс входит в состав той традиции, в которой работал Улитин, но совершенно другим аспектом своей поэтики: у ирландского писателя постоянно обыгрывается контраст между тем, что происходит с героями, и тем, *как* это видит и передает рассказчик. Но, в отличие от ирои-комической поэмы, где такое различие дано раз и навсегда, у Джойса интонация и модальность описания постоянно меняются.

Писателю, который играет модальностями, нужен приемник, а не репродуктор. Приемник, который «на ходу» (вспомним «Разговор о Данте») превращается в передатчик новых значений. Улитин стремился создавать таких слушателей и читателей, которые умели бы становиться

---

[1] По-видимому, первыми эту проблематику многоголосого сознания стали разрабатывать участники круга М. М. Бахтина в 1920-х годах, но позже сам Бахтин свел ее к проблематике многоголосия в прозе, прежде всего — у Достоевского. См., например: *Волошинов В. Н.* Фрейдизм. Критический очерк. М.; Л.: Государственное издательство, 1927.

передатчиками. Это гораздо важнее, чем расшифровывать все намеки.

Восприятие устной речи как «готовой вещи» — особого режима говорения в небольшой группе, когда все друг друга понимают с полуслова и имеют разделенную память, общий круг чтения, но всегда могут возникнуть недоговоренности, полунамеки, сдвиги даже локальных, а не только общих смыслов, — по-видимому, стало открытием в русской культуре первой половины 1930-х годов. Как свидетельствуют «Разговоры», записанные Липавским, в обэриутской компании все стремились договаривать и объяснять до конца. Но в компаниях, которые больше, чем чинари, «держали в уме» советскую публичность, речь «для своих», по-видимому, строилась иначе, на подначках, скрытых рифмах и пародийной риторике — и писатели сразу бросились ее изображать.

> — Что это за шутки? Что за интеллигентский нигилизм?
>
> — Бросьте. Фукидид не обратил бы на это никакого внимания.
>
> — Дид Фукидид, он же запорожец за Дунаем!
>
> — Шпильгаген не сказал бы такой глупости.
>
> — Ну, не знаете вы Шпильгагена.
>
> (Ильф И., Петров Е. На зеленой садовой скамейке. 1932[1])

Возможно, сам такой способ интеллигентского разговора существовал с конца XIX века, но стал эстетически ощутимым тогда, когда началась эрозия советской идеологии — после краха идеи мировой революции, «шахтинского дела», высылки Троцкого, начала коллективизации. Играющий разговор «ни о чем» вдруг оказался вполне содержательным, у него обнаружилось двойное дно: рядом с идеологией

---

[1] Первая публикация: Литературная газета. 1932. 29 октября. Впоследствии текст несколько раз перепечатывался в сборниках фельетонов и собраниях сочинений Ильфа и Петрова.

стала складываться не другая идеология, а интеллигентская языковая игра, которая не нуждалась в нарративе, но актуализировала саму идею обмена культурными значениями, при котором они мутируют. Незадолго до Ильфа и Петрова Юрий Тынянов в статье «О литературной эволюции» (1927) писал о «домашней, интимной, кружковой семантике»[1]. В 1930-е годы выяснилось, что такая семантика может быть еще и окказиональной — и что именно эта окказиональность, как, например, и шуточная кружковая поэзия, может существовать помимо идеологических нарративов. Ильф и Петров к такой внеидеологичности и вненарративности относились осторожно и с иронией, но Ильф примерял ее на себя: в его записных книжках есть фрагменты, явно предвосхищающие Улитина.

Улитин сделал следующий — и самый важный — шаг. Он понял, что именно эта окказиональность и выражает историческое существование человека, которое было отнято — точнее, прямо тогда, в 1930-е отнималось, в режиме реального времени — идеологией и «большими нарративами». История, в которой человек может реализовать себя и общаться с другими, подобными себе, — как оказалось, состоит из квантов. Эти кванты — изменение значения слов в доверительном разговоре или во внутренней речи. Если разговор возможен, то только во внутренней речи. То, что происходит помимо этих квантов, — это процессы террора и отчуждения, которые отменяют возможность сохранить «я».

«Прагматически структурированная речь» стала «невыносимой» этически. Поговорив про Фукидида и Шпильгагена, советские литераторы из фельетона Ильфа и Петрова

[1] «…Домашняя, интимная, кружковая семантика всегда существует, но в известные периоды она обретает литературную функцию» (цит. по: *Тынянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино / Под ред. М. О. и А. П. Чудаковых и Е. А. Тоддеса. М.: Наука, 1977. С. 279).

пойдут писать про домны, семейные ценности и шпионов — и в их опусах будет все понятно *широкому кругу читателей*. Улитин понял, что именно такие подначки, как эти, про Шпильгагена, в которых непосвященный читатель не видит половины, а то и восьмидесяти процентов контекстов, — приоткрывают живую человеческую душу.

Но если она действительно свидетельствует о себе, а не пишет про домны, семейные ценности и шпионов, то она не может говорить одним фиксированным голосом. Голос человеческой субъективности всегда разорван на много реплик, в которых он пытается высказаться, измениться, осознать себя — и каждый раз заново, и каждый раз не до конца. Такое осознание всегда пользуется «домашними» реалиями, намеками на обстоятельства, которые не нужно объяснять — но иногда можно угадать.

> Странный медицинский случай, сказала докторица. Ты мне не можешь объяснить, как он его мог отморозить? Наивный вопрос со стороны опытного врача, но я махнул рукой и даже не улыбнулся. Мало ли что. Заснул на часах.
>
> («Татарский бог и симфулятор»)

Именно этот аспект «стилистики скрытого сюжета» — необходимость угадывать, иногда успешно, иногда не очень — оказался востребован в литературной ситуации 1990–2010-х. Говоря о новых произведениях авторов разных поколений — от Михаила Гаспарова до Данилы Давыдова, — Дмитрий Кузьмин в 2001 году ввел понятие «зоны непрозрачного смысла».

> Общая функция зон непрозрачного смысла, отсылающих к приватному пространству автора, — верификация эмоциональной и психологической подлинности текста одновременно с указанием на невозможность для читателя полностью проникнуть во внутренний мир лирического субъекта, поскольку индивидуальный опыт последнего может быть

выражен и воспринят, но не может быть прожит другим заново. <…> Концептуализм поставил под вопрос живое содержание любого дискурса, представляя всякое высказывание в виде набора мертвых клише. <…> …Авторы младшего поколения, встретившиеся с концептуалистской проблематикой в самом начале творческого пути… обнаружили, что апелляция к предельно приватному жизненному пространству в какой-то мере позволяет уйти из понятийной и образной сферы, заподозренной в тотальной клишированности. <…> …[У]местно предостеречь от сближения рассматриваемого приема с кодированием реальных лиц в таких, например, текстах, как «Алмазный мой венец» Катаева, где возможность и желание читателя разгадать шифры входит в задание [автора, неявно предложенное в произведении][1].

(Напомню, что позднего Катаева Улитин на дух не переносил, о чем в «Разговоре о рыбе» сказано прямо.)

Понятие «лирического субъекта» в современной литературе малоприменимо — по причине множественности голосов, описанной выше. Но предложенный Кузьминым термин очень продуктивен. Проза Улитина практически вся состоит из зон непрозрачного смысла. Такой метод письма — оборотная сторона «депрагматизации», о которой пишут Шрейдер, Сергеев и Мусхелишвили: если в литературном произведении формируется образ коммуникативного полилога, в котором «я» говорит само с собой или звучащие в сознании голоса понимают друг друга с полуслова, — то возникновение подобных зон оказывается практически неизбежным.

Улитинское письмо прямо противоречит «полифонической» стилистике Достоевского в интерпретации Бахтина: в «стилистике скрытого сюжета» голоса не противостоят

---

[1] *Кузьмин Д.* Еще раз — к коллизии «Колкер vs. Гаспаров» // Литературный дневник. 2001. 21 сентября (http://www.vavilon.ru/diary/000921.html).

друг другу как «рупоры» идей или идеологий, но создают общее пространство, в котором любая идеология может быть помыслена только как форма риторики. Любую такую риторику можно остранить, спародировать, изобразить как частный случай нелепого, гротескного говорения.

Улитин открыл свой уникальный стиль, по-видимому, в конце 1940-х — начале 1950-х годов, в тюрьме НКВД и по дороге в Ленинградскую спецпсихбольницу — и придумал его как метод не побега, но противостояния тому миру, в котором идеология, казалось, была намертво связана с готовыми эстетическими формами. Этот метод был основан на предшествующих открытиях модернизма, как русского, так и западноевропейского. Улитин преобразовал эту традицию таким образом, что она стала поддерживать образ полилога как пространства абсолютной свободы — одновременно утопический и критически направленный на все существующие ментальные клише, советские и несоветские.

В конце 1990-х и в 2000-е годы «зоны непрозрачного смысла» оказались одной из главных черт постконцептуализма, как его описал Д. Кузьмин[1]. В его статье дано достаточно подробное объяснение того, почему это произошло: «Концептуализм поставил под сомнение способность слова *быть* значительным, весомым — постконцептуализм заставляет слово *свидетельствовать* о значительности и весомости» (курсив источника). Анализируя стихотворение Данилы Давыдова, в которое включен фрагмент «неотобранной» записной книжки автора (или его искусная имитация), Кузьмин замечает:

> Предлагая читателю посмотреть на этот фрагмент как на лирическое стихотворение, Давыдов хочет обратить наше внимание на то, что за каждой из этих записей для лирического субъекта стоит какое-то ощущение, какая-то эмоция,

---

[1] *Кузьмин Д.* После концептуализма // Арион. 2002. № 1.

отношение к названному человеку или упомянутой ситуации. Что за эмоция — мы не знаем и не узнаем (автор намекает нам, что не уверен в способности имеющегося в его распоряжении поэтического языка эту эмоцию передать), но мы должны, по мысли поэта-постконцептуалиста, знать и помнить: эта эмоция там *есть*.

Такое описание похоже на то, что в начале этой заметки описано как работа Улитина с модальностями: важно не само слово, а смена отношений субъекта/субъектов повествования к тексту, формирующая свой собственный сюжет. Эти отношения позволяют выстроить разные пути критического отношения к тому, *о чем* говорится, а саму смену этих отношений представить как перформанс, как артистическую смену голосов.

Зиновий Зиник, собственно, и говорит, что авторские чтения Улитина 1960-х отчетливо напоминали перформансы.

> Улитина надо было видеть — скажем, в лучшие годы в кафе, а позже у него дома за бутылкой вина: обложенный записными книжками с закладками на нужных страницах, с листочками, где выпечатаны были заранее заготовленные цитаты-шпаргалки, со страничками английских романов и почтовыми открытками, не считая картинок с подписями, вырезанных из иллюстрированных журналов. С бокалом кислого вина в одной руке и с авторучкой в другой (чтобы тут же записать промелькнувшее в разговоре слово, которое станет ключевым для будущего разговора, разговора в будущем о прошлом) он не говорил, а танцевал на пуантах цитат из прошлого, подхватывая сиюминутное высказывание собеседника как литературную цитату из классиков[1].

---

[1] *Зиник З.* Приветствую ваш неуспех // Улитин П. Разговор о рыбе / Подгот. текста И. Ахметьева. Коммент. М. Айзенберга, И. Ахметьева, Л. Улитиной. М.: ОГИ, 2002. С. 12–13.

Подобное письмо существует словно бы одновременно до и после концептуализма. «До» — потому что Улитин хоть и показывает идеологию как эффект разного рода риторики, но такая интерпретация всегда производится ad hoc, а не на основе специально продуманной стратегии, как это делали концептуалисты. Читатель просто замечает, что в речи одного или нескольких голосов, перекликающихся в прозе Улитина, обнаруживаются следы политизированного языка, авторитарного и/или подстроенного под телеологическую историософию: «О лирическом и тайно-личном начале образа Мефистофеля у раннего Гете: он, мол, преодолевал свои недостатки, в том числе и демонизм» («Татарский бог и симфулятор»; подозреваю, что здесь Улитин цитирует кого-нибудь из ИФЛИйских преподавателей истории европейских литератур). «После» концептуализма — потому что из анонимных реплик в прозе Улитина все время восстанавливаются голоса индивидуальных «я», не согласные с общеобязательными правилами, обходящие конвенции, язвящие, комментирующие. Индивидуальность превратилась в разновидность дискурса и лишилась имени — но из отдельных фраз восстанавливаются время, место, встревоженность голоса. Ни один из этих голосов нельзя назвать по имени — но они индивидуализированы даже без имен, и история, разорванная на куски, заново складывается из квантов — обменов репликами и переиначивания слов. Такая восстановленная история никогда не будет линейной, у нее, вероятно, никогда не будет цели. Но она теперь всегда будет нести в себе след голосов тех людей, которых никто не помнит — даже и те же самые люди, ставшие иными через тридцать-сорок лет, больше не помнят уже прежних себя.

После того как читатели модернистской и постмодернистской литературы узнали, что у человека нет и не может быть своего языка, — Улитин показывает, как такой чужой язык вновь делается «своим». Однако в его прозе и само

чувство «своего» становится новым, более отстраненным, не присваивающим. Можно даже сказать, что в произведениях Улитина неявно создана *новая концепция социальности сознания*, новый способ обращения к воображаемым и реальным собеседникам. Самое важное в этом способе — сохранить интенцию, сохранить для истории то мгновение, когда речь другого переживается как событие. Высказывания персонажей Улитина значимы не только, а иногда и не столько потому, что они содержательны — но скорее из чувства артистической, импровизационной, игровой связи с текущим моментом.

По-видимому, задолго до складывания системы онлайн-общения Улитин почувствовал значение речевых жестов как одновременно анонимизирующих «я» («кто так здорово сказал?» — «неважно, то есть важно, но ты его не знаешь») и сохраняющих индивидуальность интенции. Сегодня, в эпоху социальных медиа, такое стремление сохранить свою и чужую — свою-как-чужую, чужую-как-свою — интенцию становится только неотвязнее.

Поэтому в этой прозе и могут найти себе место «все мы».

Дарья Барышникова

«Найти слова, не имеющие прибавочной стоимости»

Представления о фрагментарной прозе подразумевают и основываются на представлениях о прозе связной и внятной: повествовательной в обычном смысле слова. Поэтому часто первое, что приходит в голову, когда ты пытаешься читать тексты Улитина, — что всего, что составляет суть «нормальной» прозы, у Улитина нет, и в результате все описания получаются негативными. Это сложно воспринимать: тут нет героев, которые бы действовали в течение всей истории. Да и истории тоже никакой, похоже, нет: ни линейной последовательности, ни связности. В текстах постоянно идут разговоры, но эти разговоры — не со мной, не с читателем, лишенным всех жизненных подробностей упоминаемых лиц и, часто, и обстоятельств времени и места описываемых событий. А что же есть? Что происходит при чтении этих текстов? Как они могут действовать на читателя? Как говорить о них, пользуясь не только словами «это — не то», «это — не это»? Рассказывается ли история или ты получаешь прямой доступ в голову рассказчика, и видишь на страницах буквально то, что в этой голове происходит: слипшиеся и перекрывающие друг друга фрагменты его и чужой речи, мысли, воспоминания, комментарии, эмоциональные образы и переживания. Или все-таки доступ не прямой,

а опосредованный и упорядоченный? Тогда возникают вопросы, как и чем упорядочены эти фрагменты, на что это похоже и что с этим можно делать?

Исторически фрагментарную прозу, наиболее близкую тому, что возникло и довольно широко распространилось в 1960-е, проще всего связывать с «нарезками» дадаистов, которые в конце 1910-х — начале 1920-х буквально брали уже написанные тексты и резали и перекладывали на новых основаниях, устраивая новый порядок. Думаю, проза Улитина — уникальный вариант этой типичной для западной экспериментальной прозы 1960-х практики. Нелишним будет вспомнить, какое мировоззрение стояло у истоков этих экспериментов. Футуристы, предшественники дадаистов, важнейшим признаком современной жизни считали одновременность впечатлений и переживаний, осаждающих человеческое сознание. Всячески современность приветствуя, они стремились представить в одном произведении сразу все возможные в определенный момент времени чувственные ощущения и всплывающие в памяти переживания. Дадаисты во многом были на них похожи, они так же, как и футуристы, нападали на традиции и ценности прошлого. Но футуристы не сомневались в основах представлений об окружающей их реальности. Мир был для них бурным потоком явлений и событий, однако за всем его динамизмом и завихрениями они все еще видели некое единство и возможную гармонию. В отличие от футуристов, дадаисты уже не верили в стабильность мира и возможность найти гармонию за предстающим восприятию хаосом. Они считали, что все эти потоки абсолютно бессвязны, линейное развитие невозможно, смысла нет и все констелляции непостоянны. Дадаисты пытались и письмо, и все другие виды художественного производства освободить от власти разума, приветствуя случайность и произвол, беря их за основу любого

творческого акта. Тристан Тцара в 1920 году со своим рецептом «нарезок» как раз постарался ухватить этот момент спонтанности, когда все еще существует в подвижном состоянии, не тронутое неизбежным упорядочиванием разума.

В 1960-е годы возникает большое количество разных экспериментальных текстов, главным принципом создания которых был монтаж фрагментов. Это могло быть чисто техническое нарезывание и складывание с любопытством и вопрошанием: «ну и что же получится?», мог быть случайный отбор и осознанная комбинация, или же наоборот, отбор производился внимательно, а комбинировались фрагменты как попало. Для сегодняшнего читателя, часто лишенного возможности точно знать, как делался тот или иной текст, это и не важно. Важнее, мне кажется, задать другие вопросы: почему это происходило и как интерпретировать то, что из этого вышло? Возможно, в 1960-е, часто без всяких пересечений и влияний, возникло такое количество «нарезок» (термин, разумеется, довольно условен как общее понятие) потому, что к этому времени произошел еще один качественный сдвиг в человеческом восприятии мира и себя в нем, скорость осаждающих сознание потоков информации еще увеличилась (новые коммуникационные технологии, радио, телевидение, реклама, массовая культура, урбанизация, вот это все), потоки становились мощнее и разнообразнее. Многие авторы, как, например, Брайон Гайсин и Уильям Берроуз, или Алан Бёрнз, Кристин Брук-Роуз и Б.С. Джонсон, или даже Сэмюэл Беккет, пользовались сходными приемами как раз в 1960-х — начале 1970-х в качестве осознанного экспериментирования.

Бёрнз, например, объясняя свой способ письма, утверждал, что Берроуза не читал и о «нарезках» не слышал, но в своей практике использовал нечто сходное. В его романе «Вавилон» (Babel, 1969) смешаны разные типы повествования: описания, абсурдные конструкции, зародыши и сгустки

историй, все это в разных стилях, жанрах, и часто на разных языках. Фрагменты становятся событиями в общей структуре повествования, в первую очередь не представляя объекты и происшествия окружающей реальности, но пробуждая воображение читателя, подражая разным способам художественного выражения, конструируя процессы взаимодействий с миром. Тут ритм и повторяющиеся образы играют более важную роль, чем последовательное рассказывание историй. Бёрнз считал, что у него нет никакого специального метода. Он просто переводит опыт в слова: «опыт — это и сновидения, и ложь, и воображаемое, и фантазии, совсем не в меньшей степени чем то, „что произошло“». Бёрнз говорит, что просто получает удовольствие и от «слов в себе и для себя». В том смысле, что использует их не как означаемые в бесконечной игре означающих, но, скорее, как ритмические элементы.

Другой пример — роман Б. С. Джонсона «Неудачники» (The Unfortunates, 1969), состоящий из двадцати семи частей, которые ты волен читать в произвольном порядке по своему разумению. Джонсон объяснял, что цель его романа — не предъявить читателю реконструированный порядок, но будучи честным в отношении беспорядочных и кажущихся одновременными переживаний, воссоздать поразительную смесь настоящего и прошлого, с неясной границей между ними. То есть не столько дать впечатление произвольности, сколько представить и показать, как работает сознание (This is the way the mind works, my mind anyway).

Кристин Брук-Роуз, всю жизнь экспериментируя с техниками и условиями письма, написала в 1975 году роман «Сквозь» (Thru), визуально, кстати, очень похожий на тексты Улитина. Этот гибридный текст без отчетливого сюжета и переполненный литературоведческими понятиями, разбит на мелкие фрагменты и, кажется, разоблачает свои собственные повествовательные стратегии. Авторские комментарии

тут смешаны с голосами персонажей до такой степени, что невозможно сказать, «кто говорит». Сама Брук-Роуз видела в этом прямое, почти наивное подражание тому, как мы действуем, и говорим, и думаем одновременно. Это же и прямое подражание тому, как «работает» текст: как он, бурно начавшись in medias res, должен все же выстраиваться медленно и постепенно, с повторами, вариациями и сомнениями, а не посредством все объясняющих флешбэков и всякого такого.

Про Беккета известно, что он записал каждое из шестидесяти предложений «Без малого и без большого» (Lessness, 1969) на отдельном куске бумаги, смешал их в какой-то емкости и потом произвольно вытаскивал эти бумажки. Два раза подряд. Эта последовательность и стала порядком ста двадцати предложений в тексте. Позже многие из этих (и других) авторов продолжали писать относительно «нормальные» связные повествования — рассказывать истории. Улитин же с этим типом прозы, соединяющим нарезки и поток сознания, работал, похоже, всегда. Можно это объяснять как работу с травматическим опытом, личным или общим, но мне представляется, что тут было что-то еще, какие-то более универсальные основания, как раз объединяющие разных авторов, существовавших в разных обстоятельствах.

Если расширять контекст, то нужно обратиться и к представлениям о модернистском романе, его «типичным» сюжетам и принципам. Литературовед Брайан Макхейл, говоря о различиях модернистской и постмодернистской прозы, выделяет следующие ключевые моменты. В модернистской прозе, особенно той, где основное «техническое» средство — поток сознания, в центре внимания находятся, логично, проблемы познания и сознания. Для прозы постмодернистской важнее становятся онтологические проблемы, в частности, модусов существования. Оба этих аспекта существенны для текстов Улитина, и в этом смысле их трудно

безапелляционно включить в те или иные рамки. Но тем не менее важно учитывать специфику европейского модернистского романа, чтобы видеть, как эту традицию может продолжать проза Улитина или Беккета, с чьими поздними рассказами я бы хотела сопоставить тексты Улитина, как занятые сходными проблемами — репрезентации, девальвации смысла и коммуникации — но «решающие» их принципиально иным образом.

Итак, в модернистском романе (говоря условно и схематично) в центр внимания начинают смещаться «банальные» события, все существенное становится несущественным и наоборот. Метерлинк, например, говорил, что старик, сидящий в комнате, куда интересней, чем любовник, удушающий подружку. Теперь читателю предъявляются, но далеко не всегда, лишь вероятностные причины описываемых событий, сюжет слабеет, основным способом его представления становится поток сознания персонажей или повествователя, которому часто вообще и доверять нельзя. В модернистском романе читатель сразу оказывается вброшенным в поток событий или переживаний; а финал обычно открыт и неоднозначен, ничего окончательного о судьбе персонажей не выясняется. Чтобы компенсировать это ослабление повествовательной структуры, на первый план выходят альтернативные способы эстетической организации. Один из них — это повтор с варьированием мотивов, образов, символов — техника, которую описывают как «ритм», «лейтмотив» или «пространственная форма».

У модернистов часто не персонаж действует в некоем городе, но городской опыт, — все это влияние впечатлений, улиц, движения, моментальных снимков, кинематографа — создает персонажей. Кларисса Дэллоуэй сливается с Лондоном, Леопольд Блум бродит по Дублину, направляемый джойсовыми техниками рассказа, погружающими городские пространства в новые ощущения современности

и одновременности. Тут же вспоминается Гертруда Стайн, одновременно и как бы из нескольких перспектив — как Пикассо — рассматривающая своих персонажей. Или Пруст с его вниманием к вполне тривиальным вещам и невольным воспоминаниям. В итоге не остается никакой стабильной идентичности, все подвижно и рассредоточено. В это же время Эрнст Мах и Уильям Джеймс говорят о том, что личность — это ее сознание. С другой стороны, Хайдеггер, который в «Бытии и времени» (1927) пишет: «…каждый оказывается другой, и никто не он сам». Писатель и литературный критик Дэвид Лодж позже подчеркивал, что модернистский роман был прежде всего занят сознанием, а еще подсознательным и бессознательным. Поэтому структура «внешних» объектов расплывается, чтобы дать место интроспекции, анализу, рефлексии и всякому такому. Действие из внешнего мира переносится во внутренний, чуть ли не прямо в мозг, и изливается оттуда потоком сознания. Все формальные инновации, главная составляющая модернистской прозы, становятся новым способом интерпретации мира, где способ — важнее мира.

Все эти тенденции связаны еще и со стремлением к бóльшему реализму (можно долго спорить о том, что такое реализм и реальное: понятия, безусловно, сомнительные), с попытками ухватить всю многогранность окружающего мира. Риторика модернистской прозы стремилась быть ближе к жизни, к опыту субъективного переживания реальности. В каждом случае устанавливались собственные условности, конструировались образы, подражающие индивидуальным переживаниям. Но в то же самое время автометарефлексивные комментарии начинают подрывать иллюзии аутентичности. И что в итоге остается читателю? Наблюдать, как стройный и относительно понятный мир, создаваемый текстом, замещается стенограммами процессов создания, разрушения и воссоздания множества возможных

миров. Вирджиния Вульф очень точно сформулировала этот новый способ в статье «Современная художественная проза» (1919):

> Исследуйте, например, обычное сознание в течение обычного дня. Сознание воспринимает мириады впечатлений — бесхитростных, фантастических, мимолетных, запечатленных с остротой стали. Они повсюду проникают в сознание непрекращающимся потоком бесчисленных атомов, оседая, принимают форму жизни понедельника или вторника. <…> Не является ли все же задачей романиста передать более верно и точно этот неизвестный, меняющийся и неуловимый дух, каким бы сложным он ни был?

Теперь, очертив контексты, я бы хотела посмотреть, как тексты Улитина можно локализовать в этом пространстве. И внимание сосредоточить не на сюжете, персонажах или событиях, а на том, как текст может быть фиксацией, репрезентацией и трансляцией психического опыта. И может ли? Или следует допустить, что задача этих текстов — предъявить некий онтологический хаос, то есть поставить под вопрос и личность, и мир, и способы их существования? Может, эти тексты — нечто совсем другое, почти нечеловеческое, в чем говорит язык и больше ничего. Это — язык, упорядоченный волей случая, где слова и смыслы отделены от говорящего и друг от друга, лишены контекстуальных отсылок и привязок. И получается, что фрагментация произведения искусства — это уже даже не художественный жест, не эстетический выбор, но просто адекватная реакция на жизненную реальность. И тут возникает следующий вопрос: можно ли представить в художественном тексте сознание рассказчика или персонажей, чей опыт фрагментарен, а переживания обрывочны и множественны, так же как можно представить какой-то объект (небеса или куст боярышника) или событие? Как можно воспроизвести опыт этого

сознания в тексте, если такой опыт всегда подразумевает процессы взаимодействия, моменты со-общения?

Что происходит в текстах Улитина и как на это смотреть? Можно начинать с фрагментарности письма, с положения текста на странице, с того, что это объект искусства не в меньшей степени, чем литературы, что в тексте — много уровней и аспектов. Монтаж, коллаж, вот это все. То есть интерпретация движется от внешнего к внутреннему, от формы (шрифты, машинопись, рукописные вставки, вклейки, картинки, цветные чернила) к, условно, содержанию (цитаты, стенограммы разговоров, чужие слова). Но можно посмотреть и под другим углом, задавшись вопросом: что могут означать эти попытки «положить на речь процесс мышления» или «найти слова, не имеющие прибавочной стоимости»? Можно ли обозначить прозу Улитина как воспоминания, в которых всплывают в той или иной мере упорядоченные события прошлого? И что происходит, если эти воспоминания все время прерываются, перекрываются подходящими или контрастными цитатами, описанными и названными ощущениями и переживаниями? Иными словами, текст движется от причинно-следственной организации событий прошлого к разорванным цепочкам мышления настоящего. Звучит двусмысленно, но в то же время довольно точно. Ассоциативные сдвиги, эмоциональные переживания, память регулярно заводит в тупик, выход из которого может быть в тех же самых аллюзиях, ритмических конструкциях, и взаимодействиях с другими сознаниями.

Технически, можно сказать, что текст организован как монтаж аттракционов, и напоминает представление о том, как функционирует человеческое сознание в принципе. Вся эта вязь воспоминаний: давних не внятных, но устроенных по принципу упорядочивающего рассказа, когда от события остается лишь рассказ о нем, и недавних подробных, в которых больше деталей, чем связной истории. А что там

было, уже и не так важно. Важнее версия. Плюс ощущения, эмоции, страх и отвращение и все такого рода. Воспоминания и действия прямо сейчас и предположения о будущих событиях — все существует в этих текстах одновременно. Блаженный Августин бы позавидовал. С другой стороны, тут соединено сознательное, симптомы бессознательного и метасознательное. Можно анализировать и используемые литературные условности, иронию и стратегии текстуальной репрезентации.

Фрагменты, из которых состоят эти нарезки, не абстрактны, эти фрагменты следуют определенным конвенциональным жанрам, которые в свою очередь следуют актуальным культурным моделям. Эти же модели и знание законов жанра позволяют читателям натурализовать эти тексты, делать их читаемыми, как бы «достраивать» до повествования. Есть и другой способ — анализировать ритмическую организацию или визуальную специфику этих текстов, сближая их, соответственно, с поэтическими или даже музыкальными текстами или с художественными объектами. Исследователи прозы Беккета, о котором — чуть дальше, вообще предлагали анализировать его поздние рассказы, как если бы это были не письменные тексты, а скульптурные композиции. Возможно, такой подход, как один из дополнительных, мог бы способствовать и пониманию прозы Улитина. Третья дополнительная возможность, уже широко используемая, — это тематический анализ, поиск организующих повествование тем и мотивов.

Взять, к примеру, «Разговор о рыбе». Место действия — белый лист и сознание повествователя, однако в то же время вроде бы упоминается множество «реальных» мест и обстоятельств. Но важны ли они для понимания? Сюжетно-тематически в центре внимания, из того, что считывается, — разговоры и воспоминания: поход в музей, театр, чтение-письмо. Что тут происходит помимо этого? Здесь есть воспоминания,

чья ценность уже в момент их включения в текст сомнительна: «мелькнуло воспоминание о том, что мелькнуло, но что уже совсем не имело значения» (с. 37); «помню слова в одной тетради, хорошо, что они не сохранились» (с. 45), но в общей структуре повествования их роль существенна. Воспоминания, связанные с памятью тела: «не было такого зрительного впечатления» (с. 33), «длинное ритмическое дыхание тургеневской фразы про извозчика…» (с. 36). Чьи же это воспоминания? Есть ли в тексте персонажи или просто действующие лица? Можно ли говорить о том, что способ, которым ведется рассказ, ставит читателя лицом к лицу с тем, что произвольный и неустойчивый мир случая лежит за пределами разумно-упорядоченного, «человеческого» мира? Может ли подобный текст продолжаться бесконечно? Пожалуй, да. Границы его скорее произвольны, нежели обусловлены логической или другой необходимостью. Следующий вопрос: от чьего лица все это излагается, есть ли тут повествователь, какова его роль? Может, над повествуемым миром парит некий бесстрастный регистратор, фиксирующий моментальными снимками события, но никак не комментирующий их? Однако комментарии — не очень понятно, чьи они, — все же есть: «с каким тяжелым напряжением я проходил по темной улице» (с. 45), «ведь он что, мечтает отметить карандашом в чужой книге то, что ему еще предстоит написать, но это только его касается» (с. 37). При этом тут нет вообще никакой позиции: не ясно — где внешнее, а где внутреннее, субъекты и объекты не разделяются.

В текст встроены комментарии по его же поводу, что интересно, во всех грамматических формах лица: «откуда у *него* рыболовные метафоры» (с. 35), «но чужие мысли могут занять место *твоих* собственных» (с. 38), «But *I* don't remember the exact words and can't find them. А все дело в точных словах» (с. 40), «как *мы* читаем, вот о чем бы написать, только без фокусов, только правду. А зачем *мы* ему заморачиваем

голову?! Злейший враг достоин самого крупного шрифта» (с. 46). Или вообще не важно, от чьего (угодно) лица, даже на уровне грамматики: «не знал, что даже случайно прочитанные слова отзовутся и будут иметь значение» (с. 44). Потому что тому, кто читает Улитина, сегодня не узнать и не понять, где и чья речь скрывается в этих фрагментах. Вот еще фрагмент пообширнее:

> Но слова, которые возникают, никуда не годятся. Но слова жуткие. Так вот к чему все сводится? Я не знаю, к чему там все сводится, но слова там были бешеные. Нельзя сделать ни одного естественного жеста. Все движения на учете. Толки были разные. Ни одного б слова, ни одного. Какой тут толк, спросите вы. А тут и нет никакого толку. И смысла нет в звезде. Вот когда в звезде нет смысла, тогда и говорить не о чем. Я Г Е Г. Так этим же ничего не сказано. Это было 20 раз и каждый раз по-разному. И каждый раз значило что-то еще. Абсолютно бессмысленная фраза. Но ее приятно увидеть на бумаге. Но ее радостно прочитать. Это правда (с. 50).

Повествование оказывается дефокализованным, то есть ни на чем не сосредоточенным. Повествовательный голос остается скрытым, завуалированным, неочевидным, не сказать — невидимым — взгляду читателя, и безличным. Будучи вырванными из своих контекстов возникновения, слова и фразы соединяются в новые констелляции, случайные и обретающие значимость не столько своим буквальным смыслом, сколько ритмически и иронически. Но что удивительно, читается все это как рассуждение о природе письма средствами, как будто бы этим письмом уже не задействованными.

А теперь посмотрим, что происходит в поздней прозе Сэмюеля Беккета, для которого существовала сходная проблема: «найти слова, когда они уже все израсходованы».

В исследованиях позднюю прозу Беккета — тексты, написанные после «Как оно есть» (1961), — часто описывают как находящуюся где-то между прозой и поэзией, повествованием и драмой, между завершенностью и незавершенностью. Но одно из первых читательских впечатлений — это непосредственность произносимых тут слов, их речевая основа, даже при том, что все конструкции в рассказах «Воображение мертво, вообразите» (1965), «Довольно» (1965), «Пинг» (1966), «Без малого и без большого» (1969) дико искусственные, абстрактные и т. д. Даже если внятного сюжета нет и рассказываемая история — о том, что невозможно ничего рассказывать.

В 1960-е Беккет перевел очевидные ограничения в своего рода эстетический принцип. Следуя в направлении, заданном эстетикой Миса ван дер Роэ: «меньше — это больше», или Адольфа Лооса: «орнамент — это преступление», Беккет создал собственный строгий минимализм. Но в то же самое время самые экспериментальные тексты впечатляют непосредственностью и эмоциональностью произносящего слова́ голоса. Фигуры этих рассказов, трудно назвать их персонажами, — тут скорее вестники, чья личность не целостна, а монологи фрагментарны. Персонажи тут, скорее, превращаются в чье-то повествующее сознание, но не ясно, кто говорит и каковы его свойства. Хотя довольно ясно, как он говорит: более или менее убедительно и психологически последовательно. И даже какая-то представимая внешняя реальность просматривается, даже если она «схлопывается» и замыкается на саму себя, становясь таким образом совершенно неотделимой от сознания, ее воспринимающего. То есть получается, что основное действующее лицо (?) в поздней прозе Беккета — это множество освобожденных от тел голосов, чьи различия неясны, границы неопределенны, а источники неизвестны. Граница между внутренним и внешним иллюзорна, восприятие слипается

с воображением, опыт переживания — с рассказом о нем. Одинокий голос человека становится отделенным от этого человека, утверждающим себя через текст и только таким образом получающим новую идентичность, которую можно характеризовать как сквозящую между означающим и означаемым. Если стремиться к адекватному описанию того, что тут происходит, то удачной мне представляется метафора колебания между литературными частицами и волнами: фрагментами текста и непрерывностью повествующего сознания.

Взять, например, «Пинг», текст, являющийся повествованием, потому что тут есть голос, который что-то (не о чем-то, но что-то) рассказывает. Это — довольно странный голос, да и рассказ еще более странный. Может, и не рассказ вовсе, а набор фрагментов, прерванные попытки рассказа. В тексте вроде бы нет событий, есть множество описаний, множество повторов, но никаких объяснений: «Пинг встарь едва может быть смысл одной природы секунду почти никогда голубой и белый на ветру вот и все о памяти больше никогда. Плоскости белые без следов одна блещущая белая до бесконечности если бы не было известно что нет. Свет жара все известно все бело сердце вздох без звука» (с. 156). Стройную фабулу извлечь из такого текста невозможно, можно только строить гипотезы. О том, что некое тело находится в некотором замкнутом пространстве и это пространство (с трудом) воспринимает. Поток сознания. Такое обращение с языком и создает, и в то же время разрушает и значения, и порядок таким образом, что в результате возникает «не музыка еще, уже не шум». Такие тексты, как «Пинг» или «Без малого и без большого», существуют где-то в пограничной области между повествованием и его отсутствием. Но необходимо представлять себе и эти границы и то, что находится за ними, чтобы увидеть, что Беккет делает или не делает в своих текстах, что он ставит под вопрос и что из

этого выходит. Под вопрос ставятся очень многие аспекты повествования, но не то, что что-то рассказывается, не само повествование как таковое.

Как он сам однажды это сформулировал в диалоге с Жоржем Дютюи в 1949 году: «выражение — там, где нечего выражать <…> вместе с обязанностью выражать». Можно провести параллель с его статьей «Данте… Бруно, Вико… Джойс», где Беккет говорит, что «письмо — это не письмо о чем-то, письмо само и есть это что-то». И его задача не сообщать внятную информацию, а запускать сложный комплекс взаимодействий сознания и окружающего его мира, в котором другие мыслят и переживают и вступают с твоим сознанием в отношения, в результате которых формируются представления, тут же трансформирующиеся в новые цепочки аллюзий и взаимодействий.

Если пойти дальше, можно попытаться выявить и понять свойства прозы Улитина или Беккета, основанные на нашем опыте, на нашем чувстве воплощенности, включенности в мир, во взаимодействия с этим миром, иными словами — чувственном и эмоциональном переживании опыта. Непоследовательность и странность таких текстов можно пересмотреть, если интерпретировать не формальные особенности рассказываемой истории, серии событий (фрагменты, монтаж), а видеть в них репрезентацию сознания рассказчика или рефлексирующего, «регистрирующего» сознания, эмоционально вовлеченного в этот опыт и его оценку. События и истории больше не находятся в центре внимания. В центре внимания — разнообразные проекции переживающего сознания. Это тексты миметические не в смысле воспроизведения или подражания каким-то базовым версиям повествовательного опыта: но в их предвосхищении читательских попыток интерпретировать их миметически. Это миметическое, но не воспроизведение, а намек,

скорее вызывающий в читателе определенную картинку «реальности» и особые формы репрезентации индивидуального опыта. Возможно, такие тексты следует локализовать в жанровом пространстве между лирикой и повествованием, которое выстраивается на новых, неклассических основаниях (не сюжет, но опыт), с учетом того что в экспериментальном письме жанровые границы в принципе размыты, если не стерты вовсе.

КОММЕНТАРИИ

Тексты ПУ в оригинале, кроме «Чужого рассказа», на листах формата А5, последний — на А4.

Перевод полностью иноязычных страниц дается под номером страницы; по умолчанию язык оригинала английский, в других случаях указываем.

Не все удалось уловить, не все из уловленного — объяснить. Более полный комментарий, мы надеемся, дело будущего.

В подготовке комментария принимали участие М. Н. Айзенберг и Т. Ф. Нешумова.

«4 кварка»

На обложке написано:

4 Quarks
for Mr. Marx

— т. е. двустишие с начальной и концевой рифмой.

13

I didn't quite follow… — Я не вполне следовал назначенной линии даты 12.12.69.

See the Russian text… — Смотри русский текст на кинотеатре. Отто Фишер в двухсерийной комедии «Агент поневоле» [Es muß nicht immer Kaviar sein (Невозможно быть икрой, нем.); ФРГ, 1961; прокат в СССР — с декабря 1969].

The Agent Willy-Nilly — так ПУ перевел русское название фильма, по-англ. он назывался «Operation Caviar».

All that is called… — Все это называется «заплатишь ты судьбе».

SITTING PRETTY — ср.: The book SITTING PRETTY being the fourth and the last volume of the «Anti-Asarkan» (1957) (с. 10).

«детей имеет он повсюду» — эпиграф к рассказу Р. Олдингтона «Ничей ребенок»; в ориг. «Haveth Childers Everywhere» (1930) — назв. варианта одной из частей «Поминок по Финнегану».

My God, I swear… — Мой Бог, я клянусь, и только во имя Бого-всемогущей, ээ, Внутренней Безопасности я притворяюсь, что ничего не случилось и все идет как ВСЕГДА.

14–16

Aldous Huxley. *After Many a Summer* (1939; в США *After Many a Summer Dies the Swan*). Использован перевод В. О. Бабкова по изданию: *Олдос Хаксли*. Через много лет (М., 1994).

14

p. 146

— Я думал продолжить наши уроки французского, — сказал он.

p. 182

А сколько чепухи нагородили те, кто брался пролить свет на эту мешанину фактов, причудливо переплетенных с фантазиями!

p. 206

— Он говорит, что религия существует лишь благодаря красочности и неумеренности языка, пример которого дают мильтоновские поэмы.

— Может, он и прав, — раздраженно сказал Обиспо. — Но я хочу знать, что случилось с его домохозяйкой.

— Она, очевидно, жива, — сказал Джереми. — Потому что тут есть маленькое замечание о том, как утомительна чересчур пылкая женская привязанность.

— Утомительна! — повторил Обиспо. — Это еще мягко сказано. Бывает, что прилипнут как банный лист.

p. 217
Сочиняют «Героическую»[1] — но в честь героя, который оказывается всего лишь очередным бандитом.
p. 245
...потом увидел, что одна из секций с книгами — всего лишь бутафория из дерева и кожи. Это были полки, занятые тридцатью тремя томами проповедей архиепископа Стиллингфлита[2] и (он узнал почерк Пятого графа) полным, в семидесяти семи томах, собранием сочинений Донасьена Альфонса Франсуа, маркиза де Сада.
15
p. 113
И как молодые девицы это терпят, пусть даже за деньги, ей-Богу, непонятно. Однако факт есть факт — находятся тысячи таких, которые не только терпят, но и получают от этого удовольствие. Нет, слово «удовольствие» тут, пожалуй, не годится. Потому что в большинстве подобных случаев об удовольствии в нормальном, физиологическом смысле, наверное, и речи нет. Все происходит у них в сознании, а не в организме. Они любят своих старых пузанов умом; любят потому, что восхищаются ими, потому что их привлекает положение пузанов в обществе, или их знания, или их известность. Они спят не с мужчиной, а с репутацией, с воплощением некоего рода деятельности.
p. 114
Чековая книжка обрела большую цену благодаря тому, что находится в руках полубога, которому иногда нужно менять пеленки.
p. 121
— Тебе нравится социализм, Пит, — продолжал Проптер. — Но социализм, кажется, обречен на централизацию

---

[1] «Героическая» — Третья симфония Бетховена, посвященная Наполеону.

[2] Эдвард Стиллингфлит (1635–1699) — английский теолог.

и стандартизованное массовое производство во всех городах. Кроме того, я вижу здесь слишком много возможностей для запугивания: властолюбивым людям слишком легко проявлять свое властолюбие, а пассивным — отсиживаться в тени, становясь рабами.

16

p. 109

— На что это ты намекаешь?

— Только на факты. Ты любишь демократию, однако стоишь во главе фирм, где господствует диктаторский режим. А твои подчиненные вынуждены терпеть это единовластие, поскольку ты даешь им деньги на пропитание. В России деньги на пропитание дают людям правительственные чиновники. Может, ты думаешь, что так лучше, — добавил он, повернувшись к Питу.

Пит кивнул.

— Я за общественную собственность на средства производства, — сказал он. Ему впервые пришлось открыто выразить свои взгляды в присутствии нанимателя; он был счастлив, что отважился на роль Даниила[1].

— Общественная собственность на средства производства, — повторил Проптер. — К сожалению, власти имеют склонность включать в категорию средств и самих производителей. Так что, если уж выбирать себе босса, я бы предпочел Джо Стойта, а не Джо Сталина. Этот Джо, — он положил руку на плечо Стойту, — этот Джо не сможет вынести тебе смертный приговор; не сможет сослать тебя в Арктику; не сможет помешать тебе найти другого босса. А его тезка… — Он покачал головой. — Нет уж, — добавил он. — Я просто жажду работать под началом именно этого Джо.

[1] Пророк Даниил предсказал вавилонскому царю Навуходоносору, что он будет отлучен от людей, станет жить со зверями, питаться травой (Дан, 4), а царю Валтасару — что тот погибнет, а царство его будет завоевано (Дан, 5).

17

The most remarkable compensation… — Самая замечательная компенсация — это порядок в фильмах Нины Хиббин с лета 1957. Я думаю не меньше 1416[1] пунктов. Психотическая идея № 2 — это что я написал открытое письмо в газету «Morning Star» в Лондон прошлой ночью, а первая — Человек-факел-в-Москве, прыгающий с Крымского моста в Москва-реку[2].

Four quirks for the king of Quirks… — Четыре причуды для короля Причудии. См. книгу Юл-Айтна «АНТИ-АСАРКАН», изъятую КГБ 8 февраля 1962[3]. См. специальный русский текст в виде фотокопии.

The agent willy-nilly… Агент поневоле, которого я встретил на улице, и моя возлюбленная французская девушка никогда не встречались через КГБ в гостинице «Украина», но мне велели держать язык за зубами. Не мое дело, действительно.

The book from the Iron Curtain… — Книга из-за железного занавеса, которую расхватывали как горячие пирожки в Англии и Америке, означала, что ее автора ожидает опасная судьба и жестокий удел очень далеко от Москвы.

18

You can't sell the inspiration… — Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать. Вдохновение нельзя продать, а рукописи можно. Цена? 2 года трудового лагеря и 10 лет тюрьмы в Сибири. А ваша?

The Spy I loved was met… — Шпион-которого-я-любила был встречен в гостинице «Украина» субъектом, о чьем имени,

---

1 1416 — эта цифра часто встречается, происходит она, по-видимому, от 1416 страниц текстов ПУ, изъятых в 1952.

2 Такого, вроде, не было.

3 Точнее, 7 февраля, см. протокол обыска — http://rvb.ru/ulitin/about/protokol.htm.

адресе и телефоне я дал КГБ «подписку о неразглашении». Его настоящее имя в Италии я никогда не знал, в Москве он был известен как Б. Володя. Но не Вова и Володька, и не Вовка, и не Владим Владимыч, а иногда как Володимир, что по-русски значит «Владеющий миром». Итак, земля и все что на ней будет твоим, мой сын[1]. Капитан Редьярд Киплинг из Британии, слава Британской империи.

19

But your favourite jibe at me… — Но твоя любимая дразнилка это что я называю великой прозой то, что является ничем иным как стриптизом и провокацией. И шутка, придуманная главным образом чтобы вызвать раздражение.

20

Г-34 — почтовый индекс ПУ, Савельевский пер.

«По ком звонит колокол» впервые был опубл. в СССР в 1968 (с купюрами).

The book SITTING PRETTY… — Книга ХОРОШО УСТРОИЛСЯ — четвертый и последний том книги Юл-Айтна «Анти-Асаркан» (1957), когда кто-то другой писал под псевдонимом Устин Малапагин в 1947[2].

Другой Устин Малапагин[3] в 1969 — это загадочный еврей из московского журнала «Крокодил». Не путайте их.

Pompous ass… — Надутый осел, неужели он не видит, что у нас есть только один долг — продержаться и разбить свинью.

See the 4 pages… — См. 4 страницы «Оружие, золото, рукописи».

So went… — Так шли Три товарища.

---

1 Из стихотворения Киплинга «Если» (If), часто цитируемого ПУ.

2 Но такой псевдоним мог появиться только после 1949.

3 Анатолий Аркадьевич Шайхет (1926–2006) — архитектор, журналист, фельетонист-юморист, сын известного фотографа.

21
(«Оружие? Золото? Рукописи?»)

Похожесть противоположностей.

Но тебе нравился Асаркан. — Но я слышал его, дорогая. — Слышал! Странно так говорить, а об Асаркане особенно. — Я имел в виду, после того как я слышал его однажды. С какой стати мне слушать его снова? Чуть получше или не так уж хорошо.

Сопоставление еще раз.

Какая неудача — иметь мозги и не иметь яиц. Разговор о гипнотическом действии старых и забытых страниц продолжался. Когда у нас была возможность посетить дом, где разбиваются сердца, еще раз. Это было тусклым декабрем[1] зимы 1969, ах, отчетливо я помню.
«*Hip-not-what?*» — «Гип-нот-что?» [или «Бедро-не-то?»].

23
В некотором смысле это стилистически оправдано и даже необходимо. Лучше, конечно, сказать Долой Большого Брата, чем Я Имел Ее в Зад и в Рот, эту особенную даму, которая зовет себя ты знаешь как. Но в конце концов, это дело вкуса.

Несолидно и недостаточно достойно. Именно в связи с этим человеком и с этими людьми появилась нынешняя наша фраза в том же смысле, как «мы думали они большие люди и серьезное предложение, но они нищие вроде нас». Мне не нужно много денег, но если это будет бесплатно, они никогда не будут тебя ценить. Они будут считать, что ты дешево стоишь. Определенная сумма необходима, чтобы они относились к тебе серьезно и говорили начистоту.

Без меня (нем.)

ТЕПЕРЬ ТЫ ГОВОРИШЬ СЕРЬЕЗНО.

Я имею в виду, что теперь ты думаешь о деле и относишься к нему серьезно.

---

[1] Ah, distinctly I remember it was in the bleak December — *Poe E. A.* The Raven.

Конечно, ты можешь отказаться. Только скажи, и порядок. Очень плохо, не по-товарищески, нет, вообще. Какова наглость! Так он говорил мне. Так я говорил ему.

Это действительно разница. Те слова я сказал в начале моей жизни. Те слова он сказал в конце его жизни. Это похоже. Все началось с этого. Но не все этим заканчивают. Ты можешь сказать, что я вроде этих декабристов, вернувшихся из Сибири с пением «Боже, царя храни». Это верно с четвертой стороны.

24

И даже зубы есть у меня — Галич, «Облака».

26

Мэрдокландия, очевидно, от Айрис Мэрдок.

27

Чей псевдоним — «Волынский»? — вероятно, имеется в виду Л. Н. Волынский (Рабинович; 1912/13–1969) — советский писатель и художник, организатор спасения работ Дрезденской картинной галереи; брат И. Н. Крамова, мужа Е. М. Ржевской.

28

Феликс Круль — именем этого персонажа Томаса Манна ПУ обозначал Льва Малкина.

30

«Марыся и Наполеон» — польский фильм (реж. Л. Бучковский; 1966), в СССР с 1969. В гл. роли Беата Тышкевич.

31

58-10 — антисоветская агитация, *7-35* — социально опасный элемент (статьи УК СССР).

32

«Под куполом цирка» — пьеса И. Ильфа, Е. Петрова и В. Катаева для Московского мюзик-холла; на основе ее поставлен кинофильм «Цирк» (реж. Г. Александров, 1936). Авторы пьесы убрали свои имена из титров из-за несогласия с режиссерской трактовкой.

33

Т. С. Э. — Т. С. Элиот.

Л. Робот — Леонид Невлер, искусствовед, социолог, знакомый Улитина и Асаркана.

ТАКСИ-льные ощущения вместо тактильных.

Его дед был швейцарец… — про Юла Бриннера.

35

Сначала: пересказ романа Олдингтона «*Смерть героя*».

«Роман Казановы» — The Romance of Casanova: A Novel (1946); на рус. яз. впервые издан в 1993 (*Олдингтон Р.* Единственная любовь Казановы).

Выставка *Дрезденской галереи* в музее изобразительных искусств *на Волхонке* была в 1955.

Юдифь — вероятно, Юдифь Матвеевна Каган (догадка Т. Ф. Нешумовой).

Алик Рабинович — кинорежиссер Александр Митта.

36

Два Ерика — рукописная книга ППУ, по названию места около Дона (см. с. 111; *ерик* — протока).

37

And if they do reply, then give them all the lie — если они отважатся ответить, припечатай их лжецами (обличи их ложь) — контаминация цитат из «The Lie» (Sir Walter Raleigh).

No plesure, no lesure [правильно: pleasure, leisure]… — Ни удовольствия, ни досуга. Я не уверен в моей орфографии [правильно: orthography]. Не доверяй такому человеку (*Шекспир*, Венецианский купец).

I shot an arrow into the air, it fell to earth, I knew not where (*Henry Longfellow*, The Arrow and the Song; первые две строки) — Стрелу из лука я пустил. / Не знал я, где она упала (пер. Д. Михаловского).

A friend indeed, really… — Настоящий друг, в самом деле. Чувствовал себя рыбой, выброшенной из воды. Невозможно жить своей жизнью. Я забыл, что я искал.

проляпсус утери — выпадение матки (prolapsus uteri).

Миров тогда с Дарским читали в кафе — они выступали вместе в 1936–1949 (в этом году Дарский умер); возможно, здесь их именами названы другие персонажи (ср. с. 55).

39

How about walking… — Как насчет погулять по Диким Мокрым Крышам? Не будь как Кошка-которая-гуляет-сама-по-себе.

Pauvre feuille détachée — Бедный оторвавшийся листок (изм. цит. из стихотворения А.-В. Арно «Листок»).

41

«*Паэза*» — «Paese Sera», вечерняя газета, выходившая в Риме в 1949–2013 (также на с. 67).

43

Ж.-П. Сартр отказался от *Нобелевской премии* в 1964.

45

«*ОЖИДАНИЕ… ДЛЯ БЕККИТА КОНЧИЛОСЬ*». *Так озаглавлено в «Утренней звезде»…* — в английской коммунистической газете «Morning Star» от 24.12.1969, Улитины ее

выписывали; там же и про то, что *скрывается от журналистов где-то в Тунисе.*

Беккет[1] не участвовал в церемонии получения *Нобелевской премии* (ее за него получил издатель Жером Линдон) и отказался от призовых денег.

47

«*Артист миманса*» — рассказ Анатолия Кузнецова, опубл. в № 4 «Нового мира» (1968). 30 июля 1969, будучи в Лондоне якобы для написания книги о II съезде РСДРП к 100-летию со дня рождения Ленина, он объявил о своем отказе возвращаться в СССР.

Концертный лагерь — вместо «концентрационный»; напр. в кн.: *Кёрнер-Шрадер П.* Дневник немецкого солдата. — М.: Воениздат, 1961.

В Лондоне в 1969 году вышел «Мастер»... — первые полные издания романа выходили в Париже (ИМКА, 1967) и Франкфурте (Посев, 1969) [в Лондоне А. Флегон издавал «Собачье сердце» (1968) и «Роковые яйца» (1970)].

50

There was going to be that... (Keep the Aspidistra Flying. 8) — Там была мрачная и ненавистная всепроникающая атмосфера «нельзя себе позволить». Это побудило его решиться на большую экстравагантность.

51

ЛЛИ — Леонид Леонидович Иерихонов (1901–1980), литератор, автор повести *«Ошибка Пекинской тюрьмы»* (1927), знакомый Улитина.

С и Ч СВ, чем ДП на В — странность и чудачество скорее вредят, чем дают право на внимание («Братья Карамазовы», От автора).

хамеить — так (двойное прочтение?)

---

[1] Улитин выше пишет «Беккит», что фонетически точнее.

52

Я не знал, что пострадаю из-за человека из Минска — Кима Хадеева; см. «Удар» и др.

54

DANSE MACABRE ONCE MORE / encore une fois — данс макабр еще раз / еще раз (фр. и англ.)

Сначала ты придешь… — ср. в кн. «Ошибка пекинской тюрьмы» (http://rvb.ru/ulitin/oshibka/index.htm, с. 41): Сначала ты придешь в поту и пыли. / Тебе ЗАЯВЯТ: мы вас не забыли.

А. Лео. — Алексей Леонтьев, участник литературного кружка в ИФЛИ.

Or you will be forced… — Или тебя заставят полюбить то что есть.

But his word for me… — Но его слова мне не закон. Я сам могу судить об этом, и не хуже чем он, хотя А. Белинков не назвал меня великим русским писателем. Я сам могу это сказать. Почему я должен ждать чьего-то признания? Я сам могу признать.

Just what I was afraid of. — Этого я и боялся.

As if to embrace… — Приобнял его — и зарезал. Он был немедленно арестован. Это было в пятницу 15 июля 1960. См. «Daily Worker».

Can't hurry… — Не могу торопиться — СЛИШКОМ ТОЛСТ. 600 000 000 ВТОРОПЯХ.

It was 10 years ago… — Это было 10 лет назад. Слишком много для этой отдельной темы — Джеймс Джойс по-русски.

56

Ба Дзинь-дон — Александр Наумович Асаркан (1930–2004), критик широкого профиля (театр, кино, литература); друг Улитина со времен ЛТПБ; эмигрировал в 1980.

58

Знак на этой странице объяснить пока не можем; такой же на с. 203; встречается и в других текстах ПУ.

60

Писатель Иванов — Всеволод Вячеславович; *роман «У»* издан сначала в Лозанне (1982), затем в Москве (1988).

До сих пор в ушах шмона гам — Галич, «Облака».

Илья Андреевич *Суяров* — реальное лицо и персонаж «Тихого Дона»; в 1919 один из организаторов Вешенского восстания.

61

книга Айхенлауба — вероятно, John E. Eichenlaub, The Marriage Art Hardcover (1961) (теперь есть на рус. яз.: *Эйгенлоб Дж.* Искусство брака).

62

Вячеслав Репников (1935–2005) — в 1953–1955 находился в ЛТПБ, вероятно, там познакомился с ПУ; персонаж «Детективной истории»; в 1959 осужден на 10 лет «за измену Родине» и «антисоветскую агитацию и пропаганду». В 1970-х принимал участие в правозащитной деятельности; в 1980 эмигрировал в США.

63

Би-Би-Си вспоминает Джи-Би-эС — GBS = George Bernard Shaw (1856–1950).

то ли севрюжины с хреном, то ли конституции — это не Чехов, а Салтыков-Щедрин (напр. «Господа ташкентцы», изм.).

66

Смердяков хороший… — Валентин Никулин сыграл его *в кинофильме «Братья Карамазовы»*.

67

Питигрилли — итальянский писатель, автор эротических романов (Dino Segre; 1893–1975).

69

Это племя хищников… обскурантские взгляды — из речи Паустовского на обсуждении романа Дудинцева. См.: http://rvb.ru/ulitin/detectiv/ulitin_detectivnaya_istoriya3.htm#285.

70

Somehow, it didn't trouble me before… — Все же, это не беспокоило меня раньше. Все же. Но что я с этого буду иметь? Многое. Прежде всего, уверенность в том, что использован до последнего атома некоей надежной силой для хорошей цели. Национальная гордость в единственном имеющем значение смысле. Затем, было необходимо что-то сказать, чтобы все оправдать под конец.

71

Мушуар (фр. mouchoir) — носовой платок.

Как попал в Лондон «Крутой маршрут»? — первая часть была опубл. в Англии под назв. Journey into the Whirlwhind в 1967, по-русски в ж. «Грани» с № 64 (1967) и в том же году в Италии.

в усадьбе Шереметьево — видимо, в Останкино.

72

Нина Хиббин писала о кино в коммунистических газетах Daily Worker и, позже, Morning Star (ср. на с. 87: *о чем мы читали и чего никогда не увидим*).

75

Человек из Минска — здесь Л. Х. Освальд, в 1959–1962 он жил в Минске.

в архиве — в школьном книгохранилище.

день смерти Олдоса Хаксли — 22 ноября 1963; в тот же день произошло убийство Кеннеди; 24 ноября был *убит* обвинявшийся в этом Освальд.

два маленьких с. Мефистофеля — советских?
о. Америка — одноэтажная Америка.
рассказ Олдингтона «Поверженная в прах» вошел в сб. «Прощайте, воспоминания» (М., 1961).

77
в Лопухинке — библиотека Иностранной литературы в 1943–1949 находилась в Лопухинском переулке.
Ржевский вокзал — с середины 1930-х до 1946 название Рижского вокзала.

79
на улице Измайловский Зверинец, дом 58, кв. 10 — такого дома нет; сочетание цифр 58 и 10 — отсылка к соотв. статье УК, ср. с. 31.
Джозеф де Хэвилэнд, распятый (не до смерти) в июле 1968 в лондонском парке Хампстед-хит, был не писатель, а бывший иллюзионист. Ошибается ПУ или специально искажает?
роман Симоны де Бовуар *«Очень легкая смерть»* (М., 1968).
Марсель Прево (1862–1941) — французский романист: «Осень женщины», «Полудевы», «Счастливая чета» и др.

80
разговор о рыбе — книга Улитина (1967)

81
В 22-го не стрелять… Уловка-69… Его машина была 20-я… Машина Б. была четвертая… — 22 января 1969 мл. лейтенант В. И. Ильин (1947) стрелял по второй машине кортежа в Кремле, предполагая, что в ней находится Брежнев; но в этот раз там ехали космонавты, а убит был шофер.

82
отчет о распятом человеке из зала суда в Лондоне — ср. с. 79.

84

автор книги «Телевидение и мы» (1963) — В. С. Саппак (1921–1961); *Вера Шитова* — его жена.

86

роман о салоне отверженных — «Творчество».

87

«Вступительный очерк» Б. Пастернака (в посл. редакции наз. «Люди и положения») — машинопись в архиве ПУ; судя по закладке, подарок Л. А. Улитиной «в день отъезда на Волгу / 12 июня 1958 г.»

«Девушка из чемодана» — м. б., «Девушка с чемоданом» (итал. La ragazza con la valigia; реж. Валерио Дзурлини, 1961)?

88

58-один-"А"-через-17 — 58-1а: измена Родине; 58.17: изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера.

Оля Хмуриц — Елизавета Яковлевна Суриц (1923) — театральный критик, историк балета; «Все о балете. Словарь-справочник» (М., 1966).

Аполлинер издавал журнал «Le festin d'Ésope [Праздник Эзопа], revue des belles lettres» в 1903–1904.

89

«Страшен обиженный человек, когда он чувствует свое право мстить и получил свободу мести» — Горький, «Заметки из дневника. Воспоминания» (1925).

Кому орден, кому слава, кому мутная вода — почти по Твардовскому (там «Кому память, кому слава, кому темная вода»). «Мутная вода» — текст Улитина (1960).

Он подавал надежды прежде, теперь доносы подает — из эпиграммы Д. Д. Минаева.

92

«Дежурная красотка» — так называется этот фильм Луи Бюнюэля (Belle de jour) / The most beautiful… — Самая красивая, великолепная, слегка самоироничная порнография, когда-либо сделанная великим кинорежиссером. Луис Бунюэль сочувственно комично и безупречно мастерски изображает изысканную девушку с садомазохистскими позывами.

94

Ighten once more… — Айтен[1] еще раз. Если они однажды утром откроют свои газеты и прочитают о запрещении христианства — ТО ЖЕ САМОЕ. Можно сказать, короче, что им наплевать. И довольно об этом сброде мира[2]. И хватит попусту ругаться.

Voulez-vous penser… — Подумаем вместе? (фр.)

Une verre d'eau de vie — Один стакан водки (фр.)

Exactly the same… — То же самое. Ваша жена выдержит ваши похороны?[3] Моя жена нет, к сожалению.

95

Avec cet air de penser… (Gabriel Chevalier, Clochemerle) — У нее был такой вид, будто она все время думала, сами понимаете о чем. Все они так выглядят, когда от любви малость шалеют (пер. О. Тарасенкова и Л. Григорьяна) (фр.).

« — ignorant toff!» he was thinking… — «Порядка не знает, тупой фраер! — думал он, — в пивной виски спрашивать!» (Keep the Aspidistra Flying).

Пишущие машинки из ГДР *«Эрика»* и *«Комбина»* продавались в СССР, а «Адлер» (по-немецки *«Орел»*) или *«Кляйн Адлер»* — нет.

---

[1] Сокр. от Юл Айтен = Улитин.

[2] Изм. цитаты из *Wells H. G.* Star-begotten.

[3] Слоган наружной рекламы, призывающей соблюдать правила дорожного движения, США, 1950-е.

97

«Удивительный мечтатели народ…» — стихотворение Айхенвальда.

99

Вольному сердцу на что твоя тьма? — Блок, «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»

Нам страшней и косогоры и овраги. Мы кричим: полегче, дуралей! — Пушкин. Телега жизни, изм.

Выгадывал второй разряд, но первым быть хотелось — Гете, «Фауст», пер. Б. Пастернака, изм.

100

ENTBEHREN sollst… — «Смиряй себя!» — Вот мудрость прописная, / Извечный, нескончаемый припев («Фауст», пер. Б. Пастернака).

And I have to admit… — И должен сознаться, что я теперь не так спокойно разговариваю с людьми, как раньше. На днях я даже осмелился довольно резко перечить тетушке, что глубоко удивило нас обоих. И накричал на официанта. (Herbert Wells. The Croquet Player. Пер. С. Займовского).

Every one they don't know… — Всякий мало знакомый человек для них — чужак, низшее существо, и они любят поставить его на место. (*Олдингтон Р.* Смерть героя. Пер. Норы Галь).

Suddenly the interest… — Внезапно… он теряет всякий интерес к окружающему. Он забывает о вас. Вы для него не существуете, хотя вы рядом с ним. (Герберт Уэллс. The Door in the Wall. Пер. М. Михаловской).

I'm grateful to him… — я ему благодарен, потому что он помогал мне сохранить человеческий облик, тогда как целый легион скотов старался меня растоптать. Я немного ошалел. / Я так и думал! (Смерть героя. Пер. Норы Галь).

How war muzzles… (Bernard Shaw. Heartbreak House, Preface) — Как война заставляет молчать драматурга. Говорить правду несовместимо с защитой государства. (Бернард Шоу. Дом, где разбиваются сердца, Предисловие. Пер. С. Боброва и М. Богословской).

MUZZY means… (Concise Oxford English Dictionary) — MUZZY означает темный, бездушный, отупевший от пьянства.

I mildly supposed so… — Я так и думал. Я уважаю твое молчание, мой мальчик, но предпочту, чтобы ты разболтался. Я заставил себя действовать.

'Tis pleasing… — (Lord Byron, Don Juan) Приятно изучать неведомый язык / Посредством женских глаз и губ (пер. Г. Шенгели).

Now, what do YOU say, Mr. Bosinney?.. — Ну, а вы что скажете, мистер Босини? Вы архитектор, вам ведь полагается знать толк во всяких статуях и тому подобных вещах!.. / — В самом деле, Босини, что вы скажете? / — Вещь замечательная… / …один Сомс остался неудовлетворенным. / — Замечательная? Чем? / — Своей наивностью. / Наступило выразительное молчание; только один Суизин не был окончательно уверен в том, следует ли это понимать как комплимент или нет. (Джон Голсуорси. Сага о Форсайтах: Собственник. Пер. Н. Волжиной).

101

A girl who lives… — Девушка живет с мужем актером и зачинает ребенка от сатаны. Это было в июне. В августе они пишут: и зачинает ребенка посредством ужасных оккультных обрядов. Миа Фэрроу в РЕБЕНКЕ РОЗМАРИ.

102

Dubbed, by some apish decision — Дублирован, по чьему-то глупому решению (The New Yorker, 1968; по поводу «Войны и мира» Бондарчука).

В декабре разбился Чкалов — 15 декабря 1938.
Война нам представлялась далекой перестрелкой у турецкой границы — возможно, отзвук «Здесь человека берегут, Как на турецкой перестрелке» («Гусар» Пушкина).

104
Вид с моста — пьеса Артура Миллера (1955) [муж Мэрилин Монро в 1956–1961].

105
Вот Макс и Мориц — шалуны! — как знамя подняли штаны — из пародии А. Архангельского на Заболоцкого.
На этот раз не Фурье, а Маркс *был соединен со Стенькой Разиным* — Бердяев, «Истоки и смысл русского коммунизма»; «*лже-имянный ревизор*» тоже оттуда.
Моей тетрадки никто не купил, поэтому я и не могла купить Кузмина — Марина Цветаева, «Нездешний вечер» (пересказ; см. МЦ, т. 4, 1994. С. 290–291).

107
The same problem — Та же проблема.
Your blustering demagogue… (H. G. Wells, Star-begotten) — Ваш неистовый демагог или неистовый диктатор болен и нуждается в операции, и это будет либо злостный патриот и мошенник, который так или иначе навредит ему, либо спокойный, уверенный в себе, но непредсказуемый человек, вооруженный знанием и иглой или скальпелем, способный убивать или лечить. Почему он должен лечить?
Perfect piffle, I thought, of course — (P. G. Wodehouse, My Man Jeeves) Совершенная чушь, подумал я, конечно.

111
УЮР — устный юмористический рассказ.

112

Петрополис в двух часах езды на фуникулере от Рио де Жанейро — там жил в 1940–1942 Стефан Цвейг.

Шведы — тоже мастера ловить рыбу в мутной воде — из романа Сомерсета Моэма «Луна и грош» (там без *тоже*; пер. Наталии Ман).

114

Никого к себе не приглашаю, в гости, понимаешь, не хожу — в «Черном хлебе» с продолжением: «Если есть что выпить, напиваюсь. Если нет, то прямо спать ложусь. Чьи это стихи?» (ответ нам неизвестен…)

117

Стриклэнд — герой романа Сомерсета Моэма «Луна и грош», прототипом был Гоген.

119

В совет богов допущен был — ср. Тютчев, «Цицерон»: Его призвали всеблагие… Он в их совет допущен был…

Карл Людвиг Опиц — автор сатирической повести «Мой генерал» (М., 1956) о последних месяцах войны.

120

Герой рассказа Хемингуэя «*Снега Килиманджаро*» умирает от гангрены.

121

Poxy quotation: doxy exposed — дурацкая цитата: блядская картинка.

122

А. Шургай, Б. Чумаков, В. Людвицын, Г. Липодаев, Д. Волков, Е. Агафонов, Ж. Антонников, З. Горшенин — здесь

к фамилиям земляков ПУ приставлены инициалы в порядке алфавита, на самом деле их звали по-другому.
полковник Карайбог Василий Григорьевич — начальник Управления милиции по Ростовской обл. в 1943–1945.

130
Потешная д. *3*, псих*больница № 4*. ПУ провел там некоторое время в апреле–июне 1962.
Ни одного печального сюрприза, за исключеньем пустяка — из песни «Все хорошо, прекрасная маркиза!», муз. Поля Мисраки, слова Поля Мисраки, Шарля Паскье и Анри Аллюма; пер. А. Безыменского.
За нами наблюдают снизу — ср. «Вас кто-то наблюдает снизу» (Пастернак, «Ландыши»).

132
Хвостомах — вероятно, из пародии А. Архангельского «Вс. Вишневский. Искатели Джемчуга Джойса, Отрывок из романа. 1932».
схваченный за хвост свидетель — В. Луговской, из вариантов к поэме «Москва» // Лит. наследство. Т. 74: Из творческого наследия советских писателей. — М., 1965. С. 700.

136
о сатанистах — возможно, *роман* Е. Шабельской «Сатанисты XX века» (1913, переизд. в Риге в 1934).

138
книга Макса Пипера — Max Piper. Der vielseitige Angler (разносторонний рыболов; см. также с. 410). 9. Aufl. Leipzig, 1963; на рус. яз. 1972.
Братья Роек — за этой подписью печатались иронические афоризмы в ж. «Пшекруй»; их писали Мариан Эйле и Янина Ипохорская; переводы печатались в ж. «Наука и жизнь».

140

корнить — в словарях нет, по смыслу — остановить весло чтобы повернуть лодку; ср. ниже: *учусь управлять челном одним веслом.*

Сергей Петрович *Писарев* (1902–1979) — участник гражданской войны, член РКП(б) с 1920, борец за права человека, в особенности против злоупотреблений психиатрией. В 1953–1954 находился вместе с Улитиным в ЛТПБ. Их дружеские отношения продолжились на свободе, в Москве.

Проф. *П. Матес*. Конституциональные типы женщины. Киев, 1927.

141

Ю. Титов читает по-норвежски… — вроде бы, в конце 1967 была его выставка в Швеции.

люфа — мочалка из плода одноименного растения.

144

«Крест и маузер» — сов. немой фильм 1925, реж. В. Гардин, сценарий Л. Никулин. Действие происходит в предреволюционные годы и начальный период советской власти. Монастырский приют в одном из западных городков России. У сиротки Юльки рождается от пастыря Иеронима сын. Надзирательница приюта Павлиха по указанию отца убивает новорожденного и подкидывает труп ребенка в еврейский квартал. Черносотенцы распространяют слух о том, что убийство совершено евреями в ритуальных целях. Возникает погром. Его поддерживают официальные власти города. Церковь отказывает в приюте евреям, спасающимся от расправы погромщиков…

Каменный борец и мыслитель — памятник К. А. Тимирязеву в начале Тверского бульв. (1923; скульптор С. Д. Меркуров, архитектор Д. П. Осипов). На пьедестале начертано «Борцу и мыслителю».

дом Огарева (Б. Никитская, 23) — принадлежал Огаревым в 1824–1838, с 1913 кинотеатр «Унис», затем Кинотеатр повторного фильма, сейчас там театр «У Никитских ворот».

И я сжег все, чему поклонялся… поклонился тому, что сжигал — Тургенев. Дворянское гнездо, гл. 25.

145

личная знакомая Марии Казарэс — ср. в «Детективной истории», с. 119, http://rvb.ru/ulitin/detectiv/ulitin_detectivnaya_istoriya2.htm#114.

147

Пропорции этрусской вазы — надпись на обороте шмуцтитула (с. 146); вероятно, пояснение к рисунку.

148

Джеймс Болдуин (James Baldwin, 1924–1987) — амер. писатель, гей. В романе «Другая страна» (Another Country; 1962) впервые изображались табуированные темы: бисексуальность, межрасовые связи.

149

Там музыка сливалась с действием… — речь идет о фильме ««Затворники Альтоны» (1962; реж. Витторио Де Сика; в СССР с августа 1968) по одноименной пьесе Ж.-П. Сартра; *Ренато Гуттузо* разрисовал там стены подвала, где живет свихнувшийся офицер вермахта, которого играет *Максимилиан Шелл*); звучат фрагменты 11 симфонии *Шостаковича*. Ср. с. 152, 222.

150

бранденбуры — двойные петли (и соотв. двойные пуговицы), заимствованные из венгерской одежды.

Щит и меч — фильм (1968) про сов. шпионов во время ВОВ по роману В. Кожевникова (1965).

«Женщины русской революции» — сб. ист. очерков (М., 1968); среди авторов — В. Иоэльс, возможно, и другие знакомые ПУ.

152

A brain underexercised… (Bernard Shaw, On the Rocks) — Недотренированный мозг гораздо опасней для здоровья, чем недотренированное тело. Откуда у вас возьмутся собственные мысли, когда вы читаете мысли других? — Бернард Шоу, «На мели».

Я думал, что «Азовским сидением» граф Алексей Толстой заинтересуется больше, чем так называемой «Пыточной книгой» — но получилось наоборот: «…покойный историк В. В. Каллаш, узнав о моих планах писать о Петре I, снабдил меня книгой: это были собранные профессором Новомбергским пыточные записи XVII века[1]… Я увидел, почувствовал… русский язык» («Как мы пишем»).

Утонувшие обломки — возможно, связано с Flotsam and Jetsam, с. 250.

153

Александр Курепов (1945, Москва — 2016, Париж) — с нач. 1960-х принадлежал к «колледжу» Асаркана; в 1974 окончил Школу-студию МХАТ, работал в Театре на Малой Бронной, снимался в кино; в 1980 во время гастролей остался во Франции.

154

Александр Коот и Михаил Котт — ср. Абрам Роом и Михаил Ромм.

Четыре колеса — плохо, два колеса — хорошо — ср. девиз восставших животных из «Скотного двора» Оруэлла: «две ноги хорошо, но четыре лучше».

---

[1] Слово и дело государевы. Т. I–II. М., 1909; Томск, 1911.

Старый Томас (эст. Vana Toomas) — фигура воина на шпиле ратуши в Таллине.

Паралепа — пригородное местечко под Хаапсалу в Эстонии, где Улитины отдыхали летом 1967.

155

«Кубик» в «Новом мире» — повесть В. Катаева в № 2, 1969. Ср. на с. 404.

Мартынов… наговорил против Пастернака — 31 октября 1958 на собрании сов. писателей.

156

Она теперь в Африке живет — вероятно, Вика Родд — мулатка (сестра Вейланда Р.), из «колледжа» Асаркана, эмигрировавшая сначала в Африку, а уже оттуда в Америку.

У письма стоит дата — 16 мая 1967 года — Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей (А. И. С.).

«Подставная лошадь» — вариант перевода названия романа Сабатини, см. также комм. к с. 404.

«Дневник подлеца» (Diary of a Scoundrel) — так по-английски называлась драма *Островского* «На всякого мудреца довольно простоты».

157

КФ — карманный формат, тексты ПУ на четверти листа А4.

158

Таухниц (Tauchnitz) — издательский дом, существовавший в Германии с сер. XIX в.

161

«П И Л» — возможно, «Прописка и любовь».

162

Майкл Макгрейди (Mike McGrady; 1933–2012) — амер. журналист, один из авторов коллективной пародийной книги «Naked Came the Stranger» (Пенелопа Эш «Незнакомец пришел обнаженным», 1969), написанной намеренно плохо, но изобиловавшей сексуальными сценами.

164

The difference exactly… В самом деле разница. Я не вижу разницы, но она есть. / Многовато для библиотеки.

It was, of course, proper… (Richard Aldington. Death of a Hero) — Разумеется, приличия требовали, чтобы к ее горю относились с уважением, и это было даже приятно, а все-таки… лучше бы Сэма не приходилось каждый раз подталкивать на первый шаг. Неужели он не видит… (пер. Норы Галь).

175

Вероятно, *Джемс Болдуман* = Джеймс Болдуин, а *Бухенвальд* = Бухвальд.

СГГ — см. примечание Л. А. Улитиной к с. 465.

176

58-й номер с углом влево… — здесь вписано зеленым карандашом (такие же картинки на с. 181 и 182 — красным цветом); вероятно, опять отсылка к 58 статье.

179

Typed various nonsense… — Печатал различную чушь. Просто ответ. / Взрыв хохота.

Only the usual crop… (Jack Lindsay, A Local Habitation) — Только обычный урожай скандалов здесь среди тысячелистника и смолевки. (Джек Линдсей «Твой дом», рус. пер. 1961).

People making love… — Люди занимаются любовью на улицах, и Лондон прославился как мировая сточная яма.

Окончательное падение Британской империи. Такая страшная судьба ждет нас теперь, когда фильм «Улисс» получил лицензию Совета Большого Лондона.

le pouvoir plus l'électricité — см. комм. к с. 273.

182

Он направился прямо в свой отсек, и старался забыть взглянуть на их лица, читая австрийские и итальянские газеты. (p. 215)

Прелестно. / Тем временем, мне остается только беспокоиться. (p. 130)

«Я надеюсь, тебе понравится Робин», сказал Энтони, как только им удалось присесть. «Мне он всегда нравился, но я не видел его несколько лет». (p. 175)

Уже пять лет как он расстался с Катой, а в течение четырех из них он был ей совершенно верен. (p. 168)

(Источник английских текстов на этой странице не найден.)

184

ЛЖР — лучшая женщина России (на с. 210 — *Л. Ж. Р.*), так ПУ называл Елену Строеву (1931–1975; персонаж «Детективной истории»; участница диссидентского движения, жена художника Ю. Титова, вместе с ним эмигрировала в 1972; покончила с собой в Париже).

«*Фин Муш*» (фр. fine mouche) — тонкая штучка, тонкая бестия.

185

«*The Back of Beyond*» *(Somerset Maugham)* — для чтения вслух.

у чорта на куличках; в противоположной стороне города; изнанка потустороннего мира — очевидно, варианты перевода названия рассказа (ср. с. 113; в пер. Р. Облонской «Край света»).

189

Мы чванство поэта и терпим и любим — ср. посл. фразу на с. 193.

190

фильм «Братья» — то есть «Братья Карамазовы»; см. также комм. к с. 66.

191

<С. 44 «Четырехэтажной тавтологии» напечатана на об. с. 190 [176 (43)].>

Некуда отступать. Некуда отступать. Они должны победить или умереть, те кому некуда отступать.

Я никогда не противлюсь соблазнам, так как понял, что то, что мне вредно, не соблазняет меня. (Б. Шоу «Тележка с яблоками»).

Где вы были раньше? 14.9.66

Даже меньше. Я понял! Долой Старшую <*или* Большую> Сестру! (Оруэлл, 1984, изм.)

Теперь нам крышка. Марокканец сказал, что первый раз его чуть не вырвало, будь оно проклято. Только запыхался. Ты же видишь, он сейчас разревется. Я подумал, что интеллигентности в нем не больше, чем в деревянном чурбане, но на злодея он похож все-таки не был. Я видел только его белый тучный загривок.

Потом? — сказал я сурово. — Потом тебя будут жрать черви. Теперь от него несло мочой, как от старого простатика. Я примкнул к анархистам, выступал на митингах; все это я принимал всерьез, как будто смерти не существовало. Временами я его все же ощущал: меня охватывало такое чувство, будто я куда-то соскальзываю, падаю, как пикирующий самолет, я чувствовал как бешено колотится мое сердце. Это меня отнюдь не утешало: все, что было связано с жизнью моего тела, казалось мне каким-то липким, мерзким,

двусмысленным. И все же этим типам в их галстуках и сапожищах тоже предстояло помереть. Моя дружба к нему умерла на исходе ночи: тогда же, когда умерли моя любовь к Конче и мое желание жить. (Жан Поль Сартр, «Стена», на англ.: transl. by Lloyd Alexander; рус. пер. Л. Григорьяна, 1992).

196

Саша Маленький был Сашей Маленьким 22 года назад, а теперь неиз<…> — окончание этой фразы на след. странице, внизу.

197

И лебедь умирает не через одно лето… — роман Хаксли назван по строчке из стихотворения *Теннисона* «Тифон»: And after many a summer dies the swan.

Герствуда играл Лоренс Оливье в фильме «Керри» (Carrie; 1952) по *роману Драйзера*; реж. У. Уайлер; в сов. прокате не был, т. е. вся информация от *Нины Хиббин*.

198

«Собачья жизнь» — сб. рассказов Людвика *Ашкенази*, в т. ч. *«Брут»*.

199

Он и… — вероятно, А. С. Есенин-Вольпин.

203

в 1958 ПУ было *40 лет*.

204

Да, главное мое несчастие — большой ум — запись в дневнике *Льва Толстого* 8 июля 1853.

205

Мака. Рис. — Макабрический Рисунок.

207

Задумчивый бас Асаркана — ср. «Задумчивый голос Монтана» из песни «Когда поет далекий друг» — слова Я. Хелемский, композитор Б. Мокроусов; 1956.

208

Улица Луначарского — в 1960–1994 так назывался Глазовский переулок, между Плотниковым переулком и Смоленским бульваром.

210

«*Конь Блед*» Б. Савинкова *написан* до 1909 в Европе; в тюрьме — «В тюрьме. Посмертный рассказ».

211

Драма с завязанными глазами в театре Ленинского Комсомола — пьеса Иштвана Фейера «С завязанными глазами» (пер. И. Сельвинского; реж. С. Л. Штейн; пост. 1957), «в которой раскрыты события мятежа в Венгрии осенью 1956».

213

I took everything… — все это я принимал всерьез, как будто мне предстояло жить 100 лет (Сартр «Стена», неточно).

What is life but… (Bernard Shaw, Pygmalion) — Что такое жизнь, как не ряд безрассудных поступков? Никогда не упускай случая: он подворачивается не каждый день.

What am I looking for? — Что я ищу?

216

She once told me… (Bernard Shaw. Cashel Byron's Profession, изм.) — Однажды она сказала мне, что одно из побуждений к несогласию со мной это удовольствие каждый раз убедиться в моей правоте.

He once told me. Now — Однажды он сказал мне. Сейчас.

Now, nothing can be what… (Cashel Byron's Profession) — По-моему, ничего нельзя сделать в совершенстве, артистически, если делать это с усилием. Если какое-нибудь дело не может быть сделано легко и без напряжения, лучше совсем не приниматься за него. Это кажется вам странным? Но я скажу вам вещь еще более странную! Чем больше вы приложите усилий, тем меньших результатов вы достигнете. (Бернард Шоу. Карьера одного борца. Пер. В. Малахиевой-Мирович). *A would-be artist is no artist at all* (Cashel Byron's Profession) — Горе-художник — вообще не художник.

Ah, distinctly I remember… (Эдгар По «Ворон») — Ах, отчетливо я помню тот декабрьский вечер томный.

I subsequently came to… (Cashel Byron's Profession) — Наконец, я стал наблюдать твою жизнь с тем удовольствием, которого не получал от наблюдения своей.

I did not know my England then… (Cashel Byron's Profession, Preface) — Я не знал тогда мою Англию. Я был молодым и незрелым продуктом оставшейся в 18 веке Ирландии, опасаясь, что моя бедность и провинциальность не дают мне правильно представлять себе разумность, утонченность, совестливость и хорошее воспитание, которые я полагал присущими английскому обществу, как в романах Скотта.

My friendship for him… — Моя дружба к нему умерла на исходе ночи: тогда же, когда умерли моя любовь к Конче и мое желание жить. (Сартр «Стена», см. с. 191).

I put my hand inside… — Я залез ей под лифчик и вытащил груди наружу (кажется, это что-то из Гарольда Роббинса).

She showed me the… (Ernest Hemingway. Moveable Feast) — Она показала мне свои многотомные манускрипты, которые она писала, а ее приятельница ежедневно перепечатывала (речь идет о Гертруде Стайн).

I came to the steamboat… — Я пришел на пароход за два часа до отправления и провел это время, изучая корабль.

219

Чехи ударились в самосожжение. Четвертый человек-факел — Ян Палах — 16 января 1969, Ян Зайиц — 25 февраля, Эвжен Плоцек — 9 апреля (до этого был поляк Рышард Сивец — 12 сентября 1968).

220

D'autres fois nous… (Alexandre Dumas fils. La Dame aux camelias) — В другие дни мы все утро проводили в постели, не пропуская даже солнца к нам в комнату. Занавеси были низко спущены, и на время внешняя жизнь для нас не существовала (пер. с фр. С. Антик. — М.: Польза, 1912).

The very thought of it… — Сама мысль об этом заставляет меня зевать.

221

ROOM AT THE TOP — назв. романа Дж. Брейна, в рус. пер. «Путь наверх».

But my story is history… — Но моя история это история, а твоя история это мистерия. Это ты так думаешь. Комната наверху для тебя. / Ты называешь ЭТО счастливым часом? / Теперь я понял.

It was a guarantee of reality… (John Braine, Room at the Top) — Это была гарантия реальности. Я мог представить, как я их трогаю.

Her legs too… — Ноги у нее тоже были молодые не по летам. Если смотреть на нее от пояса и ниже, это выглядело совсем непристойно. (Путь наверх; пер. Т. Кудрявцевой и Т. Озерской).

Try to be indecent… — Попробуй быть непристойным, совсем непристойным, раз в жизни и по многим причинам. Тогда, если повезет, у тебя получится. Но ты никогда не пытался.

222

ничего от Сартра не осталось — в фильме «*Затворники Альтоны*».

о Новом Иерусалиме... — в этих местах на Истре была *дача Эренбурга.*

Жорка был... на улице Горького — *Жора* Блямба (прозвище Айхенвальда); ср.: *Ю. Айх. рассказывал о своих посещениях Эренбурга* (с. 452).

223

исключит. оп. Ж. — исключительно опытная Женщина.

225

And a feeble air... (Bernard Shaw, Fanny's First Play) — И все это с легким душком интеллектуальной претенциозности, с целью внушить вам, что автор слишком умен, чтобы снизойти до банального, и только потому не написал хорошей пьесы (пер. А. Кривцовой).

Он обещал превратить МДП в ликующий театр — ср. «„И психоз маниакально-депрессивный превратить в ликующий театр“, — говорит Улитин. — Это стихи Асаркана, старые, несерьезные. Но кто знал, что он действительно превратит...» (М. Айзенберг «Открытки Асаркана»).

226

динамит можно найти и в эпохе наполеоновских войн в 14-м томе у Лависса и Рамбо — динамит был изобретен Нобелем в 1865, а в Истории Л. и Р. всего 12 томов, так что это образец чьего-то беззастенчивого трепа на исторические темы.

227

In the sun with the shadows... (Richard Aldington. All Men are Enemies) — Как хорошо было бы увидеть обнаженное девичье тело, озаренное солнцем, и тени трепещущих листьев, играющие на коже (пер. О. А. Ефимовской).

228

I wanted to find something… — Я хотел найти то, что невозможно выразить по-другому. Вот в чем идея.

230

АНТ---ОЛИ — наверно, антресоли; ср. с. 51, 62, 170–171, 173; 438.

231

дубль — вероятно, в том в смысле, что повторяет текст с. 232, следующей.

235

Щелыково — летом 1958 Улитины проводили отпуск в *доме* творчества *ВТО* в Щелыково. См. также с. 417.

Кленовый бульвар (название утверждено в 1964) — улица в Москве на территории Нагатинского Затона.

237

SHOOTING THE HOLY RUSSIA FOR YOU — снимается святая Русь для тебя (так в содержании на с. 12).

238

Э. Т. — этик-теоретик.

239

Структура Ящика Пандоры = с. я. П.

…слишком много было А, ПВ БО (аплодисментов, переходящих в бурную овацию).

242

Это моя противоположная забота, да. Также. Также. Всегда те же слова чтобы получить то же чувство удовлетворения что время не прошло зря. Пусть аспидистра развевается. Еще один шаг к совращению несовершеннолетних (фр.). Ему это

не нравилось. Конечно, я могу выразить себя только посредством английской машинки.

Она улыбалась, сучка, когда я остановился. Я шепнул «улыбнись». Я сказал «улыбнись». Продолжай улыбаться. Толстая сучка стояла напротив, обнаженная, и наблюдала реакцию остальных. Я смотрел на картинку примерно полминуты, решил, что она отчасти в манере Ренуара, и пошел дальше.

243

Затем тебе нужно начать с Клода на первой выставке. Затем тебе нужно начать кончать с нумерацией. Ты сказал себе: он не может правильно использовать свою эрудицию при написании рассказа.

Дом номер 10 (фр.).

Самое важное твое открытие может быть повторено в миллионе копий даже сегодня. И ты (в) СССР. Это твоя противоположная забота, и никого кроме тебя это не волнует.

«Святая Русь» Нестерова.

А кто ее видел? Только Паустовский[1]. Но я в ней очень сомневаюсь. Да. А где можно посмотреть картину? Кто знает.

Надпись по-французски для гостей фестиваля, я думаю. Затем тебе нужно начать смотреть прелестного Ренуара с Флер Монт.

244

Так много для нового живописца и чьих-то открытий. Я открыл, что не могу открыть ничего такого, что не было бы открыто давным-давно. Вот император Тиберий. Вот что

---

[1] В очерке о Бунине, опубл. в «Тарусских страницах», Паустовский описывает картину «На Руси» (1916), которая в этом тексте называется «Святая Русь» (картина с таким названием — более ранняя, 1905); в сов. время не выставлялась, кроме юбилейной выставки 1962.

они говорят о манере, в которой рисовал или писал Евпомп (никто точно не знает, что он делал). Но он в самом деле существовал. Это все зависит от жирности ленты на пишущей машинке.

Все что я знаю это повернуть ручку и настроиться на голос, который я знаю что скажет. Увы. Вот и весь мессидж, повторяю. Повторяю, наверно, 125-й раз. Тем лучше.

245

You will not scratch… — Ты же не будешь царапаться, вопить и настаивать, конечно, нет. Нет, конечно (ср. с. 252). Затем твое поведение вполне предсказуемо.
Слишком много путешествовать — отклонение, я думаю. И что еще можно сказать, не опасаясь повториться? Не бойтесь повториться, повторяйте снова и снова и не называйте это повторением. Затем вы должны быть терпеливы со мной.

Вот «Рыцарь» для тебя. Это же Клошмерль! Не так ли?

246

Лишь думай и не делай целью мысль[1] и ты поймешь. Думать только, что такая же проблема у всех. Положим, цитировать из всем известной книги, значит вести завидную жизнь. И все же жуткая борьба.

В этих случаях я обычно неожиданно звоню или пишу письма вроде «Будучи внезапным джентльменом[2]», и понятно, что происходит. Ничего не происходит. Пока. И — такова человеческая природа — я счастлив. То есть, ты знаешь, что может случиться. Ты знаешь что ты знаешь что я имею в виду. Странно, что даже латинские буквы действуют как будто под развесистым каштаном я продал тебя, А ТЫ

---

[1] Киплинг. Если.

[2] Это выражение есть в «Белой обезьяне» Голсуорси.

ПРОДАЛ МЕНЯ[1]. Я также не могу простить это моему лучшему другу.

247

Вредный, вот. / Чокнутый, вот.

Я полностью отрицаю это. Другая страна тут не поможет. И даже Джеймс Джойс по-русски. Я рад что проблема не так проста. Иначе говоря, я буду делать как другие, с Божьей помощью, надеюсь. Но эпитет «бандитский» ничего не решает ни в стиле, ни в смысле, ни в том что ты лично имеешь сказать.

Когда я вижу итальянское слово «Белый», я хочу кричать: что все эти ничтожества понимают в жизни, которой жил «Андрей Белый», или в той, которой приходится жить нам. Звонок. Ждите неожиданностей. Я этого ждал. Именно этого и ничего другого.

248

Я этого ждал.

Чье-то счастье опять. *Просто слово за словом на ветер, и хоть бы хны. И я еще должен спасибо говорить.* Я этого ждал, а ты?

Стрелять и убивать, странное выражение, чисто английское, никто вне Англии его не поймет. Я забыл «*Кипит в застенке варево*»[2].

Я забыл, как всегда. И никакие английские цитаты, аллюзии и реминисценции не помогут МНЕ объяснить ТЕБЕ что я имею в виду. Целиком повторить еще раз.

Береги то что любишь, ИЛИ тебя заставят полюбить то что есть[3]. Это предупреждение, не совет.

---

[1] Оруэлл. 1984.

[2] Кедрин. Песня про Алену-старицу.

[3] Бернард Шоу. Правила для революционеров.

249
Дело в том, что этот особенный опус под названием «Снимая Святую Русь Для Тебя» — только продолжение опуса под названием «ОНА НЕ АРЕСТОВАНА». Но этот ЗАГОЛОВОК взят временно чтобы избежать имен и упоминаний неупоминаемого. Если ты понимаешь, о чем я.

БЕЗ МЕНЯ.

Я слишком стар. Только с ужасом я просыпаюсь по утрам. Без сотрудничества невозможно представить современную жизнь (нем.). НО ЧТО Я БУДУ С ЭТОГО ИМЕТЬ? Время от времени я навещаю Лучшую и стараюсь — ОПАСНАЯ СВЯЗЬ — с ней не ссориться. Это очень мило. Только время от времени, не чаще. Я слишком стар, чтобы только предаваться разговорам, слишком молод, чтобы обходиться без желаний[1] (нем.).

250
Прогноз (ср. с. 252), увы, тот же. Но эти дела были наверно 10 лет назад. Довольно об этом. Это напоминает мне японскую бумагу, которую я послал в ТОТ ГОРОД. Довольно.

Я ожидал большего, правда. Увы.

Jetsam and Flotsam[2] (1962, Месяц в Госпитале[3]) — для товарища, это товарищ. Профессор Седов написал Даниэль Эрмелен, 13-летней французской девочке из Рабата, почему он не может пустить ее на искусственный спутник земли. Об этом сообщалось 17 января 1958.

Профессор Седов писал по-французски.

Flotsam and Jetsam, не считая тех, кто пошел ко дну. Долгая история. Пенисуальная зависть была табу. Ни слова об этом. Ни слова.

---

[1] «Faust».

[2] Flotsam and Jetsam — разные типы обломков кораблекрушения.

[3] Ср. комм. к с. 130.

(С. 237 оригинала — копия с. 238, через копирку; опускаем.)
<237 об.>:

but in the limits… — но в пределах «*только в стихах воевать*» (в кавычках, похоже, цитата, встречается также в «Хабаровском резиденте» и в «Воротах Кавказа»).

251

That's a LIFE FOR YOU — Это ЖИЗНЬ ДЛЯ ТЕБЯ.

Ach, Freund… — Ах, друг, учи мои страдания, слушай мои стенания и учись переносить свои легче (нем.).

Why so does it sound?.. — Почему это так звучит? Почему ты так много ждешь от репродукций. Потому что я видел много живых картин многих других художников, которые не выставлялись.

Никакой он не продолжатель Рублева, он типичный «И вашим и нашим» — очевидно, про И. Глазунова.

Where did she see the eyes… — Где она видела глаза Абрама Терца? Не могу понять. Безумные глаза, глаза Торквемады — все это усилия воображения. Так началась долгожданная дискуссия дома.

252

<238 об.>:

The sie, alas, is the same — ср. с. 250.

<239 об.>:

Not a word about… — Ни слова об Илье Глазунове на Волхонке. Ни слова об этом. Слишком много начал надо рассмотреть, слишком много, чтобы говорить о подведении итогов. Но никто не хочет итожить.

(Страницы 239 и 240 пустые.)

253

AN OLD FUDDY-DUDDY IN MUDDY WATERS — в содержании на с. 12 называется «старая развалина тоже туда же».

254

Now, baby… — Ну, детка, покажи нам теперь как быстро ты умеешь все это снять.

His first reaction to London… (Agatha Christie. Hercule Poirot's Christmas) — Его первое впечатление о Лондоне ушло в небытие. Теперь он видел только грязь, бесконечные толпы — все куда-то спешат, толкаются. Словно муравьи, снующие туда-сюда по муравьиной куче. Люди, люди! Сколько же их тут! И все какие-то безликие! Их же почти невозможно друг от друга отличить! Какого черта он делает в этой стране туманов, сквозняков и спешащих промышленных муравьев? («Рождество Эркюля Пуаро», пер. А. В. Перцев, изм.).

Where the devil… — Где, черт возьми, ты нашел как они говорят ему о веселой жизни и красивых женщинах?

258

Цитаты по кн.: *Лозинский С. Г.* История инквизиции в Испании. СПб., 1914 (История инквизиции, т. 3).

259

любовь старика у Стэфана Цвейга — очевидно, в «Летней новелле».

«*Супрэма*» — центральный инквизиционный совет, Consejo de la suprema (исп.)

261

И оскорбил он доброго монаха, который книги жег на площадях — из стихотворения Айхенвальда «Еретик».

262

p. 248

К чему читать чьи-то воспоминания? Его уже не интересовала ни одна книга на свете, и дальнейшая судьба его библиотеки была ему совершенно безразлична.

p. 244
Если дежурный агент наблюдал за ними в окно, то, наверное, недоумевал: Президент и его секретарша, стоя у камина, бросали в огонь бумаги, которые взвивались в ярком столбе гудящего пламени.
p. 232
Дело было в том, что в глубине души он уже отрешился от всего. Он не мог бы сказать, когда именно это произошло; очевидно, это было следствием его странного путешествия в те часы, когда он временно освободился от своей бренной оболочки.
p. 64
Мари туго затягивалась в платье, из которого выпирали ее большие груди, и раз в неделю, в выходной день, мазалась, как девка из публичного дома. Как-то вечером Президент увидел ее из окна: держась обеими руками за ствол дерева и подняв юбки до пояса, она благодушно предавалась земным утехам в компании одного из полицейских агентов.
p. 107
Догадаются ли после его смерти пересмотреть одну за другой все эти книги, прежде чем отправят их в зал Друо для распродажи с аукциона?
(*Сименон Ж.* Президент. М., 1962. Пер. Т. Лещенко-Сухомлиной).

266

I used to say… — Я говорил: я пишу для себя. Потом я понял, что у меня несколько «я». Одно «я» нравится Янку, другое написало праздничную картину этим утром. То есть я вернулся к тому, с чего начал, но я изменился, бывая в разных местах, и места тоже.

267

Эта ночь была не такой бурной, как прошлая, когда она брыкалась под ним как разъяренная лошадь или пойманная рыба.

Теперь она была внимательна до трепета, и поскольку он чувствовал, что стоит забыться и она ускользнет от него, он тоже был очень внимателен. Ее руки гладили его спину, вверх и вниз, так что иногда казалось, что она хочет приблизить его, иногда — что сдерживается чтобы его отдалить, двигаясь в ужасной и прекрасной нерешительности, что заставляло его стонать от этих перепадов. Она открывалась перед ним, но и отставала от него, он чувствовал, что движется по дикой реке в джунглях в поисках скрытого за черной, опасной, влажной листвой. Потом, на мгновение, они как бы прорвались. Ее руки ослабли, бедра неумолимо освободились, их животы тесно прижались и странный низкий свист изошел изо рта, обнажая зубы. Но она очнулась, ее руки поднялись к его шее, момент прошел. Он отдыхал. Потом начал снова. Он никогда раньше не был таким терпеливым, определенным, или таким жестоким. (James Baldwin. Another Country).

270

«Нет, громко сказал Дик. Нет, я не говорю, что социализм разрешает проблемы автоматически. Он может даже усугубить некоторые из них. В самом деле, я уверен, что это так. Я видел некоторые советские картины, и они потрясли меня. Это не просто плохое искусство, это гадость. Когда чувства настолько мертвы, только черт знает, какие жесткие сердца и непреклонные умы скрываются за этим».

Достаточно для Джека Линдсея и его книги «Твой дом».

Доверенный агент 116 виноват, а не я.

Та же сказка. Мистер Вест просто блеск. Мистер Норт скушал торт. Мистер Саус вылил соус и скушал остывший суп.

271

Евтушенко его книгу в ФРГ простили — книгой она вышла в Лондоне (Flegon press, 1964); до этого в марте 1963 западногерманский ж. «Штерн» и парижский «Экспресс»

напечатали «Преждевременную автобиографию» (в «Экспрессе» называлась «Автобиография рано созревшего человека»).

272

«*Папиркунде*» — была такая книжка: Max Zieger. Papierkunde, eine Einführung für Papierverarbeiter. Leipzig, Fachbuchverlag, 1952. (Но какая тут связь, неясно…)

273

le pouvoir plus l'électricité — <советская> власть плюс электрификация (Ленин).

276

Все, что я делаю, я делаю хорошо. Обожаю богатых — из «Отрывков из книги „Земные приметы"» М. Цветаевой, изм.

Шелепин, названный здесь *Шуриком*, это А. Н. Шелепин (1918–1994) — член ЦК КПСС (1952–1976); член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1964–1975); с декабря 1958 по ноябрь 1961 — председатель КГБ; в 1967–1975 председатель ВЦСПС. Учился в ИФЛИ вместе с ПУ.

Озеро недалеко от станции Подсолнечная с Ленинградского вокзала — Сенеж.

(С. 278 (265) — повторяется с небольшими изменениями с. 179.)

280

В содержании: «она не арестована 16 стр.»; нумерация нач. с № 21.

КАМЮ, ОДИН КАМЮ /имел дату 13.2.60/ — фрагменты из главы «Бзик» «Детективной истории». См. http://rvb.ru/ulitin/detectiv/ulitin_detectivnaya_istoriya.htm#52, с. 56, 58–59.

283

Была в том веселая тайна… — ср. «Была в том печальная тайна, Что страстью преступной зовут» (Есенин. Анна Снегина).

285

«*Когда спящий проснется*» — в библиотеке ПУ было издание: *Герберт Уэльс*. Когда спящий пробудится. М., 1909. Повесть с иллюстрациями.

287

Я спросил, где ее муж. Что у них произошло?

Она покачала головой.

— Я должна рассказать вам. Это звучит чудовищно. Если бы я узнала такое про другую женщину, я не подала бы ей руки. Да, конечно…

Кроме Роджера, сказала она, только родители мужа знают, что с ним. Это должно оставаться тайной. И она добавила глухо и жестко: «Он в доме для умалишенных».

Неизвестно, поправится ли он когда-нибудь.

(*Сноу Ч. П.* Коридоры власти. М., 1981. Пер. В. Ефанова, М. Миронова, Р. Облонская.)

289

Борьба в промежутке, включая сексуальную битву с красивой Кристин Оже, клочковато провисает, но есть несколько прелестных и отлично придуманных моментов. [Правильно: Клодин Оже (Claudine Auger); о каком это фильме, неясно].

Оказалось, что иногда следует немного больше редактировать естественную речь. То есть, это должно… в самом деле вы должны типа прочесть это типа тщательно, понимаете, до того как вы сможете вот как бы ухватить мысль, то есть которая типа, возможно, стоит за разговором.

Les biches («Лани» или «Мерзавки», реж. К. Шаброль, 1968) это фильм о двух лесбиянках, о котором писала Нина Хиббин в феврале или январе 1969.

Будь я миллионером, я, развлечения ради, платил бы всем гордым жрецам искусства пятьсот фунтов в год с условием, чтобы они замолчали. Авторское право на эту идею готов уступить всем желающим. (Р. Олдингтон. Смерть героя. Пер. Норы Галь).

290

Сельвинский... написал стихи про водород — «Всем! Всем! Всем! (Апокалипсис XX века)». Редакция ж. «Октябрь» сняла эти стихи из № 10 (1959), но они вошли в книгу «О времени, о судьбах, о любви» (М., 1962). См. также с. 330.

292

Я читал «Евгению Ивановну». Для Достоевского это не очень интересно и сильно в пределах собственных интересов Леонида Леонова в жизни. Или скорее, в этом случае, его жены. Для изучения это не важно, и такое трудное чтение должно быть, по необходимости, изучением. Только имена — масса трудностей. Читать для удовольствия невозможно. Сильно напоминает слова Валентина Петровича, читателя Леонова в 1934 (см. публикацию в «Крокодиле» за этот год, ты знаешь). Я читал с удовольствием, но не смог ничего выбрать в тот момент.

Конечно, ситуация невозможная. Его время прошло, твое не началось. Как я тебя понимаю!

293

Конечно, невозможно. Но ты не обязан читать. Ты можешь подарить ее лучшему другу на день рождения. Мой лучший друг будет поражен, я уверен.

Радости товарища Силлитоу, пусть он себе порадуется. Как удачно, «Живаго» хорош, Ваншенкин хорош, чего еще желать? Так проходит мирская слава (лат.). Я не могу даже их пожалеть, с какой стати? Помню, как он защищал право публиковать любую дрянь, если кому захочется. Почему нет?

294

The light that failed… — Свет погас еще раз. Не вижу разницы. Но разница есть, несомненно.

295

плашкот — лодка или плот.

Жадность к жизни привела к отрезанному уху — роман И. Стоуна про Ван Гога «Жажда жизни» (но Lust можно перевести и так).

«Письмо хабаровскому резиденту»

307

Хабаровский Резидент — Шатилов Иван Максимович (1915–?), товарищ ПУ по ИФЛИ, репрессирован за участие в подпольной ленинской партии, отбывал срок на Колыме. В 1956 реабилитирован. Работал редактором в изд-ве «Знание», в ж. «Наука и религия», выпустил несколько очерковых книг. (Эти сведения найдены с помощью Т. И. Исаевой).

А Н А — А. Н. Асаркан.

самая большая и толстая — *ПОЛ И ХАРАКТЕР Отто Вейнингера* — изд. 1908: 17 × 24,5 см, ок. 1 кг.

309

война в Алжире завершилась 19 марта 1962.

«Удар» + «Печать № 5»

Эти тексты написаны после обыска в квартире, где жили Улитины, 7 февраля 1962. Причиной были события в Минске, где местный КГБ преследовал Кима Хадеева и Эдуарда Горячего (см. с. 313), у которых были изъяты в т. ч. произведения ПУ «Анти-Асаркан» и «Табу».
Протокол обыска — http://rvb.ru/ulitin/about/protokol.htm.

310

Ходит птичка весело по дорожке бедствий, не предвидя для себя обысков и следствий — по стихотворению неизвестного автора вт. пол. XIX в. (изм.; там: «не предвидя от сего никаких последствий»).

с точки зрения «Литературной Москвы» с «Резидентом» — ср. в протоколе обыска: «При обыске изъято следующее: 1. „Хабаровский резидент“ Юл Айтн (литературный псевдоним Улитина П. П.) на 170 листах, вклеенных в литературно-художественный сборник московских писателей „Литературная Москва“ за 1956 год в серой обложке».

311

Смех в раю — «Laughter in Paradise» (1951, Великобритания, реж. Mario Zampi, в сов. прокате с января 1962).

Девятый Круг — где предатели.

ищут автора стихотворения «Я молю, изнемогая и скорбя» — ср. «4 кварка», 76 (с. 87): *я молю, изнемогая и любя, подари себя как купленный предмет.*

Государство напоминает… — см. ниже ст-е Хлебникова.

312

Ситуация «Се Русь!»… — каламбуры неизвестного происхождения.

Это — место свидания меня и государства — из ст-я Хлебникова (1922; в *5-м томе* собр. соч.):

Участок — великая вещь!
Это — место свиданья
Меня и государства.
Государство напоминает,
Что оно все еще существует!

Нам искалечили жизнь из-за того, что нам дорог был ленинизм — Улитин вместе с еще несколькими студентами ИФЛИ участвовал в подпольной ленинской (анти-сталинской) партии, был арестован 8 декабря 1938 в студенческом общежитии на Усачевке. «Автору переломали ребра и выпустили из тюрьмы на костылях. На этом кончилась политическая карьера». (Из книги «Прописка и любовь»).

314

НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ, НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ / весело живется, нечего сказать! — из стихотворения Б. Заходера «Джонни (С английского)».

Леди Ч. невиновна — в 1960 английский суд снял обвинение в непристойности романа Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей».

315

«Поиски прошлого» — так в сов. прокате назывался *фильм «Возвращение»* — Powrot (1960, по повести Романа Братного «Счастлив под пытками», в гл. роли *Алина Яновская*). Боец сопротивления приезжает в Варшаву после 15-летней жизни за границей и встречает свою подругу тех лет. С фильмом перекликаются сюжеты «Хабаровского *Резидента*».

320

18-го не придут. Потому что выборы — в Верховный Совет СССР.

323

Мау-Мау — вооруженное движение в Кении против англичан в 1952–1960.

Азимов в Москве в гостях у Сваричовского — А. Азимов в Москве никогда не был.

326

Книга С. М. Шварца «Антисемитизм в Советском Союзе» упоминает наших общих знакомых… — Павел Коган там другой — директор Мариупольского металлургического завода; *Эдмунд Стивенс* (амер. журналист, много лет жил и работал в Москве) упом. как автор статьи 1950 в «The Christian Science Monitor» об антисемитизме.

Детектив. Ист. стр. 333… — здесь некоторые фразы с той страницы, см.: http://rvb.ru/ulitin/detectiv/ulitin_detectivnaya_istoriya3.htm#333.

328

Все отсылки к *Детективной Истории* и цитаты из соотв. страниц. См. http://rvb.ru/ulitin/detectiv/index.htm.

на улице Разина (ныне Варварка) находилась в 1949–1967 библиотека Иностранной литературы.

329

Здесь цитаты из *Детективной Истории* не только со с. 259, но и с. 258, 260 и 262. Конец, начиная с *Человек, который был Четвергом*, не оттуда.

ортопедическая встреча на заводе Карла Маркса[1] — описана на с. 257 *Детективной Истории; старый друг* — Панков В. К. (1920–1975) — доктор филологических наук, секретарь правления Союза писателей РСФСР, заведующий кафедрой советской литературы в Литературном

---

[1] Находился в р-не м. Аэропорт.

институте им. Горького, заведующий отделом литературы и искусства в г. «Правда», отморозивший ноги на финской войне; «это он сравнивал почерки».

«*Кокни в Москве*» (1958) — роман Harold Elvin (1909–1985), который работал во время войны в британском посольстве, затем женился на балерине Виолетте Прохоровой, и им удалось уехать в Англию.

330

Дело профессора Оппенгеймера — в библиотеке ПУ была книжка Ярослава Путика «Совесть» (М., 1962. Б-ка «Огонек» № 13; сокр. пер. с чеш.) с таким подзаголовком. К заглавию на обл. приписка рукой Асаркана: *Очень интересная* Совесть.

Борис Паш — офицер военной разведки США, русского происхождения.

Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащим и мягко похлопывая по сказуемым — до «подлежащим» из записных книжек Ильфа.

Книга стихов наз. «О судьбах, о чем-то еще и о любви» — Илья *Сельвинский*. О времени, о судьбах, о любви (М.: Сов. писатель, 1962).

Они бродили по колено… …пьяные хари — из записных книжек Ильфа.

331

Заговор обреченных в Новочеркасске 1962 года — жестоко подавленные 2 июня волнения рабочих; в те годы в СССР эти события были полностью засекречены.

Киип смайлинг — keep smiling — продолжайте улыбаться!

«Дорога»

334

Ватсьяяна — автор «Камасутры».

проскриптум — предисловие; с др. стороны, *проскрипция* — список лиц, объявленных вне закона; орудие массового политического террора во времена Суллы (82–79 до н. э.)

335

введение в… — *Клини С. К.* Введение в метаматематику. Пер. А. С. Есенина-Вольпина. Под ред. В. А. Успенского. (М., 1957).

и в Кремль торопится и в крематорий спешит — ср. известную строку Вяземского из «Первого снега».

Когда из трубы пойдет белый дым из печной трубы над Сикстинской капеллой, *новый Папа избран* — речь идет о выборах папы Павла VI, завершившихся *21 июня* 1963; см. также с. 337. (Следующие выборы через 15 лет упомянуты в «Чужом рассказе» 24, с. 466.)

336

ЛБ не стал докладывать: перебежчика расстреляли — вероятно, это Л. Берия, и речь идет о начале войны (догадался М. Айзенберг); ср. с. 327.

338

4-й том перевели А. Федоров и Н. Сурина — Марсель Пруст. Собрание сочинений. — Л.: Гослитиздат, 1938. Т. 4: В поисках за утраченным временем. Содом и Гоморра.

«Дождь» — вероятно, *поэма* Б. Ахмадулиной.

Трогательная вера в гуманность СЗ — советского закона.

Быстрицкую жалко… — видимо, это о фильме «Неоконченная повесть» (1955; реж. Ф. Эрмлер; в ролях Э. Быстрицкая, С. Бондарчук, Е. Самойлов). По сюжету Б. любит прикованного к кровати Б., а С. за ней безуспешно ухаживает.

25 лет ни в чести ни в радости — отсчет от 1938 + 25 = 1963.

339

«*Восток-5*» — 14–19 июня 1963; космонавт Быковский В. Ф.

342

«*Время ЕЕ ВРЕМЕНИ*» («The Time of Her Time») — эротический рассказ *Нормана Мейлера*, который он считал сначала частью неоконч. романа.

343

НД БВ и ЗВ НЗ — наш долг — быть великим и защищать величие на земле (из пьесы Р. Роллана «Торжество разума», 1899).

Ты понимал, о мрачный гений, тот грустный безотчетный сон — из раннего ст-я Лермонтова «На картину Рембрандта».

«Тоже начинается с двух экземпляров» («Человек-невидимка»)

345

Ирина Кристи (1937) — окончила мехмат МГУ (1959), в 1965 участвовала в «митинге гласности»; один из инициаторов и сборщик подписей под «письмом девяноста девяти» (1968) в защиту А. С. Есенина-Вольпина. В 1984 посетила в ссылке А. Д. Сахарова. Подвергалась принудительным госпитализациям в психбольницы, увольнениям с работы (1968, 1976), обыску и допросу по делу «Хроники текущих событий» (1972), «официальному предостережению» КГБ (1974), домашним арестам (1977, 1980, май — сентябрь 1984, после задержания в Горьком). В 1985 эмигрировала в США, живет в Бостоне. В некоторых местах текста названа ПУ *Агатой Кристи*.

ан-фот-де-мьё (en faute de mieux, фр.) — за неимением лучшего.

346

Hexenküche — кухня ведьм (нем.).

Питер Темпест (1924–1984) — поэт, переводчик, публицист; много лет жил в СССР; умер в Москве.

как у Гоголя… прочитать вслух хотя бы Немировичу-Данченко в Абрамцеве у Аксаковых — анахронизм, Н.-Д. не мог слушать Гоголя.

347

два короба уединенных листьев… — *Анастасия Цветаева* тесно общалась с *Розановым.*

348

Агата Кристи = Ира Кристи (ср. 5-1).

Being a sudden gentleman… — будучи внезапным джентльменом, а человеческая природа есть то что есть…

В моем «КАФЕ» я попытался… — из письма Ван-Гога к брату Тео от 9 сент. 1888. Но слов «*написать великое произведение*» там нет.

349

Как Ленин Гегеля читал — имеются в виду т. н. «Философские тетради».

Шарль *Броун-Секар* (1817–1894) — французский медик, известен экспериментами по впрыскиванию себе экстракта яичек животных в целях омоложения.

351

Америка ничего не делает наугад — В. Инбер, «Америка в Париже» (очерки; М., 1928).

Есперсон — очевидно, датский лингвист Отто Есперсен (1860–1943).

«Богдан Хмельницкий» (1941) — фильм реж. *Игоря Савченко.*

Эмма Цесарская играла Аксинью в первом «Тихом Доне» (1930).

353

Такой фамилией не бросаются… — наст. фамилия *Ильи Зверева* — Замдберг.

Джойс — как о глазах Фэнни — «Фанни Маккой… костлявая и глаза косят» («Улисс», гл. 18).

Граф д-Астье де ля Вижери — Emmanuel d'Astier de La Vigerie (1900–1969), фр. журналист и политик, барон.

Ян Рудек — так был назван в сов. издании (1962) персонаж романа Ж. Сименона «Цена головы» (в оригинале Радек).

355

Лариса Ягункова — киновед.

Я. Каган и переводчик Франца Кафки — Я. К. и был переводчиком Кафки (М. Айзенберг).

356

Harum Scarum — музыкальный фильм с участием Элвиса Пресли (1965; в Европе назывался «Harem Holiday», «Каникулы в гареме»).

Petsy-Wetsy — постельная игрушка.

357

Гальперин Илья Романович (1905–1984) — лингвист, проф. ин-яза.

Лариса Столярова — Л. А. Улитина, жена ПУ.

Ведьмёныш! — с жаром вскричал референдарий — Гофман, «Крошка Цахес».

Иван Львович Толстой (1888–1895) — любимый младший сын Льва Толстого, родился, когда отцу было почти 60 лет; умер от скарлатины.

Татищевская крепость на Яике — прототип *Белогорской крепости* из «*Капитанской дочки*»; но здесь и другой смысл: *меловые пещеры* Белогорья на Дону (пещеры были и неподалеку от ст. Мигулинской); см. также с. 351.

Гуттиэрэ — героиня романа А. Беляева «Человек-амфибия» (1927).

360

Juxtaposition once more — сопоставление еще раз.

363

Максимальное удовольствие получала не Софи Лорен… — в последнем фильме Чаплина «Графиня из Гонконга» (1966; с уч. Софи Лорен) снимались его дочери Джеральдина (1944) и Виктория (1951), но они не самые младшие, были еще две девочки.

366

Яблоки рассыпались… не та тележка — Бернард Шоу, «Тележка с яблоками».

«Он ушибся об мировую литературу»

370

Не жалейте Збышека — очевидно, связано с гибелью 8 января выдающегося польского актера Збигнева Цибульского (1927–1967).

381

Победоносцев… Обедо… — имеется в виду анонимная эпиграмма 1880-х:

Победоносцев для синода,
Обедоносцев для двора,
Бедоносцев для народа
И Доносцев для царя.

Если «А-А» — это против А, то 2 вывода: 1/ если А против СВ… = Если «Анти-Асаркан» — это против Асаркана, то 2 вывода: 1/ если Асаркан против Советской Власти… и т. д.

См. стр. 163, «Подводя итоги»: «Из других экспериментов наиболее важным было введение в литературу потока сознания. Писателей всегда привлекали философы, обладающие эмоциональной силой воздействия и не слишком трудные для понимания… Разумеется, они не могли не увлечься и психоанализом… соблазнительно было исследовать новые глубины характера, рисуя воображаемую картину подсознания у вымышленных им персонажей. Это был ловкий и занятный фокус, но не более… Я предвижу, что общая литературная техника вберет в себя то, что есть полезного в этом и подобных приемах, но произведения, в которых он был введен впервые, очень скоро перестанут вызывать интерес. Те, кто увлекался этими курьезными экспериментами, сдается мне, упустили из виду, что по своему содержанию книги, в которых они используются, на редкость мелки. Так и кажется, что авторов толкнуло на эти выверты тревожное сознание собственной пустоты. Люди, описанные столь изощренно, по существу, совершенно неинтересны, а тема незначительна…». (Пер. М. Лорие). В книге из 6-ки ПУ к этому фрагменту карандашное примечание: «О Джойсе и Кафке?»

Это ваши итоги, мсье, не наши — ПУ, конечно, не согласен с Моэмом.

Марк Бонэм Картер (представитель изд-ва «Коллинз») *сделал свое заявление 12 ноября, через 2 месяца и 4 дня после ареста А. Синявского* (8 сентября 1965): «мы издавали Терца за его выдающиеся литературные достоинства и ни по какой другой причине» (Белая книга: Дело Синявского и Даниэля. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. Сост. А. Гинзбург).

382

мать смогизма — Алена Басилова.

Главный смогист — здесь, вероятно, имеется в виду В. Батшев.

383

ПКМ — по крайней мере.

385

В. Брюсов в дневнике за 1903 год: и этим вождем буду я! — на самом деле это запись за 4 марта 1893.

М. Алигер «Зоя»:

Октябрьским деньком, невысоким и мглистым,
в Москве, окруженной немецкой подковой,
товарищ Шелепин,
ты был коммунистом
со всей справедливостью нашей суровой.

(Осенью 1941 Ш. занимался отбором добровольцев для партизанских отрядов и диверсий в тылу врага; среди них была и З. Космодемьянская).

386

Патрик Деннис (1921–1976) — автор пародийного романа «Малютка я» (Little Me), фрагмент которого был опубликован в ж. «Искусство *кино*» № 7, 1964, с. 120–124 в пер. П. Улитина.

а ливр увер (фр. a livre ouvert, без подготовки, букв. «по раскрытой книге») — чтение без подготовки, с листа.

389

6 условий тов. Сталина — в речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» (23 июня 1931).

390

с. э. — очевидно, С. Эйзенштейн.

«Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма „Иван Грозный“ обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие

американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета». (Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О кинофильме „Большая жизнь“», 4 сентября 1946).

смыт был «Бежин луг» (1937).

3-ю серию Эйзенштейн вообще не осмелился закончить — обычно пишут, что не успел…

«En Faute de Mieux»

EN FAUTE DE MIEUX — за неимением лучшего.

392

When I meet an untmaimed man of my generation… (R. Aldington. Death of a Hero) — Когда я встречаю сверстника, не искалеченного войной, мне хочется крикнуть ему в лицо: «Как ты уцелел? Как ухитрился улизнуть? На какую подлость пустился? Почему ты не погиб, жулик?» (пер. Норы Галь).

393

A quoi bon lire encore… (G. Simenon. Le Président) — К чему читать чьи-то воспоминания? Его уже не интересовала ни одна книга на свете, и дальнейшая судьба его библиотеки была ему совершенно безразлична (пер. Т. Лещенко-Сухомлиной).

An Irishman with a curious history… (Encyclopaedia Britannica) — Ирландец с курьезной историей. Родился в 1755 в семье Уолдрон, более известен под именем Джордж Баррингтон. Этот актер и драматург в театре Ковент-Гарден украл у российского графа Орлова табакерку, которая, говорят, стоила 30 000 фунтов стерлингов. Был пойман и арестован, но, поскольку граф Орлов не захотел предъявлять ему обвинение, был в тот раз освобожден от наказания.

But the subsequent proceedings interested him no more (H. Wells. The Invisible Man) — дальнейшие события перестали его интересовать [цитата из стихотворения Брет-Гарта «The Society upon the Stanislaus»].

в «Литературном наследстве»... за 1945 или 1946 год... из черновых тетрадей Достоевского. — В ЛН в эти годы Д. не публиковали. Текст из «Жития Великого грешника», впервые в ж. «Печать и революция», 1925.

395

That bird repeats himself (John Galsworthy. Swan Song) — эта птица повторяется.

Broken reeds are seldom good mixers (Aldous Huxley. The Genius and the Goddess) — Былинки, ветром колеблемые, как правило, люди необщительные (пер. В. Бабкова).

It was too much for one evening — это было уже слишком много для одного вечера.

то место с осетриной у Гурова в «Даме с собачкой» Чехова:

Однажды ночью, выходя из докторского клуба со своим партнером, чиновником, он не удержался и сказал:

— Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

— Дмитрий Дмитрич!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!

397

WHAT MEN KNOW ABOUT A WOMAN... — ЧТО МУЖЧИНЫ ЗНАЮТ О ЖЕНЩИНАХ / ошибка / Я подошел и помог ему подняться. Он встал довольно неохотно и приступил к своей работе. Вернувшись, усталый, я покормил его и уложил в постель. Он заснул в 10, я — в час.

В 4 он проснулся (он захотел чаю), выпил его, отдал мне, затем опять улегся.

Два кавалергарда на Невском: пустые люди, сказал ЛНТ... — у Горького в Заметках «Лев Толстой» не так:

Сулер рассказывал: он шел со Львом Николаевичем по Тверской. Толстой издали заметил двух кирасир. Сияя на солнце медью доспехов, звеня шпорами, они шли в ногу, точно срослись оба, лица их тоже сияли самодовольством силы и молодости.

Толстой начал порицать их:

— Какая величественная глупость! Совершенно животные, которых дрессировали палкой...

Но когда кирасиры поровнялись с ним, он остановился и, провожая их ласковым взглядом, с восхищением сказал:

— До чего красивы! Римляне древние, а, Левушка? Силища, красота, — ах, боже мой. Как это хорошо, когда человек красив, как хорошо!

398

En Faute De Mieux, encore 4 pages — за неимением лучшего, еще 4 страницы.

Exactly — точно.

399

...I pretend that nothing happened... — я предпочитаю, что ничего не случилось.

16 сентября 1958 года — «26-й день на скамейке под вязом» — в психиатрической больнице (с. 401) — в клинике им. Корсакова.

400

Ракурсы г. кресла — гинекологического.

возле хутора Вертячего на Донской излучине за 2 дня до прорыва немецких танков — т. е. до 20 августа 1942.

401

З. П. — очевидно, Зиновий Паперный.

402

THE LESSONS OF «THE ROUGH COPY»... — УРОКИ «ЧЕРНОВИКА»

Я научился автоматически принимать роль, но в определенных пределах, конечно. Я не могу говорить по-английски быстрее и более бегло, чем на моем родном русском, например. Говорить с запинками на ЧЕТЫРЕХ или 24 или 37 или 58 языках, как, якобы, умел Меццофанти[1], вполне достаточно для тебя и даже немного больше того, что тебе нужно. Ты должен иметь что сказать на родном языке, а это слишком легко сказать. Нужно прожить целую жизнь чтобы понять что это на самом деле значит.

Даже сейчас я не могу признать ухудшение моих профессиональных способностей. / см. n. b. 23

Почему нет? Точно! Вот что я делаю прямо сейчас, подвинься, эй, внимай моим словам. Я нашел надежный выход, но уже слишком поздно.

Ich bin zu alt... z.j.u.o.W.z.s. = Ich bin zu alt um nur zu schprechen, zu jung um ohne Wunsch zu sein (Goethe, Faust) — Я слишком стар, чтоб лишь играть, и слишком юн, чтоб нежелать (пер. М. А. Бакунина).

404

Rafael Sabatini, The S. H. = The Stalking Horse (Заслонная лошадь; 1933), исторический роман, действ. происх. в кон. XVII в. См. также с. 156.

405

Что у него было с няней... о том же самом в романе «Все люди — враги» — В раннем детстве Энтони горничная Анни умывалась и переодевалась при нем.

[1] *Medsofanti* — правильно Mezzofanti (1774–1849) — итальянский кардинал, полиглот.

407

Do you call it misleading?.. — Ты называешь это нетуда?

Теперь я вспомнил. Последний раз, когда он получал последние впечатления, был когда я перевел ему потерянный текст о том-кто-управляет-тем-что-ты-знаешь.

Это было почти 10 лет назад.

Теперь я понял. 4-я линия ТАБУ кончилась неожиданно. Да. В самом деле, это было неожиданно.

Кто кого потерял? Кто у кого выпал? Много для потерянного романа и просыпанного картофеля. Мистер Саус выпил соус. В результате дальнейшие события перестали ее интересовать.

Коли так, меня не интересуют ее заботы.

410

последняя книга Олдоса Хаксли — роман «Остров» (1962).

«Гангстеры и филантропы» — польский фильм (1962; реж. Е. Гофман, Э. Скужевский; сов. прокат с ноября 1963).

«Литература начинается с двух экземпляров»

411

Scribbledehobble — тупик, путаница, писанина в беспорядке, спотыкание, черновик, мура («Разговор о рыбе», http://www.vavilon.ru/texts/ulitin1-2.html, 14).

417

актриса Роек — Констанция Францевна Роек (1923–2005) — артистка Малого театра.

Тот, который пел «Из-за вас, моя черешня» — Виталий Доронин, муж К. Роек. В телефильме «Свадьба с приданым» (1953), песни сочинили А. Фатьянов и Б. Мокроусов.

420

председателем Реввоенсовета в 1918–1925 был Троцкий; ср. с. 390.

421

АУЮР — автор устных юмористических рассказов.

422

профессор Тиндолл из Калифорнийского университета — возможно, William York Tindall (1903–1981) — James Joyce scholar with a long and distinguished teaching career at Columbia University.

426

в районе завода «Красный богатырь» — т. е. в ИФЛИ.

проф. Дворкин — Дворкин Израиль (Илья) Наумович (1902–1988). Окончил Коммунистический университет (1923); с 1923 на педагогической и партийной работе в Москве, с 1948 сотрудник Института мировой экономики и мировой политики; доктор экономических наук (1954). Автор книг: «Экономическая программа германского национал-социализма» (1933), «Идеология и политика правых лейбористов на службе монополий» (1953), «Научно-технический переворот и буржуазная политэкономия» (1964), «Современная буржуазная политэкономия и марксизм» (1979) и др. Это он прочитал записку ПУ на лекции в ИФЛИ, см. http://rvb.ru/ulitin/about/vypiski.htm.

Николай Иванович (очевидно, Бухарин) *общается главным образом с Переверзевым.*

428

Публицист, который подписывается двумя латинскими буквами — Победоносцев; ср. «Там главным журналистом был Обер-прокурор, писавший под псевдонимом ЦЕТ-ЗЭТ [ZZ], постоянно напоминая главному редактору о строгом, неукоснительном неразглашении тайны псевдонима» («Вечный покой»); гл. редактором «Гражданина» был в 1873–1874 Ф. М. Достоевский.

429

Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М., 1971. (*Лит. наследство*. Том 83).

две эпохи у воспоминаний — у Ахматовой «Есть три эпохи у воспоминаний».

когда в тебе все пусто, все сгорело — «Если» (Киплинг, пер. М. Лозинского, изм.).

430

«Своя судьба» — роман Мариэтты Шагинян (1916).

431

вверху зачеркнуто: *из учебника Марго / 2 ч. СПБ 1893 / стр. 178* (D. Margot. Cours élémentaire et progressif de la langue française — «начиная с 1860 неоднократно переиздавался»).

432

Андре Жид писал Жоржу Сименону: «Вы живете с фальшивой репутацией — как Бодлер или Шопен. Но нет ничего труднее как заставить публику отказаться от торопливого первого впечатления. Вы все еще раб ваших первых успехов, а ленивые читатели были бы рады прекращению ваших триумфов… Вы гораздо более ЗНАЧИТЕЛЬНЫ, чем принято считать».

А Франсуа Мориак писал: «Боюсь, что мне не хватит храбрости опуститься в глубины кошмара, который Сименон описывает с таким непереносимым искусством».

(Эта подборка цитат публиковалась на обложках нескольких англоязычных изданий Сименона фирмы Penguin).

438

КУСОК ЛОНДОНА отвалился… — этот абзац повторяется здесь, в начале одноименного текста: http://rvb.ru/ulitin/kusok_londona/index.htm (ср. конец с. 440).

Кто же нас будет вести от победы к победе? СПИЧКА ИЗ ДРУГОЙ КОРОБКИ… приготовилась к обугливанию. К медленному загниванию она не была готова. Она хотела бы просиять и погаснуть — эти фразы тоже там есть.

«Укрощение строптивой» — (1967, в сов. прокате с февраля 1971) реж. Франко Дзеффирелли в гл. ролях Элизабет Тэйлор и Ричард Бёртон (Burton).

«Чужой рассказ»

Звездочкой * отмечены комментарии Л. А. Улитиной, сделанные карандашом на полях оригинала.

441

лучший телефонный друг — В. Гаевский.

442

Покамест доберусь раскачкою — Б. Пастернак, «Зарево» (1943).

как пишется доктор Франсуаза Гаян — Docteur Françoise Gailland 1975, Франция, Реж. Жан-Луи Бертучелли, сов. прокат с февраля 1977.

443

приходилось позировать скульпторше — З. А. Масленниковой; ее записи впервые опубл. в ж. «Литературная Грузия» 1978, № 10–11.

445

на ул. Рабиновича (Aharon Rabinovich), *33* жил З. Зиник в Иерусалиме.

446

Свирепость апостолов — ср. «Разговор о рыбе»: *Свирепость апостолов из-за неуверенности в своей силе* и «Ксенофоб»: *Свирепость апостолов еще раз.*

«Нуль и бесконечность» (Le Zéro et l'Infini) — французское название романа Артура Кёстлера «Слепящая тьма» (англ. Darkness at Noon).

В НАШЕМ ДОМЕ БАЛАГАН — из пьесы (поэмы) С. Кирсанова «Сказание про царя Макса-Емельяна», на основе народной драмы «Царь Максимилиан»; в 1968 была с аншлагом поставлена Марком Розовским в студенческом театре МГУ «Наш дом» (закрыт в 1969).

449

* Сводный брат П. П. от первого брака его отца, намного старше его.

Питер Нисс и *Ора Фисс* — персонажи скабрезной пьесы, придуманной персонажами романа Апдайка «Супружеские пары» (1968).

** Ю. Айхенвальд, поэт и эссеист, друг и соузник П. П. по ЛТПБ (Ленинградской Тюремно-Психиатрической Больнице).

450

Киси Сузуки — персонаж романа Яна Флеминга «Живешь только дважды» (1964).

Автор «Дипломата» — Джеймс Олдридж.

«Праздные мысли в 1905 году» — сборник юмористических эссе Джерома К. Джерома.

451

What exactly is proxy?.. — Что такое точно proxy [посредник]? Война с помощью кого-то другого. Этого они хотят. Еще новости? Как насчет вашего Маленького Хитреца Дики[1]? Нормально. О-кей, док? [Oddy Knocky =] Одинокий[2].

---

[1] Прозвище Р. Никсона.

[2] *Бёрджесс Э.* Заводной апельсин.

Политический отжиг, и это только начало. / Достаточно ДИКТАНТА на сегодня.

Я не круг, я камень, со мною можно потонуть — из стихов К. Симонова 1940-х.

Ташкентское издание Ахматовой — Избранное (1943).

452

* «Четырехэтажная тавтология» — текст П. Улитина.

Сотый — книжный *магазин* № 100, ныне «Москва», открылся 5 ноября 1958 на ул. Горького, 8, в этом доме жил И. *Эренбург*.

после фестиваля, но перед второй посадкой Алика Вольпина — т. е. между 1957 и 1959.

** Наум Мандель, принявший позднее псевдоним Н. Коржавин, поэт.

Марсель Пруст. *Любовь Свана*. М., 1928. *Библиотечка «Огонек»* № 292. Пер. В. Парнаха. Эта книжка есть в б-ке ПУ.

453

станции Кавказская… бои под Сосыкой — очевидно, во время Гражданской войны.

«Жил я по евангелью Фомы»… (отсюда *пятый евангелист*) — до конца страницы по стихам Наровчатова: «Вариации из притч» (*как любой московский Кампанелла*; изм.), «Полковники» (там «Неверная женщина — слава» уходит к лейтенанту; и *«В полковничий возраст выходим»*), «Пес, девчонка и поэт» (последние две фразы).

454

* «Озеро в жаркий день».

455

«Приключения Оги Марча» — роман Сола Беллоу, не экранизировался.

* Игра слов у англ.[1] писателя Тэрбера: «propaganda» и «proper gander» («настоящий гусак») звучит абсолютно одинаково[2].

Зора Софир (Safir) — журналист *«Голоса Америки»*.

Фойхтвангер… напишет «Москва 1981» — «Москва 1937».

456

Amnesty International — *Нобелевская премия мира* в 1977.

По поводу диалога Египта *и* Израиля *и что мир на* Ближнем Востоке *станет реальным*.

«Галерея Сукарно» — Картины из коллекции президента республики Индонезии д-ра Сукарно, в 2 т. Пекин, 1957. 2480 с. Вес в упаковке 11 890 г.

* Книжный Магазин на главной улице Советского Союза — имеется в виду книжный магазин «Дружба» на ул. Горького (Тверской) [д. 15], где в 1958 году работал П. П.

Владимир Клебанов неоднократно подвергался преследованиям за правозащитную деятельность, в т.ч. попытки создать свободный профсоюз.

458

My turn now — теперь моя очередь.

cта. сте. — старая стенограмма; также на с. 477.

459

* Имеется в виду сводный брат (намного старше его по возрасту), покинувший Россию, которого П. П. никогда не видел [см. также с. 449].

«Багровая звезда» — видимо, имеется в виду роман А. А. Богданова «Красная звезда»; *актриса МХАТа* — М. Ф. Андреева; *Старик* — Ленин, боровшийся с Богдановым.

---

[1] Правильно — американского.

[2] «The Very Proper Gander» из сб. «Fables for Our Time and Famous Poems».

462

Шаллер Д. Б. *Год под знаком гориллы.* — М.: Мысль, 1971. Действие происходит в 1959–1960.

Волхвами славится Халдея, и мудрый опыт их глубок. Но тут стоят они бледнея — Байрон «Пир Валтасара» (пер. О. Чюминой).

463

«От Москвы две версты» — каменный верстовой столб в сквере у д. 1 на площади *Рогожской Заставы.*

в год Сакко и Ванцетти — видимо, в год казни, 1927.

освобождая осторожно, как револьвер — И апельсин от грубой кожуры / Освобождает так же осторожно, / Как револьвер — от грубой кобуры (Н. Матвеева «Братья капитаны»).

464

«Тропинка бедствий», «не предвидя для себя обысков и следствий» — ср. 3-2.

465

* Соломон Григорьевич Геллерштейн, ученый-парапсихолог [занимался также психотехникой и др.], профессор.

466

Павел VI умер 6 августа 1978; за время своего понтификата с 21 июня 1963 опубликовал 7 *энциклик.* Его преемником стал Иоанн Павел I, избранный 26 августа.

* Анастасия Ивановна Цветаева.

** Асаркан.

дочь и наследница Аристотеля *Онассиса* Кристина 1 августа 1978 вступила в брак с 42-летним Сергеем Каузовым, через 16 месяцев они расстались.

467

* Объединенный псевдоним трех авторов: Горин, Поженян, Аксенов.

468

Письма императора Николая Павловича к Полю де Коку — сочинялись Салтыковым-Щедриным в 1870-х, сохранились только в небольших фрагментах.

469

НИИ [Психиатрии] *на Потешной улице* — при больнице им. Ганнушкина.

* Профессор из Центрального института психиатрии [Станкевич Л. А.]

улица Станкевича (с 1994 Вознесенский пер.), *особняк Станкевича* — д. 6/3.

Примас Венгрии *кардинал Миндсенти* подвергался пыткам после ареста в 1948; его обвиняли, в частности, в намерении восстановить капитализм и в подготовке 3-й мировой войны — и он все признал, но еще до ареста написал, что все его признания будут вынужденными.

470

* Лучший художник Советского Союза.

Мария Шелл снималась в двух фильмах по *Достоевскому*: «Белые ночи» (1958; реж. Л. Висконти) и «Братья Карамазовы» (1958; реж. Р. Брукс); в прокате они не были, но м. б. в «Иллюзионе»? или просто картинки в журналах… Зато в прокате была «Жервеза» (1956; реж. Р. Клеман), по роману Золя «Западня».

471

выяснилось, кто главный Рабинович — Н. Тихонов (служил в *гусарском* полку, участвовал в раздаче *гос. премий*).

472

Зануда (фр. L'Emmerdeur; комедия, 1973, реж. Э. Молинаро) — в гл. ролях Лино Вентура (киллер) и Жак Брель.

Терри Бушел (Bushell) — журналист Morning Star, женатый на русской.

473

Цитата из Данилевского, «*Беглые в Новороссии*»: «И так это она скоро покорилась и забыла своего жениха! — думал полковник. — Чем женщин не купишь! Или эти украинки, по правде, скотоваты?»

[Андрей] *Джонович* и *Светлана Джоновна* — внуки С. П. Писарева.

474

Динни Черрел — героиня трилогии Джона Голсуорси «Конец Главы».

сэр Алек Дуглас-Хьюм, 14-й граф *Хьюм* (1903–1995). В 1963 году после отставки премьер-министра Г. *Макмиллана* Хьюм был назначен королевой Елизаветой II премьер-министром Великобритании (1963–1964); до войны — помощник Невилла *Чемберлена*.

475

как себя вел в грозный час… — 1 мая 1945 года Магда и Йозеф Геббельсы покончили с собой, предварительно убив своих шестерых детей.

476

* Бутырская тюрьма.

477

«Одна» в театре Вахтангова — спектакль по пьесе С. Алешина, 1956. Автор вспоминал: «Спектакль имел такой шумный резонанс, что пьесу стали играть еще театров двести по стране и за рубежом».

478

Нах-виц (нем.) — для шутки.

479

* Советский Союз.

Обе они из Тбилиси... — Нона Гаприндашвили и Майя Чибурданидзе играли матч на первенство мира в 1978; Майя победила со счетом 8,5:6,5.

Под натиском красных наемных солдат... — ср. в песне «Расстрел коммунаров»: ...Под натиском белых наемных солдат / В расправу жестоку попался. // Навстречу им вышел седой генерал... / Смертельной мучительной казни... // «...Вы землю просили — я землю вам дал, / А волю на небе найдете!» (восходит к песне на слова В. Г. Тан-Богораза, там: «...Земли вы хотели — я землю вам дал, / А волю на небе найдете!».

«Мы не сынки у маменьки в помещичьем дому» — Н. Асеев, «Марш Буденного», изм.

480

На чем построен рассказ Тэрбера «Мои встречи с Лоуренсом» (My Memories of D. H. Lawrence; 1936) — автор сначала принял за Л. другого человека, потом отправил ему не то письмо, *перепутав конверты с адресом.*

мачеха Кристины Онассис — Жаклин, вдова Дж. Кеннеди.

«спунеризм», вероятно, от spooner — любовник или любовница (сленг).

481

в Рязань... в Москву... в Швейцарию... в Америку — маршрут А. И. С.

482

* File and forget — подшейте (документы) и забудьте.

483

КЕМЬ — по легенде, аббревиатура от «К Е... Матери».

Смерть командарма. Вот главный криминал… — «Повесть непогашенной луны» *Б. Пильняка*, опубл. в № 5 «Нового мира» за 1926, который вскоре был изъят из оборота.

Вот какой-то мрачный тип к милой девушке прилип — Клей (Б. Заходер, пер. из Яна Бжехвы).

в стране Керосинии — стихотворение Юрия Панкратова, см. http://rvb.ru/np/publication/01text/08/pankratov.htm.

разговор его был прост и важен — «Арап Петра Великого»; эта же фраза и в позднейшем очерке «О холере».

484

Юбилей был в 1897 году — бриллиантовый, 60 лет у власти.

485

4 стр. «Что осталось за пределами сновидений» — с. 460–463 (18–21).

Ежов-Черкесск — название г. Черкесска в 1937–39; до этого с 1934 — Сулимов, до этого с 1931 — Баталпашинск.

Ярославский Ем. Мистер Троцкий на службе буржуазии или *первые шаги Троцкого за границей*. М.-Л., Госиздат, 1929.

Дом стоял на углу Малой Садовой и Ткачевского переулка (в Ростове-на-Дону) — сейчас это ул. Суворова и Университетский пер., соотв.

И. Ахметьев

СТРУКТУРА И ХРОНОЛОГИЯ ТЕКСТОВ ПУ, ВОШЕДШИХ В КНИГУ

Здесь используется только авторская пагинация; иногда ПУ ставил точку после номера последней страницы подборки, воспроизводится здесь и в тексте.

«Четыре кварка» 293 стр. 19.12. 1969

С. 6 снята — бледная копия с. 7; добавлены 2 с. перед сс. 167 и 169; значит, 294 с. и обложка.
1 на обл. отн. к первым четырем подборкам, обозначенным 1а–1г.
Следующие 10 подборок обозначены 2–11.

1а) заплатишь ты судьбе 12 стр [1а на обл.]

2–5, 7–13 — 11 разных страниц.
7–9, 11, 12–13 // 432–430, 429, 434–433 (здесь и далее после // вторая пагинация) — м. б. надо попробовать прочитать в этом порядке.
10 // sitting pretty 14
2: 12 и 13.12.69
10: 25 и 23.12.64 (русская часть страницы)
13: 15 и 16.12.69

1б) музыкальная жизнь на футбольном поле 9 стр

14–22 // 1–9
14 (1): 15.10.69

1в) макабрический рисунок еще раз 29 стр

23–51 // 1–29
37 (15) и 38 (16) с оборотами, обозн. 37 и 38 дубль

47–49 (25–27) /// 2–4 (здесь и далее после /// третья пагинация) — начало на 46 (24)?
27 (5) /// про школу плавания еще один раз
28 (6) /// еще раз про школу плавания
45 (23) /// черновик (27)
50 (28) /// 7 еще раз про школу плавания или 23 макабрический рисунок с Юлом Бриннером
23 (1): 3.9.69 (также 50 (28))

1г) старые цитаты в новом контексте 18 стр

52–70 // 1–18

2) продолжение старого разговора 25 стр

73–98, т. е. 26 стр., т. к. 7а и 7б // 1–7а, 7б–25
79–80 (7а и 7б) /// (1)–2 Упрямство, достойное лучшего применения
94–98 (21–25) /// 1–5 (как бы отдельный текст без названия)
79 (7а): 26.1.69
81 (8): ритуал 3.2.69
88 (15): Работа, у которой нет конца 23.1.64
91 (18) «Последняя лента» еще раз 6.2.69

3) комары кусали 20 стр

100–119 // 1–20

4) пропорции этрусской вазы 15 стр

120–134 // (1)–15
130 (11): Шведы, мастера ловить рыбу в мутной воде 30.6.69
134 (15) /// взрыв писаной торбы

5) четырехэтажная тавтология 58 стр 20.9.69

136–166, <после 166>, 167–168, <после 168>, 169–176, <176 об.>, 177–190 // 1–58.
141–144 (6–9) /// (макабрический) рисунок (1–2), 3–4

136 (1): 14.5.69
141 (6): слова в мае 69 года 10.5.69
142 (7): 12.5.69
145 (10): из-за тех же ключей в яме 20.9.69
148–149 (13–14) /// Заработал старый испытанный ракурс 7 30.10.63 (все фразы на с. 148 на тех же местах, что и на след. странице)
155–157 (20–22) /// ученица гипнотизера 1–3 (внизу страницы)
158–160 (23–25) /// Спичка, удачно зажженная на сильном ветру /Из книги «Ураган»/ (1), 2–3
158 (23): 12.4.59
161 (26): Кто что о ком сказал 2.6.58
162 (27): Пионеры собирают макулатуру 1.10.65
163 (28): Что такое аспидистра? 5.6.69
164 (29), 168 (34), <после 168> /// 58-й номер с углом влево 2., 1, (б/н)
<после 166> (32) /// 6 дубль le pouvoir plus l'electricite
167–168 (33–34) /// Холера или чума: такой выбор 3, 1
168 (34): 24.6.69
170 (37): разрезать 20.6.69
171 (38): мы читали вслух 20.6.69
172 (39): Пролетка завернула к малому театру 22.6.69
173–174 (40–41) /// тавтология 5–6
178 (46): ящик Пандоры (начало *макабрической метафоры*?)
179–186 (47–54) /// макабрическая метафора 2–9
187 (55): Лошадь у озера в жаркий день 26.6.69
190 (58.): 20.9.69 (как в начале)

(д. б. 6, м. б. пропала обложка?) знак против дурного глаза 30 стр
191–221 // (1)–30, т. е. на самом деле 31 с. (+ 26 дубль)
191: 3.6.69
206 (16): Room at the top 24.7.66
213–214 (23–24) /// 14–13 PS
215 (25): 5.6.69

216–217 /// 26 дубль и 26 (на этих страницах одинаковые фразы, но в разном расположении)

218–219 /// 27 дубль и 28 дубль 4 (здесь «дубли» не могу объяснить)

7) снимается святая Русь 15 стр (на титуле только номера 222 и 7).

223–236, 238 // 1–4, ключ забыл, 5–14 (15 с. машинописи)

+ 237 об., 238 об., 239 об. — 3 с. рукописи (237 — копия 238, снимаем; 239 — пустая)

226 (4) /// Потребитель 2

227 /// ключ забыл

236 (13), 238 (14) и 239 об.: 8.7.69

8) старая развалина тоже туда же 20 стр

241–259 (еще <244 об.>) // 1–20

245 (6): История испанской инквизиции 11.6.69

246 (7): 11.6.69

258 (19): Мягкая посадка на Венеру 12.5.69

259 (20): Еще одно сочинение неопределенного содержания 16.4.69

9) какая звезда, такая и езда 7 стр

260–266 // 1–7 le pouvoir plus l'electricite (внизу)

<перед 167> (32) 6 дубль le pouvoir plus l'electricite ≈ 265 (6) (не копия)

10) она не арестована 16 стр

267–282 // 21–36

11) для чего существуют дельфины[1] 10 стр

284–293 и посл. // 1–10

---

[1] Ср. конец с. 241.

«Письмо хабаровскому резиденту» (3 стр.)

(1), 2–3

(1): 4.4.62

«Удар» + «Печать № 5» 24 стр

<13>–<16> // 1417–1420 (1416 страниц изъяты при обыске, а это продолжение)

<1>: 13.2.62

<3>, <4>: 14.2.62

<5>: 20.2.62

<7>, <9>: 22.2.62

<10>, <12>: Печать № 5 7.3.62

<16> (1420): 11.3.62

<22>, <23>: 5.7.62

«Дорога»

<1>: 14 стр (на самом деле, если считать вместе с вставленным письмом к Асаркану от 8 января 1955, здесь опущенным, то 13 стр.)

<10>–<12> // (1)–3

<10>, <12>: 24.6.63

«Тоже начинается с двух экземпляров» («Человек-невидимка»)

1: человек-невидимка 14 стр

1–14. машинопись

+ рукописн. записи на оборотах страниц: 4–14 + 1 с. в конце и обл. = 27 стр.

6: Киму Хадееву письмо я написал 6 сентября 1966 года

«Он ушибся об мировую литературу»

1–21
9–19 // Табу ретка 11 стр
20–21 // (1)–2
1: 18.1.67
2: 8.9.66
3: 16.1.67
7: 17.1.67
10 (2): 25.11.65
11 (3): 5.12.65

«En Faute de Mieux» 20 стр

1–20.
1–6 // 1–4, 7–8 слева
8–11 // En Faute De Mieux, encore 4 pages (1–3); Я делаю вид, что ничего не случилось (I pretend that nothing happened, 1–2, 4)
12–13 // 5–6 The lessons of «The Rough Copy» (уроки «Черновика» /1967/);
15 // поплавок на сильном течении 4 или 5
16 // 2
3 (3): 12.3.70
5 (7): 30.6.70
6 (8): 2.7.70
8 (1), 11 (4), 12 (5): 31.8.70
14: макабрический рисунок 16.5.69
19: 16.5.69

«Литература начинается с двух экземпляров»

«65 листов» на титуле — ?
машинопись 21 стр.:
7 стр. с датой в нач. и в конце, 1–7.

литература начинается с двух экземпляров 8–14. (+ 14 об. = 8 с.)

с. 15 (на перфокарте) и 5 с. маш. б/п.

чередуется с рукописью 12 с. [у нас на с. 411 (внизу), 413, 415 (вверху), 416 (2 с.), 418, 419, 421 (2 с.), 423, 434–435.]

21 с. маш. + 12 с. рук. = 33 стр.

2 на с. 10 непонятная — либо 3, если считать от с. 8, либо «с 2 страниц нач. лит.»

<19>: повтор. 56-й стр. и <20>: повторяет 55 стр. — ?

<14 об.>: в прав. нижн. углу: врем. пагин. в кармане / 28.9.73 / 24 стр. в кармане — ?

<перед 1>: Scribbledehobble 1972; в «Записках покойника» Павла Улитина 15.8.74

1, 7: 22.3.72

8: 1.6.73

<после 15>: 8.7.72

<16>: 22.1.73

<17>: 17.12.72

«Чужой рассказ» (43 стр. 1978)

(вместе со с. 457–458 будет 45)

в отличие от других текстов, в оригинале на листах А4.

1–43.

13–16 // 2–5

18–21 // (1)–4 Что осталось за пределами сновидений

2: 13.1.78

6: 18.1.78

7: 20.1.78

10, 11: 22.1.78

457: 28.11.75

458: 29.12.77

24, 25, 30: 14.8.78

35: 18.8.78

УКАЗАТЕЛИ

Тексты ПУ, упомянутые в книге[1]

[1] Не всегда понятно, текст это или персонаж (Пижон из гостиницы «Эклер», Художник-мушкетер); текст или происшествие (Наводнение на Неглинной); текст или понятие, метод письма (Джеймс Джойс по-русски, Ритуал, Старая стенограмма); текст или цитата (Кусок Лондона)…
[2] Изъятое 7 февраля 1962.

К методам работы с текстами и их организации, очевидно, относятся:

Исторические личности[1]

[1] Надо иметь в виду, что и имена и названия часто употребляются не в прямом значении, а обозначают знакомых ПУ, его тексты и т. п. Там, где это явно, мы ставим звездочку.

Родственники, друзья, близкие знакомые

Земляки, знакомые и др. упомянутые, в т. ч. криптонимы[1]

[1] В иных случаях вроде криптоним, в других м. б. название текста.

ИФЛИ, ин-яз, литературоведы и переводчики

Авторы и цитаты

Кино

Театр

Музыка

Художники

Топонимы

ИЛЛЮСТРАЦИИ

На вкладках фотографии Улитина совмещены с листами его рукодельных книг-объектов.

Датировка фотографий в порядке расположения:

1-я вкладка:

1) 1950.

2–3) Фотография на зачетной книжке — 1936.

4) Фотография на справке об освобождении — 1954.

6–7) Вторая половина 1950-х. На первой фотографии Павел Улитин и Л. А. Улитина.

8, 11, 12) 1960, фото Я. Кагана.

9–10) Конец 1950-х.

2-я вкладка:

1) Фото на паспорт: 1976.

2) 1960, фото Я. Кагана.

4) На вокзале — 1955: А. А. Асаркан, Ю. А. Айхенвальд и В. М. Герлина встречают Улитина, вернувшегося из заключения.

6–7) 1960, фото Я. Кагана.

8) Середина 1960-х.

10–13) В квартире Улитиных, 1983. Фото Эймона Хелли.

Авантитул: 1960. Фото Я. Кагана.

Контртитул: Павел Улитин. 1983. Фото Эймона Хелли.

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Улитин

ЧЕТЫРЕ КВАРКА

и другие тексты

Дизайнер *Е. Поликашин*
Редактор *И. Ахметьев*
Корректоры *Е. Иванова, С. Крючкова*
Верстка *Д. Макаровский*

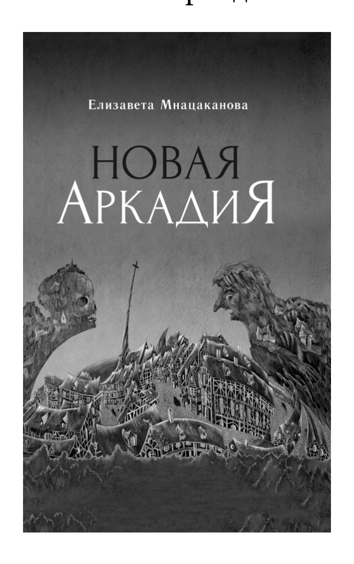
Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО Редакция журнала
«Новое литературное обозрение»
Адрес редакции: 123104, Москва, Тверской бульвар, 13, стр. 1
Тел./факс: (495)229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
http://www.nlobooks.ru

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 20,75. Тираж 1000. Зак. №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
„Ульяновский Дом печати“»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

в серии: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕРИЯ

Елизавета Мнацаканова
Новая Аркадия

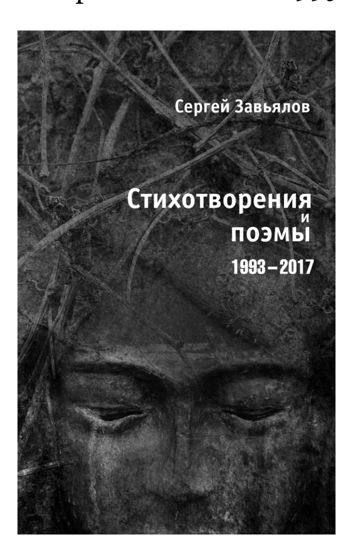

Елизавета Аркадьевна Мнацаканова (р. 1922) — поэт, переводчик, эссеист, музыковед. Родилась в Баку. С 1945 года жила в Москве. Училась на филологическом факультете МГУ, закончила Московскую консерваторию и аспирантуру при ней, автор книг и статей о творчестве Моцарта, Брамса, Малера, Прокофьева. Переводила немецкую и австрийскую поэзию (Гёльдерлин, Тракль, Целан, Бахман и др.). С середины 1960-х экспериментирует с соположением вербально-графического и живописного текста. С 1975 года в Австрии, 15 лет преподавала русскую литературу в Венском университете. Пишет по-русски и по-немецки. Графика Мнацакановой выставлялась в венском музее «Альбертина». Премия Министерства образования и искусств Австрии за переводы (1987), Международная отметина им. Давида Бурлюка, Премия Андрея Белого (2004). Настоящее издание предлагает наиболее полный срез творчества поэта, начиная с завершенной в Москве «Книги детства» (1972–74) и заканчивая созданной уже в Вене семичастной композицией «JELMOLI» (2006).

в серии: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕРИЯ

Сергей Завьялов

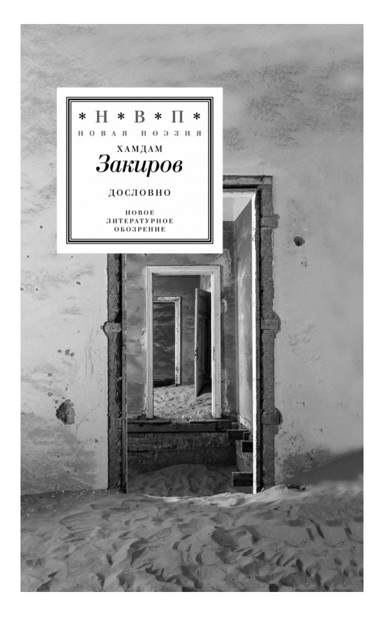
Стихотворения и поэмы 1993–2017

Сергей Завьялов (р. 1958) дебютировал в ленинградском самиздате 1980-х, входил в Клуб-81. По образованию филолог-классик, долгие годы преподавал древнегреческий и латинский языки, а также античную литературу, впоследствии читал лекции по истории русской поэзии XX века, в том числе в Петербургском и Цюрихском университетах. Эссе, посвященные советской и финно-угорской проблематике, печатались в журнале «НЛО». Отдельными изданиями, в антологиях и периодике стихи и поэмы Завьялова вышли в переводе на 15 языков. Лауреат Премии Андрея Белого (2015) и Пьеро Бигонджари (Пистойя, 2016). Живет в Швейцарии.

в серии: НОВАЯ ПОЭЗИЯ

Хамдам Закиров
Дословно

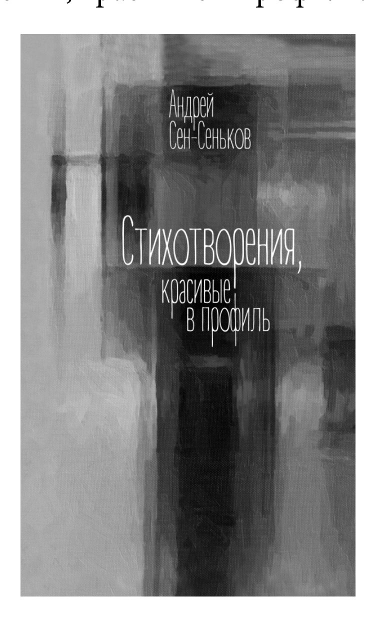

Хамдам Закиров (р. 1966) детство и юность провел в Фергане. Учился в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф. Дзержинского в Ленинграде, в Ташкентском и Ферганском университетах. Работал корреспондентом и редактором газет, завлитом театра, сотрудником музея, владельцем букинистического лотка на рынке. С 1994-го по 2001 год жил в Москве, затем в Финляндии. В 1996 году в библиотеке «Митиного журнала» вышла книга стихов «Фергана». Публикации в российских и зарубежных русскоязычных изданиях. Переводы на английский, венгерский, испанский, итальянский, латышский, немецкий, финский, французский, эстонский. Изданы книги стихов в переводах на эстонский (2015) и финский (2016). Куратор интернет-проектов «Библиотека Ферганы» и «Русская Кавафиана». Живет в Хельсинки.

в серии: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕРИЯ

Андрей Сен-Сеньков

Стихотворения, красивые в профиль. Избранное

Андрей Сен-Сеньков родился в 1968 году в Таджикистане. Окончил Ярославскую медицинскую академию, жил в Борисоглебске Воронежской области, с 2002 года в Москве. Работает врачом, специалист по УЗИ-диагностике. Первую книгу стихов «Деревце на склоне слезы» выпустил в 1995 году в серии «Библиотека молодой литературы» Союза молодых литераторов «Вавилон», за ней последовали одиннадцать книг стихов, малой прозы и визуальной поэзии, книга сказок для детей, восемь книг стихотворных переводов. Лауреат Тургеневского фестиваля малой прозы (2006), в 2006, 2008 и 2012 годах входил в короткий список Премии Андрея Белого. Стихи Сен-Сенькова переведены на 25 языков, книги избранных стихотворений выходили в США (премия американского ПЕН-клуба за лучшую переводную поэтическую книгу года), Сербии, Италии и Нидерландах.

в серии: НОВАЯ ПОЭЗИЯ

Арсений Ровинский

Незабвенная. Избранные стихотворения, истории и драмы

Арсений Ровинский родился в 1968 году в Харькове. Учился в Московском государственном педагогическом институте, служил в армии. С 1991 г. в Дании, живет в Копенгагене. Дебютировал в российской печати в 1997 году (журнал «Соло»). Участвовал в сетевом литературном конкурсе «Тенёта» (1998, специальный приз от Михаила Айзенберга), на основании конкурсной подборки выпустил в 1999 году первую книгу стихов «Собирательные образы». За ней последовали сборники «Extra-dry» (2004), «Все сразу» (2008, вместе с Л. Швабом и Ф. Сваровским), «Зимние Олимпийские игры» (2009), «Ловцы жемчуга» (2013), публикации в альманахе «Вавилон», журнале «Воздух», антологиях «Девять измерений» и «Освобождённый Улисс». Короткий список премии Андрея Белого (2005).